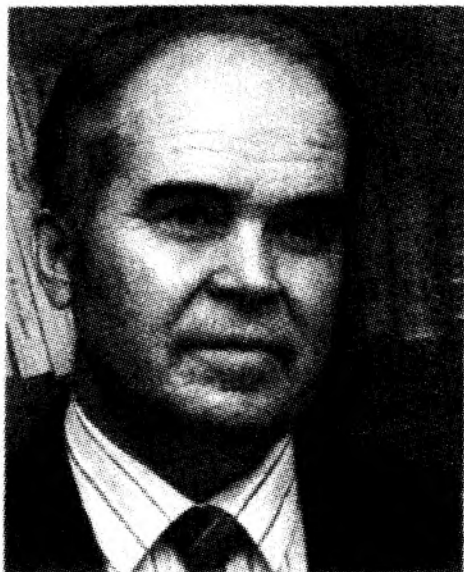

ТРОЦКИМ

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ (1928—1995) родился в Забайкалье, в станице Мангут. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник. Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке. Д.А.Волкогонov окончил танковое училище, Военно-политическую академию. Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был уволен за демократические взгляды. Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории». Возглавлял Комиссию при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Автор более 30 книг по философии, истории, политике. В 1996 г. трилогии Д.А.Волкогонова «Вожди» в шести томах («Сталин», «Троцкий», «Ленин») присуждена государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. «Троцкий» — вторая часть трилогии.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ДМИТРИЙ
ВОЛКОГОНОВ

ТРОЦКИЙ

КНИГА I

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новости
Москва
1998

УДК 947
ББК 66.61(2)8
В67

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Рецензенты
член-корреспондент РАН Ю.А. Поляков,
доктор исторических наук, профессор Ю.И. Кораблев

В книге использованы фотографии из Центрального музея
Революции, Центрального государственного архива
кинофотодокументов, архивов
Издательства “Новости” и РИАИ.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Волкогонов Д.А.

В67 Троцкий. – Политический портрет. – В 2-х книгах.
– Кн. 1. – М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”, АО
«Издательство “Новости”», 1998. – 416 с. – (Всемир-
ная история в лицах).

ISBN 5-237-00973-5 (АСТ)
ISBN 5-7020-0216-4 (Новости)

Лев Троцкий погиб более полувека назад от руки сталинского агента. Но что же такого было в этом “герое революции”, оракуле и пророке “мирового пожара”, что делало его, давно бежавшего из СССР, по-прежнему опасным для Сталина? Почему соперничество двух вождей большевизма приняло столь трагический оттенок и имело столь страшные последствия для всей страны? Что привело Троцкого в ряды революционеров? Какова судьба его семьи? Что стояло за странной историей Брестского мира? В чем вообще заключается “парадокс Троцкого”? Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает эта книга, основанная на подлинных документах, значительная часть которых до недавнего времени хранилась в засекреченных архивах НКВД–КГБ...

© Д.А. Волкогонов, 1992

© Оформление.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1998

© АО «Издательство “Новости”», 1992

Бесспорно, Л.Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...

Н.Бердяев

ВМЕСТО
ВВЕДЕНИЯ

Судьба революционера

*Личная судьба есть и у Л.Троцкого,
и он напрасно хочет скрыть ее горечь.*

Н.Бердяев

... **Б**ронированный поезд шел к Киеву. Тяжело громыхая на стыках рельсов и на стрелках у редких станций, он мчался в ночи к украинской столице. В одном из вагонов в середине состава не спали. В просторном салоне было несколько кожаных кресел, такой же диван, продолговатый стол в центре и небольшой, с телефонными аппаратами на нем, — в углу. У бронированной щели окна стоял человек среднего роста, с бородкой, усами, в расстегнутом френче и сапогах. Над высоким, большим лбом вздымалась пышная шевелюра, уже слегка тронутая заморозками седины. Характерный римский нос оседлало изящное пенсне, за стеклами которого поблескивали живые ярко-голубые глаза. Человек вглядывался в черноту ночи, тщетно надеясь увидеть признаки жилья. Огромная, растерзанная страна лежала не только в руинах, но и в сплошном мраке. Шел 1919 год...

За столом с пером в руке сидел молодой человек в фланелевой солдатской рубашке. Рядом лежали телеграммы из 3-й и 5-й армий Восточного фронта, наступавших на Tobол. Южная группировка фронта успешно продвигалась в направлении Туркестана. Скупые строки донесений подтверждали: с адмиралом Колчаком скоро будет покончено. Путь на восток будет свободен. Но не эти вопросы занимали находящегося в салоне человека. Секретарь быстро записывал фразы: "Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера еще стояло на втором..." Помолчав и выразительно взглянув на секретаря, он продолжил: "Иным представляется положение, если мы станем лицом к востоку..." Фразы текли из уст уверенного в себе человека, который, казалось, был способен сквозь полог летней ночи видеть далеко за горизонтом: "Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжи-

дания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским направлениям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может наша армия, которая на европейских весах сейчас еще не имеет крупного значения...”

Уверенно балансируя на полу грохочущего вагона, человек во френче перешел в центр салона и сел в кресло.

— Добавьте к последней фразе: “...разумеется, операции на востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Вся ту рабочую силу, которую мы собирались тратить на рабочие поселения в Донской области, необходимо сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов...”.

Загораясь от грандиозного плана, человек в пенсне не останавливаясь говорил, говорил: “...нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне по независящим причинам от работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь...”.

— Лев Давидович, помедленнее, я не успеваю, — поднял голову на диктующего секретарь с умными, усталыми глазами.

— Ну что ж, помедленнее — так помедленнее...

Диктовка “Записки в ЦК РКП” продолжалась. Ее автор не просто высказывал общую потрясающую стратегическую идею революции, но и максимально ее конкретизировал: нужно создать “конный корпус (30 000 — 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию”. Грандиозность замысла поражала воображение самого творца: “Путь на Париж и Лондон лежит через горюда Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж Советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо деспособнее Исполкома III Интернационала... Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации...”

— Все? — вопросительно посмотрел на диктующего секретаря.

— Нет. Добавьте: "Настоящий доклад имеет своей задачей привлечь внимание ЦК к поднятому вопросу". Вот сейчас — все. Поставьте подпись: "Лев Троцкий, 5 августа 1919 г."¹.

Диктовал "Записку в ЦК РКП" Председатель Реввоенсовета Республики, наркомвоенмор, член Политбюро Лев Давидович Троцкий. Записывал его верный секретарь Николай Сермукс. За свою жизнь Троцкий написал и продиктовал около 30 тысяч документов, подавляющее большинство которых сохранилось в самых различных архивах. Фрагменты "Записки", которые я привел выше, как и большинство других документов, ярко характеризуют эту незаурядную личность.

Почти все, что написал или сказал Троцкий, связано с русской и мировой революцией. Он был ее певец и оракул. "Нужно использовать этот момент... и создать политический и военный штаб азиатской революции". Такие люди — русские якобинцы — считали нормальным, естественным и обязательным вызывать революцию и "пришпоривать" ее. Троцкий предлагает партии новую стратегию Республики — "стать лицом к востоку", ибо "путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...". Он говорит о необходимости подготовки конного корпуса численностью в 30 — 40 тысяч человек, для того чтобы "бросить его на Индию", и это в то время, когда весь запад и юг России в огне. И Троцкий это знает. Знает также, что Индия — "уязвимое место" английского империализма. 5 августа он предлагает "сделать ареной восстаний Азию", а на другой день по прямому проводу сообщает Председателю Совнаркома В.И. Ленину о критической ситуации на юге и требует созыва Политбюро ЦК, чтобы одобрить меры, предлагаемые Реввоенсоветом Республики, по преодолению "грозной опасности"².

Даже оказавшись в почти безвыходной ситуации, загнанный в бетонную ловушку Койоакана, этот человек все равно будет бредить "мировой революцией". По революционной тропе, оставившей глубокие шрамы на Земле, прошли тысячи, миллионы людей. Следы подавляющего большинства стерты временем и исчезли навсегда. О Троцком же сегодня спорят и говорят, как и 70 лет назад. Говорят с ненавистью и почитанием, злобой и восхищением. Человек необычной судьбы никого не оставляет равнодушным. Не предвосхищая того, что будет сказано в книге, хотел бы определенно заявить в самом ее начале: портрет Льва Троцкого нельзя написать ни голубым, ни чер-

ным цветом. Для изображения этого удаленного от нас временем профиля нужен весь богатый спектр красок. Эволюция общественных оценок известнейшего революционного деятеля, подобно маятнику, описала полную дугу: от восторженного прославления великого вождя мировой революции до предания его анафеме, и наконец она приходит к спокойному и объективному восприятию яркой, сложной и неоднозначной личности, которая заняла свое место в галерее исторических портретов.

Судите сами, вот лишь некоторые оценки, отражающие веки судьбы революционера, которые были высказаны в разное время.

"Пролетарский поэт" из Новгорода Н.В.Зарницын в феврале 1922 года шлет в московские газеты и Троцкому, "вождю Красной Армии и мировой революции", стихи:

*В твоей душе, как в огневой стихии,
И бури стон, и ярых волн разгул.
Ты — пролетарский сын разгневанной России,
В твоих словах Коммуны слышен гул.*

*В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке и Берлине,
Во всех столицах речь твоя слышна.
Но ярче звук ее в твоей родной долине,
Где революция багряна и пышна!*

Подобные вирши, статьи и заметки в центральных, красноармейских и зарубежных газетах (а их было много) отражали восхищение многих людей "вождем революции".

Вероятно, первой биографической книгой о русском революционере стала работа Г.А.Зива, его старого школьного товарища, который уже в 1921 году в Нью-Йорке выпустил небольшую книгу "Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям)"⁴. Были и официальные биографии. По постановлению ЦК (в мае 1924 г.) была подготовлена биография "Бронштейна (Троцкого) Льва Давидовича, с кличками "Львов", "Н.Троцкий", "Яновский", литературными псевдонимами "Антид Ото", "Тахоцкий", "Неофит" и другими". Пятистраничный официоз сопровождается партийной справкой: "Биография тов.Троцкого и перечень его литературных работ составлены тов.Бошем по поручению Истпарта (отдела ЦК по изучению истории партии и Октябрьской революции. — Д.В.) и предназначены для хранения в Истпарте в Секретном отделе, откуда они будут выдаваться научным работникам"⁵.

Эти первые биографии достаточно спокойны и поверхностны. В них схвачены лишь внешние факты жизни Троцкого, но

скрыто главное в портрете революционера: одержимый ложной идеей мощный интеллект.

Через полтора десятилетия образ Троцкого предстанет уже зловещим, кровавым, отвратительным, особенно в официальных документах. В докладе И.В.Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) троцкисты, как и сам "главарь" течения Троцкий, характеризуются как "оголтелая банда вредителей, шпионов и убийц"⁶. В советской печати тех лет Троцкий изображался как средоточие всех зол и пороков — от шпиона до растлителя душ. Столько хулы, сколько за последние полвека выпало на долю Троцкого, думаю, не доставалось никому.

Постепенно эта мгла хулы рассеивается. Неудивительно: вместо старых мифов и нелепостей появляются новые, вроде тех, что Троцкий был кровожадным маньяком, человеком, жаждавшим только личной власти, что он во всем был предтечей Сталина.

Прошло немало лет, прежде чем о Троцком заговорили объективно — как о личности, которая символизирует не только радикализм коммунистической Идеи, ее бескомпромиссность и утопичность, но и трагедию реализации большевистских программ. Троцкий стоял у истоков создания Советского государства, был одним из главных архитекторов советской тоталитарной бюрократической системы, которая сейчас столь болезненно демонтируется в гигантской стране.

Судьбе было угодно так распорядиться, что Троцкий смог синтезировать в себе непоколебимую веру в коммунистические идеалы и преступную беспощадность пролетарской диктатуры, смог стать одним из вдохновителей красного террора и его жертвой. Думаю, что Троцкий — уникальный индивидуум в том смысле, что соединил в себе как некоторые привлекательные черты русских революционеров, так и крайне отталкивающие, те, что характеризуют большевизм.

Еще на рассвете века Троцкий прочел провидческие строки неукротимого бунтаря Кропоткина: "Каждый революционер мечтает о диктатуре, будет ли это "диктатура пролетариата", т.е. вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты... Все мечтают о революции как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных трибуналов... Все мечтают о завоевании власти, о создании всесильного, всемогущего, всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и мил-

лионов разного рода чиновников... Все революционеры мечтают о "комитете общественного спасения", целью которого является устранение всякого, кто осмелится думать не так, как думают лица, стоящие во главе власти... Наконец, все мечтают о том, чтобы ограничить проявления инициативы личности и самого народа... чтобы народ избрал своих вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99 процентов из тех, кто называет себя революционерами". В книге Кропоткина из библиотеки Троцкого, составленной для него А.Бутовым, этот большой кусок текста подчеркнут, а на полях стоит вопросительный знак. Возможно, сия мета сделана Троцким. Но поразительно, что он и его сортарищи по большевистскому руководству, осуждая на словах умозаключения, подобные кропоткинским, последовательно действовали в соответствии с этой методологией.

Задумав написать триптих "Вожди", а конкретнее — три политических портрета: Ленина, Троцкого, Сталина, я понимал, что эти три человека исторически дополнили друг друга. Ленин выступил в русской революционной истории в роли вдохновителя, Троцкий — возмутителя, а Сталин — исполнителя. Сквозь призму судеб этих личностей чрезвычайно рельефно видны коллизии, зигзаги и трагедия русской, да и всей советской истории. Представляется, что в данном случае биографический метод оказывается особенно эффективным, позволяя через личностную ткань человеческого бытия всесторонне рассмотреть целый исторический слой времени.

Согласно Плутарху, Провидение предопределяет судьбу каждого человека. Деяния людей, по разумению древнего мыслителя, "находятся под надзором и руководством демонов или гениев". Похоже, что божий промысел повелел так, чтобы Рок, как непреложный закон судьбы Троцкого, испрашивал совета как у "гениев, так и у демонов". Может быть, поэтому Лев Давидович, один из "выдающихся вождей", как назвал Ленин (который тоже считался бесспорным вождем) Сталина и Троцкого, сочетал в себе масштабный острый интеллект и приверженность революционному насилию, способность к поразительным пророчествам и упорство в роковых заблуждениях.

Судьба Троцкого по самым требовательным меркам необычна. Она и сегодня волнует, тревожит, потрясает. Троцкий был рано замечен и обласкан славой и известностью. Ему довелось спорить, восхищаться, общаться с выдающимися людьми своей эпохи: Каутским, Плехановым, Адлером, Парвусом, Мартовым, Даном, Аксельродом, Лениным, Фрунзе, Бухари-

ным, Каменевым, другими крупными личностями, оставившими свой долго не теряющийся след на пыльных ступенях пирамиды исторического прогресса.

Троцкий пережил много триумфов. Почти как Божественный Юлий. А может, и больше. Как писал Гай Светоний, "первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним — александрийский, затем — понтийский, следующий — африканский и, наконец, — испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством". Самый крупный триумф Троцкого был в октябре 1917 года. Революционер, похоже, привык к победам, казалось, что так будет долго, если не всегда. Но уже вскоре после окончания гражданской войны Троцкий почувствовал себя едва ли не лишним в повседневности начавшихся серых будней. Все говорило: этот человек был как бы создан для переломов, взрывов, крушений, пожаров, для межконтинентальной славы. Но мировая революция "споткнулась". Даже "азиатская" не получилась. Начались трагедии, которых выпало на долю Троцкого так много, как будто они предназначались целому революционному легиону.

Лишение всех постов, ссылка, депортация, скитания по планете в надежде найти спасение от сталинских агентов сопровождалась насильственной смертью почти всех родных и близких, множества соратников. С клеймом "троцкист" погибали не только действительные соратники и сторонники Троцкого, но и миллионы его соотечественников, лишь заподозренных в какой-то нелояльности диктаторскому режиму. Учитывая, сколь масштабная сталинская охота шла на него, удивительно, что сам Троцкий смог прожить после депортации еще целое десятилетие. За два месяца до своей трагической гибели он написал: "Я могу сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения"⁸. Судьба этого революционера — феерический, стремительный взлет на гребень всемирной славы и долгая, долгая драма борьбы, разочарований, надежд, закончившаяся последней трагедией в Мексике.

Правда, сам Троцкий, всегда смотревшийся в зеркало истории, не считал свою жизнь трагической. Во всяком случае, находясь на Принкипо в 1930 году.

— Ну а как же насчет вашей личной судьбы? — слышу я вопрос, — пишет революционер, — в котором любопытство сочетается с иронией... Я не меряю исторического процесса метром личной судьбы... Я не знаю личной трагедии. Я знаю смелую двух глав революции⁹.

Позволю себе не согласиться с Львом Давидовичем. Про-

сто Троцкий, будучи крупной исторической личностью, умел достойно проигрывать и не утрачивать надежды. Он рано понял, что для истории его поражение, возможно, будет выглядеть достойнее иной победы.

Троцкий написал множество очерков, статей, книг, "политических силуэтов", эссе, манифестов, заметок, репортажей. Для своих биографов он оставил богатейшее по объему и разноплановости наследие. Как вспоминала Наталья Седова-Троцкая, в планы ее мужа входило написать еще ряд крупных книг. Но "повседневные события... отодвигали эти работы на второй план. Труд о Сталине ему был навязан посторонними обстоятельствами: материальной необходимостью и его издателем. Лев Давидович не раз хотел написать "ходовую" книгу, как он говорил, чтобы *заработать* на ней и отдыхать потом, на работе над интересующими его темами. Но это у него не вышло, он *не умел* (курсив мой. — Д.В.) писать ходовых книг..."¹⁰.

Троцкий — один из первых государственных деятелей, который максимально использовал интеллектуальный потенциал своих многочисленных секретарей, о чем будет сказано дальше. Каждое его выступление, импровизированная речь, указание тщательно стенографировались, записывались, печатались. Не случайно 21 том его сочинений, которые успели выйти в СССР к 1927 году (правда, с пропуском нескольких томов), содержит главным образом его доклады, речи, публицистику*. Его труды, изданные у нас до депортации, — это важная составная часть литературного наследия Троцкого, позволяющая написать его портрет.

Другой, вероятно более важный, источник, помогающий описать "невидимые" в значительной мере стороны его облика, содержится в архивах. Возможно, я являюсь одним из очень немногих исследователей, которому удалось ознакомиться не только с зарубежными фондами архивов Троцкого (Хоттонгской библиотеки Гарвардского университета, где находится

* Прошло более 60 лет, прежде чем было снято "табу" на публикацию произведений Троцкого в Советском Союзе. В 1990—1991 гг. были изданы: "История русской революции" (Москва, Политиздат), "Политические силуэты" (Москва, издательство "Новости"), "Сталин" (Москва, СП "Терра" и Политиздат), "Сталинская школа фальсификаций" (Москва, издательство "Наука"), двухтомник "Моя жизнь" (Москва, издательство "Книга"), "Литература и революция" (Москва, Политиздат, 1991). Надеюсь, что этот список будет продолжен.

около 20 тысяч документов Троцкого, включая три тысячи писем; Международного института социальной истории в Амстердаме, располагающего более чем тысячью писем разных периодов, в том числе перепиской Ленина и Троцкого; частью документов из крупной коллекции Б.Николаевского в архиве Гуверовского института), но и с обширными, полностью закрытыми до недавнего времени материалами в спецхранах советских архивов. Это прежде всего фонды бывшего Центрального партийного архива, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального архива Министерства обороны, Центрального архива Комитета государственной безопасности и некоторых других. Подавляющее большинство документов, приведенных в настоящей книге, публикуется впервые. Кроме того, я смог ознакомиться с рукописными вариантами ряда книг Троцкого, что позволило глубже проникнуть в лабораторию его литературного творчества.

Еще одним важным источником для написания портрета явились те сведения, которые предоставили мне родственники Л.Д.Троцкого, чудом уцелевшие и выжившие в атмосфере сталинских кошмаров, а также лица, встречавшиеся с русским революционером или лично знавшие его. Мне бы хотелось в этой связи выразить свою признательность племяннице Троцкого *А.А.Касатиковой*, его внучатому племяннику *В.Б.Бронштейну*, жене младшего сына Сергея — *О.Э.Гребнер* и другим родственникам. Интересные детали, фрагменты жизни, черты характера и личности помогли полнее представить: одна из стенографисток Троцкого *Н.А.Маренникова*, один из секретарей Сталина *А.П.Балашов*, люди, соприкасавшиеся в разной степени с семьей Троцкого и им самим, — *Н.А.Иоффе*, *Д.Т.Шенилов*, *А.К.Мионов*, *В.М.Поляков*, *Н.Г.Дубровинский*, *Д.С.Златопольский*, *Ф.М.Назаров*; последние уцелевшие "троцкисты" — *И.И.Врачев*, англичанин *Стюарт Кирби*, недавно умершая жена Исаака Дейчера (самого крупного, по моему мнению, биографа Троцкого) *Тамара Дейчер* и некоторые другие лица, которым я приношу сердечную благодарность за бесценные для книги и истории свидетельства.

Я также имел возможность общаться с крупными работниками советских органов госбезопасности, знающими о трагедии революционера не понаслышке. Это прежде всего *П.А.Судоплатов*, *Е.П.Питовранов*, *А.Н.Шелепин* и другие. С конца 20-х годов и до 20 августа 1940 года, когда по приказу Сталина Троцкий был ликвидирован, спецслужбы СССР (ГПУ,

ОГПУ, НКВД) постоянно держали его под неусыпным наблюдением. НКВД об изгнаннике знал неизмеримо больше, чем мог предположить депортированный революционер. Сталину регулярно докладывалось обо всех шагах, предпринимаемых лидером IV Интернационала, на столе генсека нередко появлялись материалы Троцкого, которые еще только готовились к опубликованию!

Мне удалось ознакомиться с оперативной агентурной перепиской сотрудников НКВД, внедренных в окружение Троцкого. В своей книге я впервые привожу эти доселе совершенно секретные документы, которые проливают новый свет на многие неизвестные страницы его биографии. В процессе работы мне довелось многократно беседовать с лицами, осуществившими по заданию ЦК ВКП(б) ликвидацию Троцкого.

Работая над портретом, я, естественно, ознакомился и с обширной литературой о Троцком, вышедшей за последние полвека в Европе и Америке. Наибольшее впечатление производит крупный труд Исаака Дейчера, по моему мнению, написавшего наиболее объективную биографию русского революционера. Поражают усилия и научная продукция Юрия Фельштинского, много сделавшего для ознакомления научной общественности с работами Троцкого. Капитальная научная монография подготовлена английским ученым Барухом Кнеем Пацем, свой вклад в "троцковедение" внесли Дейл Рид, Майкл Якобсон, Джоэль Кармайкл, Исаак Левин, Дункан Халас, Херольд Нэлсон, Роберт Такер, Гарри Шукман, другие исследователи. Изучение жизни и деятельности Троцкого как политического деятеля и революционера в нашей стране началось сравнительно недавно. Заметный вклад в этот процесс внесли Ю.И.Кораблев, В.И.Старцев, Н.А.Васецкий, Ю.А.Поляков, П.В.Волобуев и некоторые другие ученые.

Подчеркну, что размышлять о судьбе и роли в отечественной и мировой истории трех русских "вождей" я начал давно, постепенно втянувшись в собирание малоизвестных в нашей стране и за рубежом материалов, фактов, публикаций и личных свидетельств. Очередность работы над портретами произвольна. Если следовать научной методологии, то вначале нужно было бы написать полотно о Ленине, затем о Троцком и закончить Сталиным. Получилось наоборот. Это не случайно. Книга о Сталине, который сейчас олицетворяет историческую неудачу Отечества, была подготовлена еще в 1985 году, когда честный критический анализ роли Ленина в нашей стране был просто невозможен и такая работа абсолютно не имела шансов

на публикацию. Представляется, что независимо от оценки, которую читатель даст данной книге, он не сможет не отметить, что это первая книга о Троцком, написанная на советских и зарубежных архивных документах одновременно.

Предубеждения против этого человека в советском обществе исключительно сильны и сейчас. И хотя я постоянно следовал лишь одному принципу — говорить правду, рисовать объективную картину, руководствоваться только истиной и исторической логикой, у значительной части читателей и слушателей мое намерение написать книгу о Троцком воспринято как отступничество. Многолетняя массивная обработка общественного сознания сильно замусорила умы многих советских людей стереотипами "троцкизма", чему, надо сказать, способствует "позиция умолчания", занятая советскими властями после кончины Сталина. А в 1987 году снова появилась формула о крупной заслуге высших партийных кругов, одержавших во главе со Сталиным "победу над троцкизмом".

Еще не для всех ясно, что онтология марксизма в России имеет три основные ветви: ленинизм, троцкизм и сталинизм. Но все они произросли из общего корня. Всем им присуще (при крупных различиях) нечто общее: ставка на социальное насилие, уверенность в абсолютной верности лишь одной идеологии, убежденность в праве распоряжаться судьбами народов.

Подчеркну, что книга о Троцком — не политическая биография, а политический портрет. Основное отличие этих жанров мне видится в том, что, строго следуя историческим фактам, "портретист" вправе по своему усмотрению давать такую интерпретацию реальным событиям и процессам, какую может видеть не просто ученый, но и художник. Политический портрет от политической биографии, упрощенно говоря, отличается как художественное полотно от фотографии. Сходство того и другого бесспорно, но оно достигается разными средствами. К слову сказать, Троцкий был хорошим портретистом в буквальном смысле этого слова. Его перу (карандашу) принадлежат десятки набросков лиц из его окружения, знакомых, близких. Например, находясь на одном "скучном" заседании Политбюро накануне X съезда партии, он в течение нескольких часов набросал в своей рабочей тетради десяток эскизов портретов людей, окружавших его на этом собрании¹¹. Все они колоритны, рельефны, точны. Перо его было поистине универсальным.

В этой книге мне хотелось показать, какой может быть эволюция от свободы к несвободе, которая характеризовала прежде всего общественную мысль того времени. Все рус-

ские революционеры, и Троцкий в том числе, до свершения Октябрьской революции ратовали, например, за свободу слова. Казалось, так должно быть и впредь, когда большевики и левые эсеры завладели властью. Но... только казалось. Стоило М.Горькому заявить, что насилие большевиков — "это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции"¹², как тут же последовали жесткие санкции победителей не только к меньшевистской газете "Новая жизнь", где Горький поместил свое обращение "К демократии", но и ко всей свободной прессе. На заседании Совнаркома в декабре 1917 года, под председательством Ленина и в присутствии Теодоровича, Свердлова, Елизарова, Шлихтера, Сталина, Глебова, Бонч-Бруевича, Лаписса, Троцкий предложил более жестко "следить за буржуазной печатью, за гнусными клеветами на Советскую власть..."¹³. Борясь как будто за свободу, Троцкий и его соратники, как бы не замечая этого, все больше загоняли ее в резервацию, чтобы со временем возникли условия для полного ее уничтожения.

Значительно позже Н.Валентинов, который спустя годы напишет за рубежом сенсационные книги о В.И.Ленине, обратится к Троцкому со смелым письмом, в котором подвергнет аргументированной критике не только его, но и Ленина за путаницу в вопросах о судьбах государства и армии¹⁴. Реакция будет незамедлительной: Валентинов попадет в опалу.

В этих штрихах политического портрета Л.Д.Троцкого весь исторический парадокс большевизма. Провозглашая свободу как цель своей революции, большевики вместе с тем не замечали и не осознавали, что отбирали ее не только у "бывших", но и у тех, кого они обещали сделать "всем", у народа, поверившего им. Эту вечную ценность они вручили огосударствленной партии, затем — бюрократическому аппарату и наконец — диктатору. Троцкий до конца своих дней не понимал, что многие исходные пункты марксистской теории, которую он никогда не подвергал сомнению, глубоко ложны. Но именно ошибочные фундаментальные идеи этого учения о диктатуре пролетариата и классовой борьбе лежали в основе будущей трагедии. Абсолютизация этих постулатов (а Троцкий остался им верен навсегда) в конечном счете могла привести лишь к огромной исторической неудахе. Поэтому политический портрет Троцкого — это попытка взглянуть на судьбу свободы в России, судьбу, которая является, безусловно, трагичной.

В этой связи я хотел бы упомянуть о том художественном и философском приеме, который использован в книге. Каждая глава и вся книга в целом имеет эпиграф из произведений, вы-

сказываний, идей выдающегося русского мыслителя Николая Александровича Бердяева. И в самом тексте читатель не раз встретится с пророчествами замечательного философа и историка. Таким образом я старался сопоставить взгляды двух совершенно разных, но интеллектуально выдающихся личностей на одну общую, взаимосвязанную проблему: революция — мораль — человек. В этом заочном споре, а точнее, противопоставлении идей можно проследить борьбу двух начал: классово-политического и гуманистического. Едва ли стоит говорить, на чьей стороне в конечном счете осталась и останется историческая правда. Уверен: Бердяев поможет лучше понять Троцкого и феномен большевизма.

Возникает вопрос: знали ли Троцкий и Бердяев друг друга? Ведь они жили в одно время. Установить документально контакты этих совершенно разных выдающихся личностей не удалось. Хотя Троцкий встречался с дальними родственниками Бердяева в Киеве. Однако отношение этих людей друг к другу хорошо известно.

В своем эссе "Мережковский", написанном в 1911 году, Троцкий характеризует Н.А.Бердяева как "кокетливого философского фланера", склонного к "полумистике и мистике"¹⁵. Аналогичные обидно-снихождительные эпитеты содержатся и в ряде других статей Троцкого.

Не остался в долгу и Бердяев. Но он, не захваченный бесовством революционного ниспровержения, спокоен и интеллектуально изящен в своих метких оценках Троцкого.

Бердяев в страданиях пережил революцию. Возможно, это дало ему основание заявить: "Русская революция — отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может... Французская революция, признанная "великой", тоже была отвратительна и неудачна... Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью... Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков"¹⁶. Так, считал Бердяев, можно преодолеть последствия революции. Интуитивно он чувствовал, что в XX веке позитивные плоды могут дать лишь реформы, а не революции.

Скажу лишь, что для понимания большевизма, бюрократического абсолютизма, который возник вскоре в России, и для понимания самого Троцкого важны не только идеи Бердяева о русской революции, но и его непосредственные суждения об одном из ближайших соратников Ленина. В этой связи приведу

некоторые оценки "оракула" русской революции, сделанные Бердяевым.

Когда в 1930 году в Берлине вышла автобиографическая книга Л.Троцкого "Моя жизнь", Бердяев, обосновавшийся в Париже, тут же откликнулся небольшой, но поразительно глубокой статьей, позволяющей лучше понять не только Троцкого, но и причины катаклизмов в России.

"Книга написана для прославления Л.Троцкого, как великого революционера, и еще более для унижения смертельного врага его Сталина, как ничтожества и жалкого эпитгона... Бесспорно, Л.Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ..." Возможно, читатель согласится не со всеми оценками Бердяева, но я думаю, что они весьма полезны для "введения" в мир революционера. "Жизнь Троцкого, — пишет Николай Александрович, — представляет значительный интерес, и она ставит одну очень серьезную тему — тему о драматической судьбе революционной индивидуальности, тему о чудовищной неблагодарности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославленных создателей".

Бердяев, желая подчеркнуть парадоксальность образа Троцкого, прибегает к ярко гротескным суждениям: "Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении... Л.Троцкий — один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей..."¹⁷

Возможно, в чем-то суждения Бердяева слишком категоричны, но нельзя не признать, что Троцкий явно выделялся в ареопаге "вождей". Бердяев сумел с помощью Троцкого глубже проникнуть в тайны человеческих смут, интеллектуальных смятений и революционных потрясений. Русский революционер всей своей жизнью, но вопреки своей воле доказал эфемерность надежд и усилий в достижении вселенского, планетарного счастья, опираясь на насилие. Этот человек навсегда занял свое видное место в памяти людей и не будет поглощен пропастью Истории не только из-за необычности своей судьбы, но и из-за исключительности, парадоксальности, своеобразия ума, воли и чувств.

Троцкий остался в истории как первый коммунистический "вождь", выступивший против чудовищных уродств сталинизма. Он же в ней останется и как бескомпромиссный пророк коммунистической идеи и ее пожизненный пленник. Наконец, Троцкий, как бы к нему ни относились, своей жизнью подтвердил значение личности, имеющей свои идеалы. Человек, погибший в полночь эпохи, когда великая страна была еще далека от того, чтобы освободиться от сталинского похмелья, помогает нам постичь истоки многих трагедий советских людей. Сам троцкизм как течение марксизма не может рассматриваться как исключительно негативное идейное и политическое течение. Позитивная часть этого течения несомненна: последовательное неприятие сталинизма как разновидности современного тоталитаризма. С другой стороны, троцкизм как выражение лево-радикального марксизма порочен в своей основе, он не имел и не имеет будущего.

Когда Ленин в марте 1922 года направил секретное письмо членам Политбюро, в котором утверждал, что "если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок"¹⁸, Троцкий был с ним полностью согласен. В этом глубокая ущербность всего русского якобинства, одним из самых ярких представителей которого и был Лев Давидович Троцкий.

К его судьбе применимы слова Дмитрия Мережковского: "...величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось, как почти никогда не удастся чрезмерное..."¹⁹ Но какими бы печальными ни оказались результаты устремлений Троцкого, до последних своих дней он пристально вглядывался в туманную даль грядущего... До последних дней своей жизни он фанатично верил в пришествие красных колесниц мировой революции.

глава 1

У подножия века

*Революция еще раз подтвердила
горькость русской судьбы.*

Н. Бердяев

Г лавные вожди Октябрьской социалистической революции родились в царствование Александра II. Пожалуй, именно тогда уже начались едва ощутимые судороги самодержавия. Характернейшим симптомом было "динамитное убийство" царя-освободителя стараниями "Народной воли". Российская империя запаздывала, отставала в своем развитии от европейских государств, что еще рельефнее высвечивало многочисленные противоречия гигантской страны. Разочарование в монархии раньше других испытала малочисленная, но сильная духом интеллигенция. Рабочие, не оторвавшиеся от пушины земли, темные крестьяне все еще не утратили надежды и веры в "доброе царя". То было многовековой российской иллюзией*. И. М. Василевский, автор книги о последнем русском самодержце, писал: "Народ был угнетен всегда. Страна из рук вон управлялась плохо тоже всегда. Чиновники воровали, помпадурь-временщики безобразничали"¹.

Подножие XX века для Российской империи было скользким и смутным: ослабевала власть дворянства, давно прошедшего пик своего могущества, генерировал революционное недовольство крепнувший рабочий класс, в молчащем крестьянстве, придавленном безысходностью, таились потенциальные силы стихийного бунта. Передовая часть российской интеллигенции все больше инициировала в обществе свободомыслие мятежного духа. Она пыталась говорить от имени обездоленных, то взывая к просвещенным реформам, то проповедуя крайний радикализм, вплоть до индивидуального террора. Церковь, полиция, цензура всячески пытались укрепить трон. Однако проницательные люди в едва слышных подземных

* Она сохранилась до сих пор. Мы и сегодня говорим: в эпоху Сталина, во времена Хрущева, в годы Брежнева, привычно определяя время не по свершениям, хронологии, социальным параметрам, а по "царям". По-прежнему удачи или успехи (которые, правда, так редки) связываем с тем или иным лидером. Психология царизма, увы, еще жива. — Д.В.

”толчках” текущей истории чувствовали приближение времени больших перемен и потрясений. Как в феврале неуловимо пахнет грядущей весной, так и на грани веков в России смутно ощущалась предгрозовая атмосфера.

Кто мог знать тогда, что вслед за Лениным, Плехановым, Мартовым поднимется новая революционная поросль, которой будет суждено сыграть особую роль во всех актах драмы русских революций? Двадцатилетними встретили новый, XX век Лев Бронштейн и Иосиф Джугашвили, родившиеся с интервалом всего в полтора месяца. Придет время, и оба они будут апеллировать к Ленину, живому, а затем и мертвому, в поисках поддержки на революционном распутье. Троцкий будет доказывать, что для победы социализма в России нужна мировая революция. А Сталин, наоборот, будет говорить: чтобы свершить мировую революцию, нужно построить социализм в одной стране. Все это будет, все это впереди, а пока обратимся к дальним истокам появления одного из тех, кого Ленин в конце 1922 года назовет ”выдающимся вождем”. Готовя одну из своих статей, Троцкий подчеркнул написанную им фразу: ”Если личности не делают истории, то история делается через личности”². Сам он будет одной из таких личностей. Прошлое не всегда убеждает, но часто помогает понять настоящее и будущее.

Семья Бронштейнов

Судьба евреев в России в значительной мере регламентировалась ”чертой оседлости”. Правда, она являлась достаточно условной. Александр I и Николай I несколько раз то расширяли ее границы, то сужали. При сужении некоторые еврейские семейства, не желавшие тесниться в жалких местечках, подавались на юг, как сказали бы в советское время — на ”целинные земли”. Правительство в XIX веке поощряло заселение плодородных земель на северных берегах Черного моря. Кроме русских, украинцев, греков, болгар здесь оказалось и небольшое число еврейских колонистов. Это было скорее удивительным, чем обычным, потому что евреи очень редко занимались земледельческим и животноводческим трудом. Семья Бронштейнов, в которой родился один из будущих вождей российской революции, представляла собой выходцев из обычного еврейского местечка под Полтавой.

Отец Троцкого — Давид Бронштейн, который доживет до триумфа сына и умрет в 1922 году от тифа, — был цепким и предприимчивым хозяином. Он смог, купив у отставного полковника Яновского около ста десятин земли подле маленького города Бобринец, что в Херсонской губернии, ценой напряженного труда, прижимистости и изворотливости постепенно подняться и стать зажиточным. Он все покупал и покупал земли, брал их в аренду и стал крупным землевладельцем. Во время революционного пожара в России Давид Бронштейн оказался как бы между двух огней: белые видели в нем отца одного из вождей революции, красные — крупного собственника и эксплуататора. Сохранилось несколько телеграмм того времени, из которых ясно, что родственников Троцкого не жаловали ни белые, ни красные. Отец, лишившийся имения, с помощью красных шлет телеграмму сыну:

”Москва, Предреввоенсовета. Троцкому по месту нахождения. По распоряжению Деникина арестованы и увезены в качестве заложников в Новороссийск дядя Григорий запятая его жена и двоюродный брат Лев Абрамович Бронштейн точка Положение их очень тяжелое точка Прошу сделать все возможное для их освобождения и сообщить о результатах предложения в Одессу точка Ответ просим дать через шторм 14 Бронштейн”³.

Когда отец лишился состояния, Троцкий помог устроить его управляющим реквизируемой в пользу народа мельницей под Москвой. До самой своей смерти старый Бронштейн смотрел на сына с восхищением, так и не поняв, между тем, как в его семье мог родиться революционер. Абсолютно неграмотный глава семьи лишь в конце жизни научился еле-еле читать по слогам с единственной целью: разбирать заглавия книг, брошюр и статей своего младшего сына.

Мать Троцкого Анна — типичная еврейская мещанка из-под Одессы, где она получила скромное образование. Выйдя по любви за неграмотного, но красивого Давида, она обрекла себя на жизнь крестьянки, что ей, потомственной горожанке, было не так просто. Однако она сумела приспособиться к крестьянскому быту и внести в семью колониста некоторые довольно нетипичные для села элементы духовной культуры, которые не могли не оказать влияния на ее детей. Анна Бронштейн по мере возможности читала, иногда выписывала по почте книги, проявляла настойчивость, чтобы ее дети получили образование. Из восьмерых ее детей кроме Льва выжили лишь его две сестры и брат.

Лейба Бронштейн родился 25 октября 1879 года (7 ноября по новому стилю). В его краткой автобиографии, которую Троцкий для служебных целей изложит в 1919 году, читаем: "Родился я в деревне Яновка, Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, в небольшом имении своего отца-землевладельца"⁴. Здесь Троцкий неточен: семья уже в то время имела свыше ста десятин и более двухсот арендовала (а затем — много больше), у нее была паровая мельница, много разного скота. На усадьбу Бронштейнов работали десятки наемных крестьян. Сам Троцкий о своих ранних годах пишет весьма скупое, но выразительное. "Мое детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, — подчеркивает он, — поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедрости жизни, ее ласк. Мое детство не представляется мне ни солнечной поляной, как у маленького меньшинства, ни мрачной пещерой голода, насилий и обид, как детство многих, как детство большинства. Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки"⁵.

Думаю, детские годы, когда в человеке многое закладывается на всю жизнь, оставили свою печать в сознании мальчика. Прежде всего, Лева Бронштейн с детства изнутри видел отношения людей, занятых тяжелым, изнурительным трудом. Записывая по указанию отца, сколько денег получено за пшеницу (кстати, через перекупщиков в Николаеве хлеб продавали за границу. Продавали, а не покупали, как десятилетия спустя), сколько пудов зерна крестьяне отдавали за помол, сколько получали десятки батраков, младший Бронштейн незаметно постигал суровые реалии жизни.

Другая грань детства тесно связана с матерью, упорно (и безуспешно) пытавшейся привить детям тягу к знаниям, литературе, учебе. "Долгими зимами, — вспоминал Троцкий, — когда степным снегом заносило Яновку со всех сторон, наваливая сугробы выше окон, мать любила читать... Она нередко сбивалась в словах и запинаясь на сложно построенной фразе. Иногда подсказка кого-либо из детей совсем по-иному освещала в ее глазах прочитанное. Но она читала настойчиво, неумолимо, и в свободные часы зимних тихих дней можно бы-

ло уже в сенях слышать ее размеренный шепот”⁶. Кто знает, может быть, в эти вечера мать бросила те семена духовной культуры, которые дадут скоро богатые всходы на интеллектуальной ниве? А может быть, будущего марксиста поразит жизнь поденных батраков, приходивших сотнями к Бронштейнам на уборку урожая?

Босые, одетые в рванье, они работали за гроши. В обед им давали всего-то постный борщ и кашу, а на ужин — пшеничную похлебку. Мяса не полагалось, масла — тоже. ”Жильем служило чистое поле, — вспоминал Троцкий, — а в дождливую погоду — стога”. Обездоленность этих людей с исколотыми ногами и печальными глазами не могла не произвести впечатления на наблюдательного мальчика. Может быть, у него возник комплекс вины: ведь нещадно эксплуатировали батраков его родители. Никто на этот вопрос ответить не может. Только сложная комбинация обстоятельств, влияние среды, непосредственное окружение, духовная пища могут способствовать определенному ходу мыслей человека, формированию кристаллов личных убеждений.

Конечно, на становление младшего из Бронштейнов особое влияние оказала школа. Сначала это была религиозная еврейская начальная школа — хедер. Учился Лева неважно, у него не было тяги к священным текстам (в семье религия занимала лишь символическое место), и он плохо знал иврит, на котором велось обучение в хедере. Правда, тогда мальчик научился читать и писать по-русски. Едва овладев грамотой, он пристрастился писать стихи. Домашним они очень нравились. Детские поэтические опыты Троцкого, в отличие от сталинских, похоже, не сохранились. Со временем музыка поэзии навсегда уступит свое место музыке революции.

По настоянию матери в 1888 году мальчика отправили на учебу в Одессу. С помощью М.Ф.Шпенцера, родственника Бронштейнов, ставшего со временем крупным издателем на юге, Льва удалось устроить в престижное казенное училище. А это было непросто, так как существовала определенная квота на количество еврейских детей, принимаемых на учебу. Сам Троцкий в своей служебной автобиографии пишет, что ”учился в реальном училище имени Святого Павла и все время шел первым учеником”⁷. Реальные училища от гимназий отличались тогда меньшим объемом гуманитарного образования в пользу естественных и математических наук. Тем не менее в училище реалист прочел многое из Толстого, Шекспира, Пушкина, Некрасова, Диккенса, Вересаева, Успенского.

В последующем Троцкий, работая над своим "Опытom автобиографии", усмотрит — явно преувеличивая — в одной школьной коллизии чуть ли не свой первый акт социального протеста. Речь шла о его конфликте с нелюбимым учителем французского языка швейцарцем Бернандом. Бронштейна временно исключили из училища. Уже после революции Троцкий сочтет этот факт столь важным, что отразит его в своей автобиографии: "Из второго класса был временно исключен за протест против учителя французского языка"⁸.

Способности и трудолюбие сделали свое: Лев Бронштейн все время был лучшим учеником в классе по всем дисциплинам. Он отказался от спорта, прогулок, пустого времяпрепровождения во имя постижения наук. Легкость, с какой школьник быстро стал первым учеником, незаметно наложила отпечаток на характер Троцкого, дававший себя знать всю его будущую бурную жизнь. Он привык относиться к сотоварищам с некоторым превосходством, был очень самоуверен и настойчиво подчеркивал свое первенство.

В этом смысле интересны наблюдения Г.А.Зива, знавшего Л.Бронштейна в юные и молодые годы. Раннее знакомство позволило Зиву впоследствии выпустить книжку о Троцком. В ней он, в частности, писал: "...быть всюду и всегда первым, — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками"⁹. Забегая вперед, скажу, что это заключение Зива, как подтверждает жизнь Троцкого, не лишено основания.

Природа наградила Льва Бронштейна красивой внешностью; голубые живые глаза, пышная черная шевелюра, правильные черты лица дополнялись хорошими манерами и умением со вкусом одеваться. Им многие восхищались, а многие недолюбливали — талант редко кому прощают. Со временем осознание своей исключительности сформировало у Троцкого ярко выраженные эгоистические и эгоцентрические черты. Возможно, это способствовало и тому, что, будучи популярным, Троцкий не имел близких друзей. Ведь для человеческой дружбы главное — равенство, в ней не может быть должников и благодетелей. Троцкий еще с детства был не готов к интеллектуальному равенству. Пожалуй, он признавал более высокий интеллект лишь у Ленина. Но и то — только после Октября. Думается, что в этой черте его характера — один из истоков личной трагедии: Троцкий был согласен только на первые роли в истории.

Но вернемся к годам учебы. Даже о школе, остающейся обычно солнечным пятном в памяти человека, Троцкий не мог вспомнить ничего хорошего. "В общем, — писал он, — память об училище осталась окрашенной если не в черный, то в серый цвет... Трудно назвать хоть одного преподавателя, о котором я мог бы по-настоящему вспомнить с любовью"¹⁰. Лев Троцкий не раз говорил, что в нашем мире слишком много посредственностей; его это всегда раздражало и усиливало чувство собственного превосходства.

Но вопреки его сетованиям в детские и школьные годы на пути Троцкого встретилось немало умных, интересных людей за пределами училища. Это и работник Бронштейнов, мастер на все руки Иван Васильевич (Троцкий не запомнил его фамилии), журналист и издатель Моисей Филиппович Шпенцер, журналист Сергей Иванович Сычевский и некоторые другие. Шпенцер, например, привил молодому Троцкому любовь к слову, тайнам книготворчества и волшебству писательства. Еще подростком Троцкий знал, что такое редактирование, набор, корректура. Он видел процесс печатного производства, полюбил запах свежей типографской краски, узнал волнение человека, взявшего в свои руки сигнальный экземпляр новой книги (пока еще не собственной). Это "тайнство", как он признавался позже, его никогда не оставляло равнодушным. Всю свою последующую жизнь он прошел с пером в руке. Оно всегда было его главным оружием. Десятки книг, сотни, а скорее, тысячи его статей дают богатый материал для создания портрета этого незаурядного и сложного человека.

Занятия литературой, журналистикой привили молодому Бронштейну интерес не только к русской классике, но и к западной культуре и цивилизации. Здесь Троцкий не был оригинален. Великая держава, с мощью которой считались все монархи и правительства Европы и Азии, во многом традиционно запаздывала. Это историческое запаздывание болезненно ощущала прежде всего прогрессивная интеллигенция, тосковавшая по буржуазно-демократическим свободам, либеральным порядкам, культурным достижениям. Для еврейской интеллигенции это был мир без "черной сотни", дискриминации, "черты оседлости". Троцкий, еще не побывав на Западе, проникся особыми симпатиями к европейской культуре и ценностям. Его европеизированные взгляды сыграли в последующем немалую роль в формировании теории перманентной революции, зависимости судеб революции в России от своевременности миро-

2 Троцкий, кн. I

вого пожара, его убежденности в необходимости перенести некоторые формы европейской культуры в свою страну.

Одесса, а затем Николаев, где Лев Бронштейн заканчивал последний класс реального училища, постепенно, но неотвратимо отдаляли его от родного дома. Приезжая на каникулы домой, он физически чувствовал в херсонской степи, где теперь процветал его отец, тесноту этого мирка, ограниченного вечной борьбой за преуспевание, прибыль, выгоду. Совокупность городских и деревенских впечатлений ("амальгама взглядов", как любил говорить Троцкий), помноженная на богатые природные способности и большое упорство в постижении нового, неизвестного, загадочного, формировали сильный, масштабный, гибкий и острый ум. Троцкий рано уверовал в силу собственного интеллекта.

Детство и отрочество Троцкого прошли в мелкобуржуазной среде. В последующем он смог как-то сразу освободиться от остатков психологии, исповедующей прежде всего накопительство и потребление, но некоторые черты, рожденные в этой среде, и спустя годы нередко сильно давали знать о себе.

Троцкий, как многие начинающие мелкобуржуазные революционеры, был способен на быструю смену ориентиров. Качели его взглядов нередко имели весьма большую амплитуду. Так, к марксизму он быстро пришел после того, как яростно его отрицал. Сотрудничая и поддерживая одно время меньшевиков, после революции он последовательно выступал за принятие к ним самых жестких мер. Троцкий явился, пожалуй, одним из первых творцов красного террора, который он затем решительно осуждал. Будучи марксистом, Троцкий на всю жизнь сохранил многие элементы мелкобуржуазной революционности, спонтанности, а иногда и фанатизма. В чем он остался до последних дней последовательным, так это в абсолютном неприятии сталинизма, что объясняется в основном личными мотивами.

Семья Бронштейнов не могла, конечно, воспитать в нем революционера. Но она дала ему понимание сути мелкобуржуазной среды, позволила получить исходное образование и до самой революции (в том числе и за границей) поддерживала Троцкого материально. В этом отношении его положение было гораздо предпочтительнее, чем положение большинства других революционеров. Тем более что при своей предприимчивости Троцкий использовал самые различные каналы для материального обеспечения своей семьи: активное занятие журналистикой, чтение лекций, помощь многих бла-

готовворительных фондов. В бумагах Троцкого сохранилось немало денежных документов и расписок, подобных, например, этой:

”25.II.1914 г. Вена.

Сим удостоверяю, что мною получено заимообразно из кассы Литературного фонда сто пятьдесят (150) рублей.

Лев Бронштейн”¹¹.

По мере приобщения Троцкого к революционным делам его родственные связи постепенно слабели. Отец с годами, все богатея, как писал сам Троцкий, ”становился жестче. Причиной были трудности жизни, хлопоты, которые росли вместе с ростом дела, особенно в условиях аграрного кризиса 80-х годов, и разочарования, принесенные детьми”¹². А разочарование было в том, что никто из четверых детей не захотел продолжить дело отца. Старший сын — Александр Бронштейн — получил образование, работал инженером на сахарных заводах, в том числе и в советское время. После депортации Троцкого он публично отмежевался от брата, однако был выслан, затем арестован, после чего трагическая дорога Александра Бронштейна закончилась расстрелом 25 апреля 1938 года. Старшая сестра Троцкого Лиза растворилась в семейном быту и умерла своей смертью в 1924 году; младшая, Ольга, стала женой Л.Б.Каменева. С ней Троцкий поддерживал наиболее тесные, теплые связи, пока был в Союзе. Но клеймо сестры едва ли не главного ”врага народа” не давало ей шансов на выживание. В 1935 году ее арестовали, а в 1941 году расстреляли. Она пережила двух своих юных сыновей, которые были расстреляны еще в 1936 году...

Мать умерла в 1910 году, словно предсказав в одном из писем сыну — ”видно, не увижу больше тебя”. Троцкий в это время находился в эмиграции и был лишен возможности приехать даже на похороны. Судьба большинства членов семьи Троцкого, как и его самого, трагична. Он был, как мне сказала Ольга Эдуардовна Гребнер, жена младшего сына Троцкого — Сергея, словно прокаженный: ”к кому он прикасался — всем приносил горе”. В своем ”Дополнительном заявлении” по поводу смерти Льва Седова (старшего своего сына) 24 августа 1938 года Троцкий напишет: ”Ягода довел до преждевременной смерти одну из моих дочерей, до самоубийства — другую. Он арестовал двух моих зятьев, которые потом бесследно исчезли. ГПУ арестовало моего младшего сына, Сергея... после чего арестованный исчез...”¹³ Сергей погибнет в 1937 году, его старший брат — в 1938 году в Париже, также будут уничтожены

большинство даже дальних родственников. Да, это была словно проказа, но проказа сталинская. О.Э.Гребнер права: судьба родных и близких Л.Д.Троцкого окрашена зловещей краской сталинского остракизма. Выживших оказалось значительно меньше, чем погибших.

Революционная тропа

Троцкий любил не только литературу, но и математику. Он мечтал учиться после окончания реального училища на математическом факультете Новороссийского университета. Он мог стать ученым. Вероятно — крупным. Думаю, из него получился бы хороший специалист; давно замечено, что синтез гуманитарного и математического обычно проявляется в ярких личностях, способных к постижению научных абстракций и утонченных нравственных и эстетических ценностей. Но после окончания николаевского реального училища для него начнутся "тюремные университеты". Впрочем, находясь в эмиграции, Троцкий путем усиленного самообразования достигнет серьезных высот в различных сферах: истории, политике, экономике, философии, литературе.

Заканчивал реальное училище Лев Бронштейн, как я уже сказал, в Николаеве в 1896 году. С этого года начинается революционная биография 17-летнего Бронштейна. Он поселился у знакомых, где в семье было два взрослых сына, увлекавшихся социалистическими идеями. Это было новью, вызывало интерес, будоражило воображение. Первые месяцы молодой постоялец был довольно равнодушен, как он выражался, к "теоретическим утопиям". Послушав и усмехаясь тому, как братья доказывали друг другу "пользу для истории социализма", он уходил к себе в комнату и садился за учебники. Его не на шутку влекла магия цифр, формул, бесстрастных холодных истин. Абстрактный мир математики манил его своей загадочностью, логикой и неисчерпаемыми возможностями постижения.

Но втянувшись однажды в спор молодых социалистов, придерживавшихся народнических взглядов, он уже больше никогда не мог отрешиться или избавиться от этого турнира мысли. Отныне идейная, политическая борьба станет смыслом существования молодого Бронштейна. Процесс его идеологизации ускорился, когда новые друзья познакомили Льва с Францем Швиговским, чехом, жившим арендой фруктового сада, невесть как занесенным судьбой в Россию. В саду у Швиговского, в его

сторожке, образовалось нечто вроде коммуны "ниспровергателей" несправедливости и тирании. В этих "садовых" диспутах, как правило, господствовали народнические мотивы. Лишь один член образовавшегося кружка придерживался иной позиции. Это была Александра Соколовская, молодая женщина, знакомая с работами Маркса, Энгельса и защищавшая марксизм. Сам Троцкий об этом периоде в письме В.И.Невскому впоследствии писал так:

"Семиклассником я часто захаживал к Францу Францевичу Швиговскому, интеллигентному чеху-садовнику, который арендовал сад. Был он неопределенным радикалом. Мы штудировали статьи Михайловского, "Философию истории" Кареева, "Логику" Милля, "Психологию" Геринга, "Историю культуры" Липперта — все, что попадалось. "Коммунистический манифест" у нас имелся в отвратительном рукописном виде. Первый том "Капитала" у нас читала только Александра Львовна Соколовская (она вернулась после акушерских курсов в Одессе). Создали кружок распространения полезной литературы — "Рассадник". В 1896—1897 годах я был противником Маркса (которого не читал)"¹⁴.

Первый человек, от которого Бронштейн услышал аргументированный рассказ о марксизме, была действительно Александра Львовна Соколовская, дочь народника, просвещенная молодая женщина, которая через несколько лет станет первой женой молодого революционера. Лев Бронштейн, вступив в споры, не хотел и не умел проигрывать. Хотя противопоставить спокойным, взвешенным аргументам Александры Соколовской ничего конкретного он не мог, но и занять место статиста в споре — тоже.

Как отмечал И.Дейчер, Троцкий обладал "чудесным даром блефа". Мог ввязаться в спор и, основываясь лишь на логике и интуиции, не зная точно предмета дискуссии, тем не менее выглядел достойно. Соколовская, улыбаясь, слушала жаркие доводы юного Бронштейна, доказывавшего, что "марксизм несостоятелен". Возможно, она одна понимала тогда научную несостоятельность Троцкого, но не могла не отдать должное живости его мысли, оригинальности рассуждений, парадоксальности выводов. Соколовская, видимо, почувствовала, что народничество, популизм ближе по духу молодому социалисту потому, что в нем нет такой железной "задетерминированности", как в марксизме. Самоуверенному Бронштейну больше по душе была та теория, где на первый план выдвигаются субъективные факторы в виде "критически мыслящих лично-

стей”, блестящих героев, возвышающихся над толпой, кумиров, способных поднять массы на великие дела. Его нападки на марксизм были наскоками молодого человека на сухую теорию, которую он не знал и, естественно, не понимал.

В натуре выпускника реального училища чувствовался радикальный романтизм, приоритет личностного начала, моральные мотивы пионерства. Как бы там ни было, именно благодаря Соколовской на смену самоуверенности юного дилетанта пришло интеллектуальное смятение. Но вмешалось непредвиденное. Вскоре диспуты в саду Швиговского стали окрашены внезапно вспыхнувшим чувством молодого Бронштейна и более опытной Соколовской (она была старше его на шесть лет), хотя на почве столкновения ”доктрин” у них были самые серьезные размолвки. В сознании способного Лейбы шла напряженная работа; он все больше убеждался в правоте Александры. Правда, в силу тщеславия и из духа противоречия Троцкий решил даже публично ”разгромить марксизм”, написав едва ли не первую свою статью. Но как вспоминал позже автор, статья, в которой было много эниграфов, цитат и злого юда, ”не увидела, к счастью, света. Никто от этого не потерял, меньше всего я сам”. В этом же ключе была задумана и пьеса, которую Бронштейн намеревался написать вместе с братьями Соколовскими. Стержнем конфликта в пьесе должна была стать борьба марксистов и народников. Но запала молодым хватило лишь на вступление к пьесе.

Когда в Николаев приехали отец и мать, их младший сын, получая домашние дары, рассказывал, к ужасу четы Бронштейнов, крамольные вещи о царской фамилии.

— Понимаешь, отец, на своем первом высочайшем приеме для знати он заявил: ”Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их мой незабвенный покойный родитель...”

— Правильно сказал... — тут же ввернул отец.

— Но послушай, дальше царь прокричал (волновался очень), что земцы должны ”оставить свои бессмысленные мечтания”! Понимаешь, ”бессмысленные”, а в тексте речи было написано — ”беспочвенные”.

— Ну и что?

— Фразу о ”бессмысленных мечтаниях” царь прокричал так громко, что царица Александра Федоровна, плохо понимавшая по-русски, спросила у стоящей рядом великой княжны:

— Что он сказал?

— Он им объясняет, что они все идиоты, — невозмутимо ответила великая княжна.

— А один из сановников, — продолжал Лейба, — предводитель дворянства Тверской губернии Уткин, вздрогнул от крика государева, да так, что выронил из рук золотой поднос с хлебом-солью... "Плохая примета при восшествии на престол", — шептали сановные старички, глядя, как Воронцов-Дашков, ползая на коленях, собирает с пола подарки...¹⁵

После этого артистического рассказа Лейба заявил:

— Живете вы, как и все общество, в проклятом мире. Все надо менять. Убирать царя, добывать свободу! Да!

— Что ты говоришь! Одумайся! Этого не будет и через 100 лет! До чего ты додумался! Чтобы ноги твоей не было у этого бездельника Швиговского!

Размолвка с родителями окончилась временным разрывом. Младший Бронштейн, захлебываясь от чувства независимости и самостоятельности, отказался от их материальной помощи. Продержавшись несколько месяцев в коммуне Швиговского, "бунтарь" пошел на мировую. Справедливости ради надо сказать, что с этого времени власть отца и матери над сыном была потеряна: поступление на математический факультет Новороссийского университета (который он почти тут же бросил), распространение прокламаций, женитьба — все делалось вопреки запретам законопослушных родителей.

Между тем радикализм молодого Бронштейна и его друзей углублялся. Большое впечатление на них произвело сообщение в газетах о самосожжении в Петропавловской крепости в 1897 году курсистки Ветровой. Мотивы трагического акта не были ясны до конца, тем не менее членам "садовой" коммуны все было понятно: это протест против всевластия самодержавия!

Как вспоминает Г.А.Зив, однажды Бронштейн предложил ему под величайшим секретом вступить в рабочий союз, организованный им и его друзьями¹⁶, союз, в котором идеи народничества ими решительно отброшены.

— Только подлинная социал-демократия, — заявил конспиратор.

— Кто состоит в этой организации?

— Передовая молодая часть общества: революционно мыслящие студенты и рабочие!

Как поведал дальше Л.Бронштейн, "Южнорусский рабочий союз" ставит первой задачей революционное просвещение ра-

бочих. А название организации — в честь союза, существовавшего четверть века назад и разгромленного жандармами.

В это время Бронштейн (у которого уже появилась подпольная кличка Львов) со своими друзьями действительно организовал несколько кружков среди рабочих верфей Николаева для чтения газет, брошюр и прокламаций революционно-просветительного характера. В деятельности "Союза", который просуществовал недолго, активное участие приняли молодой техник Иван Андреевич Мухин, братья и сестра Соколовские, рабочие Коротков, Бабенко, Поляк и другие. В основном работа сводилась к переписыванию и размножению социал-демократических текстов на гектографе, распространению их среди рабочих верфей и на других предприятиях.

Руководство "Союзом" было малоопытным. Конспирация — на примитивном уровне. Вполне естественно, что в организацию внедрили провокаторы. Один из них носил, вспоминал позже Троцкий, фамилию Шренцель. 28 января 1898 года Бронштейн, Швиговский, другие организаторы "Союза" были арестованы. Сам Троцкий о завершении этой начальной революционной эпопеи так писал В.И.Невскому 5 августа 1921 года: "В нашей организации серьезной конспирации не было. Всех нас быстро арестовали. Выдал провокатор Шренцель. Марксистом меня сделали рабочие в тюрьме, и прежде всего Иван Андреевич Мухин. В камере одно время со мной сидел переплетчик Явич. Мерзлы, натягивали на себя что могли... Из Николаева меня перевели в херсонскую тюрьму, затем — в Одессу"¹⁷. О дальнейших перипетиях тюремной жизни он пишет в своих автобиографических заметках.

В одесской тюрьме Бронштейн содержался около двух лет до завершения следствия. Суда не было. В административном порядке он и три других "подельца" были осуждены на четыре года ссылки; другие, в том числе А.Соколовская, — на меньшие сроки.

В своих заметках, которые потом лягут в основу книги "Моя жизнь", он вспоминает, что после отправки из Одессы пробыл около пяти месяцев в московской пересыльной тюрьме и три месяца — в иркутской. Нужно сказать, что ни один день тюремного заключения не проходил для Троцкого бесследно. У него была поразительная способность к самообразованию. Отвечая уже в зрелые годы на вопрос, какое его любимое занятие, он уверенно ответил: "Умственная деятельность: чтение, размышление и, пожалуй, писание"¹⁸.

В Бутырской тюрьме они с Соколовской решили поже-

ниться, испросили разрешение тюремных властей, сообщили родителям. Власти не препятствовали браку. Родители Соколовской — тоже. А вот Бронштейны решительно воспротивились. Сохранилось письмо Троцкого того времени к Александре Соколовской. Но прежде чем познакомить читателей с этим письмом, хочу отметить следующее. Когда-то Троцкий решительно возразил против готовящейся публикации его переписки с первой женой, даже угрожал обратиться в Политбюро. В фонде Л.Д.Троцкого есть его письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" по этому поводу:

"Я решительно возражаю против печатания писем, имеющих явно личный характер, хотя бы в них заключались общественно-политические элементы. Я еще не покойник; люди, с которыми я переписывался, тоже еще здравствуют, и не трудитесь превращать нас в исторический материал для Истпарта. Если Истпарт держится другого мнения, то я внесу вопрос в Политбюро. До рассмотрения Политбюро, во всяком случае, прошу не печатать.

С коммунистическим приветом

31.VII.1922 г.

*Л.Троцкий*¹⁹.

Угроза подействовала, письма Троцкого не были опубликованы. Теперь, спустя почти 70 лет после обращения автора письма в "Пролетарскую революцию", думаю, запрет снят самым временем. Тем более что Троцкого и Соколовской уже более полувека нет в живых... Лев Давидович обычно сам поощрял публикации о себе; но здесь речь шла о предании гласности личной переписки с первой женой при наличии жены второй.

Вот выдержки из письма Л.Д.Троцкого к А.Л.Соколовской накануне их женитьбы:

"Шурочка! Мне нужно тебе передать целую кучу новостей (хотя и не особенно любопытных). Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом — и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он очень милый человек! Отец не огорчен моим разрывом с родными, но, по-видимому, даже рад... Мол, устраняется вопрос имущественного неравенства...

Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы что-нибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть...

Ну а если нам не разрешат обвенчаться? *Это невозможно!* У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватало для этого смелости...

Сибирская тайга умерит нашу гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять...²⁰

Лев Бронштейн еще и сам не знает, что менее чем через три года он покинет Александру Соколовскую с двумя крохотными дочками, чтобы никогда не возвращаться в первую семью... Сам виновник постарается придать разрыву максимум возможного в таких случаях благородства. "Судьба развела нас невозвратно, хотя мы и остались добрыми друзьями", — напишет он много лет спустя.

Изучая личную переписку Л.Д.Троцкого, я склоняюсь к тому, что женился он по любви, хотя потом в книге "Моя жизнь" он попытается это подать чуть ли не как акт, диктуемый революционной целесообразностью. Всего пол-абзаца посвящено этому эпизоду: "До села Усть-Кут плыли, помнится, около трех недель. Здесь ссадили меня вместе с близкой мне ссыльной по николаевскому делу (не с женой, а "близкой мне ссыльной по николаевскому делу"! — Д.В.). Александра Львовна занимала одно из первых мест в "Южнорусском рабочем союзе". Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтоб не быть поселенными врозь (а как же "всегда-всегда неразлучно вместе!"? — Д.В.), мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме"²¹. Почему же Троцкому понадобилось брак, которого он так добивался, представить чуть ли не фиктивным? Ведь когда он писал свои воспоминания, его дочери от этого брака были уже взрослыми людьми. Может быть, все объясняется тем, что Троцкий в своих книгах и статьях часто обращается к моральным сентенциям, благородству, порядочности, а его первая любовь и брак оказались недолгими. Умолчать об этом в автобиографии никак нельзя, а подать как необходимость "для работы" быть вместе, тем более с человеком, у которого "полное отсутствие всего личного", — весьма удобно.

Как бы мы ни относились к Троцкому, но история его отношений с первой женой отдает элементарным прагматизмом, стремлением в соответствующий момент освободиться от "обузы" для реализации своих высоких планов. Хотя справед-

ливости ради следует отметить, что духовную связь с женой и детьми — впрочем, слабую — Троцкий долго пытался поддерживать.

Когда старшая дочь Зинаида приехала к отцу в Константинополь, Александра Львовна надеялась, что единственная оставшаяся в живых дочь (Нина умерла в 1928 г.) будет согрета отцом. Но родственной близости не получилось; Зина оказалась чужой во второй семье отца. Душевная болезнь Зины потребовала лечения в Берлине, изгнанник делал все, что мог, для облегчения ее участи. После курса лечения Троцкий написал в Москву первой жене, чтобы "она подумала о комнате в связи с приездом дочери". Но через несколько недель Троцкому пришлось взять на себя печальную миссию: написать Александре Львовне о трагической смерти дочери. Все это будет спустя три десятилетия после первого брака.

Может быть, я несправедлив к Троцкому, высказывая свое мнение о его отношении к первой жене? Возможно. Тем более что, когда Соколовская попала в беду (в 1935 г.) и была сослана фактически только за то, что была бывшей женой главного личного врага Сталина, в новой семье Троцкого не раз вспоминали ее, дочерей, внуков, тревожась об их судьбе. 2 апреля 1935 года Лев Давидович сделает такую дневниковую запись: "Только что получил письмо из Парижа. Ал. Львовна Соколовская, первая жена моя, жившая в Ленинграде со внуками, сослана в Сибирь. От нее уже получена открытка за границей из Тобольска, где она находилась на пути в более далекие части Сибири... Не думаю, чтоб Ал. Льв./овна Соколовская/ проявляла за последние годы какую-либо политическую активность: и годы, и трое детей на руках (внуки. — Д.В.). В "Правде" несколько недель тому назад, в статье, посвященной борьбе с "остатками" и "подонками", упоминалось — в обычной хулиганской форме — и имя А.Л., но лишь попутно, причем ей вменялось в вину вредное воздействие — 1931 г.! — на группу студентов, кажется, Лесного института. Никаких более поздних "преступлений" "Правда" открыть не могла. Но одно уж упоминание имени означало безошибочно, что следует ждать удара и по этой линии"²².

Через три дня Троцкий добавит в дневнике: "В последние два дня Н. (Наталья Ивановна Седова, вторая жена изгнанника. — Д.В.) больше думала об А.Л. (Александре Львовне. — Д.В.), чем о Сереже: может быть, с Сережей, в конце концов, ничего и нет, а А.Л., в 60 лет, отправлена куда-то на дальний Север"²³.

Можно, видимо, сказать, что, хотя "судьба и развела их не возвратно", все устранить из памяти не дано никому. Когда же память имеет союз с совестью, то возникает беспристрастный посредник между общечеловеческими требованиями морали и самой личностью. В конце концов совесть осуждает каждого из нас не столько за поступки, сколько за их мотивы. В самосознании человека совесть самый "информированный" компонент, она знает о человеке все. Благодаря этому внутреннему судье Троцкий лучше других знал свои несовершенства, связанные, главным образом, с различными проявлениями эгоистического тщеславия. Но... совесть всегда говорит неслышно и при этом почти никогда не ошибается. Думаю, что Троцкий всегда оставался верен своему революционному долгу. Но едва ли он мог бы сказать то же самое по отношению к некоторым людям, которые в разное время окружали его. Впрочем, я несколько отвлекся...

Троцкий колоритно описывает в "Моей жизни" свое этапирование в ссылку. Вот, например, небольшой фрагмент из его воспоминаний.

"В селе было около сотни изб. Мы поселились в крайней. Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежат золотые прииски. Отблеск золота играл на всей Лене. Усть-Кут знал раньше лучшие времена — с неистовым разгулом, грабёжом и разбоем. Но в наше время село затихло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лишу... Весною и осенью село утопало в грязи. Зато природа была прекрасна. Но в те годы я был холоден к ней... Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц"²⁴. Но как раз бедная реальность бытия воспальjala богатое воображение Троцкого. Романтические видения со смутным предчувствием собственного исторического предназначения уже посещали ссыльного на самом пороге века.

Деятельная натура Троцкого сразу же определила себе круг работы. Он много занимался самообразованием и, пожалуй, впервые широко попробовал себя на поприще журналистики, где бесспорно преуспел. После партийной клички Львов он придумал себе еще одну — Антид Ото. Статьи с этой подписью стали часто появляться в местной газете "Восточное обозрение". Писать он был готов на любые темы: о сибирской деревне и положении женщин в Сибири, о местных властях и роли

земств. Троцкий писал статьи о творчестве Ницше, Гоголя, об Успенском, Герцене... Его материалы категоричны, как приговор. Вот, например, как он разделяется с известным в то время писателем в статье "История литературы, г.Боборыкин и русская критика". Троцкий начинает сразу лихо: "Г.Боборыкин написал книгу о европейском романе (Европейский роман в XIX столетии. СПб, 1900). Но с этой книгой случился совершенно исключительный казус: ее никто, кроме самого автора, не понял..."²⁵ Далее в том же духе. Через всю жизнь Лев Давидович пронесет это качество: безапелляционность и бескомпромиссность в оценках; отсутствие боязни высказать кому угодно свое "особое" мнение; готовность пойти против устоявшихся норм и порядков. Благодаря этим качествам он приобретал немало сторонников. Но еще больше противников.

Несколько статей ему удалось отправить за рубеж, на Запад. В кругах русской эмиграции заметили несомненные литературные способности неизвестного корреспондента. Там не знали, что эти статьи — плод не долгой работы, а быстрой импровизации, своеобразного озарения, когда мысль легко изливается на бумагу. Писатели и журналисты знают, как трудно дается иногда одна фраза, одно слово. Об этих мучениях рано умерший поэт, молодой Семен Надсон, которого любил Троцкий, писал: "Нет на свете мук сильнее муки слова". Но Л.Бронштейн мучился мало: писал быстро, ярко, категорично. Нередко — легковесно. В его статьях молодых лет явно просматривается желание блеснуть эрудицией, сослаться на новейшие литературные и научные авторитеты, классику, часто без видимой необходимости. К слову, ссылка в Сибирь давала богатые возможности заниматься литературным трудом.

В своих воспоминаниях, письмах, многочисленных автобиографических заметках село Усть-Кут, Верхоленск стали для Бронштейна одной из его личных "вершин" служения революционному делу. Кстати, если попытаться сравнить быт, жизнь, условия существования ссыльных, которые окажутся здесь уже в советское время, то придешь к выводу, что они несопоставимы по своей суровости. Жандармам Российской империи было ой как далеко до беспощадности сталинских карательных органов! И в создании этой новой системы со временем примет активное участие и ссыльный из Усть-Кута.

В феврале 1923 года Л.Д.Троцкий по просьбе своего зарубежного друга М.Истмена написал ему о своей первой ссылке. Жизнь ссыльного он описывал таким образом: "...в Сибири, в Усть-Куте мы жили на одной квартире с польским сапожником

Микшей. Это был прекрасный товарищ, внимательный, заботливый, великолепный повар, но он выпивал, и чем дальше, тем больше. Время делилось между хозяйственной работой и чтением. Рубка дров, подметание, мойка посуды, помощь Микше по кухне. Чтение было очень разнообразно: Маркс, социалистическая литература, художественные произведения мировой литературы. Журналистская работа; стал писать корреспонденции в "Восточное обозрение". Литературная работа — обычно ночью. Нередко до 5—6 часов утра. Привычка эта сохранилась у меня и позже, в венский период моей жизни...

Однажды мне не выдали почту в почтовом отделении. Я бурно запротестовал. Меня приговорили к трем рублям штрафа. Извещение это меня застало уже в Верхоленске, откуда я вскоре бежал. Так три рубля штрафа не были уплачены, в числе многих других моих долгов царизму...²⁶

В Усть-Куте оказалась даже небольшая библиотека, созданная ссыльными. Из всего прочитанного там самое большое впечатление на Троцкого произвел двухтомник Глеба Успенского. Вначале он с известным недоверием отнесся к рассказам и очеркам писателя. Но потом не мог оторваться. Откладывая книгу, когда начинала мигать лампа с выгоревшим керосином, он представлял себе, что только что побывал в русской деревне с ее болью, тяготами, темнотой. И позднее, став последовательным "западником" и в литературных пристрастиях, тем не менее особое место отводил Успенскому. Читая деревенский дневник писателя, ссыльный однажды подчеркнул: "...работа целой деревни на один господский дом. Без отговорок, без возражений деревня должна была работать изо дня в день, из года в год. Барин, которому принадлежала деревня, мог меняться, быть то злым, то добрым, но для деревни все эти перемены ничего не значили: работы одинаково требовали все — и консерваторы, и либералы, и даже радикалы, словом — всевозможные сорта людей, поселявшихся в господском доме. Кто бы там ни жил, от деревни требовалось одно — "работа", заполнявшая большую часть дня, года, всей жизни, — работа не на себя... Все это выработало совершенно определенный идеал для существа, носящего название мужика..."²⁷

На Троцкого очерки Успенского произвели столь сильное впечатление, что он сам написал полтора десятка статей о сибирской деревне, в которых явно видно влияние большого русского писателя. Так ссыльный погружался в простую жизнь, где ему очень скоро стало невыносимо тягостно. Деятельная нату-

ра хотела простора для самовыражения, утверждения, известности.

Очень скоро импульсивному ссыльному опостытели и Усть-Куг, и Верхолениск. Ему было тесно среди этих убогих домиков вдоль грязной улицы. Первые удачные литературные и журналистские опыты, замеченные общественностью, дали Троцкому ощущение: ему нужен простор, большая арена. Ему сообщили, что даже в редакции "Искры", куда случайно попали две-три его статьи, доброжелательно отозвались о них. Больше томиться в Сибири ссыльный решительно не мог. Он должен быть в Петербурге, Москве, западных столицах. Он нужен там! Когда после внутренней борьбы он сказал об этом Александре Львовне, та, помолчав, не стала возражать против его побега. Нетрудно представить, чего ей это стоило. Молодой женщине предстояло остаться одной в глуши с двумя крохотными детьми, без больших надежд на воссоединение. В ее глазах Лейба был почти гением, который скоро заставит говорить о себе всех и везде. Соколовская осталась, как она думала, верна революционной морали: способности жертвовать самым дорогим и близким во имя идеалов. Эта женщина всю жизнь будет жертвовать: мужем, дочерьми, зятьями, внуками и, наконец, собой.

Вообще имя Троцкого очень тесно связано с жертвами. Было много жертв по его воле. Об этом я еще скажу дальше. Жертвовал многим и он, и не по своей воле. Фактически обе его семьи станут жертвами. В итоге в страшном жертвеннике мести и террора окажется и он сам. Когда эти жертвы оправдывали его дело, славу, стремления, он считал их естественными, необходимыми. В конце концов жестокая борьба, которой он посвятил всю свою жизнь, отнимет у него все, кроме его места в истории.

Еще на исходе зимы 1902 года Троцкий провел "разведку" — побывал в Иркутске, где ему нужно было встретиться со знакомыми ссыльными, прикинуть возможность побега. Для того чтобы выехать хотя бы на один день, пришлось испрашивать у верхоленинского уездного исправника разрешение. Выглядело оно так:

"Проходное свидетельство

Дано состоящему под гласным надзором полиции административному ссыльному Лейбе Давидовичу Бронштейну в том, что ему разрешен Иркутским губернским управлением от 20 февраля сего года выезд в г. Иркутск на один день, куда он дол-

жен следовать неуклонно и нигде во время пути не останавливаться без особо уважительных причин...²⁸

А летом 1902 года ссыльный бежал. Это оказалось совсем нетрудным делом. Его посадили в повозку, накрыли сеном и отправили в Иркутск. В памяти об этой последней в его жизни сибирской дороге у него остались лишь бесчисленные ухабы, сотрясавшие беглого ссыльного. В Иркутске друзья выдали беглецу приличную платье и паспорт, куда он вписал свое новое имя. Почему он выбрал фамилию Троцкий? Трудно сказать... Но у фамилии был реальный владелец — тюремный смотритель из Одессы: импозантный, крупный, дородный мужчина, из тех, что берут призы на конкурсах мужской красоты. Бронштейн не думал, что с этой случайно взятой фамилией он навсегда останется в памяти людей.

Верхоленский жандарм придет в избу, где жил ссыльный, для ежедневной проверки, заглянет на чердак и, увидя спящего под крестьянским рядном человека, уйдет. Тогда он не догадается, что это сделанное Лейбой чучело... Но Соколовская не могла долго скрывать исчезновение мужа, который уже катил по Транссибирской магистрали на запад в курьерском поезде и читал гексаметры Гомера в русском переводе Гнедича. Через два дня из Верхоленска ушла телеграмма:

”Губернатору

Копия полицмейстеру

Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет 2 аршина половиной волосы каштановые подбородок двойной разделен носит очки по заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск.

Исправник *Людвиг*”²⁹.

Спустя какое-то время в охранном отделении на учетной карточке Троцкого появится дополнительная запись к уже имеющимся:

”Бронштейн (Лев) Давидов, он же Николай Троцкий и Яновский, лишенный всех прав состояния, сын колониста, русский (так в тексте. — Д.В.) литератор. В 1898 году Бронштейн привлекался в качестве обвиняемого по делу о ”Южнороссийском рабочем союзе” в Одессе. Выслан на 4 года под гласный надзор. 21 августа из г. Верхоленска скрылся и помещен в розыскной циркуляр от 1 сентября 1902 года № 5530”³⁰.

Заехав по пути в Самару к Кржижановскому, Троцкий пробыл там неделю и направился в Лондон, в редакцию ”Искры”, где он был уже известен под кличкой Перо. Молва о талантливом молодом журналисте социал-демократической ориентации

докатилась до берегов Темзы. С фальшивым паспортом, полулегально пересекая границы, Троцкий ехал навстречу судьбе. В своих кратких автобиографических заметках он позже запишет:

“Незаконно перешел границу Австрии, нашел и познакомился с основателем Австрийской социалистической партии”³¹ (Троцкий всегда гордился своим личным знакомством с многими известными людьми, ему был свойствен этот неизменный атрибут человеческого тщеславия). Позже в одной из своих статей в “Киевской мысли” он так опишет эту встречу: “Первый раз мне довелось повстречаться с “доктором”, таково его популярное имя, в 1902 г., в октябре, проездом из одной очень восточной губернии. Денег у меня хватило на дорогу только до Вены. После больших размышлений я отправился в редакцию “Arbeiter-Zeitung”...

— Можно ли видеть Адлера?

— Сегодня? Невозможно!

— Но у меня важное дело.

— Значит, вам придется отложить его до понедельника...

В конце концов я узнал все же адрес доктора и отправился к нему на квартиру. Ко мне вышел невысокого роста человек, сутуловатый, почти горбатый, с опухшими веками на усталом лице, которое с необыкновенной выразительностью говорило, что этот человек слишком умен, чтобы быть просто “добрым”, но что он все же слишком добр, чтобы не найти смягчающих вашу вину обстоятельств...

— Я — русский...

— Ну этого вам не нужно было еще особо мне сообщать, я уж имел время об этом догадаться...”³²

Почти все встречи, беседы, выступления, явления, к которым был причастен Троцкий, были им описаны. Не случайно Кржижановский дал ему кличку Перо. Троцкий обладал редкой способностью не только “вписываться” в ткань, калейдоскоп общественных событий, но и запечатлеть это в статьях, брошюрах, книгах, докладах, донесениях. Я не знаю ни одного русского революционера, который бы так много, подробно, красочно говорил о себе. Трудно поверить заявлению Троцкого, сделанному им в “Предисловии” к своей автобиографии-воспоминаниям: “Историческую перспективу я привык рассматривать не под углом зрения личной судьбы”³³. Напротив, особенностью исключительно богатого литературного творчества Троцкого-революционера является его стремление (хотя он этого часто даже уже и не видел) взглянуть на многообразие исторических событий через призму своей фигуры. Троцкий за-

мечает, что "никому еще не удавалось написать автобиографию, не говоря о себе". Это верно. Но Троцкий очень много говорил о себе и тогда, когда писал не автобиографию.

Ранним лондонским утром в октябре 1902 года Троцкий прибыл по адресу, который ему дал еще в Цюрихе Павел Аксельрод, и, как его учили, три раза стукнул дверным кольцом. То была маленькая однокомнатная квартира, где жили Ленин и Крупская. Здесь он впервые встретился с Лениным (а услышал первый раз о нем, находясь в московской пересыльной тюрьме). Надежда Константиновна, как описывает И. Дейчер, с порога воскликнула:

— Перо прибыло!

Но Троцкому нужно еще расплатиться с извозчиком. А затем он "заговорит" Владимира Ильича ворохом новостей с родины. Отныне в течение более двадцати лет дороги этих людей будут пересекаться очень часто. От взаимной симпатии к прямой вражде и — вновь — к согласию. Оба в пору разлада не будут скупиться на эпитеты — острые, порой обидные, жесткие, оскорбительные, часто меткие. Ленин, который был старше Троцкого почти на десять лет, увидел в пылком революционере, с жаром, взалев говорившем о Сибири, Самаре, Цюрихе и опять о Верхоленске, одного из тех, кто может открыть новую страницу революционного движения в России.

Троцкий, не дав подняться Владимиру Ильичу с постели, подвинув поближе стул, не останавливаясь, энергично жестикуюлирую, говорил, говорил, говорил... Так поет птица, обретшая свободу...

Едва ли сейчас Троцкий помнил последние слова, с огромным трудом, но искренне произнесенные Александрой Соколовской в момент прощания:

— Иди, тебя ждет большая судьба...

Европейский "бивуак"

В сентябре 1929 года Троцкий, находясь на острове Принкипо в Эгейском море и томясь неизвестностью, начал писать воспоминания под названием "Моя жизнь". В предисловии к своему двухтомному сочинению он напишет: "Здесь я нахожусь на бивуаке — не в первый раз, — терпеливо дожидаясь, что будет дальше". В жизни таких "бивуаков" у него будет немало. В первый раз на вынужденном "бивуаке" он

оказался в 1902 году. Разница была в том, что, очутившись тогда впервые в Европе, Троцкий не столько ожидал, сколько действовал: писал, спорил, ездил, воевал с пером наперевес, жадно глядяваясь большими голубыми пронизательными глазами в жизнь, знакомую раньше лишь по книгам и газетным статьям. Но и, конечно, ждал. Чего? Революцию... Все его биографы позже дружно отметят, что Троцкий был человеком с "большой европейской культурой". Скажем, правда, что люди, волею судеб искавшие убежища под западной, европейской крышей, были носителями не менее высокой культуры российской, но она была присуща лишь узкому интеллектуальному слою общества.

Троцкий более трети жизни провел в эмиграции. Каждый "бивуак" сыграл в его жизни свою роль и был окрашен в неповторимые политические и нравственные цвета. Если второй "бивуак", скажем так, был "долгим ожиданием", а третий — "изгнанием ожесточения", то "бивуак" первый явился для молодого революционера "восторженным открытием". Эти три жизненные станции, три вехи на пути одного из "выдающихся вождей" русской революции лежат в основе его взглядов на перманентную революцию, на роль IV Интернационала. Он был эмигрант, а на поле эмиграции всходы были разными, неоднозначными.

Эмиграция всегда играла заметную роль в политической и духовной жизни России. Когда Н.А.Бердяев оказался в изгнании, он спросил себя: "С какими же русскими мыслями приехал я на Запад?" И ответил: "Я принес эсхатологическое чувство судеб истории... Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции, в конечности и запредельности русского коммунизма, поставившего проблему, не решенную христианством... Принес сознание конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего, неразрешимого в пределах истории"³⁴.

А что же принес с собой на Запад молодой Бронштейн? Пока — жажду познания, постижения богатства европейской культуры. Он был настойчивым и воинственным учеником. Когда революционер окажется в изгнании третий, и последний раз, с собой он увезет лишь горечь личной трагедии, ненависть к Сталину и надежду на приход новой пролетарской революции...

Итак, Бронштейн оказался в эмиграции, где ему нужно было сохранить свое "я" и адаптироваться в новой социальной и духовной среде. Российская интеллигенция в те годы существовала как бы в двух средах. Одна — отечественная, близкая, зна-

комая, но более суровая для реализации идей свободомыслия. Другая — европейская, с более богатыми традициями политической и духовной терпимости к инакомыслию, была для нее больше чем очаг высокой культуры. Это была среда, где генерировались идеи и усилия, обращенные к России в надежде на свершение в ней революционных перемен. Интеллектуальный слой россиян всегда обладал исключительно высокой духовностью, глубокой одухотворенностью и верой в непреходящие идеалы. Герцен, Бакунин, Кропоткин, Лавров, Ткачев, многие другие оказывались в Европе не столько с мыслью о самосохранении, сколько с целью служения родине в специфических условиях.

Особенно мощный слой революционеров-интеллектуалов оказался за рубежом на грани веков: Ленин, Плеханов, Мартов, Потресов, Дан, Аксельрод, Засулич, другие представители российской социал-демократии. Это была плеяда революционеров, сыгравших особую роль в идейной и теоретической подготовке февральского и октябрьского революционных взрывов 1917 года. Особняком в этой когорте стоял Ленин, который принимал активное участие в подготовке грядущей революции и как теоретик, и как организатор. Осенью 1902 года в Лондон — эту своеобразную Мекку российских революционеров — прибыл Троцкий. Ему только-только исполнилось 23 года...

Молодого честолюбивого революционера влекла возможность сотрудничать в общероссийской социал-демократической газете. В редколлегии "Искры" состояли шесть блестящих умов, каждый из которых уже оставил заметный след в революционном движении. "Старики" — Плеханов, Засулич, Аксельрод — соседствовали с "молодыми": Лениным, Мартовым, Потресовым. Ленин быстро оценил Троцкого, дав ему весьма лестную характеристику: "Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед. И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало"³⁵. По предложению Ленина в марте 1903 года Троцкого ввели в состав редколлегии газеты с советательным голосом. С самого начала своего пребывания на Западе он много писал. Уже в ноябре 1902 года в "Искре" появилась его первая статья. Автор писал о стачках и революционных традициях, ссылке и II Интернационале. Писал не только в "Искру", но и в другие газеты. Диапазон Пера был исключительно широк, что уже смахивало на дилетантство. В фонде Троцкого хранится множество рукописей его статей: напечатан-

ных и ненапечатанных. Есть даже такая — "Нечто о сомнамбулизме".

Отношения с блестящей группой высокообразованных людей наложили неизгладимый отпечаток на духовный мир Троцкого. Особенно его тянуло к Аксельроду, Засулич и Мартову. Перед П.Б.Аксельродом Троцкий тогда преклонялся. Он посвятил ему восторженную статью, хотя в советское время не включил ее в свое собрание сочинений. Впрочем, свою первую крупную работу "Наши политические задачи", написанную в 1903 году, увенчал посвящением: "Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду".

К этому времени между Троцким и Лениным уже существовало отчуждение. И это нашло отражение в книге. В ней несколько негативно говорится о Ленине, настолько же высоко об Аксельроде. Как он отзывался об этом социал-демократе?

Аксельрод — "верный и проникательный страж интересов пролетарского движения"; "он истинный пролетарский идеолог"; "Аксельрод пишет не "статьями", а математически сжатыми формулами, из которых другие, в том числе и Ленин, делают очень много статей..."³⁶.

Троцкий поселился в доме, где жили Мартов и Засулич. По несколько раз в день они встречались, обсуждали новости, статьи и заметки, которые готовили в "Искру", много и жарко спорили. Молодой член редколлегии не скрывал своего восхищения и В.И.Засулич, которая еще до того, как Троцкий появился на свет, участвовала в террористических актах, прославилась на всю Россию шумным процессом, когда ее были вынуждены оправдать. Блестящий, мятежный ум нигилистки, ее воспоминания будоражили воображение молодого революционера, чья энергия искала выхода. Засулич принадлежала к тому поколению русских революционеров, которым органически был присущ радикализм решений и действий. Троцкий заявлял, что Засулич была для него "легендой революции". И это не слова. В мировоззрении Троцкого радикальные элементы доминировали всю жизнь. Он не признавал полумер, полушагов. Троцкий уже тогда мыслил радикальными категориями.

Поначалу у Троцкого сложились превосходные отношения и с Мартовым, блестящим журналистом, обладавшим способностью сколь образно, столь и глубоко анализировать самые сложные проблемы. Троцкий искренне восхищался Юлием Осиповичем. Мог ли он знать тогда, на рассвете века, что в марте 1919 года он напишет о своем кумире совсем, совсем

иное! Приведу несколько выдержек из того, что будет писать Троцкий о Мартове сразу после Октябрьской революции:

"Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, пронзительный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его пронзительности недоставало воли. Цепкость не заменяла их... Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть, без всякой иронии, назван виртуозом... Необыкновенная, чисто кошачья цепкость — воля безволия, упорство нерешительности — позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях... В конце концов Мартов стал самым изощренным, самым тонким, самым неуловимым, самым пронзительным политиком тупоумной, пошлой и трусливой мелкобуржуазной интеллигенции"³⁷.

Столь странную выдержку я привел не только для характеристики Мартова, которым Троцкий вначале восхищался, но и затем, чтобы показать, что человек, портрет которого мы хотим создать, был способен кардинально менять свои привязанности, давать нелюбезные оценки любому человеку. В своих суждениях, часто очень резких — иногда неоправданно, — просматриваются решимость и независимость Троцкого, отсутствие боязни "испортить отношения", примат независимости собственного мнения над любыми другими соображениями. Это очень скоро почувствовали все редакторы "Искры", особенно на II съезде партии.

Оказавшись на своем первом европейском "бивуаке", ставшем для него, как я уже отмечал, "восторженным открытием", Троцкий бесцеремонно, в упор разглядывал исторические фигуры, которые уже тогда для многих революционеров были легендарными. Таким был и Г.В.Плеханов. Хотя Георгий Валентинович жил в Швейцарии, он часто наезжал в Лондон. Проживший десятилетия на Западе, он заметно оторвался от русской почвы, но, несмотря на это, в революционных кругах, особенно в эмиграции, давно уже завоевал славу патриарха марксизма в России. Теоретическая основательность, непреклонная логика, энциклопедические знания, отличное перо сделали Плеханова настоящим корифеем марксизма. Однако Троцкого он встретил настороженно, если не сказать, враждеб-

но. Начальная настороженность быстро переросла в устойчивую неприязнь, которую Плеханов сохранил до конца своих дней. Он упорно возражал против ввода Пера в редколлегия "Искры". При личных встречах был подчеркнуто сух и неприступен. И Дейчер антипатию Плеханова объяснял так: "Оба были прекрасными публицистами и остроумными спорщиками, оба обладали театральной манерой говорить, оба высоко ценили себя, свои идеи и свои дела. Однако если звезда младшего только начинала подниматься, звезда старшего шла к закату. Троцкий был преисполнен кипучего, хотя и незрелого, но чудесного энтузиазма, Плеханов же становился скептиком. Когда Плеханов приехал в Лондон, Засулич горячо расхваливала в его присутствии таланты Троцкого.

— Этот парень — несомненно гений!

Плеханов помрачнел, отвернулся и произнес:

— Этому я никогда ему не прощу"³⁸.

Георгий Валентинович не раз заявлял на заседании редколлегии, что статьи Троцкого легковесны, напыщенны, цветисты и снижают общий теоретический и политический уровень газеты. Думаю, Плеханов был прав: многим материалам Троцкого того времени еще не хватает глубины, которую он заменяет россыпью афоризмов, множеством оригинальных цитат, откровенными сентенциями и красотами. Более осторожно, но в этом же ключе высказывался о статьях Троцкого и Ленин. Возможно, что критика помогла Троцкому скорректировать и выверить свой оригинальный, яркий стиль, хотя до конца своих дней он не научился спокойно и деловито воспринимать какие-либо критические стрелы в свой адрес. Он слишком рано уверовал в свою исключительность и интеллектуальное превосходство, чтобы выслушивать замечания. Когда человеку часто говорят, особенно в лицо, о его таланте и даже гениальности, критическое отношение к себе незаметно разъедается эрозией тщеславия.

Итак, несмотря на все старания, Троцкому не удалось установить более или менее лояльных отношений с Георгием Валентиновичем. "Отец-основатель" не мог принять дерзкой бойкости молодого революционера, безапелляционно и немедленно высказывавшего свое мнение по любому вопросу. Говорят, в 1917 году Плеханов в узком кругу бросил по адресу Троцкого саркастические слова: "любовник революции". Троцкий скоро и сам стал отвечать ему такой же неприязнью. В целом ряде статей, написанных позже о Плеханове, "любовник револю-

ции" довольно сурово обходился с одним из столпов марксизма.

В первом томе "Войны и революции", опубликованном в 1922 году, Троцкий напишет: "Война подытожила целую эпоху в социализме, взвесила и оценила вождей этой эпохи. Безжалостно ликвидировала она в их числе и Г.В.Плеханова. ...Несчастье Плеханова шло из того же корня, что и его бессмертная заслуга: он был предтечей. Он не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником"³⁹. Думаю, этот вывод не лишен оснований. Бывало, что Троцкий говорил о человеке, с которым лично познакомился в 1902 году, и резче, оскорбительнее. В газете "Наше слово" 14 октября 1915 года появилась его статья "Оставьте нас в покое". Там есть такие фразы: "Плехановщина — не только личная трагедия, но и политический факт. И раз возле Плеханова, в окружающей его свите нулей, нет никого, кто бы мог его заставить понять, что его выступления не только губят его, но и безнадежно омрачают образ, составляющий уже достояние партийной истории, — у нас не остается не только долга, но и права быть снисходительными". Когда Г.В.Плеханов умер, то в своей речи 4 июня 1918 года Троцкий сказал: "Нет и не может быть большей трагедии для политического деятеля, который неустанно доказывал в течение десятилетий, что русская революция может развиваться и прийти к победе лишь как революция рабочего класса, не может быть большей трагедии для такого деятеля, как отказаться от участия в движении рабочего класса в самый ответственный исторический период, в эпоху победоносной революции"⁴⁰.

Ленин, привлекая Троцкого к работе в газете, скоро стал одновременно использовать его талант трибуна, оратора, полемиста на различных диспутах и встречах. Запомнились его ожесточенные словесные схватки с социал-демократом Чайковским, анархистом Черкезовым, самим Мартовым. За рубежом жило много русских; немало было и англичан, французов, немцев, швейцарцев, которых интересовала теория марксизма, политическое положение в России, перспективы социализма в грядущем. По совету Ленина Троцкий не ограничил свою деятельность журналистикой, диспутами и начал выступать с лекциями в Лондоне, Брюсселе, Париже, Цюрихе. Постоянное общение молодого марксиста с известными революционерами не только быстро расширяло кругозор Пера, но и укрепляло его уверенность в своих способностях, особом даре, даже исключительности. Затем, во время второй эмиграции, такие выступле-

ния Троцкого станут обычными. В архивном фонде Л.Д.Троцкого сохранилась парижская афиша о его выступлении:

”В субботу 6 января 1912 года:

Н.Троцкий

прочтет реферат на тему

НЕОТЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ, содержащие:

Торгово-промышленный подъем. Оживление классовой борьбы. Воссоздание партийных организаций. Распад старых фракций. Фракционное раскрепощение. Беспринципность кружковых межзаваний. Выборы в четвертую Думу. Борьба за единство партии.

Приглашаются только члены Российской социал-демократической рабочей партии.

Цена за вход — 50 сантимов. Начало в 8^{1/2} вечера”⁴¹.

Многие люди знают, что они умны. Это естественно. Но Троцкий, будучи безусловно талантливым человеком, выдающимся публицистом и оратором, особо заботился, чтобы это было оценено другими. Он не чурался театральности жестов, экстравагантности выражений в надежде, что они усилят впечатление от его выступлений. Троцкий любил дело, но всегда любил и себя. Он обладал способностью смотреть на себя со стороны и любоваться. Троцкий был влюблен в самого себя почти как Нарцисс из ”Метаморфоз” Овидия. Обычно любовь к себе не рождает ревности у других. Но у Троцкого — случай особого рода. Он внутренне любил себя, но это чувствовали другие и расценивали это как выражение его превосходства.

Троцкий еще очень молодым навсегда поверил, что оставит — обязательно оставит! — глубокий след в истории. Одно из доказательств — он с очень раннего времени весьма тщательно сохранял следы своих публичных устных и печатных выступлений. В архивных фондах сохранились не только черновики статей, речей, проектов резолюций, но и пригласительные билеты, краткие пометки, сделанные на полях газет и календарных листах, вырезки из многочисленных периодических изданий, где хотя бы упоминалась его фамилия. Он не ошибся в том, что станет знаменитым, ведь это было его целью. Утверждая это, я не хочу принизить Троцкого как революционера, но намерен с убежденностью сказать: революция была для него основным способом самовыражения. Личное ”я” для него всегда значило больше, чем для многих других лидеров и вождей, исключая Сталина. Тот, мы знаем, надел тогу скромности, всю жизнь был пожиранием ненасытной жаждой власти и славы. Троцкого нельзя ставить рядом со Сталиным прежде всего по-

тому, что еще с юных лет он стремился прежде всего к величю интеллектуальному. Власть и слава были не страстью его, как у Кобы, а необходимыми атрибутами интеллектуального превосходства.

Это отступление я сделал для того, чтобы подчеркнуть уточненность устремлений Троцкого, для которого интеллектуальное признание значило неизмеримо больше, чем занятие официальных постов, обладание высоким политическим статусом.

Лондонский период первой эмиграции был связан с рядом выездов в другие города и страны. Для него все это действительно было "восторженным откровением": большой интерес людей к загадочной России; заметное внимание к нему — молодому революционеру; возможность общаться с людьми, о которых в интеллигентских кругах Отечества ходили легенды; появившаяся уверенность в том, что и по сравнению с известными лидерами западной социал-демократии русские социалисты не уступали им в мощи ума, культуры, смелых планов. В Париже, куда Троцкий приехал по настоянию Ленина, ему повезло услышать Жана Жореса, окунуться в жизнь Франции и почувствовать биение пульса страны иной парламентской культуры, чем Англия. Правда, порой Троцкий, отдавая должное уровню цивилизации западных стран, непременно подчеркивал российскую отсталость. В этом смысле он не щадил свою родину.

Даже говоря об ораторском искусстве французов, уничижительно писал: "...иной русский черноземный человек и у Жореса открывает лишь искусную техническую выучку и псевдоклассическую декламацию. Но в этой оценке сказывается только бедность нашей отечественной культуры"⁴². Вполне объяснимое преклонение Троцкого перед западной культурой, цивилизацией, уровнем буржуазной демократии, видимо, позволило ему подойти в свое время к выводу о решающей зависимости окончательной победы социализма в России от силы революционных пожаров на Западе. Троцкий, чья родина была на Востоке, в душе всегда бы "западником". Это выражалось не только в злом высмеивании славянофилов, но и в подчеркивании, что все "величайшие открытия и изобретения родились на Западе". Иногда складывалось впечатление, что Троцкий стыдился того, что родился в России. Правда, он умело маскировал свое "западничество" ссылками на других деятелей русской культуры, восхваливших достижения европейской цивилизации.

"Восторженное откровение" первой эмиграции связано и с

сугубо личными мотивами. Почтовая связь с А. Соколовской, оставшейся в Сибири с двумя детьми, довольно скоро ослабела. Юношеская увлеченность первой женщиной быстро проходила. Он не успел по-настоящему постичь ни радостей, ни мук, ни забот отцовства. Жена и две крохотные дочери отошли, как выразился Троцкий, в "невозвратное".

Когда в 1903 году в Париж к Троцкому приехали его родители, чтобы помириться с сыном, которым в душе гордились, мать сделала попытку напомнить сыну о его долге перед Соколовской и детьми. Троцкий мягко, но однозначно попросил родителей не поднимать больше этот вопрос. Мать замолчала, а старый Бронштейн в душе был рад; он был уверен, что именно эта женщина "сбила с пути их сына". Лейба показывал матери вырезки из газет со своими статьями, афиши, извещающие о "выступлениях Н. Троцкого", рассказывал о широком круге знакомых среди знаменитых людей. Восхищенные глаза матери выдавали ее отношение к сегодняшней жизни сына. Мать вслух читала заголовки статей Лейбы, отец с благоговением слушал. Старейшие Бронштейны наконец поняли, что другой жизни сын теперь не приемлет; кто знает, может быть, он станет великим писателем?

Уезжая из Парижа, колонисты с далекой Херсонщины оставили сыну денег и пообещали помогать двум его дочкам в России. Они не могли допустить, чтобы дети их незаурядного сына, который станет знаменитым (Бронштейны были теперь в этом уверены), бедствовали. Это противоречило бы их иудейской традиции.

К слову коротко замечу о еврейском происхождении и "сионизме" Троцкого. Его враги — от черносотенцев до нынешних антисемитов — всегда старались и стараются подчеркнуть еврейское происхождение Бронштейна. Нередко его деяния прямо связывают с "сионистским заговором", "еврейскими происками", масонством и т. д. Думаю; нет ничего более далекого от истины, нежели обвинение Троцкого в сионизме. Вождь-еврей... Для многих это выглядело и выглядит подозрительно... У Троцкого были минуты, когда он страдал от своего еврейского происхождения. Он отказался от поста наркома внутренних дел в правительстве Ленина, заявив, что "люди не поймут назначение еврея на эту должность". Он, видимо, имел в виду предрассудки, жившие в общественном сознании, для которого этот пост связан прежде всего с карательными функциями. Генриху Ягоде, кстати, не пришла такая мысль, как, впрочем, и Сталину, утверждавшему его в этой должности. Троцкий

никогда не мог забыть, что он еврей, и потому, что враги всегда напоминали ему об этом. Но что бы ни говорили о Троцком, его нельзя упрекнуть ни в национализме, ни в сионизме, ни в расизме. Имеется бесчисленное множество свидетельств, которые подтверждают интернациональный характер его мировоззрения.

В феврале 1932 года он отвечал своему стороннику Клингу:

— Вы спрашиваете, каково мое отношение к еврейскому языку?

Отвечаю:

— Как к всякому другому языку. Если я действительно употребил в своей "Автобиографии" слово "жаргон", то это потому, что в годы моей юности еврейский назывался не "идиш", как теперь, а "жаргон", так выражались сами евреи, по крайней мере в Одессе, и в это слово не вкладывали ничего предосудительного.

— Вы говорите, что "меня называют ассимилятором".

— Решительно не знаю, какой смысл может иметь это слово. Я, разумеется, противник сионизма и других видов самоизоляции еврейских рабочих...⁴³

Когда в мае 1932 года еврейские рабочие из Соединенных Штатов сообщили Троцкому на Принкипо о том, что они создали еврейскую газету "Наша борьба", опальный революционер им ответил: "Существование самостоятельного еврейского издания служит не для того, чтобы обособить еврейских рабочих, а, наоборот, чтобы сделать им доступными те идеи, которые связывают всех рабочих в одну революционную семью. Вы, разумеется, решительно и непримиримо отвергаете старый бундовский принцип федерации национальных организаций..."⁴⁴ Думаю, эти слова не требуют дополнительных комментариев: они отражают позицию Троцкого, которой он придерживался всю жизнь.

Будучи уже Председателем Реввоенсовета и наркомвоенном, он получил однажды в 1919 году письмо из Муром Владимирской губернии от коммуниста-корейца Нигая, в котором тот писал, что по России ходят темные слухи: "родину завоевали жидовские комиссары". Все несчастья народ сваливает на евреев. Мол, советская власть держится "на еврейских головах, латышских стрелках и русских дураках". Чтобы спасти страну от гибели и измен, Нигай советовал Троцкому "создать могучую еврейскую армию и вооружить ее с ног до головы... Чем евреи хуже татар, латышей, которые имеют свои полки..."⁴⁵

Троцкий с любопытством повертел в руках письмо и попро-

сил Бутова отправить Нигаю вместо ответа несколько его статей об интернациональном характере русской революции.

Находясь на вершине власти, он чувствовал, как живучи антисемитские предрассудки. А когда его положение пошатнулось, он это осознал еще глубже. В этом отношении весьма характерна его записка Н.И.Бухарину от 3 марта 1926 года. Приведу ее с сокращениями:

”Н.Иванович,

Пишу это письмо от руки (хотя и отвык), так как совестно диктовать стенографистке то, о чем хочу написать...

Секретарь ячейки (о котором я говорил) шипит, и опять совсем не случайно, — ”в Политбюро бузят жида”. И опять никто не решился об этом никуда сказать — по той же самой формулируемой причине: выгонят с завода.

Автор письма, которое я цитировал, рабочий-еврей. Он тоже не решился написать о ”жидах, агитирующих против ленинизма”. Мотив такой: ”если другие, не евреи, молчат, то мне как-то неловко...”. Другими словами: *члены коммунистической партии боятся донести партийным органам о черносотенной агитации, считая, что их, а не черносотенца выгонят...*

Вы скажете: преувеличение! И я также хотел бы думать, что так. Так вот я Вам предлагаю: давайте поедем в ячейку и проверим...

Вац Троцкий⁴⁶.

Но Бухарин в то время ходил в союзниках Сталина и никуда с Троцким не поехал...

Находясь уже в изгнании, в одном из своих писем он отвечает на вопрос корреспондента: как он относится к созданию Еврейской автономной области в Биробиджане?

Троцкий отвечает, как всегда, с позиции пролетарского революционера-интернационалиста, каковым он остался до конца своих дней. ”Еврейский вопрос, — пишет затворник с Принкипо, — стал сейчас составной частью мировой пролетарской революции. Что касается Биробиджана, то судьба его связана со всей дальнейшей судьбой Советского Союза. Еврейский вопрос, вследствие всей исторической судьбы еврейства, — интернационален... Судьба еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата...”⁴⁷ Какими бы ошибочными или наивными ни были упования Троцкого только на классовую борьбу и пролетарскую революцию в решении ”еврейского вопроса”, они, однако, убедительно свидетельствуют о глубокой враждебности революционера сионизму. Тем более странно слышать сегодня

слова о "зловещих троцкистских планах", смыкающихся с "мировой стратегией сионизма".

В своих скитаниях Троцкий выработал иммунитет к антисемитским выпадам, намекам, травле. Он просто стал выше этих древних предрассудков, которые всегда использовали силы консервативного, реакционного толка. У Троцкого много слабых, уязвимых мест, если не сказать больше. Но обвинять его в тайных симпатиях сионизму просто нечестно. Правда, я несколько отвлекся от своего повествования...

В Париже среди русских эмигрантов Троцкий встретил молодую, умную и красивую женщину — Наталью Седову. Ближе Троцкий познакомился с ней, когда после его выступления в русской колонии она вызвалась показать ему Лувр. Переходя из зала в зал мимо бессмертных шедевров, молодой человек в пенсне с копной черных волос узнает, что Наташа — дочь богатых родителей, училась в институте благородных девиц в Харькове, но была исключена за вольнодумство и чтение радикальной литературы. Здесь она изучает курс истории искусств в Сорбонне... Взаимное влечение было столь сильно, что вскоре Наталья Ивановна, оставив своего мужа, ушла к Троцкому. Вся последующая жизнь Льва Троцкого и Натальи Седовой говорит об исключительно сильных чувствах, сопровождавших этот брак всю жизнь. Наталья Ивановна Седова вспоминала о том времени: "Осень 1902 года была обильна рефератами в русской колонии Парижа. Группа "Искры", к которой я принадлежала, увидела сначала Мартова, потом Ленина... Затем выступал молодой товарищ, бежавший из ссылки. Выступление его было очень успешно, колония была в восторге, молодой искровец превзошел все ожидания".

Нужно сказать, что Н.И.Седова разделила в дальнейшем триумф мужа, оказавшегося на самом гребне революционной славы, и испытала вместе с ним всю горечь остракизма и преследований. Троцкий не раз говорил, что в самые тягостные минуты изгнания ему помогала выстоять прежде всего Наталья Седова. Он благодарен Парижу, что встретил ее здесь. Забегая вперед, скажу, что в его завещании, написанном в несколько приемов, есть исключительно теплые и нежные строки, обращенные к жене.

Но вернемся в Европу. Первый европейский "бивуак" Троцкого с осени 1902 года до возвращения в начале 1905 года в Россию был, возможно, самым счастливым периодом его личной жизни. Хотя сам Троцкий, по словам Н.Седовой, заявлял, что "был поглощен политической жизнью и всякую другую за-

мечал постольку, поскольку она сама напрашивалась, и воспринимал ее как доuku, как нечто такое, чего нельзя избежать⁷⁴⁸. Даже когда его спросили, каково его впечатление от Парижа, он, смеясь, ответил в своем типично парадоксальном духе:

— Похож на Одессу, но Одесса лучше!

Позже по этому поводу он скажет: "Сперва я "отрицал" Париж и даже пытался его игнорировать. В сущности, это была борьба варвара за самосохранение. Я чувствовал, что для того, чтоб приблизиться к Парижу и охватить его по-настоящему, нужно слишком много расходовать себя. А у меня была своя область, очень требовательная и недопускавшая соперничества: революция"⁴⁹. Да, революция была и осталась навсегда его вечной страстью.

Первая эмиграция была для Троцкого временем самоутверждения, постижения, откровения и шифчайших знакомств. Революционный провинциал с юга России, прошедший краткие тюремные и ссыльные университеты, воображал себя почти героем. Когда перед очередным выступлением в русской колонии где-нибудь в Льеже объявляли: "Слово для выступления с рефератом "Положение в социал-демократическом движении в России" имеет Лев Троцкий, недавно вырвавшийся из сибирской ссылки", — он чувствовал себя почти сотоварищем Веры Засулич накануне покушения на генерала Трепова...

Парадокс Троцкого

Русские радикалы были настойчивы. I съезд РСДРП, прошедший в Минске в марте 1898 года, был, пожалуй, символическим. Хотя создание Российской социал-демократической рабочей партии было провозглашено, ее, партии, не было. Вскоре после съезда члены ЦК были арестованы, и организационного оформления марксистских групп и кружков в партию не произошло. В анналах истории остался лишь яркий документ съезда — "Манифест РСДРП", написанный Петром Струве.

После подготовительной работы, проведенной Лениным и редколлегией "Искры", в июле — августе 1903 года наконец состоялся II съезд РСДРП. Делегаты собрались вначале в Брюсселе, но царская охранка протянула и туда свои шупальца, и съезд перебрался в Лондон. На форуме российских социал-демократов присутствовали 43 делегата, которые представляли

26 марксистских организаций. Троцкий имел мандат от Сибирской социал-демократической организации. Среди членов русской революционной колонии за ним уже закрепилась слава как о подпольщике, прошедшем, несмотря на молодость, тюрьмы и ссылки.

Приехав из Женевы в Брюссель вместе с младшим братом Ленина врачом Д.И.Ульяновым, Троцкий сразу же с головой ушел в работу съезда: доклады, споры, обсуждения резолюций, выступления... Съезд проходил в помещении склада так называемого Народного дома. В порядке дня стояло два десятка вопросов: конституирование съезда; место Бунда в РСДРП; Программа партии; национальный вопрос; демонстрации, восстания, террор; отношение к эсерам; выборы Центрального Комитета, Центрального Органа и Совета партии и другие.

Так уж случилось, что в широком спектре вопросов, вынесенных на обсуждение, ключевое место заняли две-три проблемы, имевшие впоследствии отголоски в будущем. Вначале ничто не предвещало бури. Но уже вопрос о Бунде едва не расколол съезд. Еврейская организация социал-демократов потребовала для себя особого, если не исключительного, положения: не только равных прав, что и было предусмотрено, но и "культурной автономии". На съезде было много евреев, и от решения вопроса в большой мере зависело, какое начало возьмет верх: национальное или интернациональное. К чести делегатов съезда, интернациональную позицию в этом вопросе заняли сами еврей-искровцы. Мартов и Троцкий, которые через несколько дней решительно разойдутся с Лениным, в этом вопросе помогли отстоять позицию "Искры". Троцкий с присущим ему жаром и страстью показывал национальную ограниченность, узость бундовской концепции, которая в принципе не позволит создать единую сильную партию в многонациональной стране. Троцкий так пылко защищал интернациональные позиции в вопросе о месте Бунда в РСДРП, что его даже называли "дубинкой Ленина". Троцкий нанизывал один аргумент на другой, доказывая, что если Бунд займет особое положение в партии, то другие фракции потребуют того же. А создание специфических условий национальным отрядам просто похоронит саму идею всероссийской организации. Троцкий, как восходящая звезда на социал-демократическом небосклоне, расценил требование Бунда как сепаратизм, который сначала утвердит себя в партии, а затем захватит и на государственность.

Ленинская линия победила, и съезд в своей резолюции записал: "Решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в

принципе, всякую возможность федеративных отношений между РСДРП и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой РСДРП положение автономной составной части...⁵⁰ Однако "Всеобщий еврейский рабочий союз" не пожелал входить в партию на таких условиях.

Взрыв произошел, казалось, неожиданно. Делегаты съезда приступили к обсуждению Устава партии. Сыр-бор разгорелся из-за первого параграфа Устава. На первый взгляд формулировки, предложенные Лениным и Мартовым, почти идентичны, за исключением вроде бы небольшого нюанса: в ленинском предложении член партии должен поддерживать партию не только материальными средствами, но и личным участием; у Мартова — поддержка "личным содействием"⁵¹. Терминологический спор выявил два разных подхода к членству в новой партии. Ленинский, как известно, выражал стремление создать жестко централизованную организацию, в которую могут входить люди, отвечающие вполне определенным требованиям, а главное, непосредственно принимающие участие в революционной деятельности. Мартов же хотел распахнуть двери партии демократически широко, создать ассоциацию сочувствующих лиц. Мартов и его сторонники набросились с критикой на Ленина, используя вопрос о членстве как предлог для выяснения всех накопившихся спорных вопросов в социал-демократическом движении. Особенно громко звучали голоса "обиженных". Дело в том, что Ленин предложил сократить число редакторов "Искры" до трех, оставив в их числе кроме себя Плеханова и Мартова. Это имело определенное основание. В 45 изданных номерах "Искры" (скоро ее стали называть "старой") Мартов написал 39 статей, Ленин — 32, Плеханов — 24, а менее активная часть редколлегии — значительно меньше: Потресов — 8, Засулич — 6, Аксельрод — 4. Ленин просто хотел оставить в редколлегии газеты наиболее деятельных членов, так как трое "выпавших" из состава писали мало, а главное, как, видимо, полагал Ленин, — слабо.

Поэтому, когда встал вопрос о первом параграфе Устава партии, неожиданно резко запротестовал Троцкий. Он не мог понять и простить, что из "Искры" убирают глубоко уважаемых им людей, хотя в своих выступлениях Ленин высказал в их адрес самые теплые слова. Мартов и Троцкий стали обвинять Ленина в узурпации власти и грубости. Два вчерашних союзника и товарища — Ленин и Мартов — с большой энергией стали обличать друг друга, выискивая скрытый смысл в противостоящих формулировках. У каждого были сторонники. Два

слова — ” участие” и ” содействие” — при попытке создания из них амальгамы-сплава как бы взорвались, расколов съезд. В этой ситуации Плеханов (правда, ненадолго) пошел за Лениным, а Троцкий — за Мартовым. Троцкий позже так охарактеризовал эту ситуацию с расстановкой сил в когорте корифеев: ”На съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и — навсегда. Плеханов, по-видимому, что-то почувствовал на съезде. По крайней мере, он сказал тогда Аксельроду про Ленина: ”Из такого теста делаются Робеспьеры”⁵². Думаю, что это замечание было пророческим.

Ленин был обескуражен позицией Троцкого, он рассчитывал на его решительную поддержку, тем более что ранее (даже на этом съезде) молодой революционер однозначно высказывался за крепкую, централизованную партию. И на заседаниях съезда, и вне их Ленин вместе с братом неоднократно лояльно, доброжелательно обращался к Троцкому, пытаясь доказать ему недостаточную взвешенность и продуманность его позиций. Но в какой уже раз симпатии и антипатии, личные отношения и амбиции сыграли в политике решающую роль! Так было и, вероятно, будет не раз. Мартов и Аксельрод оказались тогда ближе Троцкому, чем Ленин.

Ленин, умевший критически относиться только к противнику и очень редко к самому себе, в письме к А.Н.Потресову вопрошал: ”Я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто выступал и действовал в страшном раздражении, ”бешено”, я охотно готов признать *перед кем угодно эту свою вину*, — если следует называть виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc”⁵³. На заре большевизма Ленин еще мог самокритично относиться к себе.

Троцкий тогда занимал, видимо, более правильные позиции, чем Ленин. ”Его поведение, — писал Троцкий в 1929 году после депортации из СССР, — казалось мне недопустимым, ужасным, возмутительным... Мой разрыв с Лениным произошел таким образом как бы на ”моральной” и даже на личной почве. Но это была лишь видимость. По существу, почва расхождения имела политический характер, который лишь прорвался наружу в организационной области”. Далее Троцкий делает вывод: ”Так или иначе, второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой, хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет”⁵⁴. Думаю, эти оценки — честные. Но ни сам Троцкий, ни его многочисленные биографы не увидели

всей парадоксальности поведения молодого революционера.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос, в чем суть этого парадокса Троцкого, остановлюсь на другом вопросе, который, как мне кажется, имеет большое значение для понимания как русской, советской философии истории, так и политического портрета человека, которому посвящена эта работа.

Долгие годы ученые, раскрывая историческое значение II съезда РСДРП, касаясь перипетий борьбы относительно членства в партии, видели в этом прежде всего организационный вопрос: какой должна быть партия — крепостью или ассоциацией? Думаю, что дело не только в этом, а может быть, и главным образом, не в этом. Суть спора и конфликта, по моему мнению, лежит глубже. С момента распространения марксизма в России мыслители, общественные деятели, революционеры, то есть та небольшая прослойка интеллигенции, которая разделяла основную концепцию, воспринимала ее неоднозначно. Одна часть считала главным звеном в марксизме лишь его радикальные элементы, связанные со сломом старой государственной машины, установлением диктатуры пролетариата, ликвидацией эксплуататорских классов. Другая видела в марксизме прежде всего социал-демократические начала*, которые могут обеспечиваться и утверждаться не только революционным, но и реформистским путем. Отсюда ссылки на марксизм как тех, кто хотел достичь высоких целей, считая допустимыми террор, насилие, экспроприации, так и других, кто намеревался вынудить капиталистов пойти на уступки путем соглашений и компромиссов. Поэтому можно с убежденностью сказать, что на II съезде РСДРП раскол вновь созданной партии произошел не по организационному вопросу (это то, что лежало на поверхности), а по отношению к революционной методологии мышления и действия. Съезд оформил наличие двух параллельных стратегических тенденций: радикальной, революционной, бескомпромиссной, которую стали олицетворять большевики, и реформистской, эволюционной, парламентской, носителями которой в российском социал-демократическом движении были отныне меньшевики. Пожалуй, эта реальность отразила в более

* В первой Программе партии эти начала выражены в народовластии, "тайнстве" голосования, народных парламентах, неприкосновенности личности, свободе совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, свободе передвижения, праве получать образование на родном языке и т.д. — Д В

широком плане то, что есть в любом революционном движении: радикальное и умеренное крылья.

В России противоборство этих двух тенденций приняло вначале драматический, а затем и трагический характер. Думаю, было бы идеально, если бы в общем революционном потоке существовали оба крыла, борясь друг с другом демократическими методами и доказывая социальной практикой преимущества своих подходов и программ. Представляется, что стремление к монизму тех и других в конечном счете оставило в проигрыше само революционное движение. Хотя в то время Ленин формально не ставил вопроса об однопартийном государстве. Идеи реального плюрализма, к сожалению, и по сей день для многих остаются еретическими. Здесь мы сразу забываем, что любим именовать себя диалектиками, но диалектика, как известно, основной источник социального движения видит в борьбе противоположностей. Отказ от революционного плюрализма стал истоком многих бед в грядущем, особенно после Октября 1917 года. По-моему, Ленин и Мартов, борясь на съезде, уже тогда понимали, что дело далеко не в организационных вопросах. В незаконченном труде "Мировой большевизм", написанном Мартовым в 1919 году и вышедшем после его смерти, лидер меньшевиков, вскрывая истоки большевизма, пронизательно писал: Ленин с самого начала "скептически относился к возможности демократического решения социально-политических проблем, уповая на "экономический вандализм" и "военное насилие"⁵⁵.

Ну а в чем парадокс поведения Троцкого? Я полагаю, внимательный читатель уже понял. Троцкий, будучи по убеждениям, по натуре, по мировоззренческим установкам ярко выраженным радикалом, попросту говоря "леваком", неожиданно поддержал реформистов, умеренных! Это внешне действительно очень парадоксально. Троцкий, который станет певцом мировой, перманентной, социалистической революции и будет им всю свою жизнь, вдруг поддержал — и решительно! — Мартова, о котором позже напишет такие убийственные строки: "Более его образованные в своих областях Гильфердинг, Бауэр, Реннер и сам Каутский (т.е. реформисты. — Д.В.) являются, однако, в сравнении с Мартовым неуклюжими подмастерьями, поскольку дело идет о *политической* (курсив мой. — Д.В.) фальсификации марксизма..."⁵⁶

Парадокс этот только кажущийся. Троцкий при всем своем феерическом блеске ума, способности с интеллектуальным изяществом, в афористичной форме излагать сложные идеи, тем не

менею во многих вопросах тогда скользил еще по поверхности. Внешняя энциклопедичность весьма часто не подкреплялась глубиной анализа. Троцкий не видел, что, поддерживая Мартова и его сторонников, он не просто голосовал за их формулировку, а выступал против самого себя.

Позже Троцкий это поймет, но инерция борьбы еще долго будет цепко держать его в оппозиции Ленину. Свою историческую промашку "любовник революции" постарается вскоре исправить или смягчить своеобразным способом — заняв центристские позиции. Об этом он и сам позже откровенно скажет: "Организационно я не входил ни в одну из фракций. Я продолжал сотрудничать с Красиным, который был в то время большевиком-примиренцем: это еще больше сблизило нас, в виду тогдашней моей позиции. В то же время я поддерживал связь с местной группой меньшевиков, которая вела очень революционную линию"⁵⁷.

Но тогда остановиться в своем противодействии Ленину Троцкий уже не мог; вступила в действие логика идейной борьбы. Вскоре после съезда Троцкий написал статью "Отчет Сибирской делегации", где утверждал: "...съезд думал, что занят конструктивной работой, но работа была разрушительной... Кто мог ожидать, что съезд, созванный "Искрой", беспощадно растопчет редколлегию "Искры"?.. Какой политический провидец мог предсказать, что Мартов и Ленин выступят... враждебными руководителями враждующих фракций? Все это оказалось ударом грома среди ясного неба. Этот человек (Ленин) со свойственной ему энергией и талантом возьмет на себя роль дезорганизатора партии..."⁵⁸.

Троцкий в своем "Отчете" не без оснований стал обвинять Ленина в попытке "термидора" в партии, "захвате" в ней власти, стремлении действовать "железным кулаком". Демократическое "западничество" в тот момент оказалось у Троцкого сильнее. Пожалуй, кульминацией критики Троцкого явилась его брошюра "Наши политические задачи", вышедшая в августе 1904 года в Женеве. Троцкий, как я уже говорил, посвятил свой труд "дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду". Кстати, это посвящение предельно зло обыграл 23 октября 1927 года на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин, поставив Троцкого в положение глухой обороны⁵⁹.

Троцкий в брошюре обвиняет Ленина во всех грехах: в отлучении революционных предшественников от социал-демократического движения, в "недопустимом разгроме" экономистов,

узурпаторстве партийной власти. Он пророчески предрекал, что предоставление особых полномочий Центральному Комитету может открыть дорогу единоличному диктатору... Троцкий не остановился и перед тем, что назвал Ленина "Максимилианом Лениным" (намекая на Робеспьера. — *Д.В.*), "сухим статистиком", "неряшливым адвокатом", "демагогом", "злым человеком" и т.д.

При чтении брошюры складывается впечатление, что Троцкий отвергает Ленина не по "частям", а целиком. Причем делает это в грубой форме. "Утопив вопрос тактики в вопросе "философском", — пишет молодой революционер, — тов. Ленин купил себе право отождествлять содержание партийной практики с содержанием партийной программы. Он не хочет ничего знать о том, что нам нужны не "философские корни в глубине" — какой дремучий вздор!.. — а живые политические корни, живой контакт с массой..." У Ленина, читаем дальше, "борьба со шпионами заслоняет собою борьбу с абсолютизмом и другую, гораздо более великую борьбу — за освобождение рабочего класса!"⁶⁰

Ни один революционер, называвший себя марксистом, пожалуй, никогда не нападал с такой яростью на Ленина. Самое поразительное, что насакивал на признанного лидера российской социал-демократической партии человек, которого Ленин заметил одним из первых и, по сути, сам вывел на широкую сцену политической деятельности. Троцкий атаковал Ленина, не заботясь об аргументах (у него их часто попросту не было), с чисто юношеским задором. Думаю, что в данном случае Троцкий не оценил в полной мере политические возможности Ленина. Возможно, он подумал, что диалектика борьбы окончательна и бесповоротно отбирает у Ленина первые роли в исторической драме. И крупно ошибся. Причем не в первый и не в последний раз. Хотя Троцкий обладал неизмеримо большими прогностическими способностями, чем, допустим, Сталин и даже сам Ленин.

За свой "небольшевизм" Троцкому пришлось в жизни много оправдываться. Даже в первые полтора десятилетия века ему старались об этом напомнить многие. Получив уже в последнем своем изгнании письмо от своих сторонников, в котором они писали, как один из его бывших сторонников Тольгеймер уличал его в "антиленинизме", Троцкий отвечал им:

"Троцкий не был большевиком до 1917 года. Верно, я до 1917 года стоял вне большевистской фракции. Я думаю, однако, что я и во время моих расхождений с большевиками стоял

гораздо ближе к Ленину, чем Тольгеймер сейчас. Если я пришел к Ленину позже ряда других большевиков, то это не значит, что я понял Ленина хуже их. Франц Меринг пришел к марксизму гораздо позже, чем Каутский и Бернштейн, которые с молодых лет попали под прямое влияние Маркса и Энгельса. Это не помешало тому, что Франц Меринг остался революционным марксистом до смерти, а Бернштейн и Каутский доживают свою жизнь, как жалкие оппортунисты. Совершенно верно, что Ленин в ряде важнейших вопросов был против меня, но почему отсюда вытекает, что Тольгеймер прав против меня? Это мне не ясно⁶¹.

Таким образом, Троцкий, будучи сам "якобинцем", обвинял Ленина в начале века в радикализме; будучи сам "центристом", обвинял Ленина в стремлении сконцентрировать партийную власть в центральных органах; будучи сам сторонником Робеспьера, бросал обвинение Ленину как потенциальному диктатору. Этот парадокс Троцкого, повторюсь, связан, с одной стороны, с подменной идеей людми. Для него уход в тень Аксельрода и Засулич, например, казался чуть ли не трагедией, а Ленин, "виновник" этого смещения, представлялся узурпатором. С другой стороны, многие выводы этого периода у Троцкого не рациональны, а слишком интуитивны и эмоциональны. Яркое воображение пока не опиралось на глубокое интеллектуальное осмысление.

В трудах Троцкого, как я уже упоминал, сохранилось немало ядовитых, недружественных, хотя по сути верных, высказываний в адрес Ленина. И Троцкого очень злило, что чаще всего Ленин как бы не замечал саркастических филиппик Троцкого в свой адрес, не удостоивая его ответом. Лишь изредка, по ходу полемики, давал Троцкому убийственные характеристики. Его метания между большевиками и меньшевиками, непоследовательность, увлечение красивой фразой, позой получили известную ленинскую оценку в его письмах к И.Арманд.

"Вот так Троцкий!! Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно..."⁶²

Я приводил выше ряд высказываний Троцкого по адресу Ленина в его ранних статьях и брошюрах. Менее известны его более поздние письма с оценками Ленина. Вот, например, что он писал члену Государственной думы Н.С.Чхеидзе:

"...Дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Все здание лениниз-

ма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения...

24 марта 1913 г.

Л.Троцкий

Адрес: Л.Бронштейну, XIX Родлергассе, 25.II, Вена⁶³.

Пожалуй, это самая злая тирада Троцкого в адрес Ленина. Однако она наиболее верна... До 1917 года отношения их были натянутыми. Но стоило Троцкому во время бурных событий того года убедиться в немалой интеллектуальной мощи Ленина, подкрепленной его жесткими действиями в политической и социальной практике, он признал его первенство. До своих последних дней он всегда судил о Ленине как о подлинном вожде и преклонялся перед ним. Это из истории не выбросить, хотя раньше и пытались сделать. С октябрьских дней до ленинской кончины их сотрудничество было тесным, близким, конструктивным. Думаю, Троцкий был не только вторым человеком в русской революции, но и ближе всех к Ленину по радикальности намерений и решимости. Это были главные архитекторы большевистской Системы. Как Троцкий записал 10 апреля 1935 года, вспоминая свои отношения с Владимиром Ильичем, "у нас бывали с Лениным острые столкновения, ибо в тех случаях, когда я расходился с ним по серьезному вопросу, я вел борьбу до конца. Такие случаи, естественно, врезывались в память всех, и о них много говорили и писали впоследствии эпигоны. Но стократно более многочисленны те случаи, когда мы с Лениным понимали друг друга с полуслова, причем наша солидарность обеспечивала прохождение вопроса в Политбюро без трений. Эту солидарность Ленин очень ценил"⁶⁴.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что Троцкий в своих ранних оценках Ленина был близок к истине. Да, Ленин был радикалом, иногда — ярко выраженным. Оценки Троцкого, характеризующие Ленина как жесткого, нетерпимого, безапелляционного человека, во многом верны. Нас причили видеть всё в Ленине только в превосходной степени. Но ведь это далеко не так. Даже не касаясь политических вопросов, а обращаясь лишь к теории, мы видим нигилистическое отношение Ленина к буржуазной общественной мысли вообще. Чего стоят слова Ленина о том, что "ни единому из этих профессоров" в области философии и политэкономии "нельзя верить ни в едином слове"⁶⁵. Ограниченность этого "зряшного отрицания" Ленина подметили давно. Например, Н.Валентинов, один из известных русских социал-демократов, так писал об этой ленинской грани личности: "Теория Маркса, — провозглашал Ленин, — есть

объективная истина, а все вне ее — "скудоумие и шарлатанство"⁶⁶. Не нужно доказывать, что такой вывод Ленина абсолютно не соответствует действительности.

По сути, после II съезда РСДРП, а особенно после революции 1905 года и до Февраля 1917 года, Троцкий большую часть своей неуемной энергии тратил на фракционную борьбу. Он был человеком, умевшим своих друзей превращать во врагов. Но это обстоятельство нередко ставило его в положение, когда огонь по нему велся с обеих сторон. Как писал И. Дейчер, он часто "рвал со своими политическими друзьями, не имея больших шансов прийти к согласию со своими противниками"⁶⁷. Его политические шараханья нередко ставили в тупик и его друзей, которые после очередного зигзага становились бывшими друзьями. Достаточно вспомнить его отношения с Мартовым, Парвусом, Адлером, многими другими. Но это парадокс не только Троцкого, но и его времени.

"Прапорщик Арбузов"

Да, именно с таким паспортом на имя отставного прапорщика Арбузова Троцкий в феврале 1905 года приехал в Киев. Он уже привык, что в своем отечестве его фамилии, партийные клички постоянно меняются: Львов, Яновский, Викентьев, Петр Петрович, Янов, Арбузов... Еще месяц назад он не думал о возвращении, целиком захваченный чтением рефератов, написанием статей, полемикой со вчерашними друзьями, возможностью общения с интереснейшими людьми. Но весть о кровавом воскресенья в Петербурге всколыхнула всю колонию русских революционеров за рубежом. Даже полемика между большевиками и меньшевиками, достигавшая порой неприличных форм, ослабла. Меньшевистская (теперь "Искра" воевала с ленинской газетой "Вперед". Плеханов, еще совсем недавно солидаризировавшийся с Лениным, в своих ядовитых статьях пытался побольнее уколоть его, будучи уверенным, что политически устраняет "русского якобинца". Но это было до 9 января 1905 года. Сейчас же все с надеждой и тревогой устремили свои мысленные взоры на Восток. Нараставшие события обещали подтвердить или опрокинуть прогнозы соперничающих фракций.

Сразу скажу, что большинство эмигрантов, даже влача довольно жалкое существование, не стремились в Россию, где

пролетариат, похоже, был всерьез намерен опрокинуть самодержавные чертоги. Эмиграция "засасывает". Многие привыкают смотреть на события в отечестве "извне". Немало революционеров такая жизнь уже устраивала: наблюдение издалека, аналитические обзоры прошедших стачек, гневные обвинения преступлений самодержавия, но... все это взгляд со стороны. И совсем иное отношение к событиям, если находишься в цехах Путиловского, в московских железнодорожных депо, на броненосце "Потемкин", в университетских аудиториях или идешь с Георгием Гапоном к Зимнему дворцу.

Троцкий был в высшей степени деятельной натурой. Его всегда тянуло в эпицентр событий: на диспуте, демонстрации, съезде, на фронте... У большого русского революционера этого отнять нельзя; он был не историческим свидетелем, а активнейшим участником и творцом истории. Поэтому нелегальное возвращение Троцкого в Россию сразу же после январских событий было для него естественным.

Я не хочу анализировать события первой русской революции. Этим занимались много и долго. Мне хотелось лишь коснуться некоторых сторон деятельности Троцкого во время этой репетиции грядущего 1917 года. Тем более что советская историография не скупилась на мрачные краски, когда приходилось упоминать имя члена, а затем — короткое время — и Председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. Долгие десятилетия в нашей истории Троцкий "подпадал" под действие древнеримского "Закона об осуждении памяти". Все были обя-заны или забыть его, или однозначно осудить.

"Отставной прапорщик" прибыл в Киев в качестве респектабельного, преуспевающего предпринимателя. Выхавшая раньше Н.Седова подыскала квартиру, установила необходимые связи с подпольем, познакомила приехавшего в Киев мужа с молодым инженером Л.Красиным, видным большевиком, которого хорошо знал Ленин. Киевскую остановку Троцкий использовал, по сути, для более детального ознакомления с положением в стране, в социал-демократических организациях и с настроением людей. Красин, стоявший на позициях примиренчества двух фракций, серьезно ему помог. Но Троцкий не только ознакомился с ситуацией. Его перо непрерывно работало. Троцкий писал обо всем: о роли стачки в нарастании революции, о двойственной природе либералов, о ренегатстве в марксизме. Например, в материале, посланном в "Искру" и озаглавленном "Нечто о квалифицированных демократах" с подписью-псевдонимом Неофит, Троцкий писал: "Самый вредный

тип демократов, это — из бывших марксистов. Главные их черты: непрерывная, точащая и ноющая, как зубная боль, ненависть к социал-демократам. Нашей партии они мстят за свое прошлое или, может быть, за... настоящее... Марксизм их "повредил" — некоторых на всю жизнь. Нравственная связь с пролетариатом и его партией, если и была когда, то порвалась совершенно... Господам квалифицированным демократам придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не историю"⁶⁸. Так Троцкий разделялся с П.Струве и другими социал-демократами, которые в час решающих испытаний стали искать компромисс с самодержавием.

Перебравшись с помощью Красина в Петербург, Троцкий с головой ушел в революционную работу, участвуя в текущих совещаниях забастовочных комитетов, готовя яркие прокламации, которые расклеивались по городу, распространялись на фабриках и заводах... Но когда на маевке арестовали Седову и возникла угроза и его ареста, Троцкий с квартиры полковника А.А.Литкенса, где он нелегально жил, вынужден был укрыться в Финляндии. За три месяца пребывания в уединенном глухом пансионе "Мир" Троцкий написал десятки статей, листовок, прокламаций, которые пересылались в Петербург. Думаю, что читателю будет небезынтересно познакомиться с его революционным творчеством того времени.

Когда 1 мая 1905 года демонстрации, несмотря на усилия организаторов стачек и забастовок, пошли на спад, Троцкий обратился к рабочим Петербурга:

"Слушайте, товарищи. Вы устрашились царских солдат.

Но вы не страшитесь изо дня в день ходить на фабрики и заводы, где машины высасывают вашу кровь и калечат ваше тело.

Вы устрашились царских солдат. Но вы не страшитесь отдавать ваших братьев в царскую армию, которая гибнет на великом неоплаканном кладбище в Маньчжурии.

Вы устрашились царских солдат. Но вы не страшитесь жить изо дня в день под властью разбойничьей полиции, казарменных палачей, для которых жизнь рабочего пролетария дешевле, чем жизнь рабочего скота"⁶⁹.

В каждой прокламации Троцкий объяснял, убеждал, обращался, звал, лстил, рисовал перспективу. Вот, например, его обращение к солдатам и матросам русской армии:

"Солдаты! Вы долго не понимали требований народа. Ваши начальники и попы лгали и клеветали вам на народ. Они держали вас во тьме. Они натравливали вас на народ. Они за-

ставляли вас обгагрять руки кровью рабочих. Они превратили вас в палачей русского народа. Они обрушили на ваши головы страшные проклятия матерей и детей, жен и старцев...

Солдаты! Наше государство — огромный броненосец. На нем насильничают чиновники царские и стонет измученный народ. Спасение для нас одно: по примеру "Потемкина" выкинуть за борт всю правящую нами шайку и взять управление государством в свои собственные руки. Мы сами направим ход родного броненосца, которому имя Россия!..

Солдаты! При встрече с народом — ружье вверх! Офицеру, который командует залп, — первая пуля! Пусть от руки честного солдата падет палач!"⁷⁰

Когда 14 мая 1905 года русская эскадра под командой вице-адмирала З.П.Рожественского близ острова Цусима приняла бой с японской эскадрой адмирала Х.Того, никто не мог и предположить, сколь страшным будет результат. Царский флот потерпел катастрофическое поражение. Россия была позорена. Троцкий тут же написал большую прокламацию: "Долой позорную бойню!". Листовка ходила из рук в руки не только в Петербурге, но и во многих городах России. Была она выдержана в таком духе:

"...Флот Рождественского (у Троцкого фамилия Зиновия Петровича дана неправильно. — Д.В.) разрушен без остатка. Погибли почти все суда, убиты, ранены или полонены почти все люди экипажа. Адмиралы ранены или в плену. Нет более эскадры, которая была послана царским правительством, чтобы отомстить Японии за многочисленные поражения. Русского флота не существует. Не японцы уничтожили его. Нет, его погубило царское правительство... Война не нужна всему народу! Она нужна правительственной шайке, которая мечтала о захвате новых земель и хочет народной кровью потушить пламя народного гнева... Долой виновника позорной бойни — царское правительство!"⁷¹

Троцкий находился под Петербургом и знал, что его искала царская охранка. Но когда разразилась всеобщая октябрьская политическая стачка, Троцкий не выдержал и вернулся в столицу. Революционный подъем наступил вопреки прогнозам большевиков, которые думали, что он произойдет в первую годовщину кровавой бойни у Зимнего дворца, а он произошел на три месяца раньше. Народное творчество силой своего коллективного интеллекта, воли и чувств создало российский "конвент" — Петербургский Совет рабочих депутатов во главе с Г.С.Хрустальевым-Носарем. Троцкого избрали его заместите-

лем. Авторитет революционного органа стремительно рос. Первое заседание Совета состоялось 13 октября, а 15-го там появился Троцкий и сразу привлек внимание всех членов своей бурной энергией, страстными выступлениями, радикальными предложениями. Молодой энергичный революционер был исключительно собран, деятелен, вездесущ, привлекателен. При участии Троцкого приняли решение издавать газету "Известия" как орган Совета; выдвинули требование о введении 8-часового рабочего дня и о признании нового революционного органа как выразителя интересов трудящихся. В Технологическом институте, где разместился Совет, делегации от различных районов столицы ждали распоряжений, инструкций. Царило приподнятое настроение. В составе Совета был образован Исполком, в котором наряду с представителями других организаций были три большевика, три меньшевика и три эсера. Среди большевиков выделялся Сверчков, у меньшевиков — Троцкий, а из эсеров — Авксентьев. Партийная принадлежность Хрусталева-Носаря не была ярко выражена.

Волны стачки расходились все шире и шире. Самодержавная власть была в растерянности. Но ею был сделан шаг, который как бы затормозил революционный локомотив: 17 октября 1905 года царь издал Манифест, в котором обещал народу конституционные свободы. В ночь с 17 на 18 октября толпы народа вышли на улицы с красными знаменами, требуя смещения ненавистных правителей, широкой амнистии, наказания тех, кто организовал кровавое воскресенье 9 января. Народ увидел в вынужденном акте царя свою победу.

Советская историография всегда смотрела на царский Манифест лишь как на вынужденный и хитрый маневр. Но вдуваемся в слова Высочайшего Манифеста.

"...На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемы основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей..."⁷²

Высочайший Манифест, данный "божией милостью, Мы, Николаем Вторым, императором и самодержцем всероссийским, Царем польским, Великим князем финляндским... и про-

чая, и прочая, и прочая”, не был простой бумажкой, как его изображал “Краткий курс истории ВКП(б)”. Это был крупный шаг к переходу на рельсы конституционной монархии, а следовательно, движение к буржуазной демократии. Но этот исторический шанс был упущен.

Троцкий, как и большевики, оценил Манифест как полупобеду. Манифест как бы заставил одуматься и либералов, и буржуазию, и значительную часть интеллигенции, которая вначале выступала против абсолютизма, а теперь испугалась “грозящей анархии”.

Граф Витте в своем докладе царю так определил истоки и корни очередной русской смуты: “Они — в нарушении равновесия между идейными стремлениями русского мыслящего общества и нынешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы”⁷³. Сказано провидчески: “...переросла форму существующего строя...”. Граф предложил добиться соответствия “идейных стремлений” и “новой формы” без “репрессивных мер”. Как бы мы ни относились к высоким царским сановникам и самодержавному режиму в целом, в виттевской программе отражен многовековой опыт русской государственности.

Витте, которого именно стачка сделала премьером, в своих “Воспоминаниях” позже писал: “17 октября заставило многих опомниться, образовало партии, заговорил патриотизм, чувство собственности, и русская телега начала волочить оглобли направо...” Но реформаторски думали далеко не многие. Верх одержало желание заглушить смуту силой. Тем более что министр внутренних дел генерал Трепов повелел “устранить непорядки”, а при этом “патронов не жалеть!”. Ленин в Женеве, Совет в Петербурге почувствовали, что пошатнувшееся здание самодержавия устоит; удалось поднять против царизма только город, только рабочих. Правительство по-прежнему имело возможность опереться на огромные, темные массы крестьян, особенно на одетых в солдатские шинели. Русские якобинцы понимали, что не только программу-максимум, заключающуюся в установлении диктатуры пролетариата и подавлении сопротивления эксплуататоров сейчас не решить, но и не достичь программы-минимум: свержения царизма и образования Временного революционного правительства. Ни у кого из руководителей РСДРП, к слову, не возникали сомнения в исторической правомерности диктатуры пролетариата. Конституционная монархия как наиболее реальный тогда исторический

шаг — отвергалась. Русские революционеры были максималистами. Как справедливо писал позже известный русский политический деятель Виктор Чернов: "Дух русской революции, — это знают все, — есть дух максимализма"⁷⁴. Это один из самых дальних истоков будущих потрясений России в XX веке.

17 октября у здания Петербургского университета собралась огромная толпа. С балкона выступали разные ораторы. Большинство расценивало Манифест как большую победу. На революционную трибуну пробился и Троцкий. Его представили как Яновского. Но могли бы назвать и Арбузовым — у Троцкого было два паспорта. С копной черных густых волос, с горящими глазами, прикрытыми стеклами пенсне, Троцкий быстро завладел толпой и бросил вниз едва ли не главные слова в своей речи:

— Граждане! Теперь, когда мы поставили ногу на глотку правящей клике, она обещает нам свободу. Не торопитесь праздновать победу, она еще неполная. Разве вексель стоит столько же, сколько чистое золото? Разве обещание свободы равноценно свободе? Что изменилось со вчерашнего дня? Распахнулись ли двери наших тюрем? Вернулись ли наши братья из дикой Сибири?

Огромная толпа поддерживала слова Троцкого, громко скандируя: "Свободу народу! Амнистию заключенным! Под суд Трепова!"

Троцкий властвовал над толпой, бросая в порох страстей слова-искры, нагнетая возбуждение массы до высокой точки кипения. В заключение своей блестящей речи он выкрикнул еще несколько фраз:

— Граждане! Наша сила в нас. Мы должны защищать свободу с мечом в руках. Царский Манифест всего лишь клочок бумаги... Его нам сегодня дали, а завтра порвут в клочки, как это сделаю я сейчас!

Троцкий помахал направо и налево текстом Манифеста и затем демонстративно порвал его. Клочки бумаги, подхваченные дуновением ветра, понесло в сторону...⁷⁵ Масса людей горячо аплодировала новому, пока неизвестному трибуну революции.

Деревня не поддержала рабочих. Да и не было сил ее поднять. Армия осталась верной правительству. У бастующих не было оружия. Либеральная интеллигенция оказалась смертельно напуганной революционным размахом выступления рабочих. Российские социал-демократы хотели невозможного. Троцкий безапелляционно и жестко, но далеко не справедливо

”проехался” по интеллектуальному слою российского общества, и в частности по профессуре:

”Мы знаем, что профессора — это самая косная, безличная, на все готовая корпорация русской интеллигенции. Не было той холопской миссии, от которой отказалась бы профессура. За чин и плату они играли роль пуделей казенной науки. Не было той полицейской репрессии, аппаратом которой не были бы профессора”⁷⁶.

Со своей обычной бескомпромиссностью, что в политике нередко ведет к ошибкам, а в революционной атмосфере народного возбуждения, наоборот, производит большое впечатление, Троцкий бичевал обывателей, либералов, казенную профессуру, попутчиков революции. Чего стоят одни лишь названия его тогдашних статей: ”Профессора в роли политических дворников”, ”Профессорская газета клеветает”, ”Кадетские профессора в роли крестьянских трибунов”⁷⁷. Революционная волна, вздымая на свой гребень подлинных вождей, срывает с места и обывателя, который, однако, способен лишь на то, чтобы гасить эту волну. ”Революция, — писал Троцкий, — оставила его (филистера) без газеты, потушила в его квартире электрическую лампочку и на темной стене начертала огненные письма каких-то новых смутных, но великих целей. Он хотел верить — и не смел. Хотел подняться ввысь — и не мог...”⁷⁸

Война Троцкого с либерализмом была выражением его радикализма, часто явно переключавшегося через край. Иногда он доходил до утверждений, что либерализм фактически заслуживает такой же ненависти, как и царизм. Эта черта — недоверие, или даже враждебность к интеллигенции, присущая в дальнейшем многим большевикам, — также один из дальних истоков их трагических заблуждений. В черновом варианте предисловия к книге о первой русской революции (на немецком языке) Троцкий писал: ”Автор ни на одну минуту не пытается скрыть от читателя свою ненависть к царской реакции, этому подлому сочетанию азиатского кнута и европейской биржи, или свое презрение к русскому либерализму, самому ничтожному и самому бесхарактерному в мировой галерее политических партий”⁷⁹. Либеральная профессура казалась Троцкому не менее опасной, чем жандармерия... Таково было русское якобинство.

По предложению Троцкого, видевшего, что революционное движение идет на спад, Совет принял решение о прекращении октябрьской стачки. Началась подготовка боевых дружин, в задачу которых входили предотвращение погромов, защита демонстраций, рабочих газет, Совета рабочих депутатов. Троц-

кий быстро стал играть ведущую роль в Совете, и между ним и Хрустальевым-Носарем возникло внешне невидимое, но сильное соперничество. Председатель Совета, адвокат по профессии, не занимал ясно выраженной политической позиции по многим вопросам. Троцкий позже в газете "Луч" поместил две убийственные заметки о Георгии Носаре, упомянув даже о сообщении буржуазной газеты, что в Париже он арестован за воровство...

"Хрусталева, — писал Троцкий, — светил двойным светом: партии и массы. Но и тот и другой свет был отраженным, т.е. чужим. Собственный рост Хрусталева совершенно не соответствовал ни той внешней роли, которую ему пришлось сыграть, ни — еще менее — той легендарной популярности, какую ему доставила буржуазная пресса...

Личная судьба Георгия Носаря глубоко трагична. История раздавила этого нравственно нестойкого человека, взвалив на него тяготу неволе. Обывательская фантазия создала, при содействии прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгий Носарь разбил эту фигуру вдребезги и... разбился сам"⁸⁰. Да, как явствует из архивов, Хрусталева-Носаря был в известном смысле "сомнительным" революционером, о чем говорит его поведение на суде, в ссылке, эмиграции, после Октябрьской революции. Жизнь безжалостно сбросила его с гребня революционной волны, но Троцкий, проявляя свою беспощадность к соперникам, не отказал себе в удовольствии нанести неудачнику еще несколько печатных ударов.

В революции Троцкий успевал всюду. Ему удалось изменить направленность меньшевистской газеты "Начало", и она стала отражать интересы рабочих и поддерживать действия Совета. Даже Г. Зиновьев, не питавший, по сути, никогда настоящих симпатий к Троцкому, отметит позже: "Когда "Начало"... попало под их руководство (имеются в виду Троцкий и Парвус. — Д.В.), они придали ему в значительной мере большевистский характер"⁸¹.

Заявления Троцкого в печати дышали уверенностью, твердостью, решительностью: "...Совет Депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно организованному и вооруженному пролетариату"⁸². Троцкий вел себя так, как будто за его плечами был опыт не одной революции... И это очень импонировало рабочим. Популярность молодого революционера стремительно росла.

Пожалуй, здесь уместно сказать, что более чем через три десятилетия после первой русской революции, когда Троцкий находился в изгнании и за ним охотились люди Берия, по указанию Сталина предпринимались попытки опорочить и раннюю революционную деятельность Льва Давидовича. Для этого извлекли из забвения имя Хрусталева-Носаря. Об этом свидетельствует такой документ, обнаруженный мной в архивах. В донесении, адресованном Сталину и Ворошилову и подписанном 28 октября 1938 года Ежовым и Берией (видимо, один из последних, подписанных Ежовым), говорится:

“В НКВД СССР. Бывш. председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 г. Хрусталева-Носарь издал книгу под наименованием “Из недавнего прошлого”, в предисловии которой “Троцкий-Бронштейн назывался агентом царской охраны с 1902 года”. Одновременно нам стало известно, что в 1919 году Хрусталева-Носарь был расстрелян в Переславле по прямому приказанию Троцкого, преследовавшего тем самым цель избавиться от свидетеля его сотрудничества с охранкой.

В результате проведенных мероприятий по розыску документов, подтверждающих провокаторскую деятельность Троцкого, в городе Горьком был обнаружен протокол заседания президиума Нижегородского исполкома от 30 марта 1917 года, в котором записано...”

Далее говорится что “в алфавите “уволенных” агентов — сотрудников бывшего жандармского управления числятся Бронштейн Лейба Давидович, Носарь Георгий Степанович, Луначарский Анатолий Васильевич”. Этот документ якобы был направлен А.Ф.Керенскому и в копии В.Л. Бурцеву.

В этой же докладной записке имеется и такая приписка:

“Нами обнаружено сообщение генерал-квартирмейстера генерального штаба царской армии от 30 марта 1917 года за № 8436, адресованное Временному правительству, о том, что военный агент в Северо-Американских Соединенных Штатах телеграфирует: 14 марта из Нью-Йорка отбыл в Россию на пароходе “Христиания-Фиорд” Лев Троцкий. По сообщению английской разведки, Троцкий состоял во главе социалистической пропаганды в Америке в пользу мира, оплачиваемой немцами и лицами, им сочувствующими”⁸³.

Однако этот документ, состряпанный Ежовым и Берией, показался Сталину весьма неубедительным, фальшивым и никогда в последующем не использовался против Троцкого. Книгу Носаря обнаружить нигде не удалось. Но известно, что личные неприязненные отношения между ним и Троцким возникли

вскоре после их знакомства. Думаю, люди из НКВД использовали го обстоятельство, что большевики серьезно подозревали Хрусталева-Носаря в сотрудничестве с охранкой, и попытались, теперь уже якобы рукой Носаря, втянуть в это дело Троцкого и Луначарского. Архивный и иной анализ дает основание судить о документе Ежова—Берии как о явной грубой фальшивке.

За 52 дня руководства Петросоветом Троцкий сумел проявить себя как лидер и выразитель бескомпромиссного революционного начала. В советское время, при историческом анализе первой русской революции, когда имя Троцкого было предано остракизму, его обвиняли во всех грехах: "внес раскол в рабочее движение", "не опирался на крестьянство", "слабо вел работу в армии" и т.д. Но давно известно, что справиться с обстоятельствами бывает всегда значительно сложнее, чем анализировать и оценивать их. События общественной жизни с их коллизиями, зигзагами, поворотами, драмами и трагедиями не подвержены жесткому программированию. Все ясно бывает лишь потом. А когда нужно принимать решения, часто в самых жестких временных рамках, субъекту выбора некогда все сопоставлять, взвешивать, прикидывать, экспериментировать и тем более думать, что об этом скажут историки через десятки лет. Исторический поток необратим. Упрека заслуживает не столько тот, кто в стремлении достичь высокой цели мог сделать неверный шаг, сколько тот, кто, боясь исторической ответственности, не сделал вообще никакого шага... Вот в этом Троцкого обвинить нельзя. Он ошибался действуя. В последующем русский революционер высоко отзовется о "первом русском взрыве", который подготовил 1917 год и сформировал "обойму" будущих лидеров. Выступая со статьей "Ползучая революция" (о событиях в Германии) в апреле 1919 года, Троцкий напишет: "Совершив свою Октябрьскую революцию, русский рабочий класс получил от предшествующей эпохи неоценимое наследство в виде централизованной рабочей партии. Хождение народнической интеллигенции в крестьянство, террористическая борьба народовольцев, подпольная агитация первых марксистов, революционные манифестации первых годов текущего столетия, всеобщая октябрьская стачка и баррикады 1905 года, теснейшим образом связанный с подпольем революционный "парламентаризм" столыпинской эпохи — все это подготовило многочисленный персонал революционных вождей..."⁸⁴

В конце ноября 1905 года был арестован Хрусталева-Носаря. На заседании Петербургского Совета избрали президиум из

трех человек, куда вошел Троцкий, став практически его председателем, а также Сверчков и Злыднев. Но было ясно, что власти перешли в контрнаступление. Революционный паводок быстро сходил. Одно из последних решений Совета — призыв к народу не платить царскому правительству налоги до тех пор, пока не будут выполнены все экономические и социальные требования трудящихся. То был призыв к "экономическому бойкоту".

3 декабря 1905 года жандармы арестовали весь состав руководства Совета, и в том числе Троцкого. С этого дня начинается еще одна, протяженностью в пятнадцать месяцев, судебная, тюремная и ссыльная эпопея революционера. В воспоминаниях Сверčkова, Войтинского, Гарви, как и в книге Дейчера, описывается последний день работы Совета. Используя эти свидетельства, как и архивные документы, попытаюсь реставрировать заключительные часы революционного органа петербургских рабочих.

...3 декабря открылось очередное заседание русского "конвента" под председательством Троцкого. Он сообщил членам Совета о последних шагах царского правительства, направленных на ужесточение репрессий против революционных выступлений рабочих. Стали обсуждать предложение об объявлении новой всеобщей забастовки, но в этот момент в зал вошли жандармы. Здание, где проходило заседание Совета, было окружено полицией. Заканчивался последний акт драмы. В эту критическую минуту Троцкий проявил высокое самообладание и мужество. Жандармский офицер, грохоча сапогами, вышел на середину зала и стал громко зачитывать ордер об аресте членов Совета. Председатель решительно прервал офицера:

— Не мешайте работе Совета. Если вы хотите выступить, назовите свою фамилию, я спрошу собрание, желают ли они вас слушать!

Жандарм споткнулся, замолчал, озираясь в нерешительности и растерянности. А Троцкий тем временем предоставил слово очередному оратору. Наконец, обратившись вначале к залу, Троцкий предоставил слово офицеру. В гробовой тишине все выслушали краткое содержание ордера об аресте, и Председатель Петросовета спокойным, даже будничным голосом произнес:

— Есть предложение принять к сведению заявление господина жандармского офицера. А теперь покиньте зал заседания Совета рабочих депутатов!

Представитель властей, потоптавшись на месте, в полном замешательстве вышел из зала. Троцкий предложил пригото-

виться к аресту, уничтожить документы, материалы, которые могут быть использованы властями против Совета, а тем, у кого есть при себе оружие, привести его в негодность. Едва успев кое-что сделать по указаниям Троцкого, члены Совета увидели, как в зал ворвалась целая толпа жандармов. Председатель еще успел громко выкрикнуть, пока не был схвачен:

— Смотрите, как царь исполняет свой октябрьский Манифест! Смотрите!

Поведение Троцкого в первой русской революции, на суде, убедительно говорит, что на сцене истории появилась еще одна выдающаяся личность, для которой революция — высшая ценность. Важно подчеркнуть, что действия Троцкого были тем более непредсказуемы, решительны и одухотворенны, чем критичнее складывалась обстановка.

Каждая личность исключительно сложна. В одном человеке одновременно могут уживаться возвышенные и низкие мотивы, общественные и личные стремления, разочарования и надежды. Очень хорошо о "многослойности" личности сказал Державин: "я царь — я раб — я червь — я бог!". Но Троцкий, конечно, никогда не считал себя ни "рабом", ни "червем". Он не сомневался в высоком предназначении своей судьбы и в том, что не ошибся в выборе пути. За полгода до смерти он напишет в своем завещании: "Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным"⁸⁵. Троцкий оптимистично воспринял и первое крушение революции. Он верил, что это лишь историческая репетиция.

Заточение в знаменитых "Крестах", Петропавловской крепости, доме предварительного заключения Троцкий максимально использовал для самообразования, написания многочисленных статей и прокламаций. Камера Троцкого, по свидетельству очевидцев, была похожа на кабинет ученого: так много там было книг, журналов, газет. Его навещали два раза в неделю жена, родители, товарищи, оставшиеся на свободе. Из тюрьмы он отправил несколько писем и Соколовской, поддерживая слабую, тонкую связь с первой семьей. Например, 17 мая 1906 года Троцкий написал Александре Львовне:

"Дорогой друг,

Неужели ты не получила моего последнего письма? Я написал его на адрес твоего отца. Письмо я посвятил, главным образом, моему отношению к обеим фракциям (ты меня спрашивала об этом)...

Положение мое все то же. Суд отложен до 19 октября. Сажу я в одиночной камере, прогулка общая часа 3—4 в день...

...Родители привезли мне карточку девочек, — я тебе писал

об этом. Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Нинушки такое личико — испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в номере, и на личике Зинушки пятно. Если у тебя есть одна свободная карточка, пришли мне, пожалуйста.

Итак, Думу разогнали. Я держал пари, что министерство будет хулиганское, и выиграл...⁸⁶

Царская тюрьма допускала большие послабления для политических заключенных. Троцкий почти открыто передавал жене написанные в тюремной камере статьи, которые затем печатались в легальных или нелегальных типографиях. Особенно большой резонанс имел памфлет "Петр Струве в политике", в котором автор бичевал либералов как временных попутчиков, а не союзников революции. Но главным трудом этого периода была большая статья "Итоги и перспективы", где Троцкий впервые в достаточно законченном виде изложил свою концепцию перманентной революции. В последующем она была издана отдельной брошюрой, а затем и книгой. Троцкий выдвинул тезис, за который его будут всю жизнь бить: "Завершение социалистической революции в национальных рамках недопустимо... социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете"⁸⁷. Заблуждение или романтизм? А может, озарение утопией? Концепция окончательно выкристаллизовалась позднее. Я еще вернусь к ее анализу, а пока лишь скажу: однозначное традиционно-критическое, пренебрежительное отношение к этой далеко не бесспорной теории едва ли оправданно. Может быть, Троцкий прав хоть в том, что ни одно общество "в одиночку" не может войти в мир цивилизации? Другое дело, что сегодня эта теория выглядит "музейной", но в свое время она аккумулировала революционную мыслительную энергию, раздвигала узкие национальные рамки движения, ставила перед пролетариатом высокие цели.

Троцкий, возможно, раньше многих понял: первая русская революция разбилась о вековые устои самодержавия. Покачнула их, но не опрокинула. Описывая в тюремной камере события, которые как шквал пронесли по Петербургу, Москве, ряду других мест, но не приняли всероссийского размаха, узник считает, что репетиция удалась. Каллиграфический, аккуратный почерк, который легко читать и спустя многие десятилетия: "1905 год открылся событиями, которые положили рековую грань между прошлым и настоящим. Они подвели кровавую черту под эпохой весны, периодом детства политического

сознания...⁸⁸ Без детства не бывает зрелости. Троцкий всю свою последующую жизнь очень высоко отзывался о политической школе первой русской революции, позволившей не только ему выйти из "детства".

Троцкий придавал большое значение судебному процессу, тщательно к нему готовился в надежде использовать его в качестве всероссийской трибуны. В фонде Троцкого сохранились черновые наброски речи, в которой он попытался охватить широкий круг вопросов, объяснявших причины неудачи восстания рабочих. Много места в этих записках отведено армии. Почему солдатская масса не поддержала рабочих?

"...В течение 25 дней, — записал Троцкий, — происходили солдатские митинги в Гродно, Ростове, Самаре, Тифлисе, Курске, Харькове, Киеве, Выборге, Риге, Ставрополе, Кавказском, Белгороде... Впереди шел "квалифицированный" солдат: сапер, артиллерист — в большинстве случаев — сын города. Деревенская часть армии, т.е. главная масса, медленнее проникалась новым настроением. Но в конце концов для нас, как и для власти, было ясно, что это лишь вопрос времени"⁸⁹.

Находясь в предварительном заключении, используя слабости режима, подследственные стоворились вести себя вызывающе, больше избличать существующие порядки, говорить о стремлении Совета к социальной справедливости и заботе об интересах трудящихся. Условились говорить об одном: в действиях Совета не было стремления вооруженным путем изменить существующий строй, ибо 22 марта 1903 года была принята статья 126 Уголовного Уложения, где говорилось:

"Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается:

каторгою на срок не свыше 8 лет или ссылкой на поселение"⁹⁰.

Было решено, обличая царизм, исключить возможность обвинения подсудимых в использовании "взрывчатых веществ или снарядов". Тем самым можно было попытаться избежать каторги. В своей речи Троцкий постарался, с одной стороны, показать отсутствие конкретного плана восстания у Совета, а с другой — гнилость и антинародность царского правительства. Его выступление, как всегда в моменты подъема, было возвышенным:

— Какое бы значение ни имело оружие, не в нем, господа судьи, великая сила. Нет! Не способность массы убивать других, а ее великая готовность умирать — вот что, господа судьи,

с нашей точки зрения, определяет победу народного восстания...⁹¹

Отец и мать Троцкого на протяжении всего процесса сидели в зале суда. "Во время моей речи, смысл которой не мог быть ей вполне ясен, — писал¹ впоследствии подсудимый, — мать бесшумно плакала. Она заплакала сильнее, когда два десятка защитников подходили ко мне друг за другом с рукопожатиями... Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь еще и отличат"⁹².

Правительство и суд не решились отправить подсудимых на каторгу. По приговору суда 14 членов Совета, и в их числе Л.Д.Троцкий, были осуждены на пожизненную ссылку. Местом ее было определено село Обдорское за Тюменью на Оби, за Полярным кругом (около тысячи верст до железной дороги и 800 — до ближайшего телеграфа). За сутки до отправки ссыльным выдали серые арестантские брюки, армяки и шапки. Разрешили, правда, сохранить при себе свою одежду и обувь, что для Троцкого, как мы убедимся дальше, имело большое значение. В "Подорожной записке" на имя Л.Д.Троцкого зафиксировано, что кроме указанного выше выдано: "кандалы с подкандалниками, 1 полушубок, 1 брюки, 1 рукавицы и 1 мешок. Января 10 дня 1907 года"⁹³. Кандалы — для "порядка". На ссыльных они могли быть надеты лишь после попытки побега...

До отправления по этапу Троцкий успел написать и передать для публикации в нелегальных изданиях "Прощальное письмо", которое заканчивалось фразами: "Уезжаем с глубокой верой в скорую победу народа над его вековыми врагами. Да здравствует пролетариат! Да здравствует международный социализм!"⁹⁴

Это письмо 5 января 1907 года подписали Н.Авксентьев, С.Вайнштейн-Звездин, И.Гольнский, П.Злыднев, М.Киселевич, Б.Кнуныянц-Радян, Э.Комар, Н.Немцов, Д.Сверчков-Введенский, А.Симановский, Н.Стогов, Л.Троцкий, А.Фейг, Г.Хрусталева-Носарь.

Свое путешествие в ссылку Троцкий опишет затем в книжке "Туда и обратно". А описать действительно было что. Еще отправляясь на вечное поселение, Троцкий твердо решил при первой возможности бежать, тем более что, хотя 14 ссыльных охраняли более 50 жандармов, режим был, по сравнению с будущими сталинскими временами, весьма мягкий. В сумке у сопровождающего пристава на каждого осужденного лежало "дело" с приметами. На Троцкого эти полицейские данные были таими:

"Рост — 2 аршина $\frac{5}{8}$ вершка.

Глаза — голубые.

Цвет и вид кожи лица — чисто матовый.

Правое ухо — очертание круглое. Раковина глубины и ширины средняя.

Лоб — направление вертикальное, очертание — прямой.

Дуги надбровные — малые.

Волосы головы — черные. Борода и усы — черные.

Переносье — мелкое, спинка выпуклая, основание опущенное.

Племя — еврей, по внешнему виду 30 лет. Родился в 1878 году (так в тексте. — *Д.В.*). Сын колониста Херсонской губернии Елизаветградского уезда. До осуждения занимался журналистикой. Какое знает мастерство — нет.

Вероисповедания — иудейского. Кончил реальное в г. Одессе (так в тексте. — *Д.В.*).

Осужден — первый раз (так в тексте. — *Д.В.*) С.Петербургской судебной палатой.

Существо приговора: за состояние участником сообщества, которое постановило целью своей деятельности насильственное, посредством организации вооруженного восстания изменение установленного в России основными законами правления на демократическую республику (14.102 и 14.101 ст. Уголовного Уложения). Приговор 16 ноября 1906 года⁹⁵.

Под скрип полозьев длинного обоза Троцкому пришла идея бежать, не доезжая до места назначения. Когда доехали до городка Березова (того самого, куда Петр II сослал фаворита Петра Великого князя Меншикова), жандармский офицер позволил дать двухдневный отдых обозу. Троцкий решил задержаться здесь, симулируя приступ радикулита. А.Фейт, "поделец" Троцкого по процессу, врач по профессии, проинструктировал товарища о симптомах болезни и формах ее симуляции. Троцкому разрешили под охраной двух жандармов задержаться еще на несколько дней. Когда печальный караван ушел дальше на север, по договоренности с местным жителем, которого звали Козья Ножка, Троцкий обманул беспечных жандармов и бежал. Побег был дерзким — вдоль реки Сосьва, напрямую в сторону Урала через бескрайние просторы безмолвной снежной равнины. Риск был немалый. Тем более приближался конец зимы с долгими метелями. Впрочем, давайте вновь обратимся к документам.

При установлении Советской власти в Березове в ЦК РКП(б) пришел пакет с такой сопроводительной бумагой:

"РСФСР. Штаб отряда Северной экспедиции в ЦК партии большевиков.

При сем препровождаем дело о побеге т.Троцкого из ссылки Березовского уезда в 1907 году, добытое отрядом при взятии

г.Березова, Тобольской губернии, для передачи в Музей революции в подарок от Северного экспедиционного отряда.

Комсевотряда — *Лепехин*
Адьютант — *М.Рудер-Григе*⁹⁶.

В архивном деле имеется выписка из постановления секретариата Реввоенсовета Республики: "Политическое дело имеет огромную историческую ценность как документ для составления биографии вождя пролетарской революции тов. Троцкого"⁹⁷. Бросается в глаза одна деталь: Лепехин и Рудер-Григе предлагали обнаруженные документы передать в Музей революции, а секретариат Троцкого распорядился иначе: "...для составления биографии вождя пролетарской революции..."⁹⁸. Троцкий давно начал смотреться в зеркало истории.

Нашли следы побега и из первой ссылки. Летом 1922 года Сермукс, докладывая очередные бумаги наркомму, сверху положил письмо:

"Товарищ Троцкий!

Сегодня, разбирая архив старой Николаевской охраны, обнаружили переписку по поводу Вашего бегства и скитания по Сибири. Переписка и... Ваш портрет. Мы, конечно, заинтересовались и решили отправить портрет Вам, как документ, свидетельствующий и живо напоминающий о горьком и величественно грандиозном безвозвратном прошлом.

Интересно, получите ли?

С коммунистическим приветом сотрудники Верховленского Политбюро *Н.Ипалов, Гайшинец*.

28 июня 1922 г.

Верхоленск, Иркутской обл.

Уездное Политбюро"⁹⁸.

Такие письма, хотя бы на несколько минут, были способны погрузить Троцкого в глубь ушедшего. Правда, нельзя не отметить наличия "Уездного Политбюро"... Но вернемся ко второму побегу.

В деле есть несколько телеграмм, проливающих свет на "технику" побега Троцкого.

"Усть-Сысольск. Вологодская губерния. Исправнику.

Из Березова скрылся Лейба Бронштейн тридцати лет. Интеллигентный, носит очки пенсне, большие волосы. Выехал через Ляпин-Щегур в Вологодскую и на Архангельскую. Прошу задержать. Исправник *Евсеев*".

После выяснения обстоятельств исправник из Усть-Сысольска сообщает другому исправнику — в Березове:

"Его Высокоблагородию Березовскому уездному исправнику.

Рапорт

Доношу Вашему Высокоблагородию, что произведенным розыском по трактам от г.Березова до Ляпино оказалось: ссыльнопоселенец Лев Бронштейн при своем побеге проследовал на оленях по Вагулке в юрты Шоминские, где Бронштейн, напившись чаю и взяв двух оленей за 2 руб. до юрт Оурынских у инородца Семена Кузьмина Куликова, с которым и отправил свой багаж вперед; в качестве переводчика и путеводителя крестьянин Ванифатий Батманов. В юртах Оурынские один олень пропал, другого продали инородцам за 8 руб., а третий остался. Доехал до Богословских заводов за 30 руб...⁹⁹

Проделав по стылой снежной равнине около 800 километров, Троцкий добрался до Урала. Сам он позже вспомнит: "Я ехал в тревоге. Но когда я через сутки оказался в удобном вагоне пермской дороги, я сразу почувствовал, что дело мое выиграно... В первые минуты мне показалось тесно и душно в просторном и почти пустом вагоне. Я вышел на площадку, где дул ветер и было темно, и из груди моей произвольно вырвался громкий крик — радости и свободы!"¹⁰⁰

Дерзкий побег удался. С помощью Н.Седовой Троцкий укрылся в Финляндии, где повстречался и с Лениным, и с Мартовым, которые жили в соседних селениях. Троцкий почувствовал, что "меньшевики каялись в безумствах 1905 года", а большевики считали, что надо было действовать решительнее. Мартов, как всегда, блистал "множеством мыслей, тонких, блестящих, но не было одной мысли, самой главной...". А Ленин, по словам Троцкого, "одобрял в беседе мои тюремные работы, но укорял за то, что я не делаю необходимого организационного вывода, т.е. не перехожу на сторону большевиков. Он был прав"¹⁰¹.

Следует заметить, что при написании собственной автобиографии Троцкий всячески пытался приуменьшить разногласия, которые были в то время между ним и Лениным, многократно повторял, что, хотя он и не был в лагере большевиков, мол, из меньшевистского лагеря он тоже ушел. Это не так. До 1917 года Троцкий — почти постоянно в оппозиции к Ленину, а временами ведет против него настоящую войну, часто не очень заботясь в выборе выражений. Полемизируя с Лениным, Троцкий говорит с ним в той же тональности, какую и вождь РСДРП позволяет себе в отношении своих оппонентов. Троцкий оперирует "полемической шваброй" Ленина, которому "не хватает гибкости мысли", высмеивает "ленинские заклинания", его "окрики" и "распущенно-демагогические строки". Ленин, по словам Троцкого, не "убедит, а утомит читателя всей этой философией", порой "огревая его по темени...". Не останавли-

вается Троцкий, разбирая философскую работу вождя, и перед заявлением: "...диалектике нечего делать с тов. Лениным"¹⁰². Бульварный тон полемики был не только у Троцкого, но и у Ленина (еще в большей степени) и других русских революционеров.

Хотя по своим мировоззренческим установкам Троцкий был "леваком", тем не менее ему были присущи и идеи реформизма, что было обусловлено в значительной мере его окружением на Западе и личными симпатиями и связями. До поры до времени ему удавалось совмещать радикализм с реформизмом. Этот политический и идейный дуализм как характерная черта портрета революционера сохранился у Троцкого до бурных месяцев 1917 года.

После весьма прохладной и недолгой встречи с Лениным Троцкий укрылся в незаметном местечке Огльбю. Используя адреса в Гельсингфорсе, которые ему дал Владимир Ильич, беглец смог организовать свой выезд в Стокгольм. Здесь ему очень помогли сохранившиеся после ареста сапоги: в подметке хранился фальшивый паспорт, а в каблуках — золотые червонцы, переданные отцом. Я только одного не могу утверждать: был ли это паспорт на имя отставного "прапорщика Арбузова"...

"Венская глава"

Десять следующих лет Троцкий провел за границей. Это была его вторая эмиграция, второй "бивуак". Семь лет из этих десяти семья Троцкого прожила в Вене. Этот период революционер иногда именовал "венской главой". К ней в качестве "приложения" примыкали периоды последующего вынужденного пребывания в Швейцарии, Франции, Испании и, наконец, в Америке.

В то время он много писал, но это, как правило, была интерпретация пережитого; много ездил и выступал, но рефераты были по сути прежними; сотрудничал с австрийскими социалистами, продолжая считать западных социал-демократов полуреволюционерами...

Вена оказалась долгой паузой в бурной жизни певца перманентной революции. Но для понимания натуры Троцкого венский период дает немало. В какой-то степени был прав Сталин, утверждая, что сила Троцкого особенно видна тогда, когда революция идет в гору, на подъем, а слабость — когда револю-

ция отступает и терпит поражение. Троцкий — человек действия. Обреченный на пассивное долгое выжидание, он сосредоточился на журналистской деятельности и поддержании активных связей с русскими эмигрантами, западными социал-демократами, известными практиками и теоретиками марксизма. Даже V (“лондонский”) съезд РСДРП, формально объединивший большевиков и меньшевиков, не вдохнул новой энергии в Троцкого.

Здесь впервые произошла “касательная” встреча Троцкого с большевиком из Тифлиса Джугашвили (на съезде тот был под псевдонимом Иванович). Троцкий вспоминал позже, что просто не заметил молчаливого кавказца, который за три недели съезда ни разу не попросил слова, хотя однажды для этого был прямой повод, когда делегаты обсуждали вопрос о партизанских выступлениях и экспроприациях. Съезд запретил “какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им...”¹⁰³. Хотя Ленин и другие руководители не только знали об этих экспроприациях, но и использовали денежные средства, полученные этим преступным способом. А Джугашвили, как указывает ряд свидетелей, имел к экспроприации непосредственное отношение. В последующем Троцкий будет неоднократно на этом настаивать. В 1930 году, после депортации, в большой статье “К политической биографии Сталина” изгнанник напишет: “В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации тифлисского банка... Приходит, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранил из всех официальных биографий Сталина?”¹⁰⁴ Но будущий генсек и диктатор громадного государства, видимо, имел свое суждение об экспроприациях. Так или иначе, публично своего мнения по этому поводу он не высказал ни тогда, ни потом.

Джугашвили, конечно, обратил внимание на худощавого молодого человека с голубыми глазами и пышной шевелюрой, в пенсне, очень уверенно державшегося во время выступлений. Сталин не мог не заметить, что во время перерывов между заседаниями вокруг Троцкого всегда группировались люди; он как бы притягивал их к себе, о чем-то споря или что-то рассказывая. О таких людях обычно говорили “душа общества”.

Троцкий на съезде получил возможность изложить некоторые постулаты своей теории перманентной революции, подчеркнув особо, что для ее успеха необходим союз пролетариата и крестьянства. Хотя по существу коренных вопросов Троцкий был близок к позиции Ленина, старые узы с правым крылом российской социал-демократии держали его цепко. При голосовании за многочисленные резолюции Троцкий выступал за проект то большевиков, то меньшевиков, но все время каза-

лось, что между ним и Лениным намечается мир. Кстати, этому пытался способствовать М.Горький, присутствовавший на ряде заседаний. Но все напрасно. Троцкий, похоже, упивался своей независимостью, неортодоксальностью и оригинальностью. Он уже вкусил славы, известности и понимал, что может добиться большего, если пойдет вразрез с партийной линией и покажет свою независимость. Часто его заявления, реплики, позиция диктовались соображениями личного характера. Не случайно Ленин в своем письме к Горькому после V съезда писал, что поступки Троцкого во многом объясняются померзством¹⁰⁵.

Вернувшись из Лондона через Берлин, где его ждала Н.И.Седова, Троцкий с семьей бросил якорь в Вене. К этому периоду относятся его многие новые политические и идейные знакомства, возобновление старых, глубокое проникновение в социалистическое движение в Европе. Пожалуй, ни один российский революционер того времени не был бóльшим "европейцем", чем Троцкий. Блестяще владея немецким и французским языками, слабее английским, "любовник революции" был своим у социал-демократов Германии, Франции, Швейцарии, Англии. Везде у него были близкие знакомые, журналистские интересы, планы на издание своих работ.

Прежде всего он возобновил тесные связи с Парвусом, социал-демократом, выходящем из России, который, как и Троцкий, "приезжал" в революцию 1905 года и, как и он, был приговорен к ссылке в Сибирь. Парвусу удалось бежать. Это был высокообразованный марксист, выдвинувший основные элементы концепции перманентной революции, которые его друг основательно у него заимствовал. (Подробнее об этом мы поговорим в четвертой главе.) Троцкий не скрывал, что в молодые годы он многому научился у Александра Львовича.

Троцкий до смерти Парвуса (в 1924 г.) сохранил к нему личные теплые чувства. Этот человек познакомил его в 1907 году с "папой" II Интернационала Карлом Каутским. Вот как описывал первую встречу с ним Троцкий: "Беленький, веселый старичок с ясными голубыми глазами приветствовал меня по-русски: "Здравствуйте!" В совокупности с тем, что я знал о Каутском из его книг, это создавало очень привлекательный образ. Особенно подкупало отсутствие суетности, что, как я понял впоследствии, было результатом бесспорности в то время его авторитета и вытекавшего отсюда внутреннего спокойствия... Его ум угловат, сух, лишен находчивости, не психологичен, оценки схематичны, шутки банальны"¹⁰⁶. Но масштабность мышления Каутского поразила его. Когда прощались с Каутским, Троцко-

му показалось, что все были ниже на голову этого маленького старичка.

Потом Троцкий напишет уже совсем по-другому об этом теоретике. Не останется и тени восхищения им: "Весь авторитет Каутского держался на примирении оппортунизма в политике с марксизмом в теории... Война принесла развязку, раскрыв в первый же день всю ложь и гниль каутскианства... "Интернационал есть инструмент мира, а не войны" — Каутский ухватился за эту пошлость, как за якорь спасения". Этот человек, продолжал безжалостно Троцкий, "разрабатывая марксизм в квакерском направлении, ползал на четвереньках перед Вильсоном..."¹⁰⁷. Хотя сегодня ясно видна историческая правота Каутского, а не большевиков.

Такие уничижительные оценки — в стиле Троцкого. Знакомаясь, общаясь со многими социал-демократами, запоминая наиболее характерное из состоявшихся разговоров, записывая наиболее интересное в свои записные книжки, он спустя какое-то время, если был подходящий повод, бегло набрасывал эскиз портрета той или иной личности. Как правило, изображая друзей, товарищей из социал-демократов, с которыми общался на протяжении полутора десятков лет, он пользовался лишь темными красками. Я не склонен видеть в этом ни принципиальности, с одной стороны, ни безжалостности — с другой. В то время, к сожалению, многие (если не большинство) руководители большевиков и меньшевиков были не очень обременены соображениями такта. Все они были насквозь "политические люди". Нравственные императивы всегда занимали сугубо подчиненное положение даже в личных отношениях.

Во время своего второго европейского "бивуака", который я назвал раньше "долгим ожиданием", Троцкий активно общался с Кларой Цеткин, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом, Августом Бебелем, Виктором Адлером, Максом Адлером, Рудольфом Гильфердингом, Эдуардом Бернштейном, Джеймсом Макдональдом, Отто Бауэром, Карлом Реннером, Христианом Раковским, Фрицем Платтенем, Жюлем Гедом, Эмилем Вандервельде, Филиппо Турати, другими видными социал-демократами того времени. Даже краткий перечень фамилий этих мыслителей, практиков, политиков, общественных деятелей свидетельствует о том, что Троцкий являлся уже такой политической фигурой, которая была "вхожа" в круг этих личностей. Троцкого знали и ценили за остроту и живость ума, энергию, самостоятельность суждений, широту взглядов, безбоязненную способность делать прогнозы и, не в последнюю очередь, за явную близость к европейской культуре. Венский "постоялец" был своим человеком в этих кругах.

Троцкий много писал, читал, ходил по библиотекам, и, нужно сказать, за эти годы он сильно вырос в общеобразовательном отношении. У него даже было желание сдать экзамен за курс Венского университета, но ему не захотелось обременять себя формальностями. Он уже знал больше, чем многие профессора. Для Троцкого это было время аккумуляции знаний, энергии, опыта. Иногда русский эмигрант забредал на заседания разных ученых обществ, например, последователей Зигмунда Фрейда. Впрочем, об этом он в январе 1924 года поведал великому физиологу И.П.Павлову в своем письме: "В течение нескольких лет моего пребывания в Вене я довольно близко соприкасался с фрейдистами, читал их работы и даже посещал иногда их заседания... По существу, учение психоанализа основано на том, что психологические процессы представляют собою сложную надстройку на физиологических процессах... Ваше учение об условных рефлексах, как мне кажется, охватывает теорию Фрейда, как частный случай. Сублимирование сексуальной энергии — излюбленная область школы Фрейда — есть создание на сексуальной основе условных рефлексов..."¹⁰⁸ Читая это письмо, можно подумать, что его написал специалист... В Вене Троцкий масштабно расширил свои познания и в области философии, истории, филологии, естествознания. Революционер обладал редкой способностью учиться всю жизнь.

Облик и интеллект Троцкого подтверждал тот непреложный факт, что Россия лежала в Евразии. Большинство россиян того времени все же были больше носителями азиатского и славянского начала, нежели западного, европейского. Здесь дело не в уровнях цивилизации, а в способности к синтезу культур. У людей, долгие годы проживших на Западе, к примеру у Аксельрода, Дана, Парвуса, Плеханова, постепенно космополитические элементы сознания занимали все большее место, вытесняя национальные. Они везде себя чувствовали дома. Такие люди, возможно, легче воспринимают общечеловеческие ценности, но одновременно утрачивают нечто такое, без чего нельзя в полной мере познать боль, горе и надежды собственной родины. Для Троцкого европейский "котел", где он основательно "выварился", означал рождение способности рассматривать революционные проблемы и задачи своего отечества в тесной взаимосвязи с международным характером социалистического движения. Едва ли идея перманентной революции посетила бы Троцкого, не встретясь он с Парвусом, не впитав в себя достижений социал-демократической мысли Запада того времени, не проживи он так долго в Европе.

"Венская глава" Троцкого характерна тем, что он, активно

сотрудничая с меньшевиками, в глазах своих западных друзей старался выглядеть центристом. В ежемесячной газете Каутского "Нойе цайт" Троцкий выступал чаще, чем кто-либо из русских социалистов, по-своему интерпретируя суть спора между большевиками и меньшевиками. Поскольку западные социал-демократы не всегда понимали генезис разногласия в РСДРП, они не очень охотно в них и вмешивались. В этих условиях политические и идеологические действия Троцкого выглядели для них привлекательными, объединительными, рациональными, как, например, конференция российских социал-демократов, состоявшаяся в августе 1912 года в Вене. Троцкий и созданный им организационный комитет пригласили на конференцию представителей многих социал-демократических организаций. Приехали, однако, 18 делегатов с решающим голосом, 10 — с совещательным и 5 человек в качестве гостей. Конференция не стала себя конституировать в общепартийную, а выступила как конференция отдельных организаций РСДРП. В составе участников, по-видимому, был тайный агент, так как в документе Московского охранного отделения № 107232 от 8 октября 1912 года содержатся принятые резолюции, а также подробный список участников. Некоторых из них следует назвать, так как в дальнейшем путь Троцкого со многими из них еще не раз пересечется. В Вену приехали Михаил Адамович, Гайк Азатьянц, Борух-Пинхус Аксельрод, Григорий Алексинский, Петр Бронштейн, Сима-София Бронштейн, Михаил Гольдман, Хаим-Янкель Гельфонд, Владимир Медем, Андрей Петерсон, Рафаил-Ицек Рейн, Александр Смирнов, Моисей Урицкий, Юлий Цедербаум и другие. Руководил конференцией Троцкий, но примирительные мотивы заглохли во взаимных обвинениях, и конференция не дала желаемого результата¹⁰⁹.

Парадоксальность позиции Троцкого, который всегда относил себя к революционным радикалам, а организационно и лично был ближе к демократически-реформистскому крылу, понимали далеко не все из блестящих знакомых Льва Давидовича. А может быть, все было иначе: в душе он считал знакомых социал-демократов радикальными революционерами, а они его — реформатором-примиренцем?

В германской социал-демократии ближе всех к большевикам были Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Франц Меринг. Поддерживая с ними теплые близкие отношения, Троцкий тем не менее общался и с их идейными противниками. Это настолько раживало немецких радикалов. Но русский социалист, живущий в Вене, придавал слишком большое значение личным симпатиям и антипатиям, чтобы жертвовать ими во имя "единства", "консолидации", "солидарности". Когда в 1916 году

4 Троцкий, кн. I

Ф.Мерингу исполнилось 70 лет, Троцкий в своем публичном послании счел необходимым рядом с этим именем поставить и имя Р.Люксембург: "...мы с Мерингом и Люксембург находимся по одну и ту же сторону траншеи, проходящей через весь капиталистический мир. В лице Франца Меринга и Розы Люксембург мы приветствуем духовное ядро революционной немецкой оппозиции, с которой мы связаны нерасторжимым братством по оружию"¹¹⁰.

О Карле Либкнехте Троцкий сказал по-другому: "...экспансивный, легко воспламеняющийся, он резко выделялся на фоне чинной, безличной и безразличной партийной бюрократии... Либкнехт всегда оставался наполовину чужаком в доме германской социал-демократии, с ее внутренней размеренностью и всегдашней готовностью на компромисс... Его неподдельный и глубокий революционный инстинкт всегда направлял его — через те или другие колебания — на правильный путь"¹¹¹.

Практически о каждом видном революционере, с кем он был знаком, встречался, спорил, боролся, у него написаны страницы. Это не сухие, бесстрастные строки политических характеристик. "Политические силуэты" (так назван восьмой том сочинений Троцкого) позволяют видеть не только идейные контуры личности. Читатель узнает, что Роза Люксембург "маленького роста, хрупкая, болезненная, с благородным очерком лица, с прекрасными глазами, излучавшими ум"; что "квартира Либкнехта была штаб-квартирой русских эмигрантов в Берлине" и его жена была русской; что Меринг — это "историк внутренних боев немецкой социал-демократии".

Аналитическое, часто — образное, а нередко и критическое отношение к людям своего круга общения не могло не развивать интеллектуальные способности Троцкого, его политическую изощренность, общую эрудицию. Людей, знавших и слышавших его, поражали способность Троцкого творчески мыслить во время выступлений, мгновенно лепить образы, обозначать тенденции, выделять главные звенья. Он не произносил заученных речей, а в процессе выступления всегда творил нечто новое, неповторимое. Его с одинаково большим интересом слушали метры II Интернационала, петербургские рабочие и босые красноармейцы 2-го Николаевского полка. Этот талант не только "от Бога". Это и умение поразительно аккумулировать достижения духовной культуры, и способность постигать психологию тех, к кому он обращался со своим словом. Независимо от того, как к нему относились — с восхищением или враждой, равнодушных не было. Все видели: перед ними масштабная, неординарная Личность.

Время после первой русской революции до 1917 года Троцкий провел в центре Европы, его интересы больше вращались вокруг фракций, европейского парламентаризма, новых веяний немецкой социал-демократии и т.д. И тем не менее Троцкий около десяти лет находился в "провинции" революции. Став почти профессиональным критиком буржуазного парламентаризма, Троцкий как будто не заметил, что не без влияния первой русской революции родился и парламентаризм русский. Бойкот большевиками I и II Государственных дум, как и активное участие в IV Думе, дали обильную пищу для размышлений об использовании рабочим классом парламентских форм борьбы. Все это прошло как-то мимо внимания Троцкого не столько в силу фактической удаленности, сколько из-за скептического отношения к русскому парламентаризму вообще. Здесь он был не одинок. Большевики также презирали парламенты. Ленин на II Конгрессе Коминтерна в 1920 году скажет, что коммунизм ставит своей задачей "разрушение парламентаризма". Что из этого получилось, теперь ясно всем.

К слову сказать, Сталину это дало возможность больно уколоть Троцкого за его якобы ликвидаторское отношение к легальной работе. В газете "Социал-демократ" 12 января 1913 года Сталин заявил: "Говорят, что Троцкий своей "объединительной" кампанией внес "новую струю" в старые "дела" ликвидаторов. Но это не видно. Несмотря на "геройские" усилия Троцкого и его "ужасные угрозы", он оказался в конце концов простым шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами, ибо он за 5 лет "работы" никого не сумел объединить, кроме ликвидаторов. Новая шумиха — старые дела!"¹¹² — подытожил будущий смертельный соперник Троцкого. Сталин опередил Троцкого; тот его еще не заметил, а Коба уже приступил к его развенчанию.

В целом вторая эмиграция Троцкого привела его к заметному отрыву от революционных дел в России — легальных и нелегальных.

В Вене семья Троцких поселилась в скромной квартире из трех комнат. Единственной достопримечательностью их жилища было большое количество книг, подшивок газет, рукописей, журналов, довольно беспорядочно лежавших по углам. Свою семью Троцкий содержал в основном за счет литературного труда. Особенно долго он сотрудничал с газетой "Киевская мысль", весьма прогрессивного направления. Но заметную материальную помощь до самой революции Троцкому оказывал и старик Бронштейн. Поэтому положение бывшего Председателя Петербургского Совета было более предпочтительным, нежели у других политических эмигрантов, часто вынужденных

влачить просто убогое существование, перебиваясь случайными заработками, всегда озабоченных поиском средств на кусок хлеба. Относительно благополучное материальное положение Троцкого позволяло ему полнее отдаваться творчеству, быть более независимым, чаще других переезжать из столицы в столицу, бывать на конгрессах, семинарах и прочее. В 1906 году, когда Троцкий был в тюрьме, и в 1908 году в Вене в семье появились два сына — Лев и Сергей, судьба которых будет столь же трагична, сколь и судьба самого отца.

Троцкий поселился в Вене вынужденно; берлинские власти отказали ему в возможности жить в германской столице. Русский эмигрант, кроме занятий журналистикой и политической деятельностью, в тот период проявлял большой интерес к изобразительному искусству, бывал во многих картинных галереях, что позволяло ему готовить довольно профессиональные статьи о европейском искусстве для "Киевской мысли". Хотя они с женой посещали иногда и знаменитую Венскую оперу, восприятие музыки, по его же собственным словам, было на довольно примитивном уровне. В целом вторая эмиграция — период "долгого ожидания" — была для Троцкого скорее продолжительной паузой, во время которой он небезуспешно рос как теоретик, журналист, писатель, политик.

В "венский период" Троцкий установил связи со многими своими соотечественниками, находившимися, как и он, в эмиграции. Это прежде всего А.А.Иоффе, К.Б.Радек, С.Л.Клячко, М.И.Скобелев, Д.Б.Рязанов, А.М.Коллонтай, А.В.Луначарский. С Иоффе они остались близкими друзьями до его трагической смерти (самоубийство в 1927 г. в Москве); Скобелева он считал своим учеником, был к нему сильно привязан, но когда тот вошел в правительство Керенского, стал относиться к нему резко враждебно. Коллонтай недолюбливал, полагая, что та, поддерживая личную переписку с Лениным, сообщала о нем тенденциозную информацию. О Радеке мнение Троцкого колебалось до начала 30-х годов от восторженного до убийственно-негативного. Но в целом с соотечественниками за рубежом связи у него были слабее, чем с западной социал-демократией.

Анализируя все написанное и сказанное Троцким за границей, я неожиданно пришел к внешне невероятному выводу: изгнанник не тосковал по родине, отчужденному дому, всему тому, что впитывается человеком с кровью матери. Люди, оторванные от родных корней и заброшенные на чужбину, годами болеют неизлечимой болезнью души — ностальгией. Воспоминания, отрывочные вести с отчизны, старые фотографии, крохотная коробочка с засохшими комочками бесценной земли — все при-

обретает особый смысл. Сегодня, конечно, эта болезнь "протекает" в более легкой форме благодаря телевидению, радио, обильным контактам, средствам транспорта, делающим близкими самые далекие континенты. В начале века все было иначе. Ни Ленин, ни Троцкий, ни многие другие революционеры не могли ступить на родную землю без явного риска оказаться в сибирской ссылке или на каторге. Впрочем, до недавнего времени так было и у нас.

В архиве Московского охранного отделения на Троцкого еще в 1898 году было заведено дело, где, в частности, говорится: "Бронштейн Лейба (Лев) Давидов (Николай Троцкий, Троцкий, Яновский), сын колониста Херсонской г., Елизаветградского у., иудейского вероисп., русский подданный, литератор, родился в 1877 г. (так в тексте. — Д.В.). В 1898 г. Б. привлекался в качестве обвиняемого к "дознанию о "Южнорусском рабочем союзе"... Выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года... 21 августа 1902 г. скрылся. В 1906 г. ...присужден к ссылке... откуда 20 февраля 1907 г. скрылся... проживает в Вене..."¹³. Нет, с таким послужным списком возвращаться нельзя, тем более что предписание жандармского управления категорично: "при появлении в пределах империи водворить на каторгу".

Воспоминания многих революционеров того времени показывают, какими выматывающими бывают приступы ностальгии по неуловимому запаху талого снега в родной деревне, краснозобым снегирям на прясле, скрипу полозьев крестьянских саней, лицам родных и близких, живых и ушедших...

Троцкий не тосковал. Или, точнее, почти не тосковал. Возможно, он был одним из первых "граждан мира", для которых дом там, где они находятся сейчас? Европеизация души и интеллекта, посещение многих столиц старого континента, постепенное впитывание элементов различных культур, внутреннее олицетворение родины с режимом самодержавия, с которым он боролся, выработали у Троцкого иммунитет к ностальгии. Думаю, что и в последующем, в своем третьем, и последнем, изгнании тоска по родине не была невыносимо острой. Была непреходящая горечь в связи с падением, утратой положения "выдающегося вождя", тоска по власти, замешанная на ненависти к Сталину. Троцкий слишком рано узнал заграницу и слишком долго там пробыл. Ну а главное, он, как и многие другие революционеры того времени, был насквозь "политический человек", живший борьбой, в которой почти не оставалось места тонким, неповторимым чувствам органического единства с землей твоих предков, родными песнями и обычаями, могилами тех, кому ты обязан жизнью.

Кстати, очень редкое письменное выражение тоски по родине мы находим в одном из его "балканских писем". Когда Троцкий в экипаже пересекал Добруджу, он до боли почувствовал ее сходство с херсонской степью, родной Яновкой, где в 1910 году, за два года до этого, умерла его мать, а он даже не имел возможности поехать на ее похороны. "...Дорога такая русская. Такая пыльная, как наша херсонская дорога. Куры разбегаются из-под копыт лошадей, как и в России, а вокруг шей малорослых русских лошадей русская упряжь, даже спина кучера выглядит русской... Спускаются сумерки. Пахнет травой и дорожной пылью... Тишина. В ногах мурашки, и кажется, что мы едем на каникулы со станции Новый Бут в деревню Яновка"¹¹⁴. Но это крайне редкое, почти уникальное признание Троцким тоски по родине.

В сентябре 1912 года "Киевская мысль" попросила Троцкого дать серию статей и репортажей о Балканах, где сложилась взрывоопасная обстановка. Материальные условия были предложены хорошие, политическая погода Европы показывала как будто штить, и Антид Ото (так подписывал свои статьи в киевской газете Троцкий) согласился. Ему предстояло осветить две национальные войны, где проигравшими оказывались народы, руками которых они велись. Напомню детективный характер этих войн. За спиной воюющих государств, конечно, сталкивались интересы крупных держав: Российской и Австро-Венгерской империй, Англии, ряда других стран. Яблоком раздора была Македония (тогда турецкая провинция), на которую претендовали Сербия, Болгария, Греция. Но освободить ее можно было лишь сообща. Возник Балканский союз¹¹⁵, направленный своим острием против Турции. Поводом для начала войны послужила резня в македонских населенных пунктах Иштипе и Кочанах. 13 октября 1912 года Болгария от имени союзников вручила Турции ноту, похожую на ультиматум. Нота осталась без ответа. Начались боевые действия. Болгары, сербы и греки заняли к декабрю почти всю Македонию. Турция запросила перемирия, но тогда мир не был достигнут. Лишь 30 мая 1913 года в Лондоне был подписан мирный договор. Послы крупных держав помогли так поделить плоды победы, что все остались недовольны, у всех возникли новые претензии друг к другу, в результате чего между вчерашними союзниками в июне 1913 года началась вторая Балканская война. Против Болгарии выступали Сербия, Черногория и Греция, к которым присоединились Румыния и Османская империя. Через месяц Болгария оказалась побежденной. В августе 1913 года в Буха-

ресте был заключен еще один мирный договор, по которому Македонию поделили Сербия и Греция, а болгарская провинция Новая Добруджа перешла к Румынии. Война никого не примирила, никаких узлов не распутала, а лишь создала новые очаги напряженности. Троцкому предстояло обо всем этом поведать украинскому и русскому читателю.

С фронтов Балканских войн он отправил более 70 статей, репортажей, корреспонденций, составивших шестой том его сочинений. Почти все они написаны с блеском, мастерски, ярко. Думаю, что "балканские письма" с особой силой проявили литературную мощь Троцкого. Но он часто не был беспристрастным летописцем. На Балканах, в этом "ящике Пандоры Европы", как он выражался, негативную роль, по его мнению, играли "рука царизма" и панславянская идеология. Верно подмечая столкновения интересов крупных держав на Балканах, Троцкий и мысли не допускал, что царизм, с которым он смертельно враждовал, мог иметь какие-то законные интересы в этом "ящике". Вначале его корреспонденции с фронтов выражали симпатию южным славянам, но, по мере того как он убеждался, какие надежды они возлагают на помощь России, тон его стал меняться. Он неожиданно стал защищать терпящих поражение турок. Это сразу же вызвало бурю протеста в Софии, Белграде, Киеве, Петербурге. Болгары даже запретили ему посещать фронт, когда он стал писать о "зверствах" союзников по отношению к туркам. Троцкий все больше ополчался против славянофильства, видя и здесь главным образом самодержавное влияние Петербурга. В своих "Открытых письмах" по эту Петко Тодорову и профессору Милюкову Троцкий защищал свое видение панорамы войны, как он выражался, с позиций не национальных, а интернациональных. Но на многие события Троцкий смотрел достаточно поверхностно, не понимая глубинных социально-экономических причин бессмысленной бойни.

Когда началась вторая Балканская война, Троцкий вновь оказался на театре военных действий, его симпатии вновь были на стороне побежденных, но теперь уже... болгар. Сейчас он писал о "зверствах" новых победителей... Повествуя о войне как об антицивилизации, корреспондент "Киевской мысли", будучи до мозга костей политиком, пробовал сформулировать рецепты будущего устройства для Балкан. Еще в 1909 году Троцкий писал: "Только единое государство всех балканских национальностей на демократическо-федеративных началах — по образцу

Швейцарии или Северо-Американской республики — может внести внутреннее умиротворение на Балканы и создать условия для могущественного развития производительных сил”¹¹⁶. Затем, уже в ходе войны, он не раз высказывал эту почти утопическую мысль. Правда, сама панорама войны с ее смертями и разрушениями часто заставляла усомниться в прожектах, которые рождаются на основе схематизма и абстрактных предположений. “Мы научились носить подтяжки, писать умные передовые статьи и делать шоколад “Милку”, — находим мы в рукописях саркастические строки корреспондента “Киевской мысли”, — а когда нам нужно всерьез решить вопрос о сожительстве нескольких племен на благодатном полуострове Европы, мы бессильны найти другой способ, кроме массового взаимознищечения”¹¹⁷. Впрочем, основной смертельный оппонент Троцкого тоже пытался в 1947 году создать на Балканах федерацию... Вспомним, вскоре после второй мировой войны Сталин хотел воскресить эту идею, из которой, естественно, ничего не получилось, кроме обострения отношений с Болгарией и Югославией.

Корреспонденция Троцкого с балканского театра войны, как бы к ним ни относились тогда и сегодня, несут на себе печать яркого пацифизма, против которого он через несколько лет так ополчится. В его статьях, опубликованных всего два-три года спустя, пацифизм характеризуется уже как глубокая утопия. Заимствуя идеи циммервальдской резолюции (сентябрь 1915 г.), Троцкий напишет: “Рабочие должны отвергнуть *утопические требования буржуазного или социалистического пацифизма*. Пацифисты порождают на место старых иллюзий новые и пытаются поставить пролетариат на службу этим иллюзиям...”¹¹⁸

Однако картины войны, создаваемые талантливым пером Антида Ото (он же Л. Янов), вновь и вновь рождали эти “иллюзии”, которые десятилетия спустя, в эпоху нового мышления, предстанут как высшие истины. Но нельзя требовать от Троцкого того, чего не выдвинула эпоха. Просто его умозрительные схемы о войне здорово расходились с тем, что он видел: “...на станции Чуриц, в Сербии, встретили транспорт пленных — 190 турок и арнаутов. Их высадили из вагонов и уводили за город — в казарму или в тюрьму. Это не первая картина горя и унижения человеческого, которую я видел в жизни, и в частности здесь, на Балканах. Но *такой* я еще не видел. 190 человек израненных, истерзанных, больных, наряжен-

ных в лохмотья и тряпки, в какие-то последние остатки человеческой одежды, кое-как обмотанные вокруг несчастного человеческого тела. У многих сохранились на ногах опорки. У других ступни обернуты тряпками... Холодно, сыро, но около трети — совсем босые.

Эти пленные в Чуприне — самая правдивая картина войны: оборонительной и наступательной, колониальной и национальной. Эту картину должен был бы перенести на полотно большой, честный и умный художник. И она была бы стократ страшнее всех симметричных ужасов Верещагина или Леонида Андреева¹¹⁹.

В рукописях Троцкого, хранящихся в специальном фонде бывшего Центрального партийного архива, много материалов о Балканских войнах, осуждающих насилие вообще. "Я ехал на Балканскую войну, считая ее не только вероятной, но и возможной. Но когда... я узнал, что несколько столь хорошо знакомых мне человек, политиков, редакторов и доцентов, стоит уже под ружьем, на границе, на передовой линии, и что им первым придется убивать и умирать, тогда война, абстракцией которой я так легко спекулировал в мыслях и статьях, показалась мне невероятной, невозможной"¹²⁰. Конкретное видение событий часто ломает абстракции и логические конструкции и схемы, особенно если видишь, как "война всасывает в себя все новые и новые свежие силы и выбрасывает к нам сюда отработанный человеческий материал: раненых и пленных"¹²¹.

Троцкий умел тонко подмечать отдельные штрихи быстро текущего бытия, которые рельефно высвечивали главное в его статьях: беспросветное горе войны, нечеловеческое ожесточение людей, националистический угар и потрясающее долготерпение... Приведу еще один отрывок из рукописи его статьи, озаглавленной "На Балканах" и подписанной "Белград, 28 сентября, Л.Янов". В ней говорится: "...женщины Востока, вычужные животные с младенцами на руках, с грязными грудями, висящими из сорочек, с кулями за спиной и под локтем, пробиваются в дверь вагона, проталкивая коленями какую-то поклажу впереди себя. За ними крестьяне, навсегда почерневшие от земли и от солнца, корявые, кривоногие, низко прижатые тяжкой властью ее. Молодухи в сарафанах, засиженных блохами. Скрюченные старушки с зобами в черных платках, опершись на посох, сидят на скамьях 3 — 4 — 5 часов

без слов и без движения. Какое страшное всевыносящее терпение!"¹²²

"Балканские письма" Троцкого — письма политика и журналиста, заглянувшего в "ящик Пандоры". Он, конечно, не знает, что менее чем через десять лет будет еще на одной войне, но в качестве не летописца, а одного из главных действующих лиц долгой и кровавой драмы. Повторюсь: Антид Ото своими писательскими миниатюрами срывал покровы со страшного лика войны, но, осуждая ее, в своих теоретических рассуждениях он продолжал говорить о "безжизненности гуманистического, моралистического взгляда на войну". Троцкий все еще верил, что войну можно искоренить войной. Тогда еще, пожалуй, никто не мог знать, что это и есть страшная Утопия. Не пацифизм, способный в будущем стать планетарной тенденцией, а война, которая силой подменяет человеческий разум, будет уценена историей навсегда.

По следам Агасфера

В упомянутом раньше моем разговоре с Ольгой Гребнер — маленькой, симпатичной и интеллигентной старушкой, доживающей свои дни в доме для престарелых со звучным названием "Дом ветеранов сцены", она несколько раз назвала Л.Д.Троцкого, своего свекра, Агасфером. Думаю, что это весьма точно. Согласно древней легенде, еврей Агасфер был обречен на вечные скитания в наказание за то, что отказал помочь Иисусу Христу в кратковременном отдыхе на пути на Голгофу. Став еще в молодости скитальцем, Троцкий, не пожалевший нести крест, уготованный судьбе колониста, всю жизнь нес, однако, иной крест: мучений и славы, разочарований и неиссякаемой надежды. В наказание за свою любовь к революции...

Закончив свою балканскую экспедицию, Троцкий еще не знает, что в недалеком будущем у него в Вене состоится разговор с шефом политической полиции Австрии Гейером. То было 2 августа 1914 года. Гейер выразил осторожное предположение, что завтра утром может выйти приказ о заключении под стражу русских и сербов.

— Следовательно, вы рекомендуете уехать?

— И чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, завтра я еду с семьей в Швейцарию.

— Гм... я бы предпочел, чтобы вы это сделали сегодня¹²³.

Но все это будет в августе 1914-го, когда Троцкому вновь придется идти путем Агасфера — из одной страны в другую. Вена он покинет навсегда. Правда, взлетев через несколько лет на самый гребень исторической известности, ему придется не раз касаться дел, имеющих отношение к коммунистическому движению, в том числе и в Австрии. В январе 1919 года, будучи влиятельнейшим Председателем Реввоенсовета Республики, он подпишет однажды такую телеграмму:

”Москва, Центропланбеж (Центр по делам пленных и беженцев. — *Д.В.*).

Мною получена из Царева нижеследующая телеграмма точка кавычки Австро-венгерские военнопленные Царевский лагерь Астраханская губерния брошенные на произвол судьбы переутомленные в ожидании отправок на родину просят Вас воздействовать на надлежащие русские власти в пользу скорейшей отправки За лагерком Миц точка кавычки

Предреввоенсовета *Л.Троцкий*”¹²⁴.

Сколько он тогда подписывал разных телеграмм, приказов, распоряжений! Сколь огромна была его власть! Троцкий, который, кажется, навсегда сбросив рублица Агасфера, приехал на свою землю обетованную — в Революцию, поможет австрийцам возвратиться домой. А тогда, в 1913 году, Антид Ото вернется с Балкан не на родину, а в Австрию, где его ждали семья, друзья.

У Троцкого было много почитателей, поклонников его таланта, он был уже популярен, но особо близких людей, друзей было у него немного. Один из таких — Семен Львович Клячко, русский социалист, проживший за рубежом более сорока лет и не доживший до Февральской революции в России менее года. Этот человек не оставил особого следа в революционном движении потому, что, как писал Троцкий, ”у него были все данные для выдающегося политического деятеля, кроме необходимых для этого недостатков”¹²⁵. Троцкий любил этого человека, прожившего целую жизнь в изгнании, не только за мягкий, добрый характер, недюжинный ум, но и за ”космополитическое” качества. С.Л.Клячко был своим человеком в социал-демократических организациях Нью-Йорка, Вены, Лондона, Парижа, Берлина, Рима... Если бы не революция в России в 1917 году, Троцкий мог бы тоже стать таким же ”гражданином мира”... Космополитическая всеядность Клячко чем-то импонировала Троцкому; ведь он так любил мыслить категориями миро-

вой революции! Анна Константиновна Клячко (муж ее уже умер) была одной из первых, кому Троцкий, оказавшись в изгнании, написал письмо: "...мы живем на острове Принкипо, куда я когда-то собирался ехать по приглашению Ллойд Джорджа на международную конференцию. Хотя из затей Ллойд Джорджа ничего не вышло, но географически его выбор был недурен: полная изолированность от остального мира и прекрасная природа. Вид из наших окон открывается во все стороны прекрасный до неправдоподобия. Единственным минусом являются москиты, которые, несмотря на холодную весну, уже дают себя по ночам знать..."¹²⁶

Вернувшись в Вену, Троцкий вновь окунулся в атмосферу межпартийных разногласий, которые окончательно развели большевиков и меньшевиков в разные лагеря. Его по-прежнему привлекал радикализм большевиков, но личные симпатии к меньшевикам удерживали на старых позициях. Троцкий верил в новый подъем революции, старался не терять связи с некоторыми бывшими членами Петербургского Совета рабочих. Например, он устанавливает переписку с меньшевиком Дмитрием Федоровичем Сверчковым, который после нескольких лет ссылки и каторги был амнистирован. Бывший Председатель Совета расспрашивает в письмах о новостях и даже находит время затеять с петербургским товарищем шахматную баталию:

"... Предлагаю тебе шахматную партию по переписке. Сим начинаю:

1. $e_2 — e_4$, если ты делаешь 1. $e_7 — e_5$, то я 2. Конь $g_1 — f_3$, если ты делаешь 2. $Kb_8 — c_6$, то я хожу: 3. Слон $f_1 — c_4$. Жду от тебя ответа.

Твой Лев"¹²⁷.

Пользуясь случаем, скажу, что Троцкий был хорошим шахматистом, не раз играл против Ленина, правда, не знаю, в чью пользу заканчивались те партии. Будучи наслышан о высоких качествах Троцкого-шахматиста, начальник Всеобуча МВО в июле 1921 года шлет наркому приглашение:

"Зная о Вашем интересе в прошлом к шахматному искусству, считаю долгом довести до Вашего сведения, что в помещении Центрального Военно-спортивного клуба Всеобуча им. Ленина по Камергерскому переулку дом № 5, кв. 99, организован Московский чемпионат-турнир при участии следующих лиц: маэстро Дуз-Хотимирский, В.И.Ненароков, Н.И.Греков, Н.Д.Григорьев, Н.М.Зубарев, А.Ф.Ильин-Женевский,

Н.М.Павлов, Н.И.Цукерман, М.Г.Кляцкин, Н.П.Целиков и другие...

Не осмеливаясь оторвать Вас от государственных дел прямым приглашением на состязания, был бы счастлив Вашим присутствием в стенах означенного Клуба.

При сем прилагаю выдающуюся хронику шахматного дела за последний период времени в Европе и в Америке. Имеющиеся записанные партии Ласкера и Капабланки будут представлены по Вашему желанию незамедлительно...¹²⁸

...Не известно, успел ли Троцкий закончить партию со Сверчковым, или первая мировая война, разметавшая не только шахматные фигурки, но и целые государства по разные стороны бесконечных проволочных заграждений, отодвинула в невозвратное неожиданную фантазию эмигранта. Не знаю, побывал ли он после Октябрьской революции в клубе на шахматном турнире. Важно другое: революционер всегда находил время разобрать интересную партию.

Правда, пройдет несколько лет, и Д.Ф.Сверчков будет просить покровительства и помощи у Троцкого, который станет к тому времени могущественным членом Политбюро и Председателем Реввоенсовета Республики. Думаю, некоторые подробности этого обращения заинтересуют читателя, ибо характеризуют политический климат того времени. В мае 1922 года он получит письмо от Сверčkова, где тот сообщает, что летом 1917 года, когда Временное правительство арестовало Троцкого, "газеты вопили о необходимости жестокой расправы и я опасался, что тебе грозит расстрел. Я был в то время меньшевиком, занимал правую позицию и резко выступал против большевиков.

Еще в 1909 году в Париже во время пленума ЦК я слышал от Мартова, Дана и других историю о присвоении большевиками себе наследства фабриканта Шмидта, который оставил его РСДРП. Мартов, которому тогда, в 1917 году, я безусловно верил, говорил об обманах, к которым прибегнул большевистский центр, чтобы воспользоваться наследством без раздела его с другой фракцией единой тогда партии с.д. Говорилось тогда много и резко на фракционных меньшевистских собраниях по поводу тифлисской экспроприации и размене за границей большевиками полученных от этой экспроприации 500-рублевков. Всему этому я верил, ибо самым категорическим образом говорили об этом Мартов с К⁰ и родственники Шмидта — его сестра и ее муж, с которыми мне пришлось познакомиться в Париже..."

Дальше Сверчков пишет, что все это он изложил в своем письме в 1917 году министру юстиции в правительстве Керенского и как бы взамен "просил освободить тебя за моей ответственностью. В письме этом я противопоставил тебя большевистскому центру и, желая выгородить тебя и возродить полное доверие к себе со стороны правительства Керенского, тем резче отзывался о большевиках". Затем Сверчков отмечает, что готовится большая публикация о выступлении большевиков 3—5 июля 1917 года и будет напечатано это его письмо правительству Керенского. "... С опубликованием этого письма теперь чрезвычайно затруднится — если не станет совсем невозможной — моя работа, т.к. письмом воспользуются для того, чтобы дискредитировать мои выступления и уничтожить мой авторитет...

20 мая 1922 г.

Зам.Уполнаркомпусть Петр. округа путей сообщения

*Д.Сверчков*¹²⁹.

Это уже шахматы политические. Такое заступничество бывшего меньшевика, которое готовились огласить всенародно в самый апогей его славы и возвышения, было Троцкому совсем ни к чему. Он помнил, что Бутов и Сермуks, работники секретариата РВС Республики, сделали тогда по его поручению несколько нужных звонков... Ну а наследство, деньги, экспроприации — пусть разбираются с этим историки! Троцкий об этой малоизвестной странице дореволюционной жизни партии знал не меньше Сверčkova. Но я вновь забежал далеко вперед...

С 1871 по 1914 год Европа не знала крупных потрясений, если не считать Балканских войн. Казалось, капитализм сам по себе входит в либеральное русло. Социалисты постепенно укрепляли свое влияние. Во II Интернационале не без оснований верили, что реформы помогут достичь цели, провозглашенные марксизмом. Не все чувствовали, что под европейской крышей подспудно нарастали империалистические противоречия. На заводах рабочие производили все больше пушек, мортир, цепелинов, колючей проволоки, а втайне — и газы. Лето 1914 года выдалось жарким. Нужна была искра, чтобы воспламенить горючую смесь в подвалах Европы.

И она была высечена. В то время телеграф был таким же чудом, как телевидение в середине нашего века. В столицах Европы обсуждали драму: на наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену эрцгерцогиню фон Гогенберг наборщиком Габриловичем совершенно покуше-

ние. К счастью, высокая чета осталась жива... Через несколько часов новое сообщение: 19-летний сербский националист Гаврила Принцип двумя выстрелами из браунинга в упор довершил дело — наследник и его жена убиты.

— Это война, — отложив газету, сказал жене Троцкий.

Выйдя на улицу, Троцкий увидел невиданное оживление и скопление народа. Он писал потом в "Киевской мысли": "... я бродил по улицам Вены и наблюдал на Ring'e толпы демонстрирующих. Широкое пространство перед военным министерством было сплошь покрыто народом. И не "публикой", а действительно народом, в корявых сапогах и с корявыми пальцами. Было очень много подростков и школьников, но было и много зрелых людей, немало женщин. Махали в воздухе черно-желтыми флажками, пели патриотические песни, кое-кто выкрикивал: "Alle Serben müssen sterben!" ("Все сербы должны умереть!")"¹³⁰. Проницательный ум Троцкого постигал: националистические, шовинистические, патриотические страсти опрокинут доводы разума, морали и просто самосохранения. Но и он тогда еще не знал, что в первые дни августа 1914-го европейская социал-демократия в своем большинстве капитулирует перед милитаризмом. "Я не ждал, — вспоминал Троцкий, — что в случае войны официальные вожди Интернационала окажутся способными на серьезную революционную инициативу. Но в то же время я не допускал и мысли, что социал-демократия станет просто ползать на брюхе перед национальным милитаризмом"¹³¹. Троцкий провидчески напишет: "Мобилизация и объявление войны как бы стерли с лица земли все национальные и социальные противоречия в стране. Но это только историческая отсрочка, своего рода политический мораториум. Векселя переписаны на новый срок, но платить по ним придется..."¹³². Он верно подметит: на первых порах война везде укрепит государственные машины, с тем чтобы затем расшатать их до предела. С этого времени и до конца своих дней Троцкий станет на враждебные позиции по отношению к социал-демократам. "История сложилась так, — скажет он позже, — что в эпоху империалистической войны германская социал-демократия оказалась, — это можно сейчас сказать с полной объективностью, — наиболее контрреволюционным фактом в мировой истории"¹³³. Троцкому оставался лишь один путь — к социалистическим радикалам. Ими были большевики.

Война вынудила Троцкого почти бежать с семьей в Швейцарию, ибо австрийские власти стали интернировать российских

эмигрантов. "Венская глава" закончилась. Теперь он с семьей сделает к ней еще несколько эмигрантских "приложений": французское, испанское и североамериканское. Исход из Вены русских социал-демократов был стремительным. Вначале все перебирались в Швейцарию. Туда же прибыли Ленин, Зиновьев, Радек, Бухарин и некоторые другие социалисты-эмигранты. Находясь под впечатлением решений социал-демократов, поддержавших в своих парламентах милитаристские планы воюющих государств, Троцкий буквально за три дня написал брошюру "Война и Интернационал". В ней он настойчиво проводил ленинскую мысль (хотя по-прежнему был в состоянии "войны" с ним): мир без контрибуций и аннексий, мир для трудящихся можно достичь только обращением штыков против своих правительств. И здесь Троцкий выдвинул идею, которая всеми была воспринята как утопия: пролетариату, чтобы исключить войны, нужно создать Соединенные Штаты Европы, а затем бороться за образование Соединенных Штатов мира...

Троцкий любил пророчествовать. Но далеко не все его прогнозы, скажем, забегая вперед, нашли подтверждение. Например, он был уверен, что после Октябрьской социалистической революции если и не свершится в ближайшие годы революция мировая, то в Европе она состоится непременно. Он ошибся в прогнозах, касающихся перспектив и судеб мировой революции, значения IV Интернационала, отмирания мелких национальных государств; в некоторых других попытках приподнять завесу над грядущим. Однако многие последующие предположения, касающиеся своего отечества, опасностей перерождения, эволюции сталинизма и его последствий, оказались провидческими. Троцкий не боялся давать прогнозы. Еще в 1915 году он высказал предположение, что Россия может выйти из войны лишь с помощью революции. Он жил ею, ждал ее и торопил приход этого "праздника угнетенных".

Троцкий был похож на М.А.Бакунина, который не мог жить без революции. Русский революционер В.И.Кельсиев в своей "Исповеди" вспоминает разговор Герцена с Бакуниным, при котором он присутствовал:

— В Польше только демонстрации, — сказал Герцен. — Да авось поляки образумятся, поймут, что нельзя подыматься, когда государь только что освободил крестьян...

— А в Италии?

— Тихо.

— А в Австрия?

— Тоже тихо...

— А в Турции?

— Везде тихо, и ничего даже не предвидится.

— Что же тогда делать? — произнес в недоумении Бакунин. — Неужели же ехать куда-нибудь в Персию или в Индию и там подымать дело! Эдак с ума сойдешь — я без дела сидеть не могу...¹³⁴

Таким же нетерпеливым был и Троцкий, грезивший российской, европейской, мировой революциями.

В Швейцарии Троцкий пробыл всего два с половиной месяца. Из "Киевской мысли" поступило предложение: поехать корреспондентом газеты в Париж и с "высоты Эйфелевой башни" следить за европейским пожаром. Давнишний сотрудник киевской газеты тут же согласился. Для переезда в Париж формальности заняли совсем мало времени. Троцкий еще не знает, что через полтора десятка лет для того, чтобы попасть во Францию, ему и его друзьям потребуются невероятные и долгие усилия. Когда наконец в апреле 1933 года он получит сообщение от своего сторонника во французской столице Мориса Парижанина, что вопрос о приезде его и жены, видимо, будет решен положительно, он ответит: "С большим изумлением получил Вашу телеграмму... с трудом могу допустить, что французское правительство, когда оно ищет дружбы со Сталиным, даст мне визу"¹³⁵. К тому времени Троцкий станет человеком, перед которым захлопнутся входные двери почти всех государств. Это письмо Троцкого окажется одним из многих десятков, которые выкрало у него ГПУ — НКВД и положило на стол Сталина...

Но вернемся назад. Пробыв во Франции два года, Троцкий окончательно разошелся с Мартовым, Парвусом и Плехановым. Посылая корреспонденции в "Киевскую мысль", Троцкий активно сотрудничал и в парижской русскоязычной газете "Наше слово", которая с антимилиитаристских позиций освещала войну.

В Париже он сошелся с Антоновым-Овсенко, дружба с которым была весьма долгой и прочной, ближе узнал Луначарского, Рязанова, Лозовского, Мануильского, Сокольникову, Чичерина. Сейчас он вращался в кругу людей, с которыми ему предстояло в недалеком будущем быть в самом эпицентре русской революции. Ленинский "Социал-демократ" и газета Троцкого "Наше слово", в которой он фактически стал первым лицом, все больше писали не только о Молохе войны, который, не уставая, собирал кровавую жатву, но и о тех подспудных

толчках, которые начали сотрясать быстро уставшую от войны Российскую империю.

После долгого перерыва Троцкий встретился с Лениным в сентябре 1915 года в Циммервальде — небольшой деревушке в Швейцарии, где собрались 38 делегатов-социалистов от воюющих и некоторых нейтральных стран, чтобы выработать общую позицию по отношению к продолжающейся войне. По сути, делегаты перешагнули через колючую проволоку и окопы, чтобы солидаризироваться в своей ненависти к войне.

Позиция Ленина была самой революционной и, как выяснится позже, самой трагичной по последствиям: бороться за превращение войны империалистической в гражданскую. Троцкий сформулировал свою позицию иначе: "за окончание войны без победителей и побежденных". Хотя предложение Ленина не получило поддержки большинства, циммервальдская конференция свидетельствовала о возрождении радикального крыла социалистического движения, предтечи III Интернационала.

Троцкий продолжал писать. Некоторые его статьи получили немалый резонанс. Например, "Со славянским акцентом и улыбкой на славянских губах", "Конвент растерянности и бессилия", "Год войны", "Психологические загадки войны"¹³⁶ и другие. Правда, Троцкому приходилось проявлять максимум изворотливости, ведь "Киевская мысль" выступала за войну, за войну до победы. Она охотно печатала критические статьи в адрес Германии и неохотно, с купюрами, те, которые касались Антанты. В "Нашем слове" можно было писать смелее. Каждый день Троцкий направлялся в кафе "Ротонда", где можно было прочесть все крупные европейские газеты. Там он часто встречал Мартова, Рязанова, Луначарского... Информация о европейских событиях была дороже плохого военного кофе. Война, отношение к ней все больше разводили социалистов по разные стороны баррикад. Когда Троцкий узнал, что Засулич, Потресов и Плеханов "за войну", он был просто потрясен. Действительно, лучшую характеристику политических воззрений человека дают его конкретные поступки!

В это же время Троцкий закрепил многие свои старые связи с французскими социалистами. Особенно близко он сойдется с А. Росмером, с которым будет поддерживать связь всю оставшуюся жизнь. Даже с фронта гражданской войны в сентябре 1919 года Троцкий послал в Париж письмо:

"Товарищу Лорио, товарищу Росмеру, товарищу Донату

...Несмотря на блокаду, при помощи которой господа Клемансо и Ллойд Джордж и другие пытаются отбросить Европу в

средневековое варварство, мы внимательно следим отсюда за вашей работой, за ростом идей революционного коммунизма во Франции. И я лично с радостью узнаю каждый раз, что вы, дорогие друзья, считаете в первом ряду того движения, которое должно возродить Европу и все человечество...

Чем грубее торжество милитаризма, вандализма, социал-предательства буржуазной Франции, тем суровее будет восстание пролетариата, тем решительнее его тактика, тем полнее его победа... Мы знаем, что дело коммунизма находится в надежных и твердых руках.

Да здравствует революционная пролетарская Франция!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

*Л.Троцкий*¹³⁷.

А дела Троцкого, между тем, осложнялись. В Марселе, куда прибывали все новые транспорты с русским "пушечным мясом", в одной из частей мужики в военных шинелях взбунтовались. Бунт жестоко подавили. У нескольких арестованных солдат обнаружили экземпляры "Нашего слова" с антивоенными материалами Троцкого. Реакция была быстрой: газету закрыли, а Троцкому предписали покинуть страну. Все протесты эмигрантов и друзей-социалистов не помогли. "Опасный подстрекатель", как окрестили его власти, просил разрешения выехать в Швейцарию или в Швецию. Он опасался, что в силу союзнических обязательств его могут просто выдать царским властям. В фонде Троцкого хранится вырезка из одной французской газеты, где говорится: "...в понедельник, 30 октября Троцкого уведомляют, что он должен выехать немедленно. С момента подписания приказа о его высылке он был поставлен под самый отвратительный полицейский надзор... Вечером два полицейских, которые были к нему приставлены, являются к нему, увозят его и отправляют на испанскую границу..."¹³⁸

В конце 1916 года Троцкого с семьей силой выдворили в Испанию, где через несколько дней арестовали в Мадриде как "известного анархиста". Пробыв несколько недель в тюрьме, непрерывно протестуя против произвола, он добился лишь одного: вместе с женой и детьми его посадили на старый пассажирский корабль "Монсерат" и выслали в Северо-Американские Соединенные Штаты. "Прощай, Европа! — запишет он в своем дневнике. — Но еще не совсем: испанский пароход — частица Испании, его население — частица Европы, главным образом, ее отбросы"¹³⁹. На борту корабля изгнанник напишет письма многим друзьям в разных странах, в том числе и близкому дру-

гу Альфреду Росмеру: "Я долгим взглядом провожал уходящую в дымке эту старую каналью — Европу..."

Троцкий с женой и подростками мальчиками в канун нового, 1917 года стояли, тесно прижавшись друг к другу, на палубе второго класса и смотрели на тающие скалы Гибралтара. Ровно через 20 лет, в канун 1937-го, Троцкий с женой, но уже без детей (один сын останется в Париже, где скоро погибнет, а другой к этому времени будет расстрелян в СССР, но мать и отец еще не знают этого) еще раз пересекут океан, направляясь к американским берегам. Но тогда изгнанник покинет Европу навсегда. А сейчас скиталец Агасфер отправлялся в неизвестность. За кормой корабля с криком летали чайки. Троцкий мог вспомнить, что в Древнем Риме были жрецы-авгуры, которые толковали волю богов по полету птиц... Что сегодня чайки хотели передать ему? Какова теперь воля богов? Что ждет его в Новом Свете? Авгуров рядом не было. Троцкий открывал неизвестную страницу своей судьбы.

глава 2

Бесовство революции

В революции происходит суд над злыми силами, но судящие силы сами творят зло.

Н. Бердяев

Старый "Монсерат" скрипел, переваливаясь с волны на волну безбрежной Атлантики. "Море было чрезвычайно бурно в эту худшую пору года, — писал Троцкий почти через полтора десятка лет, — и корабль делал все, чтобы напомнить нам о бренности существования... Но нейтральный испанский флаг снижал во время войны число шансов на потопление. По этой причине испанская компания брала дорого, размещала плохо, кормила того хуже"¹.

Троцкий еще раньше заметил: шум моря, дыхание волн, гул стихии создают впечатление огромного, фантастического существа, которому, однако, не ведомы ни страдания, ни радости, которое не мучает прошлое и не страшит будущее. Океан, подобно звездному небу, высоким горам, лесному костру, рождает у человека потребность думать не только о сегодняшнем дне, но и об эфемерности человеческого существования вообще. Мысли Троцкого, отлетая в философские дали бытия, неизменно, однако, возвращались к неизвестности ближайшего будущего.

Стоя на палубе и вглядываясь в серый горизонт, изгнанник думал: два Новых года войны ему с семьей довелось встретить во Франции, а третий — в просторах океана. Что ждет его в наступающем 1917 году? Троцкий мог вспомнить образный фрагмент из любимого им Глеба Успенского: "В дальнем море, на каменной скале, стоит гигантская статуя "Свободы". Франция подарила эту статую Америке. На огромном пьедестале поставлена величественная фигура женщины с поднятым над головою электрическим факелом. Высоко, чуть не в облака, подняла эта женщина свой факел..." Далее у Успенского: бедные птицы, застигнутые бурей, дождем, снегом, летя на свет, "на смерть разбиваются о гигантский фонарь..."². Не разобьется ли и он о неизвестные каменные громады Нового Света? Что он будет делать в стране, где, по его мнению, "в сердцах — нравственная философия доллара"?

Здесь, в Америке, Троцкий провел всего два месяца, с пер-

вых же дней посвятив себя чтению докладов в Нью-Йорке, Филадельфии, других городах. В США он встретил Н.И.Бухарина, А.М.Коллонтай, Г.И.Чудновского, некоторых других революционеров. Но не успел Троцкий толком оглядеться в среде соотечественников и местных социалистов, как стали приходить будоражащие, вначале непонятные сообщения из-за океана о событиях в России. Троцкий доставал множество газет и с волнением читал, читал... Корреспонденты сообщали из Петрограда: 2 марта члены Государственной думы А.И.Гучков и В.В.Шульгин прибыли к императору Николаю II в Псков, где приняли у него отречение в пользу брата Михаила Александровича. Буржуазные думцы делали все для того, чтобы спасти монархию. Об этом откровенно сказал в своей речи перед членами правительства П.Н.Миллюков: "Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую и конституционную монархию". Прочитав эти строки, Троцкий бросил газету на пол и с яростью сказал:

— Кадеты уже залезли в суфлерскую будку и талдычат свою линию!

— Лева, но этого следовало ожидать, — успокаивала мужа Наталья Ивановна.

Позже, уже в России, Троцкий узнал, что в те дни члены правительства Г.Е.Львов, П.Н.Миллюков, А.Ф.Керенский, Н.В.Некрасов, М.И.Терещенко, И.В.Годнев, А.И.Гучков, как и члены Временного комитета Думы М.В.Родзянко, В.В.Шульгин, И.Н.Ефремов, М.А.Караулов, принимая отречение Михаила, предложили ему текст, который оставлял возможность сохранения монархии. После их редакции главная мысль звучала так: "Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, *если такова будет воля великого народа нашего*, которому и надлежит всенародным голосованием своим через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского..."³ Спустя годы он вновь прочтет обо всем этом, получая, как и другие члены Политбюро, эмигрантскую литературу из-за рубежа.

А что же социалисты? Где сейчас Ленин? Как будут складываться отношения между большевиками и меньшевиками? Не утопят ли в крови с помощью Германии новую революцию? Вопросы, вопросы... В висках покалывало, кружилась голова, рядом с радостью притаилось смутное беспокойство... Сообщение о том, что над Зимним дворцом развевается красное знамя

революции, казалось сладким мифом. На митингах в Америке толпа, вспоминал Троцкий, издавала восторженный рев. Дома он почти не бывал. Мальчики ходили в школу и быстро овладевали английским. До этого во Франции они хорошо освоили французский, а еще раньше, в Австрии, — немецкий. Дети революционного Агасфера росли в космополитической обстановке и делили судьбу отца. Троцкий после первых же сообщений о Февральской революции твердо и бесповоротно решил: его место на родине, где зажжен факел революции. Уже 27 марта 1917 года он с семьей и некоторыми другими соотечественниками отплыл на норвежском пароходе "Христианиа-Фиорд" в Европу. Он еще не знал, что через два десятка лет последнее в его жизни морское путешествие тоже будет через Атлантический океан и тоже на норвежском судне, но в обратном направлении, в Мексику...

При досмотре корабля в канадском порту Галифакс семья Троцкого и еще несколько русских пассажиров были арестованы. Во время нахождения в лагере они узнали, что британское посольство распространило сообщение о том, что-де Троцкий ехал в Россию "с субсидией от германского посольства для низвержения Временного правительства". Стоит заметить, что, когда Троцкий приехал в Петроград, об этом продолжали писать русские газеты. Этому способствовали многочисленные слухи о финансовой поддержке большевиков немецким правительством, подкрепляемые документами, подлинность которых полностью не доказана, но и не опровергнута. И по сей день полной ясности в этом вопросе нет, хотя в последующем за рубежом появилось много публикаций по этому вопросу. Одна из наиболее известных — книга С.П.Мельгунова, бывшего редактора журнала "Голос минувшего", приговоренного большевиками в 1920 году к смертной казни, но затем высланного за границу⁴. Специальное исследование этого вопроса провел В.Л.Бурцев, старый революционер, не раз сидевший в Петропавловском рavelине. В своих многочисленных публикациях он заявлял о подлинности финансовых связей большевиков с немецким правительством⁵.

После неоднократных выступлений "Правды" по поводу произвола британских властей Временное правительство было вынуждено телеграфировать в Галифакс и просить об освобождении интернированных граждан России. Через три недели Троцкий достиг Скандинавии и поездом добрался до Петрограда. Он еще не знал, с кем теперь будет: с большевиками или

меньшевиками. Однако в одном был уверен твердо: он будет с революцией!

Революционный паводок

После десятилетнего перерыва Троцкий вновь ступил на родную землю. На Финляндском вокзале в Петрограде прибывшего 5 мая 1917 года из Нового Света русского революционера встречали друзья. Моисей Соломонович Урицкий даже произнес коротенькую речь. После создания РСДРП он долго ходил вместе с Троцким в меньшевиках, близко сойдясь с ним во время сотрудничества в "Нашем слове". Мальчишки, уже подросшие в чужеземье, с удивлением озирались вокруг: везде слышалась русская речь, на вокзале необычное, даже лихорадочное оживление, у многих на лацканах пальто красовались алые банты... Троцкий "приехал прямо в революцию" одним из последних известных зарубежных русских деятелей. Виною тому, как мы знаем, канадское интернирование. Троцкий прибыл в столицу России, где он за десять лет до этого уже был председателем высшего революционного органа города. Кое-как заполучив однокомнатное обиталище в "Киевских номерах", Троцкий тут же поехал в Смольный, где заседал Петроградский Совет.

Шло заседание. Председательствовал хорошо ему известный Николай Семенович Чхеидзе, один из ведущих меньшевистских лидеров, с которым они были хорошо знакомы. В Совете Троцкого встретили довольно прохладно. Ни меньшевики и эсеры, составлявшие большинство Совета, ни большевики еще не знали, к кому прибыло "подкрепление". Троцкий, занимавший в последние годы обычно центристскую позицию, и сам бы не мог тогда точно сформулировать свои взгляды. Однако, помня заслуги Троцкого в первой русской революции, его на том же заседании ввели в состав Исполкома Совета с сощательным голосом. Пристроившись сбоку на свободном стуле, Троцкий с удивлением слушал, как его новые коллеги делили посты в правительстве Керенского, о котором в печати говорили как о "симбиозе десяти капиталистов и шести социалистов".

Долгая эмиграция Троцкого, хотя он и внимательнейшим образом следил за событиями в России, как-то отодвинула его

от отечественной действительности, сразу поставила перед ним много вопросов, на которые у него не всегда находились ясные ответы. По просьбе министров Гучкова, Церетели, его бывшего ученика Скобелева выступил на заседании и Троцкий. Находясь словно на распутье, новый член Совета смог выразить свое отношение к революции лишь самыми общими фразами. Мы видим, говорил он, вглядываясь в лица слушающих его людей, что Россия "открыла новую эпоху, эпоху крови и железа, борьбу больше не наций против наций, а борьбу угнетенных классов против их правителей"⁶. Церетели и Чернов, выступавшие за продолжение войны "до победного конца", вскинули головы. В словах Троцкого они увидели ясно выраженную опасность их курсу.

Троцкий уже знал о ставшей скандально известной статье Ленина в "Правде" (7 апреля 1917 г.) "О задачах пролетариата в данной революции", содержащей его "Апрельские тезисы" с установками на победу социалистической революции. В этой статье Ленин зло критикует Г.В.Плеханова за искажение своих взглядов в меньшевистской газете "Единство", за "оборончество" шовинистического толка. Однако там же Ленин формулирует позицию, к которой Россия была не подготовлена: "Не парламентская республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху"⁷. Отказ от парламентаризма в стране, где только начали появляться первые ростки демократии, со временем жестоко отомстит самой социалистической идее. К злой тональности Ленина Троцкий давно привык, а вот Плеханов его удивил. Троцкий был удивлен резким, грубым, непримиримым тоном Плеханова, который наряду со многими верными суждениями высказывал немало просто оскорбительного. Чего стоит одно название статьи "О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен"⁸. Троцкий, читая эту статью, не очень узнавал стиль Георгия Валентиновича. Ему было странно, что Плеханов "расцветчивает" свою статью выражениями: "Ленин никогда не был человеком сильной логики", "совершенно прав был репортер "Единства", назвавший речь Ленина бредовой", "первый тезис Ленина написан в том фантастическом мире, где нет ни чисел, ни месяцев, а есть только черт знает что такое..." и т.п.

Троцкий, который написал в разное время несколько статей о Плеханове, в том числе и посмертную в 1918 году (где он называл его "соглашателем" и "националистом", хотя и отдавал

ему должное как теоретику), был поражен категоричностью старого марксиста. Ведь Плеханов давно уже олицетворял социал-демократические идеалы в их наиболее завершенном виде. Статья Плеханова о "тезисах Ленина" кончалась фразой: "Я твердо уверен в том... что в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного правительства, к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле. Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы". Троцкий был не согласен с Плехановым, не зная, что история в конце концов подтвердит правоту патриарха марксизма в России.

Троцкий чувствовал, что революционное ристалище не только объединяет, но и разъединяет людей. Часто — навсегда. Ему тоже нужно было определиться: революция не терпит аморфных позиций.

Центристский курс Троцкого вначале привел его к так называемым "межрайонцам" — организации социал-демократов, возникшей в 1913 году, которая критиковала оборончество меньшевиков, но не теряла с ними идейной связи. Это сравнительно небольшое объединение социал-демократов все больше тяготело к большевикам. Когда в Петроград приехал Троцкий, в "межрайонцах" ходили многие его старые знакомые и друзья: В.А. Антонов-Овсеенко, М.М. Володарский, Д.З. Мануильский, А.А. Иоффе, А.В. Луначарский, М.С. Урицкий, К.К. Юренев и некоторые другие. Как правило, это были интеллигенты социал-демократического толка, прошедшие западную "школу" социалистического движения и делавшие мучительный выбор между радикализмом большевиков и парламентаризмом меньшевиков. В их среде Троцкий встретил и тех, кто два года назад активно сотрудничал с ним в парижской газете "Наше слово".

Петроград бурлил. Митинговая эйфория захлестнула улицы, как весенний паводок. Троцкий, рано утром уходя из своего номера, целыми днями жил политикой: заседания, митинги, встречи, обсуждения, выступления. Неделя-другая у Троцкого ушла на то, чтобы осмотреться, сориентироваться, разглядеть людей и их лидеров. Он видел, что в политическом раскладе сил большевики медленно, но неуклонно выходили на первые роли. Ведь они выступали против империалистической войны.

Однако несколько лет идейной и газетной войны с Лениным и большевиками пока еще цепко держали Троцкого за европейские фалды. Выступая 10 мая на конференции "межрайонцев", где стоял вопрос о политическом самоопределении группы, он все еще говорил: "...я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя"⁹.

Ленин заметил приезд Троцкого, увидел рост его популярности, но, возможно, почувствовал в этом факте проявление мелкобуржуазной революционности части населения, которой импонировали яркая левая фраза, радикальные выводы, обещания быстрых желаемых результатов. Не случайно, готовя план своего доклада об итогах VII (апрельской) конференции РСДРП(б), с которым он выступил на собрании Петроградской организации, Ленин в одном месте набросал: "Колебания мелкой буржуазии (Троцкий... Ларин и Биншток, Мартов, "Новая жизнь")"¹⁰. Этих людей он относил к "мелкой буржуазии". Пока... А в то же время Ленин присматривался к Троцкому, читая его статьи, вслушиваясь в резонанс его речей.

В эти дни "межвременья" Троцкого можно было встретить в редакциях различных ориентаций: "Правда", "Вперед", "Новая жизнь". Его дороги в эти первые месяцы пребывания на родине часто пересекались с А.В.Луначарским, М.Горьким, Н.Н.Сухановым, М.И.Скобелевым, Л.Б.Каменевым. Шло самораспределение ролей актерами русской драмы.

Л.Б.Каменев был женат на сестре Л.Д. Ольге Бронштейн. Но он никогда по-настоящему не был близок к шпурину. Неоднократно встречаясь в эти дни с Львом Борисовичем у себя и на его квартире, Троцкий исподволь "прощупывал" позиции большевиков, пытался выяснить, что думает сейчас о нем Ленин, поскольку знал об особой близости Ленина к Каменеву. (Эта политическая близость наиболее ярко проявилась, когда Ленин после Октябрьской революции передал во время своей болезни значительную часть личного архива Льву Борисовичу для публикации материалов в собрании сочинений.) Прислушиваясь к словам Каменева, в глубине души Троцкий не мог избавиться от некоторой неприязни к зятю. Это чувствуется и в его письменных оценках Льва Борисовича. В своей книге "Февральская революция" он дает ему такую не очень лестную характеристику: "Большевик почти с самого возникновения большевизма, Каменев всегда стоял на правом фланге партии. Не лишенный теоретической подготовки и политического чутья, с большим опытом фракционной борьбы в России и запасом политических наблюдений на Западе, Каменев лучше многих других больше-

виков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтоб на практике давать им как можно более мирное истолкование. Ни самостоятельности решения, ни инициативы действия от него ждать было нельзя. Выдающийся пропагандист, оратор, журналист, не блестящий, но вдумчивый, Каменев был особенно ценен при переговорах с другими партиями и для разведки в других общественных кругах, причем из таких экскурсий он всегда приносил в себе частицу чуждых партии настроений. Эти черты Каменева были настолько явны, что никто почти не ошибался насчет его политической фигуры...¹¹

Из бесед с Каменевым Троцкий пришел к выводу, что у Ленина и большевистского ЦК отношение к нему пока весьма настороженное. Вскоре Троцкий почувствовал это и сам, встретившись с Лениным на совместном совещании большевиков и "межрайонцев" по поводу готовящегося вхождения последних в партию. Владимир Ильич был признанный вождь партии, лидер самого радикального ядра российских революционеров. Он яснее, чем кто-либо другой, понимал, что грядут крупные социальные катаклизмы, видел уникальный исторический шанс большевиков, который он не желал упускать. В этой обстановке Ленин хотел привлечь на свою сторону известных и популярных политиков: Мартова, Плеханова, Троцкого. Но первые два отпали как-то сразу; они уже давно стали убежденными социал-демократами и в большевики не годились. Оставался Троцкий. Российский Агасфер, в свою очередь, понимал, что в стране поднимается новая волна революции, которую он так долго ждал и с которой связывал огромные надежды. Ведь он был не только "любовником революции", но и ее романтиком. Правда, придет время и этот романтизм приобретет фатальный, а иногда и зловещий характер.

Вскоре, по мере того как Троцкий сближался с большевиками, личные отношения между ним и Лениным стали постепенно налаживаться. Позже он напишет: "Отношение Ленина ко мне в течение 1917 года проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили. Когда я, против большинства руководящих большевиков, выдвинул лозунг бойкота предпарламента, Ленин писал из своего убежища: "Браво, т.Троцкий!"¹².

Через месяц после приезда Троцкого в Петроград он был уже одной из самых заметных фигур на пестром политическом фоне революции. Осмотревшись, сориентировавшись, революционер безоглядно и бесповоротно погрузился в бурлящий поток человеческих страстей, споров, диспутов, политических

притязаний. Летом и осенью 1917 года Троцкий был "нарасхват": его приглашали балтийские моряки, рабочие Путиловского завода и трамвайного депо, студенты, звали на собрания эсеров и большевиков, на заседания солдатских комитетов воинских частей. Певец революции почти никогда не отказывался. Иногда ездил на митинги вместе с Луначарским, тоже блестящим оратором. Этот тандем, а точнее, дуэт революционных агитаторов был очень популярным в Петрограде в те далекие дни.

Больше всего Троцкий любил бывать в Кронштадте у моряков. Его слова падали на благодатную почву; моряки были наиболее радикально настроенной частью революционных масс. Их исключительно благожелательное отношение к Троцкому выразилось, в частности, в том, что по своей инициативе они стали охранять оратора не только в Кронштадте, но и в Петрограде. Особенно Троцкий сблизился с матросом Н.Г.Маркиным. "О нем надо сказать, — напишет потом Троцкий, — потому что через него — через коллективного Маркина — победила Октябрьская революция. Маркин был матрос балтийского флота, артиллерист и большевик... Маркин не был оратором, слово давалось ему с трудом. Кроме того, он был застенчив и угрюм — угрюмостью загнанной внутрь силы. Маркин был сделан из одного куска и притом из настоящего материала. Я не знал о его существовании, когда он уже взял на себя заботу о моей семье. Он познакомился с мальчишками, угощал их в буфете Смольного чаем и бутербродами и вообще доставлял им маленькие радости, на которые было так скупо то суровое время"¹³.

С помощью Маркина Н.И.Седова кое-как устроила дело с квартирой, определила детей в школу, мало-мальски наладила быт. Кстати, как вспоминал 70 лет спустя сын А.Ф.Керенского Глеб Александрович, он учился в той же школе, куда ходили Лев и Сергей. Кроме двух сыновей Троцкого там учились Дмитрий Шостакович и сын Каменева Александр. По воспоминаниям Г.Керенского, "сыновья Троцкого только приехали из Америки, мы их дразнили "янки", нам не нравились их хорошие манеры, аккуратность и независимость среди нас...". Хочу сразу сказать, что Троцкий уделял время семье лишь в эмиграции. Здесь, в России, революция захватила Троцкого целиком, и для детей оставались лишь остатки душевной энергии. Их воспитанием в основном занималась Наталья Ивановна.

А тем временем шло быстрое "полевание" масс. Одна из причин заключалась в том, что Февральская революция, при-

неся свободу от самодержавия, не дала народу ни мира, ни земли. А крестьяне и рабочие ждали мир и землю больше всего. Большевики тонко уловили настроения огромных масс людей и непрерывно подталкивали их к осознанию необходимости новых радикальных шагов. Особенно все почувствовали это 4 июля, во время грандиозной антивоенной демонстрации, которая фактически замахнулась на хилый режим Временного правительства. В это время пришли сообщения с фронта о провале июньского наступления русской армии. Правая печать, буржуазные партии накинулись на большевиков, как на виновников очередной военной катастрофы. Снова появились многочисленные "свидетельства" о том, что Ленин "связан с немецким генеральным штабом", что большевики, преследуя свои цели свержения царского самодержавия, "подыгрывают" кайзеру. В сохранившейся в архиве рукописи статьи Троцкого "Политика дальнего прицела", где он касается событий того времени, есть такие строки: "В июле 1917 года реакция всячески пыталась доказать, что большевики — в союзе с немецкими империалистами. Керенский, Бурцев, Дан "доказывают", что большевики если и не за деньги, непреднамеренно, не сознательно, то по крайней мере "объективно" способствуют, содействуют видам Гогенцоллерна... Но большевики не пошатнулись и не согнулись под громами и молниями мещанского общественного мнения в июле, не дали себя запугать травлей, ложью, клеветой... Они взяли дальний прицел, сократив сроки и приблизив события..."¹⁴

Общественное мнение, однако, "клянуло"; в этой обстановке любой миф о "предательстве", "шпионаже", "содействии" большевиков Берлину как-то объяснял обывателю причины затяжных неудач русской армии. И толпа указывала пальцем на большевиков, как на "виновников" фронтовых неудач. А те и после Октября пытались опровергнуть это обвинение, собирая аргументы в свою пользу. Так, уже в январе 1919 года Троцкий получил телеграмму от Чичерина, в которой, в частности, говорилось: "В январе 1918 года русские контрреволюционеры послали полковнику Робинсу серию документов, доказывающую связь между германским правительством и Троцким. Полковник Робинс произвел расследование и обратился к Гальперину, который признал, что многие из этих документов были в руках правительства Керенского и являются несомненным подлогом... Бывший издатель "Космополитен мэгэзэн" Сиссон согласился с Робинсом, что эти документы не заслуживают доверия, однако позднее Сиссон переменил мнение..."¹⁵

Но большевики после Октября предпочитали не возвращаться к этому вопросу, тем более никто уже не смел и говорить на эту тему без риска для жизни... А тогда, накануне, все было по-другому: обвинение было серьезным, защищаться было трудно. О "шпионаже" и "предательстве" большевиков писали многие газеты. Приводилось немало конкретных свидетельств о существовании тайных связей большевиков с немцами. Некоторые более поздние публикации показывают, по крайней мере, что немецкое правительство было заинтересовано в активизации борьбы большевиков против Временного правительства. Известный военный и политический деятель Германии Эрих Людендорф писал: "Помогая Ленину поехать в Россию (через Германию из Швейцарии в Швецию. — *Д.В.*), наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданно. Россию было нужно повалить"¹⁶. Но тогда, летом 1917 года, вокруг этих вопросов в обществе шла ожесточенная полемика.

В эмиграции скоро окажется человек, который долгие годы будет искать документы, аргументы, свидетельства, подтверждающие связи большевиков с немцами. Это В.Л.Бурцев, которому принадлежат такие слова: "Я все годы твержу одно и то же — надо гнать, бить большевиков". В одной из его многочисленных статей "Мой вызов предателям и их защитникам", переправленной чекистами из Парижа в Москву, говорится: начиная с августа 1914 года немцы передали большевикам свыше 70 миллионов марок. "Еще летом 1917 года я гласно и в печати за свою подписью обвинил поименно Ленина и десятки его товарищей: Троцкого, Каменева, Зиновьева, Ганецкого, Коллонтай, Луначарского, Нахамкиса, Раковского и других в предательстве России и в сношениях во время войны с немцами и требовал немедленного их ареста и предания суду"¹⁷. Думаю, что все это составляет одну из тайн истории или крупную мистификацию. Возможно, решающие свидетельства, подтверждающие или опровергающие тайные связи, еще не найдены.

Но вернемся в июль 1917-го. Временное правительство выдало ордера на арест Ленина, Зиновьева, Каменева и большой группы большевиков. Реакция попыталась сдержать революционный паводок. В разгар этого шабаша Троцкий встречался с Лениным, по-видимому, во время объединенного заседания Центрального и Петроградского Комитетов РСДРП(б), которое состоялось 4 июля 1917 года. Обсуждая вопрос, следует ли являться на суд, Троцкий высказал мнение, что его нужно использовать как революционную трибуну. Это предложение

поддержал Каменев. Но Ленин и большинство его соратников не без оснований считали, что власти могут просто-напросто обезглавить революцию и ускорить сход паводка. Тем более что офицерские отряды уже громили редакцию "Правды", арестовывали большевистских руководителей, в печати шла травля лидеров революции. Хотя надо сказать, что Ленин был осторожным человеком и никогда не рисковал собственной жизнью, как другие революционеры.

Через три или четыре дня после того, как Ленин ушел в подполье, Троцкий опубликовал тщательно обдуманное открытое письмо Временному правительству, в котором говорилось:

"Граждане министры!

Я знаю, что вы решили арестовать товарищей Ленина, Зиновьева и Каменева. Но ордер на арест не выдается на меня. Поэтому я считаю необходимым обратить ваше внимание на следующие факты:

1. Я в принципе разделяю позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и отстаивал ее в моей газете "Вперед" и во всех моих публичных выступлениях.

2. Моя позиция в отношении событий 3—4 июля совпадает с позицией упомянутых выше товарищей"¹⁸.

В тот момент такое заявление мог сделать лишь мужественный человек. Продолжая выступать на митингах, он во всеулышание говорил, что так же, как и Ленин, является непримиримым противником Временного правительства, а тот, кто называет руководителей революции "немецкими шпионами", — самый настоящий негодяй. Обычно толпа неистовствовала: большинство стояли за Троцкого, но многие выражали свое отношение к таким заявлениям злобными криками и угрозами. Продолжая оставаться на свободе, Троцкий как бы провоцировал правительство, публично обвиняя его в преступном продолжении империалистической войны и попытках отнять у народа плоды Февральской буржуазной революции, защищая Ленина от настойчивых нападок. Так продолжалось еще полторы-две недели, пока в квартиру Троцкого (к этому времени его семья переселилась к вдове одного либерального журналиста) не пришел офицерский наряд с орденом на арест члена Петроградского Совета.

Когда Троцкого препроводили в переполненную знаменитую тюрьму "Кресты", где он уже раньше, десять лет тому назад, сидел, он встретил там своего напарника по выступлениям Луначарского, а также Раскольникову, Каменева, Дыбенку, Антонова-Овсеенку, некоторых других знакомых революционе-

ров из числа большевиков, меньшевиков и эсеров. На другой день Н.Н.Суханов, близкий знакомый Троцкого, один из заметных теоретиков меньшевизма, заявил в цирке "Модерн", где ждали выступления Троцкого, что тот арестован Временным правительством. В ответ поднялся невообразимый шум негодования. Как пишет Суханов, ему с Мартовым едва удалось сдерживать толпу и "выпустить из нее пар", приняв резолюцию протеста. Кстати, позже Суханов писал, что в толпе ходили слухи, распространяемые правыми, о том, что Ленин, Троцкий и Луначарский хотели создать диктаторский триумvirат и захватить власть¹⁹. Это нагнетало страсти еще больше. Вскоре революционный Петроград уже знал об аресте Троцкого. Об этом писали газеты, говорили на митингах. Все это свидетельствовало о быстром росте популярности человека, который пока даже не мог ответить, является ли он сейчас большевиком или меньшевиком.

Помня свой опыт пребывания в петербургской тюрьме после поражения первой русской революции, Троцкий вновь взял в руки перо и книги. За время пребывания в "Крестах" им написано немало ярких статей на злобу дня; его позиция стала еще более революционной. Как позже вспоминал Ф.Раскольников в статье "В тюрьме Керенского": когда "выходил на прогулку тов. Троцкий в своем заграничном плаще и мягкой фетровой шляпе, его тотчас же обступало несколько товарищей и начинался оживленный разговор о политике... А в камере Троцкий с утра до вечера писал, занимаясь интенсивной литературной работой..."²⁰. Тюремная "линия поведения" Троцкого осталась прежней.

Новое тюремное заключение Троцкого (а мы помним, что он почти хотел этого) резко подняло его авторитет. Через несколько дней после ареста Троцкого в конце июля открылся VI съезд РСДРП(б), который работал в полулегальных условиях. Вначале заседания съезда проходили на Выборгской стороне, а затем за Нарвской заставой. Многих руководителей партии, вынужденных уйти в подполье или угодивших в тюрьму Временного правительства, на съезде не было. Но интеллектуальное и политическое влияние Ленина, однако, чувствовалось весьма сильно. По существу, на съезде прозвучала основная ленинская характеристика момента: поскольку контрреволюция временно берет верх, исчезает возможность захвата власти мирным путем. На повестку дня выдвигался вопрос о вооруженном восстании. С этого момента радикальная линия большевиков проявилась еще более рельефно. Лидер больше-

виков, как писал позже Керенский, выбрал трагический путь развития: империалистическую войну народов стал превращать в гражданскую войну классов²¹. С тех пор эта война (хоть и в разных формах) на десятилетия обосновалась на просторах России...

Для революционной судьбы Троцкого съезд имел огромное значение. Его даже избрали почетным членом президиума. После прошедших переговоров и согласований в партию была принята большая группа (около четырех тысяч) "межрайонцев". Это так называемые меньшевики-интернационалисты, центристы, большевики-примиренцы, куда организационно входил и Троцкий. Таким образом, пока он был в тюрьме, по-новому решил и вопрос о его партийности. Вместе с Троцким большевиками стали также М.М.Володарский, А.А.Иоффе, А.В.Луначарский, Д.З.Мануильский, М.С.Урицкий и многие их со товарищи. Авторитет Троцкого оказался уже столь высоким, что при избрании на съезде Центрального Комитета он сразу же был в него избран. При этом получил лишь на три голоса меньше, чем Ленин!

Тюремщики, несмотря на все старания, не смогли выдвинуть сколь-нибудь серьезных обвинений против Троцкого. Его ораторскую деятельность было трудно изобразить как государственное преступление. К тому же Троцкий пригрозил объявить голодовку и отказался отвечать на вопросы следователя. По требованию Петроградского Совета 2 сентября 1917 года он был освобожден под денежный залог в три тысячи рублей. А в действительности Керенский, который лишь с помощью большевиков смог отразить угрозу Корнилова, почувствовал, что ужесточение режима лишь ослабляет его позиции. Есть основания считать, что именно августовская авантюра Корнилова укрепила позиции большевиков и сделала возможными октябрьские события²². Троцкий вместе с Луначарским, Каменевым, Коллонтай, другими революционерами выходит из тюрьмы героем и с головой погружается в партийные дела. Вот как реагировали в стане реакции на эти события.

Генерал А.С.Лукомский, бывший в то время начальником штаба при Верховном главнокомандующем А.А.Брусилове, а затем Л.Г.Корнилове, позже вспомнил: после июльских событий, "к общему возмущению, Временное правительство проявило себя после подавления большевистского выступления преступно слабо. Ленину, которого можно было легко арестовать, дали возможность скрыться. Арестованного Троцкого (Бронштейна) по приказанию Временного правительства из

тюрьмы освободили. Предателей и изменников родины, работавших на германские деньги, открыто требовавших прекращения войны и мира "без аннексий и контрибуций", не только не покарали со всей строгостью закона, но дело о них было фактически прекращено и им была предоставлена возможность вновь начать в Петрограде и армии разрушительную работу"²³. Власть Временного правительства стала тем безобидным пугалом, на которое, не боясь, уже слеталось воронье...

К слову сказать, в многочисленных воспоминаниях, вышедших в 20-е годы отдельными изданиями за рубежом (М.В.Родзянко, В.В.Шульгина, П.Н.Миллокова, А.И.Деникина, М.И.Смирнова, С.П.Мансырева и других "бывших"), основной пафос негодования за все происшедшее, как и вина за крах монархических, буржуазных и иных контрреволюционных планов, обращен к Временному правительству.

В середине сентября 1917 года в Петрограде открылось Демократическое совещание, своеобразный форум политических партий, пытавшихся путем диалога определить дальнейшую эволюцию власти в стране. Возможно, это совещание могло бы еще возродить путь мирного развития революции. Однако после сильных колебаний меньшевики и эсеры предпочли компромиссу с большевиками коалицию с кадетами. Для Троцкого это совещание было знаменательным: впервые ЦК партии поручил ему изложить позицию большевиков. Его выступление, по воспоминаниям современников, произвело огромное впечатление на собравшихся. Троцкий тщательно к нему готовился, понимая, что его первый "выход" в новом ранге будет значить очень многое. В воспоминаниях того же Суханова это выглядело так: "То была несомненно одна из самых блестящих речей этого удивительного оратора... Аудитория в Александринском театре вздрогнула при одном упоминании Троцкого... На этот раз он беседовал с аудиторией, иногда делая шаг или два вперед, а затем опираясь локтем на трибуну. Металлической ясности голоса и отточенности фразы, что характерно для Троцкого, не было в этой речи". Троцкий потребовал, чтобы были приняты меры для вооружения Красной гвардии. Только так "мы создадим настоящий бастион против контрреволюции". Ну а если "наши предложения о мире" будут отвергнуты, то "вооруженные рабочие Петрограда и всей России будут защищать отечество революции от солдат империализма с героизмом, неслыханным в русской истории"²⁴. В конце речи оратор осудил фальсификацию данных о представительстве на Демократическом совещании и в знак протеста вместе с больше-

виками демонстративно покинул зал заседаний. Это был зловещий знак: большевики взяли курс на вооруженное восстание.

Ленин высоко оценил речь и позицию Троцкого на этом форуме. Авторитет революционера стремительно рос. Поэтому, когда 25 сентября проходили перевыборы Исполкома Петроградского Совета, большевики предложили на пост председателя Л.Д.Троцкого. После избрания новый председатель произнес под одобрительные возгласы зала речь, в которой выразил уверенность, что свое второе избрание в Совет (после 1905 г.) он постарается "ознаменовать более успешным итогом". В его речи были две знаменательные фразы: мы "будем вести работу Петроградского Совета в духе законности и полной свободы для всех партий. Рука Президиума никогда не поднимется для подавления меньшинства"²⁵. Заметьте: "...никогда не поднимется для подавления...". Хотя именно диктатура определит судьбы страны на многие десятилетия. В президиум Совета вошли: от большевиков Каменев, Троцкий, Коллонтай, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Евдокимов, Шляпников, Федоров, Залуцкий, Юренин, Красиков и Карахан, от эсеров — Чернов, Воронков, Каплан, Шилин, Ключин и Зейман, от меньшевиков — Либер, Бройдо и Вайнштейн²⁶. И хотя на этот раз в Совете и президиуме пока было обеспечено пропорциональное представительство, вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания Троцкий сам поддержит меры большевиков по ликвидации начал революционного плюрализма. А как же его заверения в отношении прав меньшинства? О них Троцкий постарается "забыть". Он еще не знает, что через десять лет после своего октябрьского триумфа окажется жертвой той партийной монополии, которую сам будет скоро насаждать. Троцкий, один из архитекторов будущей большевистской Системы, главным виновником своего драматического исхода с вершины завоеванной власти, как известно, считал Сталина, еще не понимая, что первый генсек партии большевиков будет лишь неизбежным продуктом партийного монополизма и политической диктатуры одного класса. Возникающая тоталитарная Система всегда нашла бы своего сталина. А для ее установления и укрепления сам Троцкий сделал очень много.

Итак, завершилось превращение Троцкого в большевика. Многолетний центризм меньшевистского толка как-то сразу был решительно отброшен. Противоречие, мучившее Троцкого и выражавшееся в тяге к левому радикализму, с одной стороны, и с другой — в приверженности к политической культуре запад-

ной социал-демократии, разрешилось как бы само собой в пользу первого. Троцкий, отвечая на вызовы смутного времени, предстал в облике левого революционера — радикального большевика. Будущая коммунистическая диктатура заполучила еще одного вождя.

Власть мифов

Думаю, что Ложь является универсальным Злом. Все беды, трагедии, катаклизмы человеческого бытия, как правило, связаны с Ложью и начинаются обычно с нее. Первой жертвой любой несправедливости всегда выступает Правда. Но наиболее уверенно, спокойно, а часто и просто уютно Ложь чувствует себя в истории.

Троцкий, которого Сталин сделал "шпионом", "извергом", "двурушником", "убийцей", "фальсификатором", "империалистическим агентом", до последних дней своей жизни боролся с этой ложью, хотя и создавал ее. Он писал: "Революция есть разрыв социальной лжи. Революция правдива. Она начинается с того, что называет вещи и отношения их собственными именами... Но сама революция не есть целостный и гармонический процесс. Она полна противоречий... Она сама поднимает новый правящий слой, который стремится закрепить свое привилегированное положение и склонен видеть в себе не временное историческое орудие, а ее завершение и увенчание". Так создается, завершает свою мысль Троцкий, ложь против него²⁷. Добавим: и Ложь против истории. Но Троцкий никогда не признавался даже самому себе, что он — один из творцов тех условий, в которых Ложь чувствовала себя на месте.

Читая о Великой Октябрьской социалистической революции, невольно ловишь себя на мысли: авторы учебников, монографий и энциклопедий неизменно руководствовались уже упоминавшимся древнеримским "Законом об осуждении памяти", в соответствии с которым предписывалось предавать забвению какое-то неуютное нынешним правителям лицо, событие, факт. Как я отмечал ранее, Троцкий полностью подпал под действие этого закона. Передо мной фундаментальная энциклопедия "Великая Октябрьская социалистическая революция", изданная в 1987 году. Сегодня едва ли кто всерьез станет отрицать, что Троцкий был вторым по популярности человеком в

этой революции. А если точнее — вторым и по той исторической роли, которую ему довелось сыграть в этой великой человеческой драме. Однако Троцкий упоминается в энциклопедии только для того, чтобы показать, как он мешал революции... Дело здесь не в уважаемых авторах: просто еще не был "отменен" этот злополучный закон. Сталинские мистификации исключительно живучи, они держат в плену сознание многих честных историков, которые никак не могут вырваться из паутины лжи "Краткого курса". Люди, не поддавшие под действие этого закона, давно и честно сказали и о революции, и обо всех ее действующих лицах. Достаточно обратиться к "Энциклопедии русской революции", подготовленной профессором Г.Шукманом из Оксфорда²⁸, хотя были и более ранние исследования.

Я не намерен воспроизводить хронику событий октября 1917 года. Об этом много написано. Правда, сейчас активно многое переписывается. Но я попытаюсь, опираясь на архивные и иные документы, показать действительную роль Председателя Петроградского Совета в Октябрьском вооруженном восстании.

Троцкому по сей день вменяется в вину его стремление не допустить, чтобы вооруженное восстание в Петрограде началось до открытия II съезда Советов. В энциклопедии об Октябрьской революции говорится, что у "некоторых из них (большевиков-руководителей. — Д.В.) было настроение оттянуть захват власти до открытия 2-го съезда Советов (вечер 25 октября). На их позиции сказалось влияние пред. Петрогр. Совета Л.Д.Троцкого, стоявшего за оттяжку восстания, что грозило его срывом"²⁹.

Как обстояло дело в действительности? Троцкий не выступал против вооруженного восстания, которое так торопил Ленин. Ведь "восстание в октябрьские дни, — пишет С.Мельгунов, — становится для Ленина навязчивой идеей"³⁰. Троцкий всецело боролся за реализацию этой линии. Он как-то быстро стал "правоверным" ленинцем. Но он фактически выражал идею, что восстание должно подняться не только под эгидой и руководством ЦК партии большевиков, но и по воле съезда Советов. Едва ли можно возражать, что большевистский лозунг "Вся власть Советам!" имел целью создание значительно более широкой социальной базы революции и восстания. В этом лозунге, если хотите, — народное начало. Нетрудно представить, что "благословение" на восстание в этом случае (а сомневаться в нем не приходилось из-за известного уже состава депутатов) будет исходить не от одной партии (что даст обоснованный по-

вод для обвинений на многие десятилетия!), а от всего альянса революционных сил России. Именно всего! Мировая ответственность могла бы воочию убедиться, считал Троцкий, что революционный переворот — результат не узкого "заговора" одной радикальной партии (что в основном так и было), а реализация решений "широких прогрессивных кругов" российского общества.

Угроза немедленной контрреволюции, сильной встречной контрреволюционной волны, чего некоторые так боялись, конечно, была. В фонде Троцкого есть заявление начальника штаба Верховного главнокомандующего "Фронт требует подчинения Временному правительству!", направленное в Петросовет, в газеты, в правительство в те переломные дни. В документе говорится:

"От имени армий фронта мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания — хозяина земли русской.

Действующая армия силой поддержит это требование.

Начальник штаба Верховного главнокомандования

Духонин

Пом. нач. штаба по гражданской части *Вырубов*
Председатель общерм. комитета *Перекрестов*"³¹.

Угроза сильной антибольшевистской волны существовала. Но самоуверенное заявление Духонина: "Действующая армия силой поддержит это требование" — не учитывало степени деморализации войск, быстрой эрозии тех связей в военном организме, без которых идет неумолимый процесс его обессиливания. Армия хотела тогда лишь одного — мира. Оставался один путь — революционный выход из войны. Соглашатели не респались на этот шаг. Керенский сохранял верность союзникам. А мир могла дать тогда лишь революция.

В своих выступлениях Троцкий виртуозно проводил эту мысль. Выступая 21 октября перед солдатами и рабочими в Народном доме, Троцкий "раскачивал" толпу: "Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху. Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату... У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему..." Зал был почти в экстазе. "Казалось,

толпа запоет сейчас без всякого сговора какой-нибудь революционный гимн... Предлагается резолюция: за рабоче-крестьянское дело стоять до последней капли крови... Кто за? Тысячная толпа, как один человек, вздернула руки...³²

Трудно понять Ленина, находившегося по-прежнему на нелегальном положении и требовавшего 24-го вечером в письме к членам ЦК партии: "Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске... Надо во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все". И далее: "Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!"³³

Сейчас некоторые историки Октября не без основания утверждают, что Ленин явно сгущал краски, принимая суждения, высказанные в определенных газетах об опасности новой корниловщины, за непреложные факты. Все старые рассуждения о демократии отлетели как сухие осенние листья. Исторические призывы заговорщика, поставившего на карту все, стали гораздо настойчивее.

Сама тональность — "добить" — указывает на прямой переход с мирного пути на военный. К сожалению, вскоре эта установка станет господствующей в умонастроениях большевиков. Слабые попытки либеральными методами изменить этот курс, которые предпринимали меньшевики, только навлекли на них особый гнев радикальных большевиков. Пройдет совсем немного времени, и Троцкий будет призывать, чтобы "чугунный каток пролетарской революции прошелся по позвоночнику меньшевизма"³⁴. Изначальная непримиримость к социал-демократии, ставка на силовое решение вопроса со временем передвинут Октябрь на рельсы насилия. Правда, в этом большевикам помогут как "бывшие", так и интервенты.

Победителям не принято адресовать упреки. Но допускали ли ошибку Троцкий, который связывал начало восстания с созывом съезда Советов, чтобы именно Советы приняли решение ликвидировать режим Временного правительства и утвердить революционную власть? Троцкий выступал не "за затяжку" восстания, как часто и долго утверждалось в нашей литературе. Нет. Он хотел узаконить его, конституировать на более широкой народной базе. Ему казалось, что только съезд способен повернуть в сторону революции колеблющиеся элементы, создать более благоприятное отношение к перевороту за рубежом, активнее внедрить в сознание крестьянских и солдатских масс революционные идеалы.

Бесспорна роль Троцкого в создании и функционировании при Петроградском Совете Военно-революционного комитета — органа, руководившего подготовкой и ходом Октябрьского вооруженного восстания. Подчеркну: ВРК создавался при Петроградском Совете и, таким образом, Председатель Петросовета, естественно, занимал в нем ведущее положение. В своей, пожалуй, лучшей работе — двухтомной "Истории русской революции" — Троцкий пишет:

"Решение о создании Военно-революционного комитета, вынесенное впервые 9-го (октября 1917 г. — *Д.В.*), прошло через пленум Совета лишь спустя неделю: Совет — не партия, его машина тяжеловесна... Сопровождение полковых комитетов успело доказать свою жизнеспособность, вооружение рабочих продвинулось вперед, так что Военно-революционный комитет, приступивший к работе только 20-го, за 5 дней до восстания, сразу получил в свои руки достаточно благоустроенное хозяйство. При бойкоте со стороны соглашателей в состав Комитета вошли только большевики и левые эсеры: это облегчило и упростило задачу. Из эсеров работал один Лазимир, который был даже поставлен во главе Бюро, чтоб ярче подчеркнуть советский, а не партийный характер учреждения. По существу же Комитет, председателем которого был Троцкий, главными работниками Подвойский, Антонов-Овсеенко, Лашевич, Садовский, Мехоношин, опирался исключительно на большевиков... Это и был штаб восстания"³⁵. В действительности все так и было.

Но после смерти Ленина, когда история стала быстро переписываться, на первый план выдвинули созданный на бумаге для руководства восстанием партийный Военно-революционный центр в составе: А.С.Бубнов, Ф.Э.Дзержинский, Я.М.Свердлов, И.В.Сталин, М.С.Урицкий. Этот центр, который организационно входил в ВРК при Петроградском Совете, оказался символическим объединением. Да, именно таким. Никаких архивных следов о его деятельности не имеется, да и не могло иметься, так как реальной подготовительной работой занимался Военно-революционный комитет, на многих архивных документах которого стоит подпись Троцкого. Есть красноречивое свидетельство Ленина о руководящей роли Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании. "После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, — говорится в XIV томе первого Собрания сочинений В.И.Ленина, — (Троцкий) был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября"³⁶. Ленинское заяв-

ление весьма категорично и определено: "...организовал и руководил восстанием 25 октября".

Однако после смерти Ленина Сталин дает Троцкому в революции уже совершенно другую оценку. "Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, будучи Председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого". И буквально здесь же еще одна аналогичная оценка: "...никакой *особой* роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября"³⁷. По существу, эти сталинские оценки сохранились в нашей историографии по сей день и только в последнее время начинают постепенно меняться. После сталинского вердикта и вступил в действие тот самый "Закон об осуждении памяти": Троцкий надолго "выпал" из нашей отечественной истории. Как у Дж.Оруэлла: он был, но как бы и не был...

Другое дело, как мы относимся к самой революции. По мере очищения нашего сознания от мусора догматизма, штампов и мистифицированной теории сегодня становится все более ясно, что именно тогда была допущена, возможно, одна из самых трагических ошибок. Не выполнив задач буржуазно-демократической революции, большевики провозгласили переход к ее социалистическому этапу. Незрелый плод выдали за созревший. Оказалось, что в этом случае революция могла двигаться дальше, лишь стремительно приближая диктатуру в ее уродливых и страшных формах... Но что было, то было. Для нас важно сегодня подчеркнуть, что такие люди, как Троцкий, оказались незаменимыми именно для "недозрелой" революции.

На основании многочисленных документов, свидетельств очевидцев, анализа ленинских работ того периода можно сделать вывод, что Троцкий в Октябре проявил себя как один из главных руководителей революции, как человек, попавший в родную стихию. Передо мной третий, четвертый и пятый тома "Революции 1917 года" (июнь — октябрь), подготовленные в 1924—1926 годах Истпартом (т.е. это то время, когда Троцкий уже прошел зенит своей популярности и начал испытывать давление аппарата). В этих томах Сталину упоминается всего 10 раз, а Троцкий — 109! Свидетельство весьма красноречивое, позволяющее судить о многом.

Накануне десятой годовщины Октябрьской социалистичес-

кой революции Истпарт разослал многим участникам событий той поры "Анкету участника Октябрьского переворота". После долгих колебаний анкету выслали и уже отверженному Троцкому. Его совсем перестали публиковать и только с нарастающей ожесточенностью поносили, травлили, преследовали. Подавленный, но не сдавшийся и не сломленный, Троцкий решил подробно ответить на множество вопросов, содержащихся в анкете. Вместе с анкетой он написал письмо в Истпарт и отправил его 21 октября 1927 года. Как проникательный человек, он понимал, что в лучшем случае его ответы надолго осядут в архивах Истпарта, но он также знал, что у истории есть одна коренная особенность: в конечном счете она ценит только истину. И даже если сталинские пигмеи пока похоронят его ответы, история всегда сохраняет шанс приподнять полог над любой тайной.

Троцкий до конца своих дней надеялся на историческую реабилитацию, верил в непобедимость человеческого интеллекта. А ведь он, как многозначительно заметил Гегель, — это роза на кресте современности. Троцкий никогда не сомневался в своевременности социалистической революции и ее закономерности. Он, пожалуй, раньше, чем кто-либо, был уверен, что поток истории сорвет покровы с "второго Ленина" — со Сталина — и сделает его голым королем. Все написанное Троцким в его письме Истпарту и в ответах на анкету представляется мне в большинстве случаев истинной или — в некоторых случаях — субъективной точкой зрения, не расходящейся по существу с исторической правдой. Уже в изгнании это письмо и свои ответы Троцкий положит в основу книги "Сталинская школа фальсификаций (поправки и дополнения к литературе эпигонов)". Думаю, это одна из лучших его работ, проливающая свет на сталинскую кухню фабрикация лжи. Прочитав книгу, хорошо понимаешь, как малозаметный тогда партийный функционер Джугашвили-Сталин, человек из десятого — двадцатого ряда партийной революционной колонны, едва заметный в октябрьском кордебалете, настойчиво и непрерывно переписывал историю, создавая теорию "двух вождей" Октября, развенчивал и бросал, как ему казалось, навсегда многих ленинцев в реку забвения. Но история и память, к счастью, живут по своим законам, над которыми диктаторы не властны. Позволю себе привести несколько отрывков из письма Троцкого в Истпарт и дать им свой комментарий.

Весь документ занимает около девяноста страниц, хотя само письмо очень кратко.

”О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии.

Уважаемые товарищи!

Вы прислали мне подробнейшие печатные листы анкеты о моем участии в Октябрьском перевороте и просите дать ответ... Но я позволяю себе спросить вас: какой смысл спрашивать меня по поводу моего участия в Октябрьском перевороте, когда весь официальный аппарат, в том числе и ваш, работает над тем, чтобы скрыть, уничтожить или, по крайней мере, исказить всякие следы этого участия?

Меня не раз уже спрашивали десятки и сотни товарищей, почему я молчу и молчу в ответ на совершенно вопиющие подделки истории Октябрьской революции и истории нашей партии, направленные против меня. Я совершенно не собираюсь здесь исчерпать вопрос об этих подделках: для этого пришлось бы написать несколько томов. Но позвольте в ответ на ваши анкетные запросы указать с десяток примеров того сознательного и злого искажения вчерашнего дня, которое сейчас производится в самом широком масштабе, освящается авторитетом всяческих учреждений и даже вводится в учебники³⁸.

Сказано кратко и ясно. Вчерашний ”выдающийся вождь” заботится хотя бы о том, чтобы в истории сохранилась правда об Октябре. Приведу несколько свидетельств Троцкого, касающихся октябрьских дней 1917 года. Он с горечью пишет, как некоторые большевики быстро меняют азимуты в оценке Троцкого в зависимости от политической конъюнктуры.

Вот что, пишет Троцкий, сначала утверждал о нем Ф.Раскольников:

”С огромным уважением относился Троцкий к Владимиру Ильичу. Он ставил его выше всех современников, с которыми ему приходилось встречаться в России и за границей. В том тоне, которым Троцкий говорил о Ленине, чувствовалась преданность ученика... Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились. Между тактической линией Ленина и Троцкого не существовало различий. Это сближение, наметившееся уже во время войны, совершенно отчетливо определилось с момента возвращения Льва Давыдовича (так в тексте. — Д.В.) в Россию; после его первых же выступлений мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он — наш³⁹.”

А вот что он пишет, продолжает Троцкий, в рецензии на третий том моих сочинений:

”— А какова была, — спрашивает Раскольников, — в 1917 году позиция самого Троцкого? — И отвечает:

— Тов. Троцкий еще рассматривал себя как члена одной общей партии вместе с меньшевиками, Церетели и Скобелевым... Тов. Троцкий еще не выяснил своего отношения к большевизму и меньшевизму. В то время тов. Троцкий еще сам занимал колеблющуюся, неопределенную, межеумочную позицию⁴⁰.

Лев Давидович с присущим ему сарказмом, умело оперируя фактами, данными, цитатами, документами, убедительно демонстрирует убогость сталинских фальсификаций, которые часто ставят их авторов просто в смешное положение. Троцкий далее говорит, что нынешний Сталин решительно оспаривает высокую оценку, которую Ленин дал Председателю Петроградского Совета как организатору и руководителю Октябрьского вооруженного восстания. Но как же быть с заявлением самого Сталина, сделанным им 6 ноября 1918 года по этому поводу?

”Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством Председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому⁴¹. И это Сталин говорил в статье, где он предостерегал от преувеличения роли и заслуг Троцкого! Сам же опальный лидер к этой сталинской цитате лишь добавляет:

”Давно отмечено, что правдивый человек имеет то преимущество, что даже при плохой памяти не противоречит себе, а нелояльный, недобросовестный, неправдивый человек должен всегда помнить то, что говорил в прошлом, дабы не срамиться⁴².

Нельзя забывать, что эти строки Троцкий писал в октябре 1927 года, когда Сталин уже набрал силу, а бывший член Политбюро, наоборот, был загнан в угол и являлся постоянным объектом политической и пропагандистской травли. И в этих условиях Троцкий с большим политическим мужеством и интеллектуальным достоинством реставрирует картину реальных событий октября 1917 года. Опальный вождь дает неллицеприятную оценку роли Сталина в те дни:

”Как ни противно копаться в мусоре, но позвольте мне, как довольно близкому участнику и свидетелю событий того времени, уже в качестве свидетеля, показать следующее. Роль Ленина не нуждается в пояснениях. Со Свердловым я встречался тогда очень часто, обращался к нему за советами и за поддержкой людьми. Тов. Каменев, который, как известно, занимал тогда особую позицию, неправильность которой признана им

самим давно, принимал, однако, активнейшее участие в событиях переворота. Решающую ночь с 25-го на 26-е мы провели вдвоем с Каменевым в помещении Военно-революционного комитета, отвечая на телефонные запросы и отдавая распоряжения. Но при всем напряжении памяти, я совершенно не могу ответить себе на вопрос, в чем, собственно, состояла в те решающие дни роль Сталина? Ни разу мне не пришлось обратиться к нему за советом или за содействием. Никакой инициативы он не проявлял”⁴³.

Далее Троцкий вносит ясность в вопрос о Военно-революционном центре, который сталинские апологеты, типа Ярославского, вытащили на свет лишь потому, что туда входил Сталин. Троцкий буквально ловит их с поличным:

”...По явному недосмотру сталинских историков — в ”Правде” от 2 ноября 1927 года (т.е. после того, как было написано письмо Троцкого. — Д.В.) напечатана точная выписка из протоколов ЦК от 16(29) октября 1917 года. Вот что там сказано:

”ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. *Этот Центр входит в состав революционного советского комитета*”. Заметьте, входит!

Другими словами, Троцкий развенчал сталинскую легенду об особой роли этого центра, куда был приписан будущий генсек. Все пять товарищей лишь дополняли ВРК, который фактически возглавлял Троцкий. ”Ясно, — заключает он, — что Троцкого незачем было вводить вторично в состав той организации, председателем которой он уже состоял. Как трудно, оказывается, задним числом исправлять историю!”⁴⁴

Боюсь, что я утомил читателя обильным цитированием. Ограничусь еще лишь несколькими ссылками. Троцкий в своей книге ”Сталинская школа фальсификаций” отводит несколько страниц тем, чьими руками Сталин фальсифицирует историю Октября. Из целой когорты сталинских партийных летописцев он выделяет лишь двоих, лично очень хорошо знакомых ему людей — Ярославского и Луначарского, и показывает читателю, как эти идеологические оруженосцы генсека писали о нем раньше. После революции и гражданской войны Ярославский писал о Троцком:

”Блестящая литературно-публицистическая деятельность тов. Троцкого составила ему всемирное имя ”короля памфлетистов”... Перед нами — глубочайшее дарование... *Перед нами глубочайше преданный революции человек, выросший для ро-*

ли трибуна, с остро отточенным и гибким, как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов рассыпающим богатство мысли⁴⁵.

Не отставал от него и Луначарский. Прочитайте фрагмент его статьи о Троцком: "Когда Ленин лежал раненый, как мы опасались, смертельно, никто не выразил наших чувств по отношению к нему лучше, чем Троцкий. В страшных бурях мировых событий Троцкий, другой вождь русской революции, вовсе не склонный сентиментальничать, сказал: "Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить"⁴⁶.

Руками таких людей переписывалась история. Девять десятых своих фальсификаций Ярославский, пишет Троцкий, "посвящает автору этих строк". А Луначарский умеет писать "и так и этак, выполняя социальный, то бишь секретарский, заказ!". Все эти люди — а их было много, а затем множество — создавали новые мифы, гипноз которых со временем подчинит Сталину и его окружению всю страну. Нельзя не отдать должное Л.Д.Троцкому: он, пожалуй, только он ни на йоту не поступился своими принципами и не согнулся перед Сталиным. Хотя при этом нельзя забывать, что одной из главных причин борьбы явились не столько общеметодологические вопросы большевизма, сколько глубочайшая личная неприязнь друг к другу.

Звездный час Троцкого пришелся на революцию и годы гражданской войны. Именно их в его биографии постарался прежде всего закамуфлировать, затемнить, а затем и вытравить из народной памяти тот, кого и в большую лупу с трудом можно было разглядеть в октябрьские дни 1917 года.

Оракул революции

Любая революция создает иллюзию, что можно сразу, немедленно ликвидировать жизнь старую и открыть двери жизни новой. Впрочем, мы так думаем не только об Октябрьской революции, но и о попытке перестройки бюрократического государства на демократический лад. Сразу, немедленно социальную жизнь в масштабах государства изменить невозможно. Чрезмерные ожидания вскоре рождают большие разочарования. Обычно контрреволюция всегда использует такие разочарования, весьма скоро наступающие пос-

ле революционного паводка. В истории не было и нет магических жезлов, взмахнув которыми можно было бы, как в театре марионеток, бросить в сточную канаву истории злодея и дать простор деяниям добра молодца. Однако давно замечено, что пик революционного кризиса, наивысший накал страстей в массах, готовых разрядиться революционным взрывом, создают не только подспудные социальные, экономические и политические процессы, но и люди, нагнетающие это напряжение. В конце концов, считал Н.Бердяев, "революция есть рок народов и великое несчастье". Ему принадлежат и слова о том, что "всякая революция есть смута"⁴⁷. Напряжение таких "смут" поддерживают и нагнетают люди, для которых революция — перст судьбы. Это — трибуны революции. Троцкого можно назвать и ее Грозным Агитатором.

Не каждый умный, даже талантливый человек способен высесть искру из толпы, заставить ее поверить выдвинутому лозунгу, увлечь несколькими страстными фразами сотни, тысячи людей и заставить их идти вслед за идеей. Троцкий обладал этим даром. Никто его не учил основам ораторского искусства; видимо, в нем просто счастливо соединились необходимые компоненты: высокая эрудиция, неподдельная личная увлеченность и убежденность идей, способность к парадоксальным, неординарным суждениям. умение быстро установить самый тесный контакт с залом, красноармейским строем, митинговой толпой. В его выступлениях было немало картинного, театрального, но они не были самоцелью: с помощью яркой фразы, афоризма, запоминающегося образа Троцкий доносил до сознания людей элементарные истины революции. В его выступлениях была простота сложности и сложность простоты. С высоты прошедших лет, как бы мы ни относились к Троцкому, сегодня нельзя не признать: это был Великий Агитатор революции. Он еще не знал, что спустя несколько лет Бердяев напишет: "В революции всегда погибают те, которые ее начали и которые о ней мечтали"⁴⁸. Добавлю — и те, кто был ее наиболее страстным агитатором.

Самое главное: люди ждали от Троцкого откровений. Даже почти повторяя то, что он сказал вчера, позавчера, трибун революции умел находить в каждой ситуации новые нюансы, новые грани, необычные стороны, которые увлекали слушателей. Вглядываясь сегодня в редкие кадры кинохроники той далекой поры, вчитываясь в бесчисленные документы, стенограммы, тезисы выступлений Троцкого, слушая пластинки с его речами, приходишь к выводу, что дело не только в "божьем даре" ора-

тора, но и в какой-то редкой одухотворенности и приверженности ложной идее, которую он нес в сознание людей. Читая спустя многие десятилетия слова, сказанные Троцким в годы "великой смуты", начинаешь верить в какой-то магнетизм его обращений. О власти его слов над сознанием людей мне рассказывали Д.Т.Шепилов, А.И.Купцов, М.М.Бородуллиан, О.Э.Гребнер, которым довелось видеть и слышать Троцкого в те, теперь уже такие далекие от нас, годы. Мне даже кажется, что когда певец революции говорил, то он испытывал упоение идеей, наслаждение мыслью, торжество от осознания своей интеллектуальной власти. Выступая, Троцкий одновременно как бы слушал "музыку" разума. Но, увы, скоро в этой "музыке" народ услышит трагические ноты.

Сам Троцкий тепло вспоминал то революционное время. "Жизнь кружилась в вихре митингов, — писал человек, который, казалось, уже навсегда сбросил рюбца скитальца Агасфера. — Я застал в Петербурге всех ораторов революции с ошипшими голосами или совсем без голоса. Революция 1905 года научила меня осторожному обращению с собственным горлом. Благодаря этому я почти не выходил из строя. Митинги шли на заводах, в учебных заведениях, в театрах, в цирках, на улицах и на площадях. Я возвращался обессиленный за полночь, открывал в тревожном полусне самые лучшие доводы против политических противников, а часов в семь утра, иногда раньше, меня вырывал из сна ненавистный, невыносимый стук в дверь: меня вызывали на митинг в Петергоф, или кронштадтцы присылали за мной катер. Каждый раз казалось, что этого нового митинга мне уже не поднять. Но открывался какой-то нервный резерв, я говорил час, иногда два, а во время речи меня уже окружало плотное кольцо делегаций с других заводов или районов. Оказывалось, что в трех или пяти местах ждут тысячи рабочих, ждут час, два, три. Так терпеливо ждала в те дни нового слова пробужденная масса"⁴⁹.

Суханов, касаясь роли Троцкого как трибуна революции, к тому же ставшего Председателем Петроградского Совета, писал: "Отрываясь от работы в революционном штабе, (он) летел с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский (так в тексте. — Д.В.) рабочий и солдат. Его влияние — и в массах и в штабе — было подавляющим"⁵⁰.

Удивительное дело: Троцкого слушали везде — в матросских кубриках, студенческих аудиториях, солдатских казармах,

печах заводов. Человек, который знал жизнь рабочих весьма поверхностно, тем не менее умел своим пафосом, своей убежденностью затронуть самые сокровенные струны их чувств. Оратор, который не износил ни одних солдатских штанов, мог заморозить толпу в серых шинелях. Революционер, которому никогда не была доподлинно знакома студенческая жизнь, умел зажигать томящиеся души молодежи. Видно, просто время "смуты" способствовало ораторскому искусству человека, вознамерившегося все перевернуть вверх дном в этой жизни. Кое-кто из противников Троцкого даже обвинял оратора в "заигрывании" с массами, использовании им маски "рабочего человека". Эсер М.Я.Гендельман, например, утверждал, что "те же рабочие массы, которые поднимают "рабочего" Троцкого, растопчут интеллигента Бронштейна"⁵¹.

Основным местом своих выступлений Троцкий облюбовал цирк "Модерн". Он превратил его зрительный зал в "центр психологического массажа" тысяч людей, их духовного подталкивания к революции. Председатель Петроградского Совета вспоминал, что, когда он обосновался здесь, его противники и не пытались проникнуть в цирк, ибо еще никто в прямом, непосредственном диспуте-споре, лицом к лицу, не смог одержать верх над Троцким. Быстро прославившийся оратор обычно приезжал сюда вечерами. Иногда выступал и ночью. "Слушателями были рабочие, солдаты, труженицы-матери, подростки улицы, угнетенные низы столицы, — писал в своем последнем изгнании Троцкий. — Каждый квадратный вершок бывал занят, каждое человеческое тело уплотнено. Мальчики сидели на спине отцов. Младенцы сосали материнскую грудь. Никто не курил. Галереи каждую минуту грозили обрушиться под непосильной человеческой тяжестью. Я попадал на трибуну через узкую траншею тел, иногда на руках. Воздух, напряженный от дыханья, взрывался криками, особыми страстными воплями цирка Модерн"⁵².

Троцкий, находясь на возвышении, с горящими глазами, выразительно жестикулируя, бросает простые, понятные каждому слова. Он не смотрит в одну точку, а поворачиваясь, пытается заглянуть в глаза каждому человеку, пришедшему в "Модерн". Где-нибудь в сторонке, примостившись в гуще тел, его речь стенографирует Познанский, новый добровольный помощник Троцкого. Когда однажды Лев Давидович ночью возвращался с митинга домой, он услышал за собой шаги. Это был тот же человек, что и вчера, и позавчера. Троцкий с браунингом в руке повернулся к незнакомцу:

— Почему вы преследуете меня? Кто вы?

— Я студент. Познанский. Позвольте сопровождать и охранять вас. Кроме друзей, у вас много врагов.

— Спасибо... Но... я не привык иметь телохранителей. Я думаю, меня защитит сама революция!

— Вот я и буду ее представителем для вашей защиты.

С тех пор, до самой депортации из СССР, Познанский всегда был рядом с Троцким, демонстрируя не только безоглядную преданность, но и умение схватить мысль, брошенную, оброненную им, быстро ее записать, оформить для документа, статьи, записки. Благодаря Познанскому, Сермуксу, Глазману, Бутову, другим помощникам Троцкий смог еще в самом начале революции наладить личное "архивное дело", издать много брошюр, книг, основанных часто на своих речах, докладах и выступлениях на митингах. К слову сказать, когда Троцкий был в изгнании, особой его заботой было сохранение своих архивов. Но ему и в самом страшном сне не могло присниться, что в его тщательно ведущемся архиве, как и в бумагах старшего сына, очень часто хозяйничали агенты НКВД. Например, в конце 1937 года ведомство Н.И.Ежова доложило Сталину даже такую деталь, как "опись" документов Троцкого, находящихся у Седова, "сфотографированных агентурным путем в Париже 7—10 ноября 1937 года"⁵³. Так что архивами Троцкого раньше историков, раньше всех начал интересоваться кремлевский диктатор... Но вернемся к делам оракула и трибуна.

...Вот и сейчас Троцкий, видя и чувствуя, что в зале большинство слушателей в солдатских шинелях и матросских бушлатах, ведет разговор о том, как закончить войну: "Война нас губит. Каждый новый день войны наносит нам новые тяжкие раны. Нет хлеба, нет дров, нет угля. И с каждым днем все хуже. Положение фронта невыносимо. Солдаты в окопах не одеты, не обуты, не накормлены. И они не видят конца войны, не видят выхода".

Троцкий обводит глазами притихшую, неотрывно глядящую на него солдатскую массу, издающую специфический прокуренный запах казармы, невымытого, грязного тела, яловых сапог, и продолжает: "Делегаты с фронта рассказывают, что все шире и шире разливается по окопам мысль: "Если до 1 ноября не будет заключен мир, то идти солдатам добывать мир своими средствами..."

Троцкий от имени безымянных "делегатов" называет временной рубеж, границу терпения солдатской массы — "1 ноября". Но тут же говорит: "Нам нужен мир. Нынешнее прави-

тельство не способно дать мир... Вопрос о четвертой зимней кампании и о крови русского солдата по-прежнему будет решаться на биржах Лондона и Нью-Йорка, а не русским народом”.

Все стоящие в зале солдаты и матросы ждут главного: какой же выход? Что должны делать они? Как достичь мира? Говори, мы готовы! Говори! ”Нам необходим мир. Идти к нему надо прямым, то есть революционным, путем. Надо обратиться непосредственно к народам, к армиям и предложить им немедленное перемирие на всех фронтах”.

Но как это сделать? Все вновь ждут ответа от Троцкого, который во время речи сделал паузу, обводя своими голубыми глазами набитый под завязку зал:

”Кто должен сделать такое предложение? Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство, — Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов”⁵⁴. Далее Троцкий говорит, что, если солдат, матрос хочет скорее вернуться в свою деревню, к своей семье, матери, отцу и невесте, он должен поддержать, решительно поддержать РСДРП, ее программу создания подлинно народной революционной власти. Не верьте соглашателям, имитаторам революции, всяким Родзянко, Рябушинским, Милоковым, Терещенко, Скобелевым, Маклаковым. Мир, землю, хлеб могут дать только большевики...

Уходя с митинга, Троцкий мог быть уверен: теперь большинство его слушателей заметно качнутся в сторону большевиков. За большевиков он, правда, так агитировал лишь с лета 1917 года. Познанский все сказанное изложит на двух-трех листках и ночью после правки Троцкого, который опустит некоторые фразы (ведь власть пока у Временного правительства), в том числе и свою подпись, передаст в редакцию одной из газет.

Завершив речь, Троцкий физически почувствует согласие и восторг солдатской и матросской массы. Пожимая тянущиеся к нему со всех сторон дружеские руки, трибун революции успеет рассмотреть в толпе горящие от восторга глаза своих двух дочерей — Зины и Нины: старшей уже было шестнадцать, младшей — на год меньше. Девочки стали фанатичными поклонницами отца, которого могли видеть лишь здесь, на митинге, поэтому они редко пропускали его триумфальные выступления в ”Модерне”. Троцкому, с трудом выбирающемуся из цирка, удавалось иногда лишь пожать их еще детские нежные руки и

бросить одну-другую ободряющие фразы. С А.Л.Соколовской за все время его пребывания на родине (до изгнания в 1929 г.) Троцкий встречался всего два-три раза. Но в самое трудное время голода и лишений он пытался порой как-то помочь своим детям от первого брака. Драму старого разрыва плотно заслонили дела революции, которой он отдавал все свои силы. В том числе и здесь, в своей ораторской цитадели — на манеже "Модерна".

Нужно сказать, что свое ораторское оружие Троцкий умело использовал не только на бесконечных митингах, но и на ответственных политических форумах: съездах, пленумах, заседаниях различных советов и комитетов. Логику аргументов он и здесь пытался всегда подкрепить пафосом и красноречием.

Председательствуя на одном из заседаний Петроградского Совета, Троцкий поставил вопрос о Военно-революционном комитете. Доклад сделал совсем юный левый эсер Лазимир. Принципиальное решение о формировании комитета было принято еще ранее. В его составе решили создать отделы обороны, снабжения, связи, рабочей милиции, информационное бюро, стол донесений, комендатуру⁵⁵. Лазимир, готовивший проект о Военно-революционном комитете, полагал, что этот орган должен определить меры по сохранению в Петрограде необходимого количества войск (правительство настаивало на выводе революционно настроенных частей под предлогом того, что они нужны на фронте), поддерживать контакты с вооруженными силами ряда районов вне столицы, предпринять шаги по обеспечению революционных отрядов оружием и продовольствием, защищать население от погромов, обеспечивать революционный порядок в городе.

Выступившие после Лазимира меньшевики Бройдо и Астров, как и эсер Огурцовский, выразили сомнение в целесообразности этого органа. Бройдо (после революции одно время будет заместителем Сталина по Наркомнацу) прямо заявил, что большевики создают ВРК для захвата власти. Но если это выступление большевиков произойдет, оно "будет похоронами революции". Меньшевики в ВРК не войдут, завершил свое выступление Бройдо.

Взявший слово Троцкий коротко и определенно ответил меньшевикам: "Никогда не были мы так далеки от Бройдо и его партии, и никогда тактика меньшевиков не была так губительна, как теперь... Нам говорят, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не делаем тайны, здесь выступал целый ряд представителей фронта, и все они заявляли, что если

не будет скоро перемирия, то фронт бросится в тыл"⁵⁶. Троцкий в данном случае категоричен и однозначен. Все видят, что он может не только "фехтовать" образными словами, фразами и революционными лозунгами, но и бескомпромиссно, предельно определенно выражать свою радикальную позицию. Таким он останется и в другие октябрьские дни. То был Дантон русской революции.

Делая доклад на экстренном заседании Петроградского Совета о деятельности Военно-революционного комитета, Троцкий сообщает, что благодаря предпринятым усилиям удалось помешать правительству подтянуть войска с фронта для удупления революционных масс. Далее Троцкий предельно категорично излагает позицию ВРК: "Вся власть Советам" — это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского Съезда Советов, лозунг этот должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению, это зависит не только и не столько от Советов, сколько от тех, которые, вопреки единодушной воле народа, держат в своих руках государственную власть".

Фактический председатель Военно-революционного комитета всем своим видом дает понять, что он абсолютно убежден в успехе предстоящего революционного выступления. Троцкий буквально живет революцией, и его слова, выражающие глубокую уверенность в осуществимости задуманного, действуют в высшей степени мобилизующе.

"У нас есть полувласть, — продолжает Троцкий, — которой не верит народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа". По энергичной жестикуляции и металлу в голосе можно поверить, что Троцкий имеет в руках эту "историческую метлу". Далее он говорит: "Если мнимая власть сделает азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооруженные, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление реакции. Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью"⁵⁷. Безапелляционность Троцкого производит на всех большое впечатление. Можно подумать, что он просто проводит генеральную репетицию и давно знает, чем закончится историческая драма. Троцкого засыпают вопросами:

— Как Председатель Петросовета относится к тому, что в ВРК находятся левые эсеры?

— В бюро Военно-революционного комитета из пяти лиц, — отвечает Троцкий, — два левых эсера: товарищи Лазимир и Сахарков. Работают они там прекрасно, никаких принципиальных разногласий у нас с ними нет.

— Как Совет отнесется к тому, если позиция городского самоуправления окажется в противоречии с намерениями ВРК?

— Мы тогда осуществим роспуск городской Думы, — не задумываясь отвечает Председатель Петросовета.

Казалось, для него не существовало неясных и неразрешенных вопросов.

Однако, восхищаясь решительностью и политической четкостью ответов Троцкого, проникательные свидетели тех исторических часов и минут не могли не заметить, что, легко ориентируясь в общих вопросах, в сложившейся революционной ситуации, Председатель Петроградского Совета оказывался в немалом затруднении и не мог ответить на некоторые конкретные вопросы: будут ли разведены мосты, как относиться к обыскам юнкеров, кто конкретно занимается обеспечением Петрограда продовольствием, будет ли выступление поддержано фронтами и т.д. Иногда Троцкий просто блефовал, импровизировал, и, удивительно, все это ему чаще всего сходили с рук.

Он был тем типом революционера, который непосредственные вопросы организации, конкретного администрирования пытался решать (и часто решал!) путем духовной мобилизации людей, призывов к социальному творчеству, смело беря на себя историческую ответственность. Ленин ценил эту способность Троцкого, давая ему и впредь самые неожиданные поручения в расчете на то, что он сможет увлечь, зажечь людей большой идеей, направить их внутренние ресурсы на революционное творчество. Качества трибуна помогали ему быстро добиваться серьезных сдвигов в общественном сознании. Председатель Петроградского Совета интуитивно понимал огромное значение психологического внушения и воздействия на большие массы людей. Он обладал таким даром.

Чем ближе было вооруженное восстание, тем чаще Троцкого приглашали для выступлений. Думаю, что ни один руководитель Октябрьского переворота не говорил с трибуны и не общался с людьми так много, как Троцкий в те дни Октября. То был настоящий оракул русской революции. Одна из психологических тайн влияния Троцкого на людей заключалась, видимо,

вот в чем. Сомневающиеся граждане (их всегда много) к убежденным, одержимым людям относятся так: или ненавидят, или боготворят. Ведь сомнение — это всегда неуверенность. А одержимость — это духовная непреклонность. Такие люди чаще всего имеют притягательную силу для колеблющихся, которые подсознательно желают моральной власти над собой.

В свои выступления Троцкий все время вносил новые и новые элементы, усиливающие их эффективность. 22 октября собрался грандиозный митинг в Народном доме. Как пишет Суханов, "толпа была почти в экстазе". Троцкий, добываясь еще большей поддержки линии Петросовета, обещал собравшимся: если революция победит, то народ непременно, гарантированно получит землю, хлеб и мир.

— Если вы поддерживаете наш курс — довести революцию до победы, если вы отдадите этому делу все силы, если вы безоговорочно будете поддерживать Петроградский Совет в этом великом деле, — давайте все вместе поклонемся на верность революции. Кто согласен с этой нашей священной клятвой — поднимите руки...

Лес рук был ответом Троцкому⁵⁸. Он был кумиром митингового половодья. Конечно, реакцию, умеренных, либералов, попутчиков революции словесные "фейерверки" Троцкого пугали, страшили и возмущали. Газета Горького "Новая жизнь" 31 октября 1917 года так характеризовала речи оракула-революционера: "Безобразные выступления Троцкого в Петроградском Совете..."⁵⁹ В последующем П.Н.Милюков, обращаясь к прошлому, писал, что в общей массе революционеров была "группа, которая подходила под понятие государственных преступников"⁶⁰. К ним Милюков относил и Троцкого. Что можно сказать по этому поводу? С позиций старой власти, которую свергают, все революционеры — преступники. А кто они на самом деле, на этот счет свой вердикт история вынесет много лет спустя.

Никто не мог отрицать огромного личного воздействия Троцкого, его слов, выражений, лозунгов, которые он бросал в толпу. То были искры, падавшие на сухой хворост... Весьма симптоматично, что в эти дни Троцкий добивался от масс поддержки Советов, значительно менее акцентировав внимание на партии большевиков. Он понимал (впоследствии ему это всегда ставилось в вину), что у Советов неизмеримо более широкая социальная база, нежели у любой партии. Этим он как бы ненавязчиво ставил вопрос о превращении "партийной" революции в подлинно народную.

Троцкий был одним из тех, кто искренне боролся за реализацию ленинской резолюции, принятой на конспиративном заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября и определявшей курс на вооруженное восстание. Именно с этого момента, что может рассматриваться и как историческое оправдание, и как обвинение, он — "верный ленинец". Для Троцкого то заседание памятно не только приближением его главной мечты — новой российской революции, но и другими двумя обстоятельствами. Он, еще и двух месяцев не состоявший в партии большевиков, за две недели до восстания становится членом первого Политбюро ЦК партии вместе с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Сталиным, Сокольниковым и Бубновым. Ну и, наконец, Троцкий увидел, что и в составе самой большевистской верхушки нет единогласия: Зиновьев и Каменев голосовали против курса на вооруженное восстание.

Знаменитое заседание ЦК проходило на квартире меньшевика Суханова, безусловного противника восстания. Но все дело в том, что сам Суханов отсутствовал, а его жена-большевичка взяла на себя хозяйственную заботу о долгом, 10-часовом заседании. Сам Суханов вспоминал об этом: "О, новые шутки веселой музыки истории! Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, все на той же Карповке, 32, кв. 3. Но все это было без моего ведома..."⁶¹. Через несколько дней несогласные с решением ЦК Зиновьев и Каменев обнародовали свое мнение. Вряд ли теперь мы назовем его капитулянтским. Возможно, оно было более взвешенно, чем другие. В "Новой жизни" они опубликовали заявление, в котором говорилось: "Не только я (Каменев. — *Д.В.*) и Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом... Ставить все... на карту выступления в ближайшие дни — значило бы совершить шаг отчаяния. А наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги"⁶². В последующем Зиновьев и Каменев не раз публично каялись в своей ошибке. Это октябрьское заявление 1917 года стало их проклятием. Но, думаю, сегодня история дает уже другую оценку сомнениям соратников Ленина. То было интуитивным предостережением.

Троцкий решительно не мог понять этих колебаний. Он объяснял их больше духовной слабостью и боязнью историче-

ской ответственности, нежели просчетами в анализе конкретной ситуации. Ознакомившись с фондом Г.Е.Зиновьева, особенно с его последними письмами Сталину незадолго до своей гибели, смею утверждать: у этого человека (а Каменев почти всю жизнь шел за ним) "духовный стержень" всегда был слабым, его оригинальному мышлению не хватало мужества. Свое октябрьское заявление Зиновьев и не пытался защищать... Он только калялся. Таким Зиновьев был всю жизнь. И в пору своей наивысшей известности, и в последние месяцы своей трагической жизни. "Мускулы" воли у него всегда были дряблыми. Например, за год с небольшим до своего расстрела Зиновьев писал Сталину: "...в моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваши и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение..."⁶³ Так мог говорить и писать только человек, которого сталинский застенек сделал духовно полностью беспомощным. Троцкий был замешен совсем из другого теста на дрожжах революционной воли.

Он мог колебаться лишь в период "межвременья", но только не в час, когда слышал призыв рожка судьбы, а ею для него была революция. Троцкий, по-прежнему участвуя в многочисленных митингах, проводя текущие и экстренные заседания Петроградского Совета или Военно-революционного комитета, почти без обиняков, прикрываясь лишь слабым словесным камуфляжем, вел линию на подготовку вооруженного восстания. Однако позже, через два десятка лет, его деятельность будет расценена Сталиным как предательство: "На заседании Петроградского Совета Троцкий, расхваставшись, выболтал врагу срок восстания, день, к которому приурочили большевики начало восстания"⁶⁴.

В действительности же Троцкий положил на алтарь восстания не столько перо и организаторские способности, сколько свое идейное влияние трибуна. Он был одним из самых активных "распашывателей" старой государственной машины и создателем нового, революционного климата эпохи; по сути, помогал воплотить в жизнь афоризм Д.С.Мережковского: "Всякая государственность — застывшая революция; всякая революция — расплавленная государственность"⁶⁵. Венцом трибуны патетики Троцкого была констатация историческо-

го факта триумфа революции, который нельзя было переоценить. "Рабочий путь" так сообщал о выступлении Троцкого на экстренном заседании Петроградского Совета: "От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. (*Аплодисменты.*) Отдельные министры подвергнуты аресту. (*"Браво!"*) Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (*Аплодисменты.*)"

Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-революционного комитета, распустил собрание предпарламента*. (*Шумные аплодисменты. Возглас: "Да здравствует Военно-революционный комитет!"*)

Нам говорили, что восстание гарнизона в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно...

Мы здесь бодрствовали всю ночь и, находясь у телефонной проволоки, следили, как отряды революционных солдат и рабочих гвардии бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой... Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут. (*Аплодисменты.*)

В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде... Да здравствует возвратившийся к нам тов. Ленин!"⁶⁶

Троцкий, конечно, знал об огромной популярности своих выступлений. Он знал, что его главное оружие — перо и слово. Но он считал нужным (и неоднократно делал это) исключительно высоко отзываться о Ленине как публицисте и трибуне. Причем старался рисовать подлинный образ, а не "глянцевый". В апреле 1920 года, например, он писал: "Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж, ко-

* Предпарламент — Временный совет Российской республики, совещательный орган при Временном правительстве — образован 20 сентября (3 октября) 1917 г. на расширенном заседании Демократического совещания, которое проходило в Петрограде с 14 по 22 сентября (с 27 сентября по 5 октября) 1917 г. — *Ред.*

нечно, не рисовка, — это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия... Это хозяйская мужицкая деловитость — только в грандиозном масштабе⁶⁷. Троцкий "отказывал" Ленину в эффектности трибуна, но безусловно признавал глубину и основательность его воздействия на аудиторию.

Долгие годы мы опускали тот факт, что Председателем Петербургского, а затем и Петроградского Советов в двух русских революциях был Л.Д.Троцкий. По воле Сталина он как бы выпал из исторического сознания или был предан забвению. Но история ценит только истину, и рано или поздно она становится достоянием общественного сознания. Но это совсем еще не означает, что мы знаем, как будет оценена ушедшая в вечность бывшая действительность или конкретное событие.

Октябрьскому апогею предшествовали словесные баталии в двух лагерях. В Петроградском Совете шли последние приготовления к свержению Временного правительства. Среди большевистских руководителей одной из самых видных фигур был Председатель Совета.

В правительственном лагере не только предпринимали спонтанные действия по подавлению зреющего восстания, но и возлагали немалые надежды на Предпарламент с его широким представительством политических партий (кроме большевиков, покинувших этот орган после официального заявления, которое сделал все тот же Троцкий).

В час дня 24 октября в Предпарламенте с большой речью выступил Керенский. Истпарт в своей хронике событий, составленной вскоре после революции, так характеризует и излагает его речь:

"Я должен установить перед Временным Советом Российской Республики полное, ясное и определенное состояние известной части населения города Петрограда как состояние восстания. В действительности это есть попытка поднять чернь против существующего порядка вещей, сорвать Учр. Собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными частями железного кулака Вилгельма. Я говорю с совершенным сознанием "чернь"⁶⁸. После четырехчасового перерыва возобновилось заседание, на котором представители партии высказывали свои позиции. Левый эсер Камков поставил вопрос о недоверии Временному правительству. Меньшевик Гвоздев заявил, что рабочий класс не будет участвовать в восстании. Дан, еще один представитель меньшевиков: мы против восстания, но и против подавления этого восстания. От меньшевиков-интернациона-

листов, как всегда витиевато, говорил Мартов: за заключение мира, против кровопролития и насилия. Казачья фракция резко осудила большевиков и призвала правительство к решительным действиям... "Игралище власти", как видим, оказало Временному правительству весьма ограниченную поддержку. Естественно, в лагере большевиков были хорошо осведомлены о расстановке "пестрых" сил вокруг слабого правительства. Ленин торопил, требовал, заклинал, звал к немедленным, решительным действиям.

События развивались стремительно, особенно после того, как вечером 24 октября Владимир Ильич Ленин прибыл в Смольный. Хотя правительство еще заседало, часы его были сочтены. В ночь с 24-го на 25-е отряды красногвардейцев заняли Главпочтамт, Николаевский вокзал, Центральную телефонную станцию. Крейсер "Аврора" бросил якорь у Николаевского моста. Утром 25 октября Военно-революционный комитет утвердил воззвание "К гражданам России", написанное Лениным, где были знаменательные фразы: "Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета..."

Когда в Зимнем дворце, окружив себя последними верными ему частями, еще продолжало заседать Временное правительство, в 10 часов 40 минут вечера 25 октября открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В ночь с 25 на 26 октября по докладу В.И.Ленина были приняты исторические Декреты о мире и земле, провозглашена новая власть. Почти в это же время, ночью, пал Зимний дворец. Восстание, "октябрьский переворот", как часто тогда говорили, увенчалось полным успехом. Как вспоминал один из известных кадетских деятелей А.С.Изгоев, "захват власти большевиками 25 октября в первые дни на широкие круги петроградского населения не произвел никакого впечатления. В связи с разгромом винных лавок, обилием пьяных на улицах, стрельбой и опасением погромов, настроение стало возбужденным. Мало кто верил, что эта оперетка продлится более двух-трех недель. Многие из захватчиков были сами насмерть перепуганы тем, что сделали... Не дрогнули Ленин, Троцкий, военные из военно-революционного комитета..."⁶⁹ Троцкий, работая бок о бок с Лениным, оставляет для истории ряд важных документов, и в том числе проект резолюции по поводу ухода со съезда меньшевиков и эсеров. Срывающимся от волнения, усталости и охватившей эйфории голосом Троцкий провозгласил:

— Восстание народных масс не нуждается в оправдании; то, что произошло, это не заговор, а восстание... Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...⁷⁰

Жестокие, безжалостные слова по отношению к тем, с которыми он совсем недавно, еще три-четыре месяца назад, был в очень близких отношениях. В октябре Троцкий покончил с парадоксом, о котором я упоминал в первой главе. Отныне ему навсегда будут чужды социал-демократия, меньшевизм, либерализм в социалистическом движении. Это было не перевоплощением, а выражением подлинной сути Троцкого-революционера: непоколебимого, безжалостного, бескомпромиссного. Он стал настоящим большевиком.

Заявление Троцкого об отсутствии заговора не примут многие. Ни тогда, ни позже, ни сейчас. Этот пункт, и не без оснований, долгие годы будет оспариваться противниками Октябрьской революции. Ведь еще за несколько часов до этого заявления Троцкий говорил:

— Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой...

Троцкий позже не раз вспоминал, что, когда начались прения по Декрету о земле, всплыл вопрос об арестованных членах Временного правительства, среди которых были и социалисты. А арестованы были Н.М.Кишкин, П.М.Рутенберг, П.И.Пальчинский, М.В.Бернацкий, А.И.Коновалов, С.Л.Маслов, С.С.Салазкин, К.А.Гвоздев, П.Н.Малянтович, А.М.Никитин, Д.Н.Вердеревский, М.И.Терещенко, А.В.Ливеровский, А.А.Маниковский, С.Н.Третьяков, С.А.Смирнов, А.В.Карташев. Несколько эсеров на съезде стали категорически требовать освобождения министров-социалистов. Особенно запомнилось истеричное выступление одного солдата-депутата из эсеров:

”Вы здесь сидите и разглагольствуете о передаче земли крестьянам, а в то же время вы совершаете акт тирании и узурпации по отношению к избранным представителям крестьян. Я говорю вам, что, если хотя один волос на голове их пострадает, вы будете иметь дело с восстанием”⁷¹

Когда солдат закончил и вернулся на свое место, в зале наступила тишина и очень многие ждали, что ответит Троцкий. Он сразу понял это и тут же взял слово:

”Решено, что министры-социалисты, меньшевики и с.р. временно Военно-революционным комитетом будут содержаться

под домашним арестом. Так было поступлено с Прокоповичем, так должны мы поступить с Масловым и Салазкинским..." И дальше он скажет фразу, которая сегодня кажется зловещей:

"Второй вопрос — это вопрос об обывательском впечатлении от этих арестов. Товарищи, мы переживаем новое время, когда обычные представления должны быть отвергнуты..."⁷² (курсив мой. — Д.В.). Как отвергались "обычные представления", видно на примере судеб бывших министров-кадетов А.И.Шингарёва и Ф.Ф.Кокوشкина, застреленных на больничных койках...⁷³

Думаю, что нам, уже немало знающим о том далеком времени социального перелома, понятна теперь зловещая нота в заявлении Троцкого. Я далек от мысли непосредственно, прямо отсюда выводить будущие "сталинские указания", но нельзя отделаться от ощущения, что давний русский революционный радикализм с самого начала властно заявил о себе. О том, что у революции тяжелая рука, скоро узнают многие. В декабре 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Отныне эти органы на долгие десятилетия будут едва ли не главными выразителями сути родившейся большевистской Системы. Скоро органы ВЧК получают право внесудебного рассмотрения дел по различным преступлениям, вплоть до "расстрела на месте". В Декрете Совнаркома от 21 февраля 1918 года говорилось: "Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления". В этот перечень могли попасть очень многие, в зависимости от того, как истолковать действия того или иного человека. Тем самым революция провозгласила террор. Ее лицо стали определять такие люди, как Троцкий.

Революционная волна подняла Троцкого на самый гребень популярности. Пожалуй, с момента завоевания власти он безоговорочно стал вторым, после Ленина, человеком в России, которая с памятного дня 25 октября 1917 года постепенно погружается на несколько лет в хаос, братоубийство и невиданные лишения. Отзвуки этих лет слышны и по сей день. Как писал в своих "Записках беженца" князь Е.Н.Трубецкой, "кодекс междоусобной войны, привитый нам большевиками, стал обычным; его усвоили не только взрослые, но и дети. Распатанность нравственных правил, разнузданное своеволие, привычки к хищничеству и жестокость — таково долгое ядовитое наследие смутной эпохи, которое оставит свои следы в душе народной на

многие годы”⁷⁴. Может быть, был прав Н.Бердяев, утверждая, что ”удачных революций не бывает”?

Рядом с Лениным

Возможно, сам подзаголовок и сегодня у некоторых вызовет известное неприятие. Долгие годы рядом с Лениным, действительно ”первым вождем”, никого нельзя было поставить. На это решился, после многолетней фальсификации истории, лишь Сталин. На самом деле около Ленина было немало крупных политических деятелей, наиболее заметным из которых в те годы был Л.Д.Троцкий. Даже простое прочтение документов Октября, начального периода социалистического строительства и гражданской войны однозначно говорит: в то время это был ближайший соратник Ленина, человек, обладающий всеми достоинствами и пороками русской революции. О Троцком как ”втором” человеке России того периода говорили и творцы революции, и ее недоброжелатели. ”Рабочая газета” 6 ноября 1917 года опубликовала заметку без подписи, озаглавленную ”Начало конца”, где, в частности, говорится:

”Усиление террора и углубление гражданской войны — вот программа Ленина и Троцкого. Возврат к свободе и гражданский мир — это лозунг вчерашних друзей и сегодняшних противников. ”Социализм” Ленина и Троцкого опирается на ”военно-революционный комитет” и штыки петроградского и кронштадтского гарнизонов...”⁷⁵ Подобные заявления не были единичными. Так, М.Горький и его газета выпустили немало ехидных, злых стрел по революционному дуэту Ленин — Троцкий. ”Новая жизнь” 7 ноября 1917 года писала, например, в заметке ”К демократии”:

”...Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к ”социальной революции” — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции...”⁷⁶

Вообще ”Новая жизнь” была уверена, что большевики у власти — это досадный исторический эпизод. Мол, скоро все станет на свои места. Вот, например, что писал в газете русский философ и экономист В.А.Базаров. Предупреждая о том, что большевики готовятся сорвать соглашение между демократи-

ческими силами, — а это, мол, погубит революцию, — автор статьи утверждает: "...само собой разумеется, однако, что этой элементарной истины никогда не усмотрит грозный президент Смольной республики Н. Ленин, одержимый маниакальной идеей "советского" государства. Эту элементарную истину никогда не захочет признать великолепный Л. Троцкий и примыкающая к нему фаланга революционных конкистадоров, играющих в современном большевизме первые роли. Ленинские мани, как показал опыт, неизлечимы, — что же касается конкистадоров... то им вообще нет дела до судьбы основываемых ими учреждений; тут психология простая: хоть день, да мой, хоть часок, да покрасоваться в классической революционной позе, с печатью робеспьеровского трагизма на челе..."⁷⁷

Отригнув большевистские намерения, меньшевики, буржуазные либералы вначале всерьез надеялись, что у новых вождей недолгая жизнь. Тогда действительно казалось маловероятным, что захват власти увенчается успехом. Но Ленин, его окружение, в котором теперь был и Троцкий, видели дальше критиков "конкистадорства". В первые дни после бескровного переворота буржуазная и либеральная печать еще имела возможность метать бумажные молнии по поводу радикализма большевиков. Поэтому статья Базарова была типичной для либеральной оппозиции.

Это не эпизод. Революционные партии эсеров, меньшевиков, многие другие политические группы и объединения осудили разгон Предпарламента, арест министров-социалистов, применение диктаторских методов власти. Через два дня после перехода власти в руки Петроградского Совета, а фактически в руки большевиков "Рабочая газета" — орган меньшевиков — опубликовала следующее воззвание:

"Всем! Всем! Всем!

Граждане России!

Временный Совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу. Захватчики власти со словами "Свобода и социализм" на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в т.ч. и министров-социалистов... Кровь и анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу и республику, вынести на своем гребне реставрацию старого строя. Такая власть должна быть признана врагом народа и революции"⁷⁸.

Да, так говорили проигравшие. И они уже пустили в обиход злоеший термин, родившийся во времена Французской революции, — "враги народа". Но и победившие метили своих противников так же. Думаю, большевикам, при их радикализ-

ме и максимализме, все равно было бы не по пути с кадетами и другими буржуазными партиями.

Забегая несколько вперед, сразу скажу, что на заседании Совета Народных Комиссаров 28 ноября 1917 года под председательством Ленина (присутствовали, как указано в протоколе, Троцкий, Стучка, Петровский, Менжинский, Глебов, Красиков, Сталин, Бонч-Бруевич) был принят декрет, внесенный Председателем Совнаркома, "Об аресте виднейших членов ЦК партии врагов народа (кадетов. — Д.В.) и предании их суду революционного трибунала". К слову сказать, в этом протоколе № 13 зафиксирован необычный поступок Сталина — он единственный голосовал против такого решения⁷⁹. Я уже как-то высказывал свое соображение по поводу такого необычного поведения наркомнапа. Прежде всего, он еще не созрел до диктаторской безжалостности: это придет к нему позже, с властью. Голосование "против" — способ выделиться своей неординарностью и независимостью. Человек в глубине колонны незаметен, нужны какие-то знаки, сигналы, жесты. Такая позиция при голосовании была одним из сигналов. Во всяком случае, Сталин не стал сразу вампиром — он проделал определенную, хотя и быструю, эволюцию.

Кстати, на том же заседании Совета Народных Комиссаров Троцкий сделал доклад о текущем моменте. Как зафиксировано в протоколе, он дал оценку положения в Петрограде, доложил о развертывании контрреволюционного движения на Дону и Урале, о фактах прямой связи кадетов с калединцами. Троцкий заключил доклад выводом: "ЦК кадетов — очаг контрреволюции, очаг восстания". Докладчик предложил по этому поводу принять текст "воззвания ко всем трудящимся и эксплуатируемым". Воззвание было принято при одном воздержавшемся — Петровском⁸⁰. Так закончилась политическая, "государственная жизнь" конституционных демократов.

Левые эсеры, меньшевики-интернационалисты могли, видимо, активно сотрудничать с большевиками и впрямь в деле обновления общества. Такое сотрудничество с эсерами, например, продолжалось до лета 1918 года, но ни большевики, ни эсеры не приложили максимум усилий для того, чтобы этот альянс был прочным. Тяга большевиков к однодумству, монополии на власть взяла верх. Думаю, здесь коренится один из дальних истоков "монолитного" единства, безальтернативности и в конечном счете дезаризма.

Троцкий безоговорочно поддерживал позицию Ленина, выступавшего против вхождения "соглашательских партий" в Советское правительство, хотя еще совсем недавно он заявлял: "Меньшинство не будет ущемлено". Но власть меняет людей.

После отражения попыток Керенского 30—31 октября двинуть на Петроград войска генерала Краснова состоялось памятное заседание Петроградского Комитета РСДРП(б). "Еретики" Зиновьев и Каменев, выступавшие против проведения вооруженного восстания, выдвинули предложение: создать так называемое "однородное социалистическое правительство", куда кроме большевиков вошли бы эсеры и меньшевики. Ногин и Луначарский полагали, что нужна коалиция социалистических партий. Учитывая это, меньшевики и правые эсеры надеялись получить в ней большинство. Ленин был решительно против. Его горячо поддержал Троцкий, что было высоко оценено Владимиром Ильичем. Ни та, ни другая сторона не проявили склонности к компромиссу. Вероятно, здесь был упущен еще один исторический шанс. "Безгрешный" Ленин и его ближайший единомышленник в революции допустили роковую ошибку. Оставшись в одиночестве с середины 1918 года, большевики обрекли себя на историческую изоляцию. Отныне они могли удержаться у власти лишь в союзе с насилием.

В книге Троцкого "Сталинская школа фальсификаций" есть любопытная вклейка: фотокопия второго экземпляра протокола упомянутого заседания Петроградского Комитета РСДРП(б)⁸¹. На нем выступали Фанигштейн-Далецкий, Луначарский, Глебов, Ногин, Слуцкий, Бокий, несколько раз Троцкий. Вопрос о соглашении (привлечении в правительство) с эсерами и меньшевиками не нашел поддержки ни Ленина, ни Троцкого. В копии протокола есть знаменательные и красноречивые слова Ленина, которые не вошли в сборники "Протоколов Центрального Комитета РСДРП(б)", изданных в 1929 и 1958 годах. Почему их там нет — понятно. Фраза Ленина такова:

"Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял и с тех пор не было лучшего большевика"⁸². Однако теперь мы знаем, что историческая оправданность этой позиции в отношении объединения оказалась глубоко порочной. Социалистическому плюрализму было сказано большевистское "нет".

Эту фразу (подлинность фотокопии неправленного документа не вызывает сомнений) Троцкий в последующем неоднократно использует в своих сочинениях, истолковывая ее не только как свидетельство правильности позиции Председателя Петроградского Совета по вопросу об "однородном правительстве", но и как общую оценку Лениным его политического лица. И по сей день иногда пишут, что Троцкий, перейдя к большевикам, никогда не признавал и "не признал правоты большевизма в споре с ним в прошлом". Утверждение неточ-

ное. В упоминавшейся выше книге Троцкого говорится: "Как я не раз уже заявлял, в расхождениях моих с большевизмом по ряду принципиальных вопросов *неправота была на моей стороне*"⁸³ (курсив мой. — Д.В.). И таких свидетельств публично признания Троцким своей "неправоты" имеется немало. Говорить иначе — значит повторять старые ошибочные утверждения типа: "что касается Троцкого и его некоторых близких друзей, то они, как оказалось потом, вошли в партию не для работы в пользу партии, а для того, чтобы расшатывать ее и взорвать изнутри"⁸⁴. Впрочем, и по сей день есть немало лиц, публично придерживающихся этого сталинского тезиса.

Все ли приняли Троцкого как одного из главных вождей революции? Были ли у него оппоненты в собственной среде? Были. В основном из тех, кто не мог и не хотел простить ему меньшевистского прошлого. В обывательской среде особенно муссировалось его еврейское происхождение. Иногда недоброжелатели кивали на то, что вокруг Ленина "большинство были евреи". Ленин не обращал внимания на эти обывательские разговоры, которые считал проявлением низкой сознательности. Ему, конечно, попадали в руки письма и телеграммы наподобие такой: "...чтобы спасти большевизм, нужно поступиться несколькими весьма почтенными и популярными большевиками: Советское правительство может защитить и поддержать немедленная подача в отставку Зиновьева, Троцкого и Каменева, пребывание которых на высших влиятельных постах не соответствует принципу национального самоопределения...". Автор телеграммы требует и "самоудаления Свердлова, Иоффе, Стеклова и замены их лицами русского происхождения...". Подпись — сочувствующий большевизму старый народоволец *Макрий Николаевич Васильев*⁸⁵.

Но такого рода обращения не находили отклика у руководителей, ибо интернациональное начало революции — а этого нельзя отрицать — было очень сильным. Но антисемитизм был. Борис Савинков писал по этому поводу в Варшаве: "Есть крестьяне, ненавидящие еврейский народ потому, что отдельные комиссары-евреи реквизируют у них скотину и хлеб. Есть красноармейцы, ненавидящие еврейский народ потому, что отдельные политруки-евреи гонят их на убой. Есть добровольцы (офицеры, перешедшие на сторону белых. — Д.В.), ненавидящие весь еврейский народ потому, что члены ЦЕКА — евреи расстреливают их семьи... Но антисемитизм исчезнет лишь тогда, когда Россия возродится и станет истинно демократическим государством. Мне, русскому, больно за еврейскую боль..."⁸⁶

Троцкий никогда и ни к чему в жизни так не стремился, как к революции; только она могла дать ему все возможности для

самовыражения. Революция и Троцкий любили друг друга взаимно. Председатель Петросвета двух русских революций никогда не держал "камня за пазухой" против разрушительного социального движения и, естественно, никогда не хотел Октябрю поражения. В революции он видел высший смысл своей жизни. Думаю, что Ленин в Октябрьские дни 1917 года убедился в этом, удостоив Троцкого рядом лестных эпитетов, вероятно, вполне заслуженных. Когда готовили большевистский список кандидатов в Учредительное собрание, В.И. Ленин написал:

"Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из малоиспытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии (вроде Ларина)... Необходим экстренный пересмотр и исправление списка...

Само собою понятно, что... никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкий, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата"⁸⁷.

Можно с уверенностью сказать, что с октябрьских дней Ленин глубоко понимал истинную роль Троцкого как ниспровергателя и крушителя, хотя никогда не мог забыть его старого "небольшевизма".

На следующий день после Октябрьского переворота "Правда" взывала: "Товарищи, вы своею кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской — Всероссийского Учредительного Собрания". Но выборы, состоявшиеся в ноябре, не дали перевеса большевикам. И уже Ленин заявляет: "Республика Советов является более высокой формой демократизма, чем буржуазная республика с Учредительным Собранием..."⁸⁸ 23 ноября 1917 года по решению ЦК партии большевиков были арестованы члены комиссии по проведению выборов и созыву Учредительного собрания. А в нее входили известные люди: М.М. Виновер, М.В. Вишняк, В.М. Гессен, В.Н. Крахмаль, Г.И. Лордкипанидзе, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде и другие. На протест комиссии Сталин, которому поручили разбираться с ней, безапелляционно заявил, что "большевиков не интересует, как эти люди относятся к Совету Народных Комиссаров. Комиссия совершила подлоги..."⁸⁹.

После многих проволок 5 января 1918 года открылось наконец Учредительное собрание, куда Ленин рекомендовал Троцкого. Это было грустное зрелище: собравшиеся в зале, принадлежа к разным фракциям, не понимали друг друга. Улюлюканье, шум, выкрики. Чернов, которого избрали предсе-

дателем Российского парламента, пытался перекрыть весь зал: "Уже самым фактом открытия первого заседания Учредительного собрания провозглашается конец гражданской войны между народами, населяющими Россию"⁹⁰. Как вспоминал участник этого памятного заседания Марк Вишняк, "на эстраде — командующая верхушка и служилые советские люди. Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань "жгучий брюнет" Дыбенко, Стеклов, Козловский. В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся то на кресле, то на ступеньках помоста и вскоре совсем исчезнувший"⁹¹. Всем было ясно, что большевики уже заранее поставили крест на этом всероссийском форуме, где не имели большинства. Дебаты в такой обстановке шли до пяти утра, пока за председательским местом не появился матрос (как оказалось позднее, это был Анатолий Железняков). Он тронул Чернова за рукав сюртука, и в притихшем зале громко прозвучало:

— Комиссар Дыбенко требует, чтобы присутствующие покинули зал.

— Позвольте, это решать может только само Учредительное собрание... — пытался сохранить репутацию Чернов.

В дверях показались красногвардейцы и матросы с винтовками. А.Г.Железняков добавил:

— Предлагаю всем покинуть Таврический дворец, так как время позднее и караул устал...

Большевиков поддержали левые эсеры. С русским парламентаризмом на десятилетия было покончено. Отныне в высших эшелонах власти звучал не хор, а соло одной политической силы. Газеты вначале писали, что выборы в Учредительное собрание состоялись на основе старого, несправедливого закона, принятого при Керенском. Утверждалось, возможно и не без основания, что этот закон давал преимущества основной массе населения России — крестьянству. Но дело, конечно, заключалось в другом: большевики, имевшие перевес в Советах, не хотели делить власть с Учредительным собранием, где они были в меньшинстве. Чтобы уцелеть, Октябрьской революции пришлось выбирать между Советами и Учредительным собранием. Выбор был сделан давно. В этом вопросе Троцкий без колебаний поддерживал Ленина. Симпатии масс внешне склонялись в сторону Советов. Ведь реальная власть была у большевиков. Лозунг Учредительного собрания успел "потускнеть". Поэтому его роспуск не вызвал массовых выступлений протеста. Лишь позже многие поняли: большевистский корабль взял прямой курс на тоталитарную диктатуру.

Тема эта особая. Большевики, которые имели четверть мест

в Учредительном собрании, вместе с эсерами, собравшими около половины голосов, могли создать влиятельнейший альянс, но в начале 1918 года триумфаторы делиться властью уже не желали. Кстати, и правые эсеры не стремились к партнерству с большевиками. Историческая ответственность их также велика. Троцкий был одним из тех большевистских руководителей, которые решительно и бесповоротно ратовали за однопартийное руководство. Ленин объяснял преимущество эсеров на выборах в Учредительное собрание так: "...составляя списки 17 октября и на выборах в Учредительное собрание 12-го ноября, крестьянство *не могло* еще знать правды о земле и о мире, *не могло* отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры"⁹². Обращаясь к тем дням, не покидает ощущение, что в январе 1918 года был упущен важнейший шанс социалистического плюрализма. Справедливости ради еще раз скажу, что этот шанс не хотели использовать и эсеры. Они претендовали на гегемонию и не желали долго довольствоваться союзом с большевиками, в котором им отводилась роль младшего союзника.

Вообще, анализируя деятельность Троцкого с октября 1917 года, с некоторым удивлением отмечаешь, что многочисленные разногласия с Лениным, которые Председатель Петроградского Совета тогда не скрывал, как-то сразу быстро исчезли. Причем в результате не компромисса, а однозначного согласия Троцкого с Лениным фактически по большинству кардинальных вопросов революции. Более того, с памятной ночи переворота между ними установились, как можно судить, не просто товарищеские, а дружеские отношения. Троцкий стал "лучшим большевиком".

Уже в своем роковом изгнании он вспоминал, что 25 октября, вечером, в ожидании открытия II съезда Советов он отдыхал вместе с Лениным в пустой комнате по соседству с залом заседаний. Кто-то заботливо принес одеяло, две подушки... "Мы лежали рядом, тело и душа отходили, как слишком натянутая пружина... Мы вполголоса беседовали... В его голосе были ноты редкой задушевности. Он расспрашивал меня про выставленные везде смешанные пикеты из красноармейцев, матросов и солдат. "Какая это великолепная картина: рабочий с ружьем рядом с солдатом у костра!" — повторял он с глубоким чувством. "Свели, наконец, солдата с рабочим!" Затем он внезапно спохватывался: "А Зимний? Ведь до сих пор не взят? Не вышло бы чего?" Я привстал, чтобы справиться по телефону о ходе операции, но он меня удерживал. "Лежите, я сейчас кому-нибудь поручу"⁹³. Но лежать долго не пришлось: начался съезд Советов.

Пока не закрыли "Новую жизнь", она ежедневно давала тревожные прогнозы, связанные с "переворотом большевиков". Особенно резко осуждалось их насилие. Политический почерк статей, даже если они были без подписи, явно походил на стиль Мартова, Дана, Абрамовича. Так, 29 октября в газете была помещена статья "Большевики у власти". Основной удар наносится по Ленину и Троцкому: "...переворот 25 октября имел своими лицедеями Ленина и Троцкого, но подлинными создателями его были Керенский и Церетели... Лицедеи переворота стоят теперь у "власти". Но только для самого поверхностного наблюдателя может показаться, что они разыгрывают оперетку. На деле мы имеем перед собой величайшую трагедию, грозящую бесконечными бедствиями стране и крахом революционных завоеваний... Мы отрицаем в корне и самый метод захвата власти изолированными силами большевиков при помощи военных "операций". Теперь неизбежны величайшие потрясения на почве большевистского статуса..."⁹⁴ Так писали главные идейные оппоненты Ленина и Троцкого, не ошибаясь по поводу будущего.

Во время Октябрьского вооруженного восстания и гражданской войны почти по всем вопросам (за исключением, пожалуй, вопроса о Брестском мире) между Лениным и Троцким установилось полное взаимопонимание. Характерно, что Троцкий, подготовив солидную двухтомную историю русской революции и ряд других работ, везде защищает Ленина. До самой смерти один из "выдающихся вождей" никогда серьезно не полемизировал с Лениным — ни с живым, ни с мертвым. Можно задать вопрос: почему?

По моему мнению, этому обстоятельству есть несколько объяснений. Прежде всего, Троцкий понимал, что если он еще раз сменит политические азимуты, это будет его идейной кончиной. В политике, как свидетельствует историческая практика, можно лишь однажды коренным образом менять свои позиции. В противном случае из-за безудержного флюгерства будет потерян кредит и у старых, и у новых друзей. Далее, в октябрьские дни Троцкий понял, что позиции и установки Ленина весьма близки его взглядам. Наконец, Троцкий никогда больше не вступал в спор с настоящим вождем русской революции и потому, что хотел развенчать этим миф "Сталин — это Ленин сегодня". Всей своей теоретической и публицистической деятельностью Троцкий доказывал, что только он всегда понимал Ленина и только он был верен его идеям и установкам с Октября 1917 года.

Люди всегда ищут покровителей. В Боге, Идее или Великом человеке. Ленин был лидером трагической революции, которо-

го (уже после смерти) использовали и Сталин, и Троцкий, ища аргументы в смертельной борьбе друг с другом.

Даже говоря о шагах и решениях Ленина, не получивших почему-либо поддержки у Центрального Комитета, Троцкий не осуждает вождя. Например, он пишет в 1932 году, что "Ленин настаивал на поднятии восстания в дни Демократического совещания: ни один из членов ЦК не поддержал его. Неделю спустя Ленин предлагал Смилге организовать штаб восстания в Финляндии и оттуда нанести удар по правительству силами моряков... Ленин считал в конце сентября оттягивание восстания на три недели, до съезда Советов, гибельным. Между тем восстание, отложенное до кануна съезда, закончилось во время его заседаний. Ленин предлагал начать борьбу в Москве, предполагая, что там дело разрешится без боя. На самом деле восстание в Москве, несмотря на предшествовавшую победу в Петрограде, длилось восемь дней и стоило многих жертв"⁹⁵.

Скрупулезно перечисляя ленинские предложения, которые не нашли поддержки и не были реализованы на практике, Троцкий не ставит это ему в вину. Наоборот: "Ленин не был автоматом непогрешимых решений. Он был "только" гениальным человеком, и ничто человеческое не было ему чуждо, в том числе и свойство ошибаться"⁹⁶. Думаю, у Троцкого была весьма удобная позиция по отношению к Ленину: признавая его гениальность, он не стеснялся выступать против его обожествления, что десятилетиями практиковалось в нашей общественной мысли. Иконизация Ленина вела к эрозии его идей, плодила догматиков, которые в союзе с бюрократией сделали многое из того, что, вероятно, никогда не одобрил бы и он сам. Троцкий видел в Ленине человека, а не бога. Так, в 1927 году, когда над опальным "выдающимся вождем" уже незримо висела угроза возможной сталинской расправы, Троцкому хватило мужества защищать Ленина от канонизации, от омертвления догматическим почитанием, от превращения его в еще одного святого от марксизма. В фонде Троцкого есть рукопись его небольшой статьи "О пустосвятстве", в которой особенно примечательны следующие строки: "...умерший Ленин как бы вновь родился: вот вам разгадка мифа о воскресшем Христе. Он возник для нас вторично, освобожденный от повседневности и в то же время властно определяющий ее..."

Но опасность начинается там, где есть бюрократизация почитания и автоматизация отношения к Ленину и его учению. Против той, как и другой опасности очень хорошо и как всегда простыми словами говорила недавно Н.К.Крупская. Она говорила о том, чтобы не ставить Ленину лишних памятников и не создавать во имя его ненужных и бесполезных учреждений"⁹⁷.

После сталинской инвентаризации архива Троцкого эти слова, естественно, стали рассматриваться как попытки "при-нижения Ленина", "умаления его роли в революции". В то же время, повторюсь, нужно было обладать немалым мужеством, чтобы так смело и однозначно выступить против канонизации вождя Октября.

Через три месяца после смерти Ленина, в день его рождения, был проведен "вечер воспоминаний". Выступили Каменев, Радек, долго говорил и Троцкий. И я хотел бы привести два-три фрагмента из его выступления, которые свидетельствуют о способности Троцкого постигать глубину другой личности, видеть философию ее существования, подмечать нечто такое, что скрыто для других. Говоря о человеке решительного действия, Троцкий невольно дал почувствовать, что он видит дальше и глубже многих, кто долго знал Ленина. Вначале, как бы мимоходом, он заметил, что о Ленине пробуют уже говорить художники и писатели, например Горький. Но "он не понимал Ильича, подходя к нему с той интеллигентской, мещанской слащавостью, которая Горькому за последние годы жизни все более свойственна...". Троцкий прав: о Ленине написано множество книг и полотен, но в них обычно присутствует не человек, а лишь икона. Честных книг о Ленине в нашей стране не написано..

У Ленина, говорил Троцкий, было "могущественное внутреннее клочкотание революционного нетерпения, которое дисциплинировалось волей и сознанием... Вера в человека проникла в Ленина насквозь: он был в нравственном смысле величайшим идеалистом, верил в способность человека подняться на такие высоты, о которых мы можем лишь робко мечтать". Троцкий увидел в Ленине и такую зловещую черту, как вера в силу диктатуры. "Владимир Ильич говорил: главная опасность в том, что добр русский человек... Когда освобождали генерала Краснова под честное слово, кажется, один Ильич был против освобождения, но, сдавшись перед другими, махнул рукой... Когда при нем говорили о диктатуре пролетариата, он всегда, сознательно преувеличивая с педагогической целью, говорил: "Какая у нас диктатура! Это каша, это — "тютя" (любимое слово Владимира Ильича)... Вообще говоря, его настроение было ровное; внутренне он был неровен, но благодаря его необыкновенной внутренней выдержке в своих проявлениях он был в высшей степени сдержан..." Троцкий, словно раздумывая, необычно проникновенно говорил, что "изучение психологии наших вождей в будущем поможет понять эпоху".

Даже небольшие фрагменты рассуждений Троцкого говорят о его более глубоком проникновении во внутренний мир Лени-

на. С "вершины" Троцкого было легче рассмотреть еще более высокий "пик" вождя русской революции: демонического человека, а не бога. Робеспьера русской революции.

Троцкий — в этом я уверен — при своей весьма тщеславной натуре искренне признавал: Ленин обладает более мощной интеллектуальной силой и пользуется большим авторитетом, чем он. Лев Давидович очень гордился, что в революционной, контрреволюционной и либерально-буржуазной печати его имя стояло, как правило, рядом с Лениным. Не раз уже упоминаемый меньшевик Суханов считал Троцкого наравне с Лениным ответственным за "крах" России, "великую смуту" и "крушение демократических надежд". В ноябре 1917 года Суханов, например, поместил в газете "Новая жизнь", которая тогда специализировалась на антибольшевистской критике, статью "Диктатура гражданина Ленина". В ней он зло, ядовито, как обычно говорят и пишут проигравшие, утверждал: "...кому же не ясно, что перед нами никакой "советской" власти, а есть диктатура почтенных граждан Ленина и Троцкого и что диктатура эта опирается на штыки обманутых ими солдат и вооруженных рабочих, которым выданы неоплатные векселя на сказочные, но не существующие в природе богатства?..."⁹⁸.

Взяв на себя роль "второго" человека в революции, Троцкий нередко (особенно в более позднее время) ставил себя рядом с Лениным, недвусмысленно давая понять, что это не случайно. В интересном очерке "Петроград" он пишет: "В Смольном, при участии т. Ленина и моем (не помню точно, какого числа) созвано было гарнизонное совещание..."⁹⁹ На нем были и другие большевистские руководители, но Троцкий выделяет уже только двоих. "Когда я и Ленин проводили собрания офицерства петербургского гарнизона, где набирался командный состав против Керенского..."¹⁰⁰ Здесь уже — "я и Ленин". В своих воспоминаниях Троцкий весьма часто касается личных встреч, бесед, доверительных отношений с Лениным, не без основания полагая, что в глазах простых людей общение с великими мира сего как бы автоматически возвышает их собеседников. "25-го открылось заседание II съезда Советов. И тогда Дан и Скобелев пришли в Смольный и направились как раз через ту комнату, где мы сидели с Владимиром Ильичем. Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидал нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел. Владимир Ильич тоже толкнул меня локтем: "Узнали, подлецы!"¹⁰¹.

Конечно, Троцкий описывал реальные события. Но он спе-

циально акцентировал внимание слушателей и читателей на отдельных подробностях, эпизодах, моментах. Бесспорно одно: во время Октябрьской революции и гражданской войны между Лениным и Троцким установилась та высокая степень доверия, которая существует между единомышленниками, делающими одно большое дело. Но при этом нельзя забывать, что такие личности, как Ленин и Троцкий, оставались каждый сам собою, сохраняя свою индивидуальность. Ленин в 1917 году увидел совсем другого Троцкого: очень деятельного, одержимого революционной идеей, а главное, как правило, без всяких возражений принимающего его взгляды, позиции и установки. И это не было политическим конформизмом. То было совпадением устремлений. Это был, вероятно, звездный час Троцкого, поразительно счастливое и удачное стечение лично для него исторических и политических обстоятельств, где он мог максимально проявить сущность своей личности, свои самые глубокие желания и мечты. Революция, полагал он, может оправдать любые твои шаги, изменить весь мир. Он еще не знал, что революция рождает у людей надежды, которые могут привести к горьким разочарованиям. Возможно, Ленин был именно тем человеком, который глубже других понял революционно-разрушительный феномен Троцкого. Поэтому я допускаю правдоподобность того, что рассказывает Троцкий в своей книге "Моя жизнь".

...Шло заседание Политбюро, было это, кажется, в 1919 году. Троцкий узнал, что кто-то усиленно муссирует слухи о его якобы преступном решении в августе 1918 года расстрелять командира полка и комиссара на Восточном фронте, которые увели полк с боевых позиций и собирались отплыть в Нижний. Он понял, что об этом знают и члены Политбюро. Тогда я, вспоминает Троцкий, сказал:

— Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском, мы не заседали бы здесь в Политбюро.

— Абсолютно верно! — отозвался, по словам Троцкого, Ленин и стал что-то быстро писать красными чернилами на типовом бланке Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседание приостановилось, и через две минуты Ленин передал Троцкому чистый бланк*, где внизу его рукой было написано: "Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела давае-

* Бланк с припиской Ленина сохранился. — Д.В.

мого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В.Ульянов-Ленин".

— Я вам выдам сколько угодно таких бланков... — сказал Ленин. Таким был человек, которого мы долгие десятилетия считали великим "гуманистом".

Троцкий далее пишет: "Ленин ставил заранее свою подпись под всяким решением, которое я найду нужным вынести в будущем. Между тем от этих решений зависела жизнь и смерть человеческих существ. Может ли вообще быть большее доверие человека к человеку? Самая мысль о таком необычайном документе могла возникнуть у Ленина только потому, что он лучше моего знал или подозревал источники интриги и считал необходимым дать ей наивысший отпор"¹⁰². О доверии сказано верно. Но доверять судьбы людей?.. Распоряжаться ими?.. И Ленин, и Троцкий полагали, что во имя революции допустимо все. Таковы были русские яacobинцы.

Посвященным было ясно, что сведения (правдоподобные) о расстрелах на фронте по приказу Троцкого распространяют Сталин и Ворошилов. Например, на одном из пленумов ЦК в 1927 году выступал Ворошилов, который обвинил Троцкого в необоснованных репрессиях по отношению к командирам и комиссарам. Троцкий тут же перебил Ворошилова и громко выкрикнул:

— Вы же лжете совершенно сознательно, как бесчестный каналья, когда говорите, что я расстреливал коммунистов!

— Сами вы каналья и отъявленный враг нашей партии! — зло ответил Ворошилов. — Ладно, черт с ним...

— Что же, меня будут обвинять, что я расстреливал коммунистов, а я буду молчать?.. — не выдержал Троцкий.

На это Подвойский тут же бросил:

— Вы расстреливали коммунистов. Я список расстрелянных представляю...¹⁰³

О репрессиях и терроре в годы гражданской войны, одним из инициаторов которых был Троцкий, пойдет речь в следующей главе. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что сам Ленин в принципе всегда был за самые "крутые меры", которые могли обеспечить боеспособность частей фронтов. "Строгий характер" Председателя Реввоенсовета Республики, готового навести порядок на передовой, пресечь дезертирство, паникерство, партизанщину, Ленину imponировал. Троцкий видел в подобных фактах высокую степень доверия к нему признанного лидера революции.

Думаю, Ленин проникательно заметил, что на всех постах, какие пришлось занимать Троцкому — нарком по иностран-

ным делам, путей сообщения, военным и морским делам, — одну из главных своих задач тот видел в пропаганде. Да, именно пропаганда: внешнеполитическая, производственная, военная. В.И. Ленин задавался вопросом: "Что есть хорошего у Троцкого" — и отвечал: "Несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*"¹⁰⁴.

Свое отношение к Ленину Троцкий выразил также совершенно определенно: "Я слишком ясно сознавал, что значил Ленин для революции, для истории и — для меня лично. Он был моим учителем. Это не значит, что я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него приходить самостоятельно к тем решениям, к каким приходил он"¹⁰⁵.

Считаю, что революция и годы гражданской войны были самыми богатыми на события в жизни Троцкого — политического деятеля, публициста и писателя. Это был высший пик его личной судьбы. В значительной мере так произошло не только потому, что эпоха нашла в нем энергичного творца радикальных, далеко не однозначных перемен в России, но и потому, что он оказался рядом с "первым" вождем Октября. До самой смерти Ленина они были фактически единомышленниками. Взлеты, достижения, просчеты, насилие, надежды — сбывшиеся и несбывшиеся — являлись общими. Интеллектуальное и политическое содружество основывалось на их фанатичной одержимости идеей революции и радикального переустройства в России. Ни тот, ни другой не поняли всего трагизма русской революции, вызванного тем, что она произошла в отсталой крестьянской стране со слабыми демократическими традициями. И тот, и другой решили, что буржуазно-демократический этап можно перескочить и сразу войти в полосу научного социализма, походя решая задачи демократического этапа. И тот, и другой "пришпоривали" историю, что является грубым насилием над ней. Революция, дав людям мир и землю, отобрала у них нечто более важное — свободу.

Брест-литовская формула

Один из секретов беспрецедентного по бескровности и результату Октябрьского переворота заключается в невиданном стремлении к миру измученного войной народа. Курс большевиков на мир, выраженный в первом декрете Советской власти, был исключительно популярным у миллионов простых людей. И, победив, нужно было платить по векселям-

обещаниям и выходить из войны. В истории это часто бывает так же трудно, как и принять решение начать ее.

В начале ноября 1917 года в столицы союзников России через соответствующие посольства пошла телеграмма-нота за подписью Троцкого следующего содержания:

”Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов организовал 26 октября новое Правительство Российской Республики, в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого Правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне, в качестве Народного Комиссара по иностранным делам. Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов текст предложения* перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас посмотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров...”¹⁰⁶ Все посольства проигнорировали это и последующие обращения Советского правительства и его иностранного ведомства. Солдаты, сидевшие до сих пор в залитых грязью и кровью окопах, заедаемые вшами, терпеть больше не хотели. Революция могла устоять, если большевики окажутся в состоянии дать исстрадавшемуся народу мир и землю. Но первоочередным вопросом был мир.

Троцкий пишет, что не хотел занимать официальных постов. ”С довольно ранних, точнее сказать, детских лет я мечтал стать писателем. В дальнейшие годы я подчинил писательство, как и все остальное, революционным целям... После переворота я пытался остаться вне правительства, предлагая взять на себя руководство печатью партии... Но Ленин не хотел и слышать об этом”¹⁰⁷. Он требовал, по словам Троцкого, чтобы ”я стал народным комиссаром внутренних дел. Но я выдвинул национальный момент, столь важный в жизни России, и добился своего. Однако меня тут же определили наркомом иностранных дел, где, правда, пробыл всего три месяца...”

Троцкий, вошедший в состав первого Советского правительства, даже через несколько дней после назначения не мог еще освоиться в здании бывшего МИДа — его заедали текущие

* Имеется в виду Обращение рабоче-крестьянского правительства к народам и правительствам всех стран о заключении немедленного мира без аннексий и контрибуций. — *Ред.*

дела Петроградского Совета и Военно-революционного комитета. Однако, когда 29 октября он выступал с заключительным словом на заседании Петросовета, ему посыпались вопросы:

— Что Троцкий сделал за истекшие три дня в качестве народного комиссара иностранных дел?

— Как подвигается дело о мире?

— Когда будут опубликованы тайные договоры?

Троцкий понял: пост народного комиссара по иностранным делам требует конкретной работы и самое главное — перенесения в практическую плоскость вопроса о мире. Но тогда, 29 октября, он смог лишь сказать:

— Работа за прошедшие три дня свелась лишь к полуторачасовому пребыванию в министерстве. Я считал нужным попроситься со старыми служащими. К исследованию тайных договоров приступить еще не успел...

А было так. Когда впервые Троцкий приехал в старое министерство иностранных дел, то встретивший его там князь Татищев сказал, что никого на работе нет. Однако, рассказывал Троцкий, когда я потребовал собрать всех, оказалось, что здесь множество народу. В нескольких словах объяснил чиновникам новые задачи и заявил: "Кто желает добросовестно служить — останется на месте". Нового наркома утрюмо выслушали, но ни ключей, ни дел не передали. Назавтра Троцкий послал туда матроса Маркина, который не задумываясь, для острастки других, арестовал князя Татищева, барона Таубе, и дело пошло... Появились ключи, выложили папки с документами. Маркин нашел каких-то молодых специалистов, кажется, Поливанова и Залкинда, которые стали разбирать секретные бумаги и готовить тайные договора для публикации. Но лишь с назначением в состав Наркоминдела Чичерина приступили к подбору новых сотрудников и началась работа, как тогда говорили, по-пролетарски...

Думаю, любопытный эскиз портрета Троцкого — народно-комиссара иностранных дел — сделал Владимир Борисович Лопухин, камергер, действительный статский советник, директор Департамента общих дел российского МИДа. В своих воспоминаниях он так описывает Троцкого, прибывшего в министерство:

"...Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый... Желтая кожа лица. Ключообразный нос над жидкими усиками с опущенными концами. Небольшие, пронзительные черные (!? — Д.В.) глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тон-

кими губами. И — непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатков рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная борода придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народною фантазиею. Одет он был в потертый скотучишко. Крахмальный воротничок, рубашка были сильно изношены... Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой¹⁰⁸.

Директор царского департамента не пожалел красок, чтобы изобразить народного комиссара прямо-таки в карикатурном виде. Это и неудивительно. Ведь таких, как В.Б.Лопухин, Троцкий лишил будущего.

Едва стали обозначаться контуры октябрьской победы, как тут же выяснилось: проблема прекращения войны требует первостепенного, первоочередного решения. Большевики, беря власть, обещали народу землю, хлеб, мир. Землю начали раздавать. Она, земля, обещала дать хлеб. Ну а мир зависел не только от большевиков. Все смотрели на новое правительство: сможет ли оно выполнить свое обещание. А оно ежедневно заседало по многу часов. Ленин председательствовал на заседаниях, которые рассматривали множество дел. Вот лишь несколько вопросов, вынесенных на Совнарком в ноябре и декабре 1917 года.

1. Об освобождении генералов Марушевского и Маниковского на поруки.

2. О реквизиции золота и назначении премий за его обнаружение (вопрос вносят гг. Троцкий и Бонч-Бруевич).

3. Предложение Троцкого о необходимости следить за буржуазной печатью, за гнусными инсинуациями и клеветами на Советскую власть и опровержение их.

4. Обмен мнениями по поводу привлечения с.р. в министерства (так в тексте. — Д.В.).

5. О назначении г. Юлиана Лешиньского комиссаром по польским делам и Казимира Цеховского — его помощником.

6. Письмо священника Гапеина с предложением своих услуг Совету Народных Комиссаров в области отделения церкви от государства¹⁰⁹ и т.д.

Видимо, я утомил читателя, но на каждом заседании Совнаркома рассматривалось от 5 до 20 дел. Часто проходило не одно, а два заседания, продолжавшихся в общей сложности шесть—восемь часов. Фактически на ощупь отрабатывалась технология власти. Было много импровизации, субъективизма, случайного, мелкого. Некоторые вопросы рассматривались лишь для "истории", ибо практические следы их обнаружить

трудно. В основном решались, конечно, крупные проблемы, которые закладывали фундамент новой, большевистской государственности. Особенно много было вопросов, связанных с продовольствием, транспортом, топливом. Быстро пришел черед рассмотрения и международных дел. Народ требовал возвращения солдат с войны. Надежда, что немцы немедленно заключат мир без аннексий и контрибуций, не оправдалась. Лишь спустя месяц они выразили согласие на переговоры.

На заседании Совета Народных Комиссаров 27 ноября 1917 года, под председательством Ленина и при участии Троцкого, Глебова, Сталина, Елизарова, Петровского, Эссена, Дзержинского, Козьмина, Бухарина, Урицкого, Шляпникова, Каменева, Боголепова, Шлихтера, Стучки, Аксельрода, Свердлова, Менжинского, Бонч-Бруевича, был рассмотрен вопрос "О составе мирной делегации для переговоров с Германией и перемирии. Об инструкции для ведения переговоров". На том же заседании постановили: "Назначить делегацию из трех членов: Иоффе, Каменева и Биценко. Инструкция о переговорах — на основе Декрета о мире"¹¹⁰.

Ведомство Троцкого отправляло советскую делегацию в Брест-Литовск, где 2 декабря 1917 года было заключено соглашение о перемирии, а 9-го числа того же месяца начались мирные переговоры.

Троцкий ежедневно анализировал ситуацию и докладывал Ленину. Вначале все пошло как будто по плану. Представитель германо-австрийского блока Р.Кюльман заявил: Четверной союз согласен с предложением российской делегации заключить всеобщий мир без аннексий и контрибуций. Но для этого необходимо выполнить условие — с этим принципом должны согласиться страны Антанты. Троцкий вновь обратился к правительствам союзных стран с призывом присоединиться к советской формуле: мир без аннексий и контрибуций. Ответом было молчание. Впрочем, этого следовало ожидать. А между тем Советское правительство уже приступило к демобилизации русской армии.

Поскольку страны Антанты не ответили на призыв Советской России, Кюльман 27 декабря заявил, что державы блока в таком случае не могут принять советской концепции мира. 5 января 1918 года было заявлено, что Германия и Австро-Венгрия будут согласны на мир при условии отторжения от России территории более 150 тысяч квадратных километров. Цинично используя право наций на самоопределение, провозглашенное Советским правительством, Германия поставила условием мира независимость Украины, отделение от России Польши, Литвы, части Латвии вместе с Ригой и Белоруссии.

Помимо этого, по требованию немецкой делегации, Германии, кроме перечисленных территорий, должен был отойти Моонзундский архипелаг, а граница на землях южнее Бреста устанавливалась по согласованию с украинской Центральной радой.

Это известие Троцкий получил уже в Брест-Литовске, куда выехал по настоянию Ленина еще 24 декабря. Подъезжая к месту переговоров, он неоднократно выходил из поезда, встречался с руководителями местных советских органов власти, с жителями. Желая скорейшего подписания мира, они рассказывали, что русские окопы уже почти пусты. Троцкий не поверил, выехал на один-два участка фронта и убедился сам: немцам практически никто не противостоит. "Немецкий офицер, который провел Троцкого и сопровождающих его людей через линию фронта, докладывал, — как писал впоследствии министр иностранных дел Австрии Оттокар Черниш, — что советский комиссар, видя пустые русские окопы, все более и более мрачнел"¹¹¹. Троцкий понимал, что ему предстоит бороться за мир не с позиции силы.

Когда он доложил ситуацию Ленину, Председатель СНК сразу же, не колеблясь, стал настаивать на подписании, как он выразился, "грабительского мира". Но подчеркнул, что должен посоветоваться в ЦК и Совнарком. Все мы хорошо знаем, какие острые разногласия вызвал этот вопрос у руководителей победившего Октябрьского восстания. Мне нет нужды вновь возвращать читателя к этой известной в истории драме. Я же постараюсь остановиться на некоторых нюансах той ситуации и позиции Троцкого. У представителей непримиримого крыла большевиков и эсеров, решительно выступивших против "грабительского мира" (их сразу окрестили "левыми коммунистами"), было твердое убеждение: революционная Россия сможет дать отпор германскому империализму с помощью международного пролетариата. Иллюзии близкого европейского революционного пожара были очень сильны. По настоянию "левых коммунистов" Совнарком принял решение о выделении двух миллионов золотых рублей на революционную пропаганду за рубежом. Кстати, и сам Троцкий, приехавший в Брест-Литовск, привез с собой несколько кип листовок и брошюр, адресованных солдатам австро-германского блока. С этой целью он взял с собой на переговоры К. Радека, яркого пропагандиста, обладающего бойким пером публициста. Троцкий не только верил в близкий революционный подъем в Германии, других странах, но и пытался сам, как только мог, инициировать этот процесс. Не случайно, что генерал Гофман и Кюльман на пленарном заседании делегаций 9 января 1918 года выразили про-

тест против "агитационных воззваний советского правительства". На следующий день Троцкий решительно отменил этот протест: "Мы, представители Российской Республики, оставляем за собой и за нашими согражданами полную свободу пропаганды республиканских и революционно-социалистических убеждений"¹¹².

Троцкий, прогуливаясь вечером вместе с Каменевым, Покровским и Караханом по булыжной мостовой старой крепости, где разместились делегации, мучительно думал, как, не теряя революционного реноме России, вывести ее из войны. Он понимал, что российская делегация, ведя отдельные переговоры, дает большие козыри Четвертому союзу. Кюльман цинично, хотя и закамуфлированно, давал понять, что русская делегация пришла подписать лишь капитуляцию и что высокие рассуждения Троцкого о справедливости, праве наций на мир, самоопределение — лишь революционная косметика. Диктует тот, у кого сила. Едва ли Кюльман чувствовал, что державы блока, навязывая России кабальные условия, сами стоят на краю катастрофы. Размышляя вслух, проходя вдоль длинного забора из колючей проволоки, опутавшей крепость, Троцкий вполголоса говорил членам делегации:

— Будем затягивать переговоры. Когда я встречался с Владимиром Ильичем в Петрограде во время перерыва на переговорах, он дал нам такую инструкцию: тянуть словесные баталии как можно дольше. Если немцы предъявят ультиматум, то договор придется подписать на немецких условиях.

— Но нельзя же тянуть бесконечно... Немцы этого просто не позволят, — возразил Каменев.

— Есть надежда, что наша трибуна способствует повышению революционной напряженности в Четвертом союзе. Волна революции там пошла на подъем...

Когда приступили к обсуждению немецкого проекта мирного договора, Троцкий сражался почти по каждому пункту.

Оттокар Чернин, написавший позже книгу "В мировой войне", отводит немало страниц переговорам и характеристике Троцкого. Видимо, небезынтересно привести некоторые его наблюдения. "Троцкий, — пишет О. Чернин, — несомненно интересный, умный человек и очень опасный противник. Он обладает выдающимся ораторским талантом, способностью быстро и емко вставлять реплики, что я видел нередко, и притом с той наглостью, которая присуща его расе..." Оставим на совести Чернина его антисемитский выпад, отметив вместе с тем высокую оценку ума Троцкого. Автор книги отмечает, что глава советской делегации в определенные моменты становился циничным в своей откровенности: на мой вопрос, писал ав-

стрийский министр, какие условия Россия может принять, Троцкий ответил, что "он не наивный человек, как нам кажется. Он точно знает, что сила самый веский из всех аргументов и что Центральные державы в состоянии забрать у России ее провинции..."¹¹³.

В преамбуле документа высокопарно говорилось, что договаривающиеся стороны "желают жить в мире и дружбе". Троцкий с сарказмом высмеял этот тезис:

— Хороша дружба: один из друзей хочет ограбить другого... Чтобы дружба была теснее. Не хватает только слова "вечной"...

Троцкий решительно отменил эту фразу. Вспомним, 21 год спустя Сталин, правда, не в Брест-Литовске, а в Москве одобрит "дружбу" между СССР и фашистской Германией...

О ходе переговоров Троцкий регулярно информировал Ленина, ЦК партии, Совнарком. Некоторые документальные следы этой телеграфной связи сохранились, а я хотел бы познакомить читателей с одним документом, в абсолютной подлинности которого я сомневаюсь, несмотря на то что он приведен в Полном собрании сочинений В.И.Ленина. Сомневаюсь не в самом факте наличия этого документа, но в расставленных в нем акцентах. Я имею в виду разговор В.И.Ленина с председателем советской мирной делегации в Брест-Литовске Л.Д.Троцким по прямому проводу, который, как явствует из текста, состоялся 3(16) января 1918 года. Полное содержание разговора, который, как указано в примечании, "печатается по тексту телеграфной ленты", следующее:

1.

— У аппарата Ленин. Я сейчас только получил Ваше особое письмо. Сталина нет, и ему не мог еще показать. Ваш план мне представляется diskutabelным. Нельзя ли только отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после специального заседания ЦИК здесь? Как только вернется Сталин, покажу письмо и ему.

Ленин.

2.

— Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос. Сегодня выезжает к Вам делегация харьковского украинского ЦИК, которая уверила меня, что киевская Рада дышит на ладан.

Ленин.

3.

— Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим Вам совместный ответ.

Ленин.

— Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер.

*Ленин
Сталин*¹¹⁴.

Документ впервые напечатан в 1929 году в пятом номере журнала "Пролетарская революция" уже после депортации Троцкого из СССР. В "Биографической хронике" указано, что Ленин обсуждал вопрос со Сталиным где-то между 22 час. 50 мин. и 23 час. 30 мин. 3 января 1918 года¹¹⁵. Вызывает некоторое удивление то обстоятельство, что Ленин не может ответить Троцкому, пока не "посоветуется" с наркомнацем Сталиным. Возможно, в это время у Троцкого возникли на переговорах вопросы о самоопределении наций? Тем более что на очередном пленарном заседании 11 января 1918 года глава немецкой делегации Кюльман спросил Троцкого: "Каковы... способы волеизъявления у такого вновь возникшего народного целого, при посредстве которого оно могло бы фактически проявить свою волю к самостоятельности, и в частности к отделению?"¹¹⁶. На что Троцкий, как явствует из документов, ответил, что вопрос о будущей судьбе самоопределяющихся областей (Украина, Польша, Литва, Курляндия. — Д.В.) должен решаться в условиях полной политической свободы и отсутствия какого-либо внешнего давления. Но "голосование должно происходить после вывода оттуда чужеземных войск и возвращения на родину беженцев и выселенцев"¹¹⁷. Может быть, об этих шагах хотел узнать Троцкий у Ленина, а тот, прежде чем ответить, непременно хотел "посоветоваться" по этим вопросам со Сталиным? Но Сталин был слишком заурядным человеком и едва ли мог обогатить Ленина в этом сложном вопросе...

Почему я сомневаюсь в абсолютной подлинности этого документа? Менястораживает вот какое обстоятельство. Когда Троцкий был окончательно предан анафеме и наступила "полночь эпохи" — роковые 1937—1938 годы, на Советскую землю пришла не только ночь "длинных ножей", но и пора мрачных спектаклей сталинских фарисеев, приложивших руку к фальсификации событий прошлого. В этот круг лиц, переписывавших историю, порой попадали и достаточно известные люди. Я не знаю, по своей ли воле Е.Стасова и В.Сорин написали записку в ЦК по поводу необходимости "уточнения" протокольных записей ЦК по Брестскому договору и исправления "неправильного освещения роли Сталина в этом вопросе". Впрочем, позволю привести несколько выдержек из этого пространного документа, написанного 7 мая 1938 года, который Сталин, ознакомив-

пись и, видимо, одобрив, направил для информации Молотову, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Андрееву.

В записке в ЦК ВКП(б), в частности, говорится:

"Заседания ЦК в 1917—1918 гг. не стенографировались... Черновые записки набрасывались на самом заседании ЦК одним из следующих трех членов ЦК — тов. Стасовой, Свердловым, Иоффе, которые сами принимали участие в прениях и поэтому не могли вести мало-мальски обстоятельных записей... Слова, помещенные секретарями в записи речи Ленина на заседании ЦК 23 февраля (1918 г. — Д.В.): "Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписывать" ("Протоколы", стр. 249, Сочинения Ленина, т. XXII, стр. 277), а равно фраза, приписанная товарищу Сталину в его речи на том же заседании: "Можно не подписывать, но начать мирные переговоры" ("Протоколы", стр. 248) — представляют собой явное недоразумение, явное противоречие со всеми известными выступлениями товарища Сталина по вопросу о Брестском мире... Протокольная запись от 23 февраля написана рукой Иоффе, в то время ярого троцкиста, всячески боровшегося против заключения мира и нисколько, конечно, не заинтересованного в том, чтобы с максимальной тщательностью и точностью записывать речи своих противников — Ленина и Сталина..."¹¹⁸ Далее Сорин и Стасова предлагают в новых изданиях ленинских работ "внести исправления" по всем этим вопросам.

Нетрудно представить, в каком направлении задним числом могли идти "исправления" всего того, что относилось к Сталину или Троцкому. Будущий первый генсек большевистской партии занимал пассивную, выжидательную, центристскую позицию по вопросу о Брестском мире. Когда он стал "корифеем", потребовалось, чтобы его позиция была более четкой, ленинской, а линия Троцкого, естественно, предательской. Хотя сам Ленин с полной определенностью оценил линию главы советской делегации еще 8 марта 1918 года в своем заключительном слове на VII съезде партии: "...я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума — мы сдаем... Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан"¹¹⁹.

Такова была оценка Троцкого Лениным. Сталин, кстати, на

этом экстренном съезде даже не присутствовал и, следовательно, никакого влияния на окончательное решение вопроса не оказывал. Вот почему возникают у меня сомнения, особенно в свете "уточнений" в 1938 году протоколов и ленинских документов, в том, что вождь революции "советовался" со Сталиным 3 января 1918 года. Но, правда, оговорюсь, это мое предположение опирается лишь на ряд косвенных соображений, вроде того, что Сталину после изгнания Троцкого ничего не стоило подготовить нужную "телеграфную ленту" или "отредактировать" те или иные документы. Но я сильно отвлекся и забежал вперед.

Перед вторым раундом переговоров, который начался 30 января (по новому стилю) 1918 года, Троцкий уже хорошо знал, что в Совнарком, Петроградском Совете, ЦК, в партии вообще с новой силой вспыхнули разногласия по вопросу о войне и мире. Он помнил, что 8 января на совещании большевистских руководителей и некоторых делегатов, приехавших на III Всероссийский съезд Советов, после зачитания тезисов Ленина начались ожесточенные прения. Решили в конце дебатов проголосовать: за ленинскую позицию (сепаратный, аннексионистский мир) — 15 голосов, за "революционную войну" с Германией — 32 голоса, за позицию Троцкого ("ни мира, ни войны") — 16 голосов. Назавтра состоялось обсуждение этого же вопроса в ЦК. Результаты были уже другими. За "революционную войну" — 2, против — 11, воздержался — 1. За затяжку переговоров с Германией — 12, против — 1. За формулу Троцкого — 9 человек, против — 9. Пожалуй, тогда лишь Ленин и Зиновьев глубже всех понимали ситуацию. Троцкий же находился в плену своей теории перманентной революции. 13 января состоялось объединенное заседание членов ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров, входивших в Советское правительство; на нем большинство голосов высказалось за формулу Троцкого: "войны не вести, мира не подписывать", которую и предполагалось предложить III съезду Советов. Формула Троцкого целиком исходила из "революционной" оценки международной ситуации. Но вероятность европейского революционного пожара в тот момент была значительно ниже, чем она представлялась советскому наркому по иностранным делам. Думаю, в концентрированном виде свое видение ситуации Троцкий изложил в заключительном слове на III съезде Советов. Вот его наиболее принципиальные соображения:

"...Мир поистине демократический и общий возможен лишь в том случае, когда вспыхнет победоносная мировая революция. Мы верим в нее...

Мы едем сегодня глубокой ночью в Брест-Литовск в гораздо лучших условиях, чем мы оттуда уезжали. Мы получаем возможность сказать Кюльману, что его милитаристический карантин, которым он намеревался оградить курляндских помещиков от заразы революции, недействителен, чему доказательством являются Вена и Будапешт (там нарастали революционные волнения. — Д.В.). Мы не встретим также там представителей Рады, так как Цент. Исполн. Комитет Советов Украины признал единственно полномочным вести переговоры о мире Совет Народных Комиссаров... Они не сумеют нам противопоставить угрозу наступления, ибо у них не может быть уверенности в том, что германские солдаты пойдут в наступление. Мы будем, нимало не колеблясь, продолжать демобилизацию армии, ибо мы продолжаем формировать социалистическую красную гвардию”.

Свою речь Троцкий, как всегда, закончил эффектно: ”И если германский империализм попытается распясть нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап к своему отцу, обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом: ”Слышишь?” И международный пролетариат ответит — мы твердо верим в это: — ”Слышу!”¹²⁰

Вера, подобная идеологическому гипнозу, толкала Троцкого, как всегда, на крайне левацкие позиции. Он, так много пробывший на Западе и не устававший критиковать социал-демократию за нерешительность, увлечение реформизмом, после успешного Октябрьского переворота с новой силой поверил в возможность и даже неизбежность революционного взрыва в Европе. Этот взрыв, по его мнению, сразу обессилит и развалит Четверной союз.

Троцкий в своих сочинениях утверждает, что на совместном заседании ЦК партии большевиков и эсеров 25 января 1918 года его точка зрения одержала верх. Какие-либо документальные свидетельства этого заседания мне обнаружить не удалось.

Вернувшись в Брест-Литовск, Троцкий почувствовал, что германская сторона резко ужесточила свои требования. Он сообщает Ленину, как явствует из документов, которыми располагал И.Дейчер, свою окончательную позицию: ”Мы заявим, что кладем конец переговорам, но не подпишем мир. Они не в состоянии предпринять наступление против нас. Если они перейдут в наступление, наше положение не будет хуже, чем сейчас... Нам нужно Ваше решение. Мы можем затягивать переговоры еще один, два, три или четыре дня. После этого переговоры должны быть прерваны”¹²¹.

Троцкий по-прежнему находился в плену иллюзий. Он не

сомневался в грядущем революционном взрыве в Европе и, несмотря на предостережение своих военных консультантов адмирала В.Альтфатера, генерала А.Самойло и капитана В.Липского, не верил в реальность наступления германских войск. Троцкий находился во власти мифов, которые сам создал в своем сознании. Даже после того как граф Чернин, глава делегации Австро-Венгрии, конфиденциально посетил Троцкого в его номере и предупредил: "Немцы готовятся наступать. Они будут наступать! Не заблуждайтесь!" — глава советской миссии остался при своем мнении. Что это было? Переоценка своих прогнозов, неверие в возможность немецкого наступления, стремление поразить мир, вызвать искусственный рост революционных настроений в Европе или просто затмение сознания? Едва ли кто теперь ответит на эти вопросы с полной достоверностью. Но одно несомненно: брест-литовская эпопея показала ярко выраженную индивидуальность Троцкого в оценке конкретной ситуации. И его самоуверенность. Такие люди далеко не всегда предсказуемы. Личное "я" для них значит слишком много. Зиновьев, например, пронизательно подметив эту черту характера и интеллекта наркома, писал: "Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам г. Троцкий, ибо на этой "платформе" буквально не остается места даже для единомышленников"¹²². Троцкий любил не просто революцию, он любил находиться в самом ее центре. Но вернемся к драме Брест-Литовска...

10 февраля 1918 года генерал Гофман приказал своим помощникам повесить на стене политическую карту, где было отмечено, какие территории Советской России предполагается аннексировать. Троцкому нужно было делать драматический выбор. Германская сторона дала понять, что она больше не потерпит затягивания переговоров и "будет поступать согласно национальным интересам". На этом памятном последнем заседании 10 февраля Троцкий выступил с заключительным заявлением, полным революционной убежденности и трагизма. Вот некоторые фрагменты этой речи:

"...Наступил час решений... В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы про-

изводить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов... Ни один честный человек во всем мире не скажет, что продолжение военных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества. Я глубоко уверен, что германский народ и народы Австро-Венгрии этого не допустят... Мы выходим из войны... Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий..."¹²³

Троцкий, выступавший обычно без текста, на этот раз не отрывался от заранее написанного документа. Закончив читать, он обвел зал своими голубыми глазами. Наступила звенящая тишина. Все были ошеломлены: война прекращается, армия демобилизуется, а мир не подписывается! Такого прецедента в истории никто не мог припомнить. Наконец генерал Гофман громко произнес:

— Неслыханно!

Троцкий, помолчав, словно собираясь с мыслями, произнес еще несколько фраз:

— Мы исчерпали свои полномочия и возвращаемся в Петроград. Вот текст официального Заявления делегации РСФСР о прекращении войны.

Троцкий положил на стол лист бумаги, где было всего две фразы:

"Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Брест-Литовск. 10 февраля 1918 г.

Председатель Российской мирной делегации
Народный Комиссар по иностранным делам

Л.Троцкий

Члены делегации:

Народный Комиссар госуд. имуществ *В.Карелин*
А.Иоффе, М.Покровский, А.Биценко

Председатель Всеукраинского ЦИК *Медведев*"¹²⁴.

Едва ознакомившись с этим лаконичным документом, чле-

ны делегаций стали подниматься со своих мест. В зале бывшей гарнизонной офицерской столовой, где проходили переговоры, казалось, стало темнее. Граф фон Кюльман, глава германской делегации, громко, угрожающе заявил, что ввиду случившегося боевые действия будут возобновлены. Троцкий, выходя с делегацией из зала, не оборачиваясь, бросил Кюльману:

— Пустые угрозы!

Вернувшись в Петроград, Троцкий был глубоко убежден, что он не только обеспечил выход России из войны, но и неожиданным ходом "посрамил" империализм. Он никак не хотел понять, что его позиция, больше опирающаяся на нравственные параметры, совсем не учитывала цинизм политики. Выступая 16 февраля в Петроградском Совете, Троцкий, упираясь своим неожиданным "успехом" на переговорах, заявил:

"Пусть Кюльман поедет в Германию, покажет своим рабочим свой мир и объяснит им, почему там нет нашей подписи. Я считаю в высшей степени невероятным наступление германских войск против нас, и если возможность наступления перевести на проценты, то 90 процентов против, а 10 процентов за... Сейчас послать немецких солдат против России, которая громко заявила, что вышла из состояния войны, — значит безусловно вызвать могущественный революционный протест со стороны германских рабочих... И этот наш шаг по отношению к охране нашей страны является в данный момент наилучшим"¹²⁵

Глубокое разочарование, равносильное жестокому поражению, наступило быстро. 18 февраля, через два дня после этой эйфорической речи Троцкого, австро-германские войска, не встречая сопротивления, начали наступление по всему фронту.

Потрясенный Троцкий шлет экстренный запрос:

"Берлин. Правительству Германской империи.

Сегодня, 17 февраля, нами получено сообщение... от генерала Самойло... что с 18 февраля в 12 часов дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер... Просим разъяснения недоразумения по радио.

Народный Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий*¹²⁶.

Но недоразумения не было. Германские войска начали наступление по всему фронту. Вскоре немецкие сапоги топтали землю в Двинске, Вендеме, Минске, Пскове, десятках других городов и сел России. Вот как обернулись "90 процентов" за то, что "этого не случится". Так были сурово наказаны самона-

деянность, авантюризм и революционная открытость дипломатии Троцкого. Вечером 18 февраля после ожесточенной борьбы с "левыми коммунистами" (7 — за, 5 — против, 1 — воздержался) ЦК партии по настоянию Ленина решил подписать "позорный и грабительский мир". На другой день, 19 февраля 1918 года, Троцкий подготовил текст радиogramмы правительству Германской империи, которую подписали Председатель СНК и нарком по иностранным делам. В ней говорилось: "Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четвертого союза в Брест-Литовске. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на точные условия мира, предлагаемые германским правительством, будет дан безотлагательно"¹²⁷. Одновременно Троцкий по поручению Ленина написал воззвание СНК "Социалистическое Отечество в опасности", опубликованное 22 февраля 1918 года в "Известиях" за подписью Председателя Совнаркома.

Троцкий вспоминал позже, что "проект воззвания обсуждался вместе с левыми эсерами. Их смутил заголовок. Ленин же, наоборот, очень одобрил:

— Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо.

В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восстал против этой угрозы как нарушающей "пафос восстания".

— Наоборот! — воскликнул Ленин. — Именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?"¹²⁸

Несколько позже Совет Народных Комиссаров действительно принял постановление "О красном терроре" (5 сентября 1918 г.), на основании которого классовых врагов следовало заключать в места лишения свободы, а уличенных или заподозренных в контрреволюционной деятельности расстреливать¹²⁹. Не все постановления Совнаркома исполнялись. Но это исполнялось безусловно.

ЦК партии большевиков, Совнарком, ВЦИК действовали тогда по двум направлениям: быстрейшее заключение крайне несправедливого мира и формирование частей Красной Армии,

организация партизанских отрядов для отпора интервентам. Вся панорама этих событий известна читателю. Позволю лишь коснуться позиции Троцкого, его шагов по спасению своей репутации.

21 февраля, когда был получен германский ответ-ультиматум, стало ясно, что условия будут еще более тяжелые. Берлин отводил для ответа на ультиматум 48 часов. 23 февраля состоялось заседание ЦК РСДРП(б). За поддержку предложения Ленина — немедленно подписать "грабительский мир" — голосовало 7 человек, против — 4, воздержалось — 4. Думаю, здесь сыграло большую роль заявление В.И.Ленина о том, что в случае непринятия его предложения он уйдет с поста Председателя Совнаркома. Ленин получил большинство только потому, что Троцкий и его сторонники воздержались от голосования.

В этот же день состоялось заседание ВЦИК, которое продолжалось до утра. Ленину удалось победить и здесь при 126 голосах "за", 85 — против и 26 воздержавшихся. Ленин и Троцкий немедленно телеграфировали в Берлин о согласии Советского правительства принять условия мира и о направлении в Брест-Литовск новой делегации. В ее состав для подписания мира с большим трудом были назначены: глава делегации Г.Сокольников, члены — Г.Петровский, Г.Чичерин, Л.Каракан, консультанты — А.Июффе, В.Альтфатер, В.Липский. Трудность заключалась в том, что никто не хотел удостоиться "чести" подписывать этот договор, убийственный и в то же время спасительный. Советская делегация выехала утром 24 февраля. Дорожное сообщение было уже нарушено, и часть пути делегации пришлось преодолеть на дрезине и даже пешком. По сравнению с ультиматумом 21 февраля условия мира были еще более ужесточены (Турция претендовала на ряд областей в Закавказье). Сокольников отказался от какого-либо обсуждения договора и сразу подписал его 3 марта, заявив, что пусть весь мир видит в этом документе акт империалистического насилия.

Думаю, как бы ни говорил Троцкий позже, его позиция по сравнению с ленинской в те дни была явно ущербной. Однако случилось так, что ближайшее будущее подтвердило историческую правоту и Ленина, и Троцкого: еще до конца 1918 года династии Гогенцоллернов и Габсбургов рухнули, что привело к аннулированию Брестского мира. Ленин как бы предвидел, что этот договор долго жить не будет. И оказался прав. Троцкий позже в общих чертах признавал прозорливость Ленина в этом вопросе, но считал, что и его точка зрения была не совсем ошибочной.

Чтобы лучше понять позицию Троцкого по Брестскому ми-

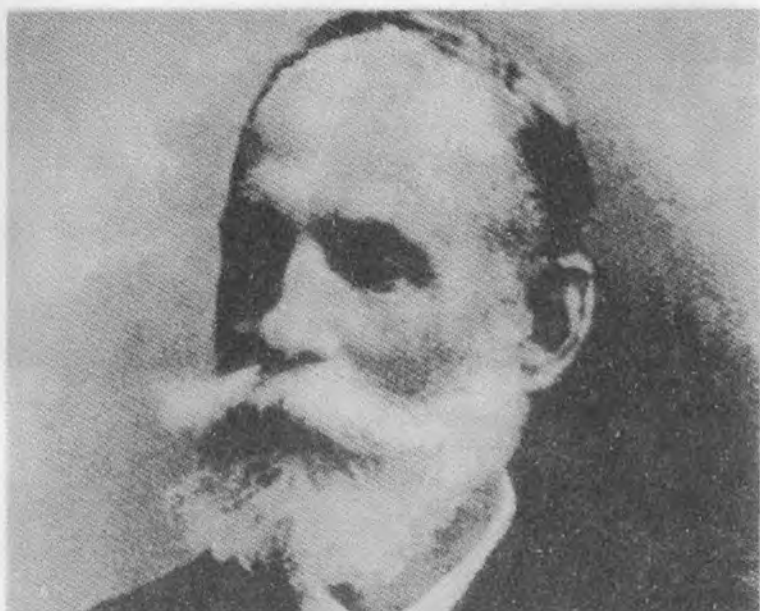
Лев Бронштейн.

Лейба Бронштейн
в школьные годы.

Конец XIX века.
Одесса, где Троцкий
учился в реальном
училище имени
Святого Павла.

Родители Троцкого — Давид и Анна Бронштейн.

Левъ Давидовичъ Троцкій-Бронштейнъ.

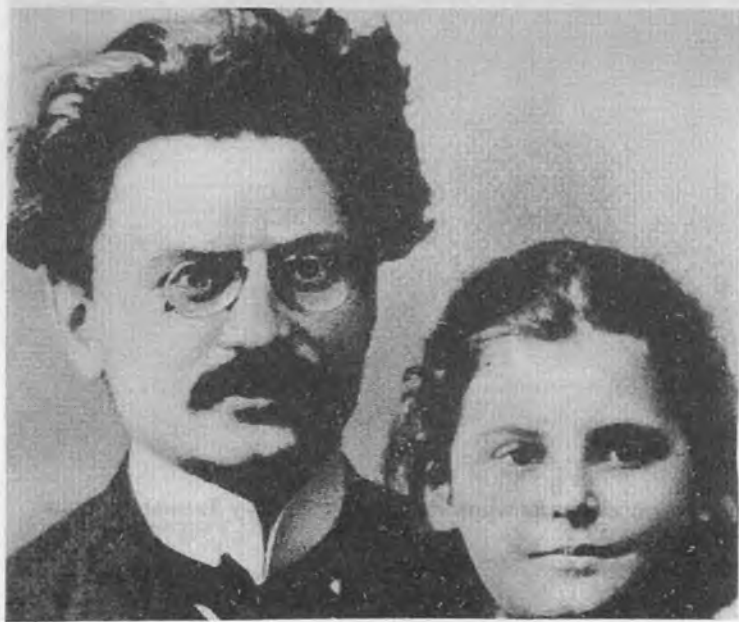

1898 г. Первая ссылка Троцкого (на снимке — он третий слева в верхнем ряду).

С дочерью Ниной. ►

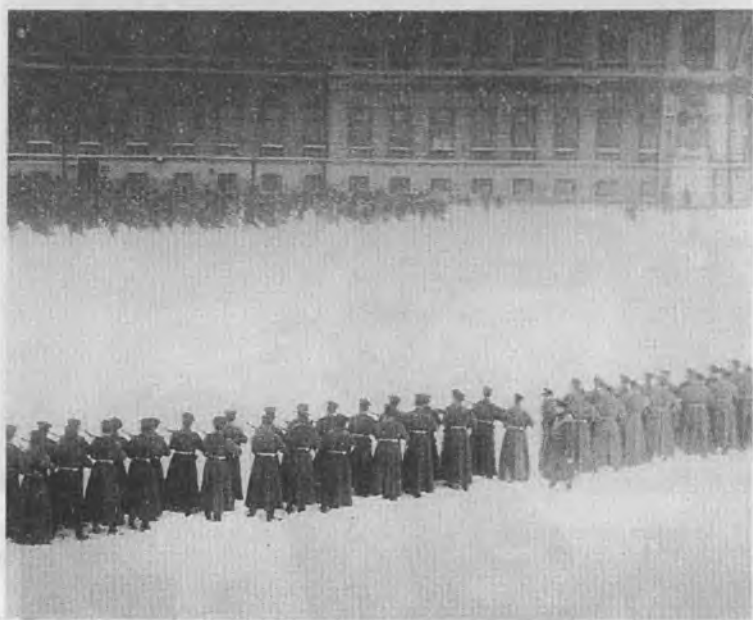

Лев Бронштейн с первой женой Александрой Соколовской.

Петербург, 1905 г. А.Л.Гельфанд (Парвус), Л.Д.Троцкий и Л.Г.Дейч.

Первая русская революция. Расстрел рабочих у Зимнего дворца
9 января 1905 г.

Октябрь 1905 г. Демонстрация в Москве.

Царский Манифест 17 октября 1905 г.

1907 г. Вторая
ссылка
Троцкого
(на снимке —
он второй
слева).

PARIS
Signature du Titulaire.
Léon Trotsky

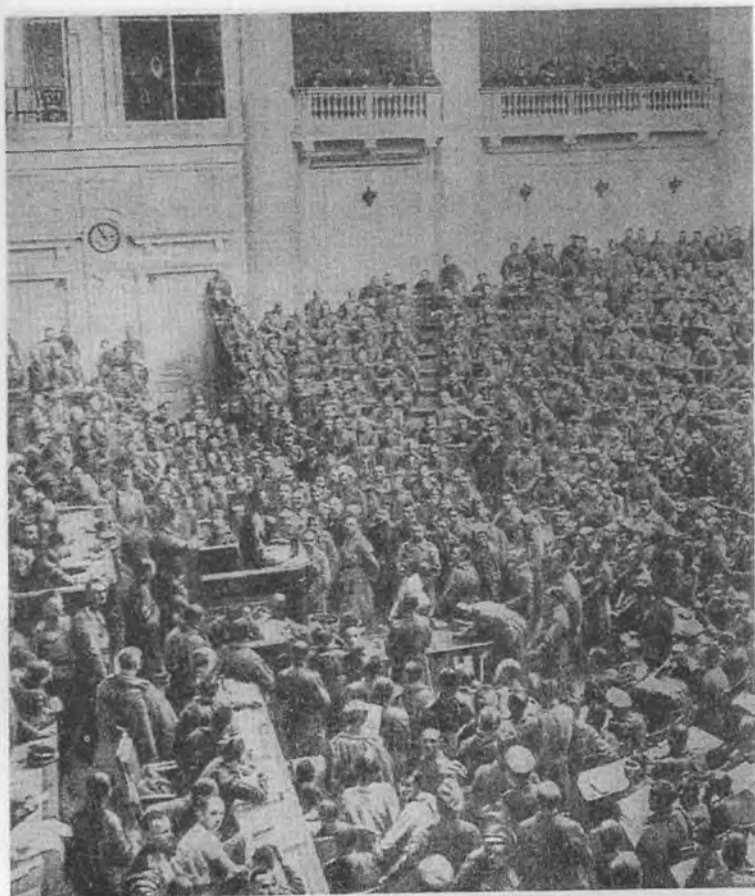
Французский паспорт Л.Д.Троцкого.

Вторая жена Троцкого Наталья Седова

Петроград, 4 мая 1917 г. Встреча Троцкого на Финляндском вокзале.

Февраль 1917 г. Заседание Петроградского Совета в Таврическом дворце.

Февраль 1917 г. Заседание Петроградского Совета в Таврическом дворце.

СОВЕТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Всероссийскій Съездъ Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ постановилъ:

Составить первое правительство Советской Республики, состоящее изъ следующихъ членовъ: Председатель — **Н. С. КУЗНЕЦОВЪ**, Члены: **Л. Д. КРАСИНЪ**, **П. И. СТЕЦКИЙ**, **Н. П. АВДЕЕВЪ**, **В. И. СТИЛИНЪ**.

Председатель — **Н. С. КУЗНЕЦОВЪ**, Члены: **Л. Д. КРАСИНЪ**, **П. И. СТЕЦКИЙ**, **Н. П. АВДЕЕВЪ**, **В. И. СТИЛИНЪ**.

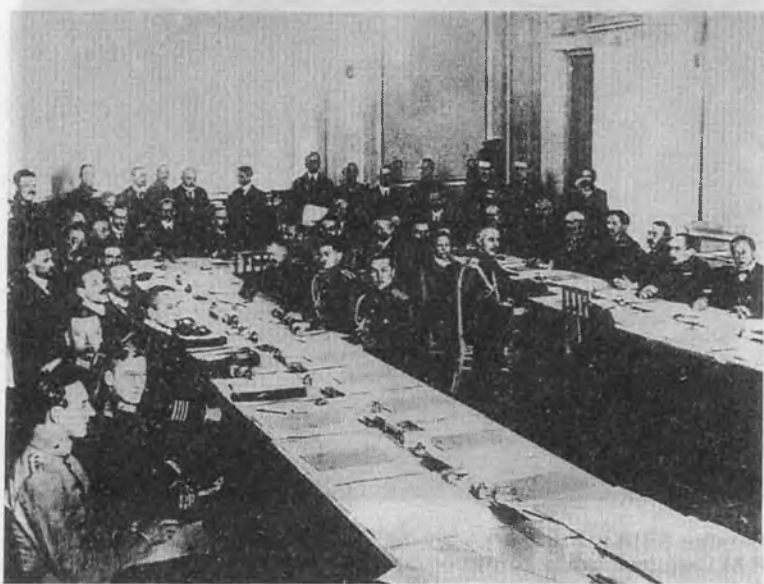
1917 г. Первое правительство Советской России.

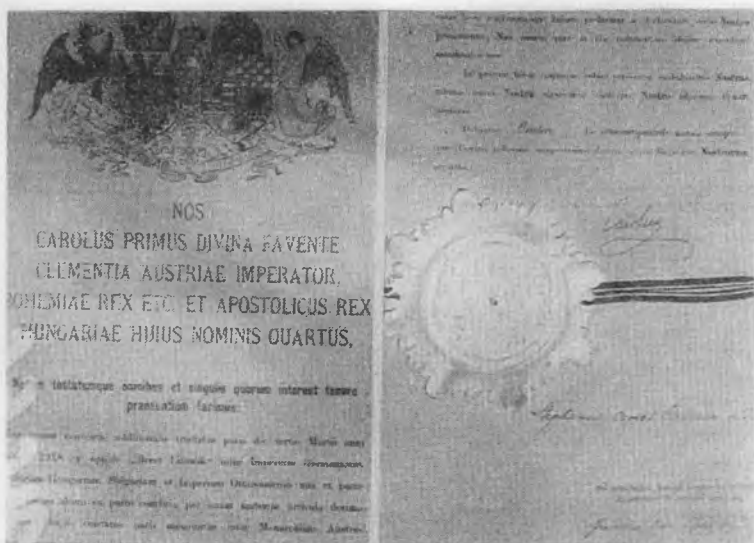
17 октября 1918 г. Заседание Совета Народных Комиссаров в Кремле. Председательствует В.И. Ленин, справа — Л.Д. Троцкий.

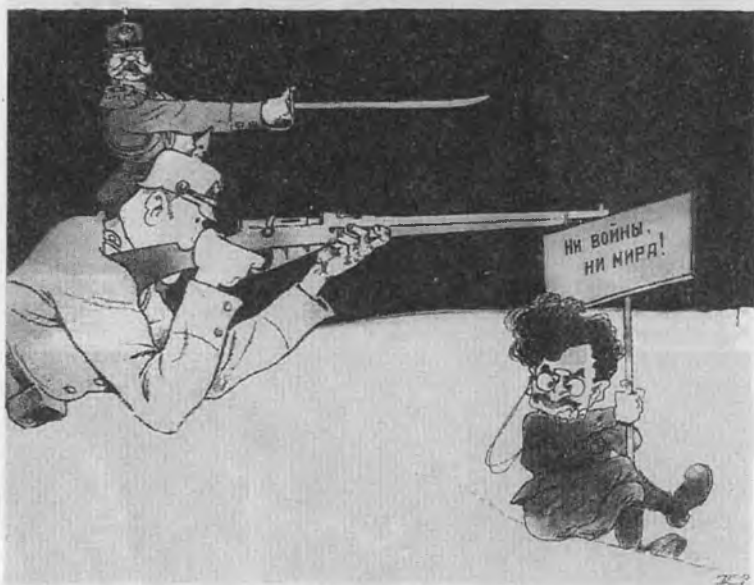
Октябрь 1918 г. В.Д. Бонч-Бруевич, Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин и Я.М. Свердлов среди сотрудников секретариата СНК и ВЦИК.

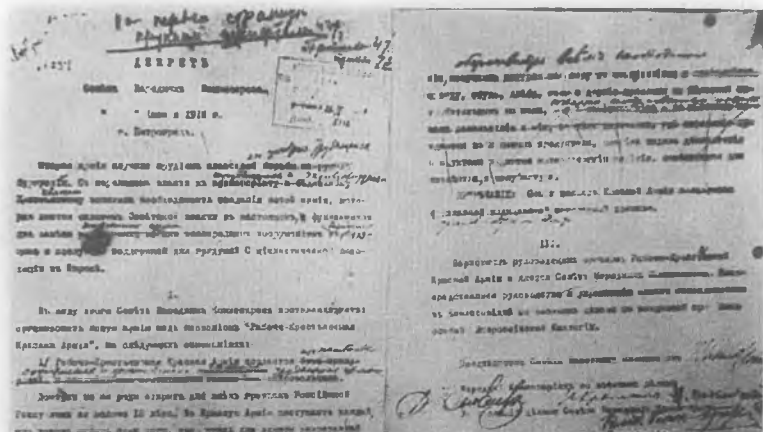
1918 г. Мирные переговоры в Брест-Литовске. Глава советской делегации нарком по иностранным делам Л.Д.Троцкий.

3 марта 1918 г. Брестский мирный договор.

30-е гг. Карикатура на позицию Троцкого во время брестских переговоров.

Январь 1918 г. Декрет СНК об организации Красной Армии с поправками Ленина.

Сентябрь 1918 г. Члены Реввоенсовета Республики: Л.Д.Троцкий, И.И.Вацетис, В.А.Антонов-Овсеенко, К.Х.Данишевский, К.А.Мехоношин.

Председатель
Реввоенсовета
Республики
Л.Д.Троцкий.

◀ 1918 г.
Наркомвоен
Троцкий у
своего поезда
среди членов
РВС
Восточного
фронта.

Сентябрь 1918 г. Троцкий во время поездки на Восточный фронт.

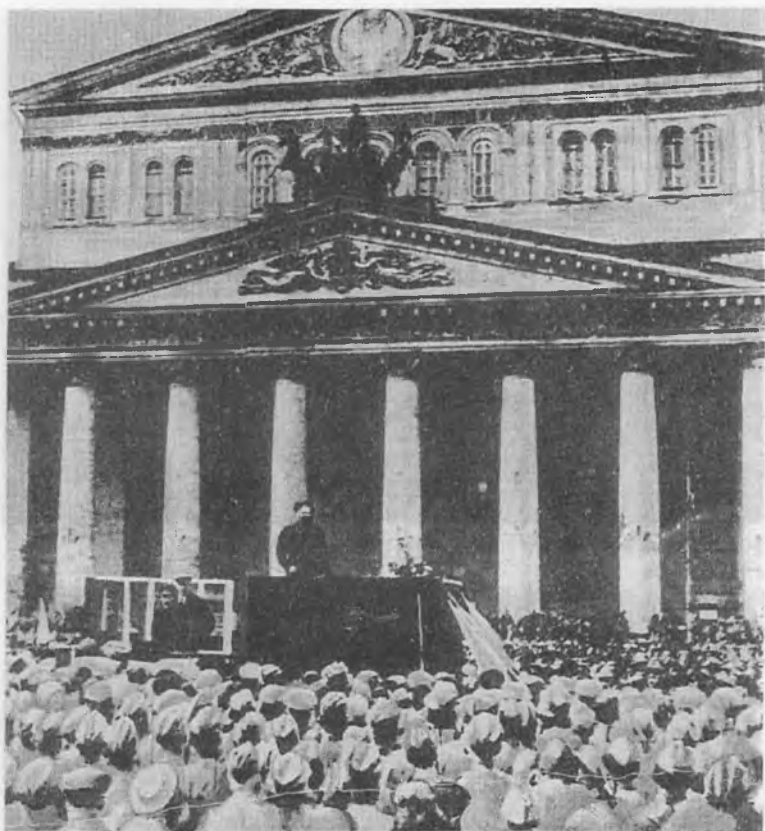

Напутствие уходящим на фронт.

Август 1921. Заместитель Председателя РВС Республики Э.М.Склянский, Председатель РВСР Л.Д.Троцкий, главком С.С.Каменев.

Государственный архив Республики Беларусь

1920 г. Троцкий выступает перед бойцами, отправляющимися на Польский фронт.

С. М. Бондарев. Прозаическое творчество. М.: Советский писатель, 1987. С. 112.

1922 г. Троцкий на параде выпускников Военной академии РККА на Красной площади.

Троцкий во время строевого смотра войск.

ПРИКАЗ
Председателя Революционного Воен-
ного Совета Республики
7 октября 1919 г.

Уважаемые товарищи!
Приступаю к выполнению обязанностей, возложенных на меня Советом Республики. Буду всеми мерами способствовать успеху борьбы за свободу и независимость нашей Родины.
Л. Д. Троцкий.

НАЧАЛЬНИК
КУРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
1919 г.

Ваше письмо получено. Мы поддерживаем вас и желаем вам успеха.
Л. Д. Троцкий.

ПРИКАЗ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ

по Красной Армии и Красному Флоту.
11 января 1919 г. № 76. г.р. Балачою.

ЛЕВО-ЭСЕРОВСКИЕ, АНАРХИЧЕСКИЕ и ПРОЧИЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.
Мною получены известия о деятельности этих контр-революционных групп в Курском военном округе.
ПРИКАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА ГРУППЫ КУРСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ:

Дело эсеровских авантюристов во главе с Сабановым, Калашниковым, Цивиковым в районе Курска, Курдюки и Валуевки обнаружилось в течение своего рабоче-крестьянского правительств. Они тайно сформировали лево-эсеровский штаб в составе капитана 10-го Убр. артиллерийского полка Рымана, Калужина, Вилева, Далева и Цивикова. Главные центры штаба имели роты, сводные батальоны с Анжерского фронта под командой Кириллова. В Бутово были организованы Роты во главе с Сабановым и Муромским. Они из уральца в войсках. События показали только то, что организаторы штаба имели в виду: Балачою надо не дать уйти из района Валуйского лево-эсеровского центра. 28 декабря Курские эсеровские штабы заехали в окрестности и часто расстреляны. 29 декабря им закрыто заключение. Были подбиты левые эсеровские штабы: группа в районе Валуевки во главе с Цивиковым, Сабановым, третий центр эсеровских штабов. Отряд Сабанова в 14 тысяч человек участвовал в борьбе против контр-революции. Было установлено, что в этом штабе и в отряде Сабанова и Кириллова. Не имея возможности бороться с лево-эсеровским правительством при поддержке от левых эсеров, эсеровский штаб от Харьковского губернского, по приказу от Украинской и Российской партий, захватил взоры, обнаруживались в один интрижку. Вскоре, с тем, что авантюристы были эвакуированы отсюда в сторону советской армии широким распространением информации, в которых они принимали участие в будущем. В один из последних дней января прошлого. Деятельность эсеровских штабов не в малой степени показана восточным советским правительством и государством и т. д. Как только эти эсеровские штабы были в советских войсках, группа Курского направления, войска же в Курск был послан один отряд войска. Часть эсеровского правительств, соединив оставшиеся части Советской власти Архангельск, Мурманск, Мурманск, Мурманск, Мурманск, Мурманск, Мурманск, которые все условия были выполнены. События, описанные в приказе и в приказе Курских, расстреляны и разрушены эсеровцами и их соучастниками, расстреляны.

В настоящее время нам известнейший район Украинской лево-эсеровской, и плавательная Советской власти. Главным образом себя арестовали эсеровские украинской коммунистической партии, Главным образом себя арестовали эсеровские украинской коммунистической партии.

Документы гражданской войны за подписью Л.Д.Троцкого.

СВ
ИНА

ДАТЬ
ТЬ

М. Сталинскому
По словам
Ум...

Речь Т. Троцкого

НА МАССОВОМ МИТИНГЕ В ГОР. ГОМЕЛЕ,

10 МАЯ 1920

ПРОТОКОЛ

Присутствовали: Т. Троцкий, Кравченко, Давидов, Бурманов, Шехтман, Г. Г. Сидоров, Димов.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

КАВАЛЕРИСТАМ КОРПУСА МАМОНТОВА.

Кавалеристы!
Кавалеры Мамонтов!
Обращаюсь к вам в первую очередь как к кавалеристам и кавалеристкам.

Исторически белогвардейские генералы как порода не существовали в Советской России. После разгрома Колчака их порода как порода исчезла.

Первые кавалеры нашей революции — это кавалеры Красной Армии. Они были кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

И вы должны бороться с белогвардейскими генералами, но и с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Исторически белогвардейские генералы как порода не существовали в Советской России. После разгрома Колчака их порода как порода исчезла.

Первые кавалеры нашей революции — это кавалеры Красной Армии. Они были кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Ваша задача — это не только бороться с белогвардейскими генералами, но и бороться с буржуазными генералами. Вы должны быть кавалерами не только в военное время, но и в мирное.

Троцкий
В. Троцкий

Председатель Редакционного Комитета Советов Республики
Народный Комиссар по Восточным и Средним Белым.
Москва, 24 августа 1919 г.
И. Троцкий.

Красная конница в атаке.

Бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Литературно-художественное издательство Советского Рабочего Молодежника

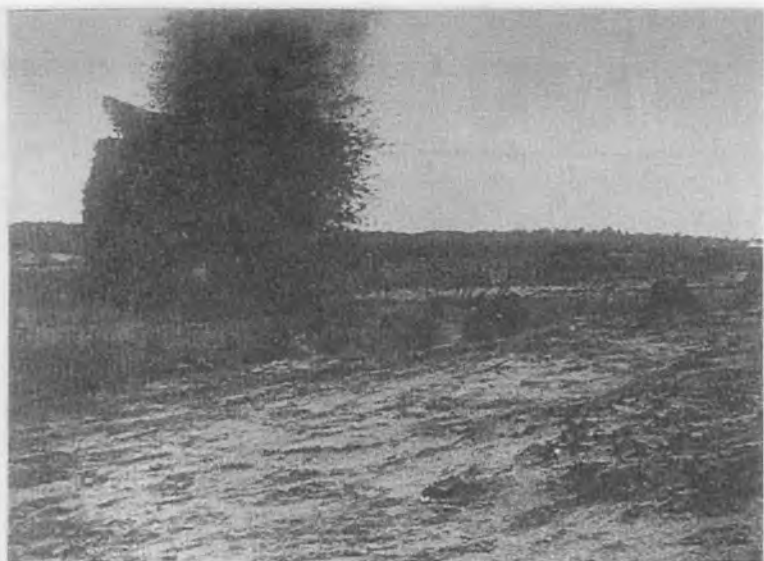
Литературно-художественное издательство Советского Рабочего Молодежника

НА КОНЯ, ПРОЛЕТАРИЙ!

*Работая революция должна создать
могущественную красную конницу.
Коммунист должен стать наваьеристом*

Л. Жюцки

1918 г. Бои за взятие Казани.

Улица Рубиня в Казани после взятия города.

КАЗАНЬ ВЗЯТА СОВѢТСКИМИ ВОЙСКАМИ.

Съ поѣзда Народнаго Комиссара по военнымъ дѣламъ тов. Троцкаго.

Казань пала подъ бурно стремительнымъ натискомъ красныхъ войскъ. Врагъ сложенъ и бѣжитъ. Солдаты дрались какъ львы. Красная армія достойна красной Советской Россіи. Они съ честью носять впереди знамя коммунизма. Пусть пролетарская Россія дозвонитъ дня сдѣласть

Все для краснаго фронта, все для окончательной побѣды.

10 сентября.

Казань.

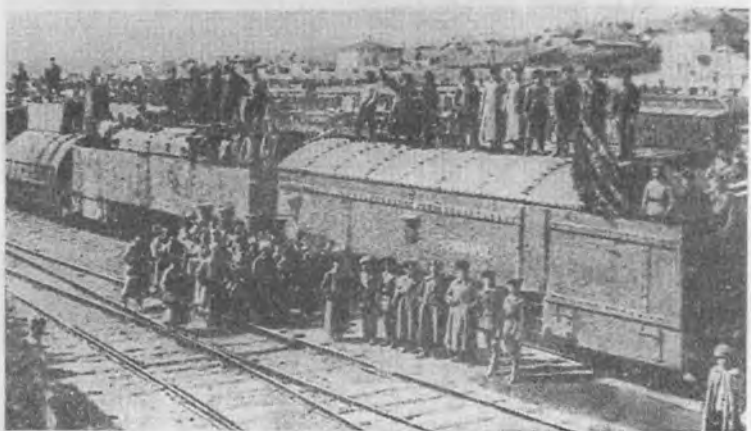
СВЯЖСКОЕ, 10, IX. Въ 3 часа 30 минутъ 10, IX, нами было проведено десантъ на лѣвомъ берегу Казани, въ районѣ Татарской слободы, послѣ чего морска, перейдя въ наступленіе, ворвались въ Казань, и къ 12 часамъ Казань пала. Бѣлогвардейцы бѣгутъ по Симбирскому шоссе и прилегающимъ къ нему проселочнымъ дорогамъ. Наши летчики сбросили въ этомъ районѣ свыше 11 пудовъ бомбъ и провозвели среди отступающихъ страшную панику.

10 сентября 1918 года.

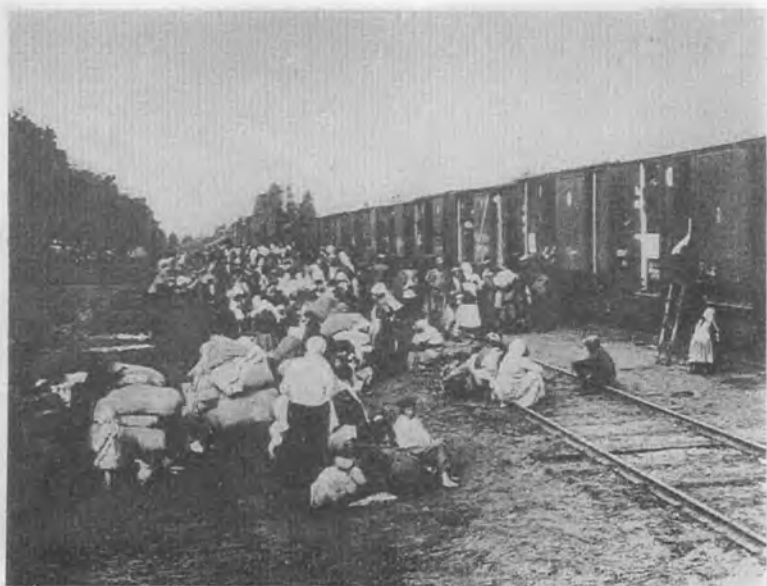
Кис 242

1918 г. Красные войска вступают в Самару.

1918 г. Бронепоезд "Черноморец" под Царицыном.

Беженцы гражданской войны.

1919 г. Боевые действия в Сибири.

1918 г. Кронштадт. Солдаты Красной Армии у моря.

Март 1921 г. Наступление на мятежный Кронштадт.

Допрос матроса в штабе подавления кронштадтского мятежа.

Троцкий среди делегатов X съезда РКП(б), участвовавших в подавлении кронштадтского мятежа.

Жертвы террора.

1920 г. Революционный суд в Омске над министрами Уфимской директории.

Белая гвардия.

М. В. Алексеев.

А. В. Колчак.

А. М. Каледин.

А. И. Деникин.

П. Н. Врангель.

Н. Н. Юденич.

Къ войскамъ Совѣтской Власти.

Войска Совѣтской Власти!

Вы обмануты вашей незаконной, разбойничьей частью, нашими комиссарами, которые повели васъ противъ народа, противъ Учредительнаго Собранія.

Они говорили вамъ, что противъ совѣтской власти является буржуазія—бѣлая гвардія. Они лгутъ.

Противъ совѣтской власти всталъ весь народъ. Васъ комиссары заставляютъ сражаться противъ Народнаго Правительства, противъ призваннаго ею ряды васъ.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Ваша часть, которая встала противъ Народнаго

Правительства, является разбойничьей частью.

Вы сами видите, какъ дерутся эти войска. Сдѣлайте вы главное для васъ сопротивление.

Поймите, что васъ обманываютъ ваши комиссары и заставляютъ идти противъ народа.

Петребляйте вашихъ комиссаровъ и переходите на сторону Учредительнаго Собранія и вы будете прощены ваши ошибки и ваши заблужденія.

Тѣ же изъ васъ, которые будутъ продолжать дѣйствовать противъ насъ, будутъ истреблены безъ всякаго милосердія.

Командующій войсками Сиверской группы капитанъ Степановъ.

Командующій войсками Народной Арміи полковникъ Коппель.

Освободительный Комитетъ Чехословацкаго

Собранія и членъ Учредительнаго Собранія

Сибирякъ и членъ Учредительнаго Собранія

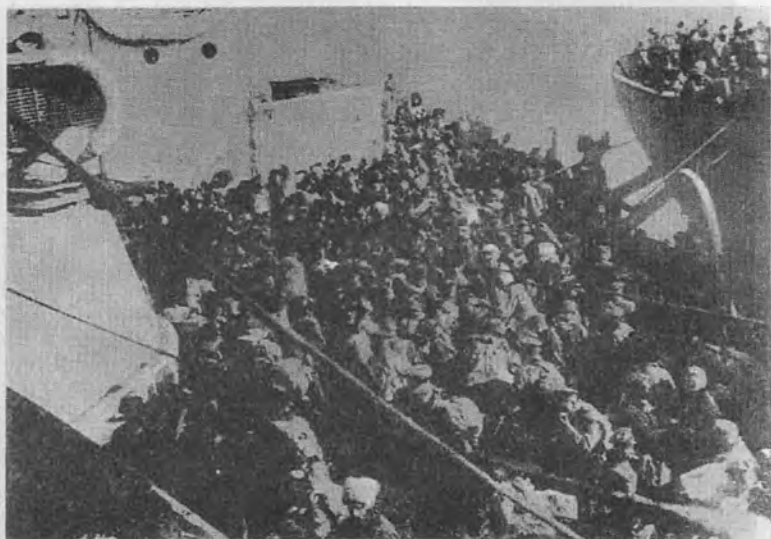
Б.-К. Форунатовъ.

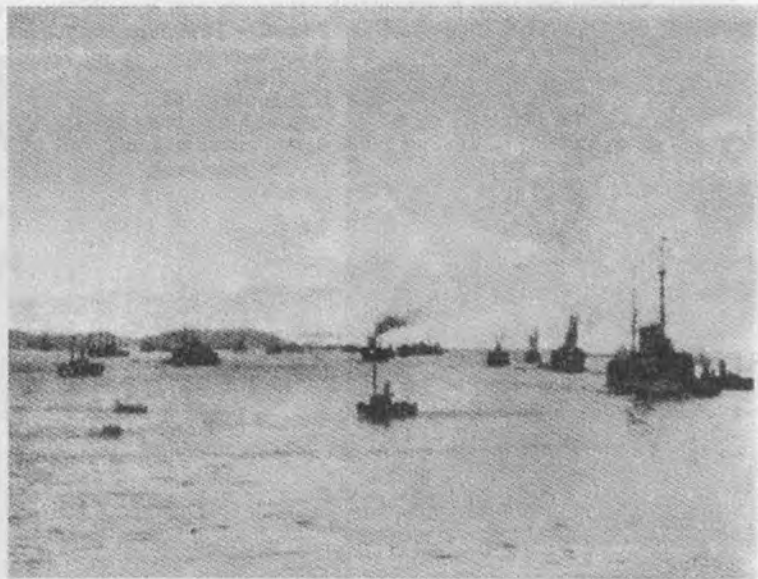
Агитвагон Добровольческой армии.

Адмирал Колчак на фронте.

Исход белых.

Прощай, Россия...

7 ноября 1919 г.
Л.Б.Каменев,
В.И.Ленин,
Л.Д.Троцкий на
Красной площади во
время празднования
второй годовщины
Октября.

Сталинская трактовка
этой же фотографии.
Сначала Троцкого
вычеркнули из
кадра...

5 мая 1920 г. Ленин выступает перед войсками, уходящими на Польский фронт. Эта известная фотография дана без ретуши: справа возле трибуны: Л.Троцкий и Л.Каменев.

Троцкий, Ленин и Каменев.

7 ноября 1921 г. Празднование четвертой годовщины Октябрьской революции. Редкая фотография, на которой Троцкий вместе со Сталиным.

3 ноября 1922 г. Заседание СНК.

1919 г. Заседание I Конгресса Коминтерна.

1920 г. Троцкий среди делегатов II Конгресса Коминтерна.

Л.Б.Каменев и Л.Д.Троцкий на II Конгрессе Коминтерна.

Л.Б.Каменев и Л.Д.Троцкий на II Конгрессе Коминтерна.

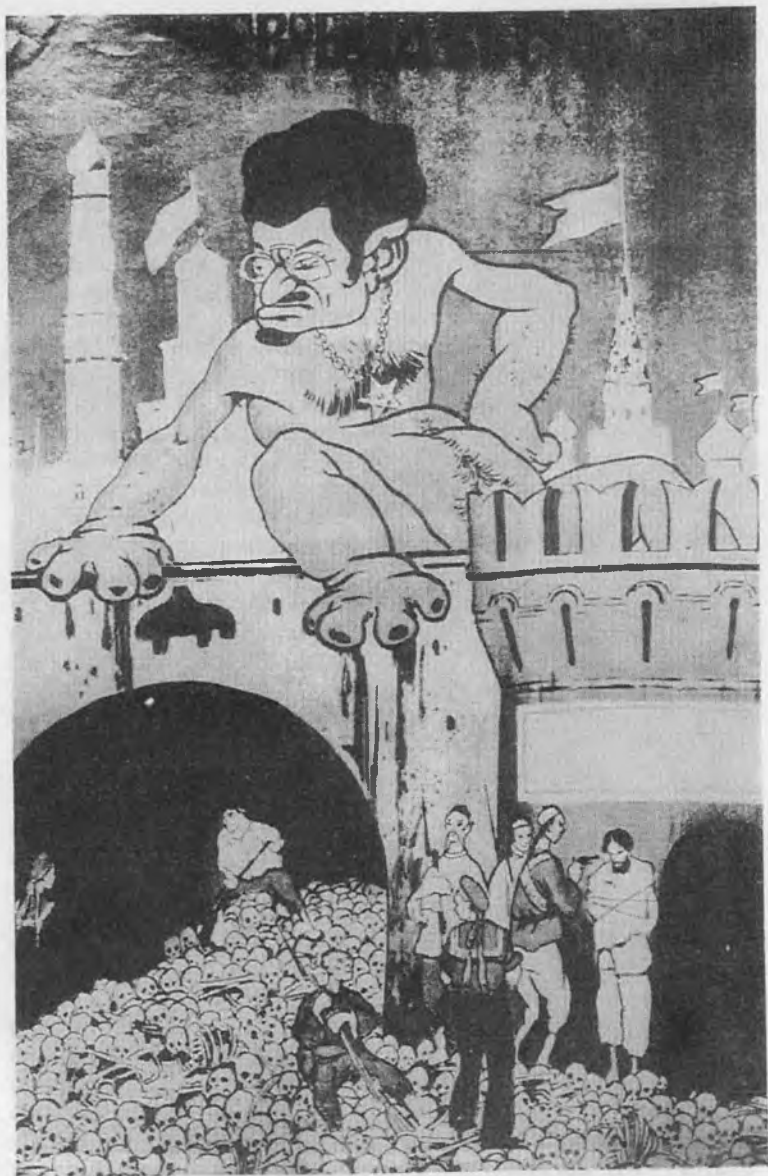
1921 г. Троцкий принимает парад войск Красной Армии в честь делегатов III Конгресса Коминтерна.

OSZKALI DOŁSZEWA
DAMY WAM POKOJ
DAMY WAM WOLNOŚĆ
DAMY WAM ŻEBY
PRACZ, I CHŁEBO

NIKIE MNIE OSZKAL
ROZDZIAŁ WOLN
I ŻOŁNIA
ZAMAT WOLNO DA
DROGĘ SAMOŚĆ ŻYĆ
SI KOLEJNO
CI PRZESTRZAJCIE SI
CIEMNOŚCI 1934-1935

Карикатуры времен гражданской войны.

THE GREAT GAMES OF THE EAST. The British Empire is the only one that has been able to maintain its position in the East. The British Empire is the only one that has been able to maintain its position in the East.

ру, следует напомнить о его речи на VII экстренном "секретном" съезде РКП(б), состоявшемся 6 — 8 марта 1918 года, на котором было всего около 40 делегатов с правом решающего голоса. Ленину в общей сложности пришлось выступать на съезде 18 раз, но в конечном счете партийный форум поддержал его позицию по Брестскому миру.

В своей почти часовой речи 7 марта Л.Д.Троцкий (8 марта он брал еще раз слово для заявления) был весьма откровенен и последователен в своих ошибках и пристрастиях, намерениях и оценках. Приведу некоторые положения его большой речи.

Характеризуя общую ситуацию в России, оратор заявил, что, "сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобретали, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция". Взгляд, основывающийся на постулатах перманентной революции, остался у Троцкого неизменным.

Говоря о том, почему он воздержался при голосовании в ЦК 23 февраля, Троцкий откровенно заявил, что "по вопросу о том, где больше шансов: там или здесь, — я думаю, что больше шансов *не на той стороне* (курсив мой. — Д.В.), на которой стоит тов. Ленин". Затем Троцкий, по существу, попытался сказать, что он выполнял директивы партии. "Все, в том числе и тов. Ленин, говорили: "Идите и требуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад". Все мы видели в этом существо мирных переговоров... И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева... он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас". И Троцкий настаивает, что его формула "ни мира, ни войны" верна. "Если бы меня заставили повторить переговоры с немцами, я 10 февраля повторил бы то же, что я сделал".

Далее он констатирует: "Мы отступаем и обороняемся, поскольку это в наших силах. Мы выполним ту перспективу, которую предсказывает тов. Ленин: мы отступим к Орлу, эвакуируем Петроград, Москву. Я должен сказать, что тов. Ленин говорил о том, что немцы хотят подписать мир в Петрограде, — несколько дней тому назад мы вместе с ним думали так... Взятие Петрограда — угрожающий факт, для нас это — страшный удар... Все зависит от скорости пробуждения и развития европейской революции".

В этой речи Троцкий касается одного вопроса, который может быть рассмотрен в гипотетическом плане ("пророчество, обращенное назад"). Выступающий подчеркнул, что от его го-

лосования в ЦК "зависело решение этого вопроса, потому что некоторые товарищи разделяли мою позицию. Я воздержался и этим сказал, что на себя ответственность за будущий раскол в партии взять не могу. Я считал бы более целесообразным отступить, чем подписывать мир, создавая фиктивную передышку, но я не мог взять на себя *ответственность за руководство партией* (курсив мой. — Д.В.) в таких условиях".

Что означают эти слова Троцкого о его ответственности за "руководство партией"? Подразумевал ли он возможность лично возглавить партию (ведь Ленин заявил, что если он окажется в меньшинстве при голосовании по вопросу о мире, то выйдет из правительства) или имел в виду не персональное, а коллективное руководство? С полной однозначностью ответить на этот вопрос едва ли можно, хотя ясно, что в случае отставки Ленина основным кандидатом на пост главы правительства, пожалуй, был бы Троцкий. В этих условиях у него хватило мудрости, занимая позицию, отличающуюся от ленинской, воздержаться при голосовании (как и его сторонники Иоффе, Дзержинский и Крестинский) и дать перевес Ленину. Нельзя не признать в данном случае дальновидности Троцкого, который, будучи несогласным с позицией "мир любой ценой", сделал шаг, который помог избежать раскола в партии.

Вместе с тем главное действующее лицо брест-литовской драмы сделало всё, чтобы сохранить достоинство и свою революционную честь. Когда VII съезд партии в конечном счете одобрил предложение Ленина, Троцкий в своем кратком заявлении сказал: "Партийный съезд, высшее учреждение партии, косянным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил в составе нашей брест-литовской делегации.... Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты*, которые до сих пор возлагала на меня наша партия"¹³⁰. К слову сказать, с тех давних пор добровольные отставки советских руководителей вышли из моды. Аппарат держится за свои державные портфели "до последнего".

Троцкий, судя по выступлениям того времени, поздним его воспоминаниям, искренне считал в январе—марте 1918 года, что "позорный мир с Германией" — не нравственное поражение

* Заявление о сложении с себя обязанностей наркома по иностранным делам Троцкий сделал еще 22 февраля 1918 г. — Д.В.

ние революции, а акт ее капитуляции. Ему казалось, что партия перешла предел, после которого шансы на выживание революции минимальны. По духу в те драматические дни он был, конечно, ближе к "левым коммунистам", особенно когда Германия все ужесточала и ужесточала свои требования. Был момент, когда Троцкий увидел грозную надвигающуюся реальность полного поражения революции. Эта мысль также отчетливо прозвучала в его речи на VII съезде партии: мы "уступаем не только топографически, но и политически... Если мы дадим развиваться этому отступлению во имя передышки с неопределенной перспективой, то... пролетариат России не в состоянии сохранить классовую власть в своих руках... Нынешний период передышки исчисляется в лучшем случае двумя-тремя месяцами, а вернее, неделями и днями. В течение этого времени выяснится вопрос: либо события придут нам на помощь, либо мы заявим, что явились слишком рано и уходим в подполье... Но я думаю, что уходить... если это придется, как революционной партии, т.е. борясь до последней капли крови за каждую позицию"¹³¹. Ясно, что Троцкий видел в Брестском мире призрака гибели революции, своего самого любимого детища.

Просчитавшись в намерениях и возможностях Германии, Троцкий из "героя" переговоров в один день превратился в исторического неудачника. На протяжении десятилетий в разных вариациях перепевалась сталинская ложь, заложенная в прелюдном "Кратком курсе":

"...Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий, будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил прямые директивы большевистской партии... Это было чудовищно. Большого и не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов Советской страны"¹³². Но история в конечном счете все расставляет по своим местам. Троцкий просчитался лишь в сроках. Революционный подъем в Европе все же наступил! Напомню, ноябрьская революция в Германии привела к краху династии Гогенцоллернов и, как следствие, к аннулированию грабительского Брестского мира. Троцкий, "романтик" революции, слишком "программировал" революционные процессы, которые чаще всего идут спонтанно. У него хватило силы воли во имя революции перешагнуть через собственное "я". Он говорил об этом в своей речи на VII съезде: "Мы, воздержавшиеся, показали акт большого самоограничения, т.к. жертвовали своим "я" во имя спасения единства партии... Вы должны сказать другой стороне, что тот путь, на ко-

торый стали, имеет некоторые реальные шансы. Однако это — опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла...¹³³

Троцкий хотел в Бресте сразу слишком многого: вывести Россию из войны, поднять германский рабочий класс, сохранить престиж революционной России. Не его вина, а беда, что тогда эти задачи одновременно выполнить было невозможно. Троцкий еще раз показал, что революционер не может быть только исполнителем. Его брест-литовская формула оказалась ошибочной, но "мотивы" ее он черпал в "музыке" революции.

Больше всего Троцкого страшила возможность угасания революционного факела в России под сапогами германских солдат. В русской революции он видел великий Пролог мирового пожара, певцом которого был всю жизнь. Он был редким типом человека, одержимого одной идеей до своего последнего вздоха. Для реализации этой идеи нужно было насилие, насилие, насилие...

У кровавой межи

В конечном счете все прошлые революции кровавы. Да, Октябрьский переворот совершился бескровно. Но то было только начало. Переход власти к Советам, например, в Москве был уже иным. Политический взрыв очень часто сопровождается гражданской войной. Классовая ненависть прокладывает кровавую межу между соотечественниками. Ее особенно боялись и старались избежать русские интеллигенты. Мережковский в своей книге "Болезнь России" еще за несколько лет до событий 1917 года писал: "Во всякой революции наступает такая решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять и притом непременно с легким сердцем, как охотник подстреливает куропатку... Вопрос о насилии, метафизический, нравственный, личный, общественный, возникал во всех революциях". Рассуждая далее о судьбах русских революций (минувшей, 1905 г., и, как он чувствовал, грядущей), Дмитрий Сергеевич предсказывал: "Кто знает, может быть, величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось, как почти никогда не удается чрезмерное; но чрезмерное сегодня — завтрашняя мера всех вещей"¹³⁴. Мережковский, чувствуя приближение революции, по сути, говорил о ее преждевременности. Что это: иррациональный страх интеллигента

перед социальным катаклизмом или мрачное предвидение? Но писатель был не одинок, пугаясь грядущих потрясений, несущих, по его словам, "государственно-революционное "убий".

Даже Плеханов испугался призрака насилия, который маячил за спиной революции. То было одной из причин однозначного осуждения им Октябрьского переворота. По его мнению, только в том случае, если бы пролетариат составлял большинство населения России, то социалистическая революция была бы оправданна. По сути, он отодвигал ее в туманную даль будущего. Незадолго до своей смерти, мучаясь тем, что его, русского корифея научного социализма, многие петроградские газеты шельмуют как "буржуазного перерожденца", "контрреволюционера", Плеханов все же решил остаться честным перед самим собой и сказать прямо то, что думает о свершившемся. В "Открытом письме к петроградским рабочим" он утверждал: "Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года". Плеханов, став за долгие годы жизни на Западе типичным социал-демократом, никак не мог согласиться или примириться с наметившимся ходом событий. "Их последствия, — писал он в своем "Открытом письме", — и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще хуже того, — одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, т.е. на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка... Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, которое только может с ним случиться"¹³⁵.

Среди прочих опасностей, которые подстергали Россию, Плеханов (как Мартов, Дан, Абрамович, другие меньшевики) считал гражданскую войну одной из самых грозных... Отношение к гражданскому насилию — один из рубежей, который разделил большевиков и другие радикальные партии, с одной стороны, и группировки меньшевиков, тех политических сил, которые прежде всего ценили демократию, даже если она была откровенно буржуазной, — с другой. Ленинская точка зрения, которая уже совсем не кажется бесспорной в исторической перспективе, на то, что гражданские войны, "которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обостре-

ние классовой борьбы”¹³⁶, полностью разделялась Троцким. Он чувствовал, что гражданская война неизбежна, что старые хозяева, бывшие господа, высшие чиновники так просто не уступят.

Критикуя решительные шаги большевиков, их оппоненты объектом своих нападок чаще всего избирали ”гандем” Ленин—Троцкий, что объективно свидетельствует о большом политическом весе Председателя Петросовета. Так, Максим Горький в статье ”Вниманию рабочих” писал: ”Владимир Ленин утверждал в России социалистический строй по методу Нечаева — ”на всех парах через болото...”. Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать рот, грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина—Троцкого; эти ”вожди” оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго борлись все лучшие силы страны”¹³⁷. Слова о ”диктатуре”, ”деспотизме” Ленина—Троцкого стали — и не без причины — постоянным атрибутом нападок на большевизм.

Конечно, всякая социальная революция в потенции несет в себе гражданскую войну. В России, строго говоря, она началась с октября 1917 года (а некоторые историки не без основания ведут отсчет с корниловщины), но полностью развернулась в период с лета 1918 года до начала 1921-го. Глубинные ее причины — наличие острых противоречий между классами, борющимися за изменение своего положения в обществе. Но часто бывают важны и противоречия внешнего характера. Хотя вряд ли прав Ленин, считая, что гражданскую войну у нас развязал международный империализм. Каледин, Дутов, Алексеев, Корнилов, Краснов, Деникин выступали отнюдь не по указке иностранных капиталистов, а самостоятельно.

Я уже сказал, что гражданская война, по сути, началась сразу после переворота. Об этом, в частности, писал А.Ф. Керенский. В своей книге ”Издалека” он напоминает, что с 24 октября по 1 ноября 1917 года сделал все возможное, чтобы задуть большевистскую власть. ”В действительности дни нашего похода на Петербург были днями, когда гражданская война вспыхнула и разгорелась по всей стране и на фронте. Героическое восстание юнкеров 29-го в Петербурге, уличные бои в Москве, Саратове, Харькове и т.д., сражения между верными революции (февральской. — Д.В.) и восставшими войсковыми частями на фронте — все это достаточно свидетельствует, что мы были не совсем одиноки...” Александр Федорович жалеет, что приехавший с моряками Дыбенко распропагандировал ка-

заков и ему, Керенскому, не удалось осуществить свои планы вооруженного подавления большевистского восстания.

После начала германского наступления положение в стране еще больше обострилось. В захваченных немцами районах сразу же стали активизироваться те контрреволюционные силы, которые надеялись с помощью немецкой интервенции задуть революцию. Документы тех лет и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что сами немцы не были заинтересованы в свержении Советского правительства. Однако продвижение немецких войск не могло не разжигать гражданскую войну. В это время в судьбе Троцкого произошли большие перемены. Мы знаем, что после VII съезда РКП(б), состоявшегося в начале марта 1918 года, Троцкий остался "без работы".

Вскоре после подписания Сокольниковым Брестского мира перед Лениным встал вопрос, кто возглавит военное ведомство. Кто сможет на развалинах старой армии создать новую военную организацию, способную противостоять регулярным армиям противника? Кто вдохнет в нее жизнь? Февральское наступление 1918 года показало, что руководящая тройка Наркомата по военным делам — Н.В.Крыленко, Н.И.Подвойский, П.Е.Дыбенко — не в состоянии возглавить такое сложное дело, как создание регулярной Красной Армии. К тому же они придерживались левокоммунистических взглядов на характер военной организации, которые Ленин не одобрял. В то же время Ленин не мог решиться поставить во главе Красной Армии и Красного Флота, которые еще предстояло создать, крупного военного специалиста старой школы. Это не было бы понято народом и армией. После долгих размышлений и советов Свердлова Ленин остановил свой выбор на Троцком, человеке, весьма далеком от "технологии" военного строительства, тактики и стратегии. Чем можно объяснить это решение, которое, по моему мнению, оказалось для большевиков исторически весьма удачным? Думаю, у вождя революции был довольно скучный выбор крупных личностей, которые могли бы за короткий срок решить чрезвычайно трудную задачу: создать новые вооруженные силы Республики и организовать ее защиту, смело привлекая к этому процессу военных специалистов старой армии, используя достижения и опыт буржуазной военной науки. Пишу эти строки и чувствую, что будет немало читателей, полемизирующих со мной: "Ведь всегда писали и говорили, что Ленин, партия, государство создали советские армию и флот. При чем тут Троцкий?" Правильно: и Ленин, и партия, и государство создавали военную организацию. Но за общими

подобными утверждениями всегда скрываются конкретные творцы, исполнители, "архитекторы" реального сооружения. Одним из таких ведущих руководителей, бесспорно, был Троцкий. Почему Ленин остановил свой выбор именно на этой кандидатуре, поговорим в следующей главе. Сейчас же я хочу напомнить, что 14 марта 1918 года, в день открытия IV Чрезвычайного съезда Советов, в "Известиях" появилось официальное сообщение о том, что, согласно личному ходатайству тов. Троцкого, Совет Народных Комиссаров освободил его от должности наркома по иностранным делам и назначил наркомом по военным делам. Этим же постановлением, согласно личному заявлению, освобождался от должности наркомвоен и главковерха Н.В.Крыленко (должность главковерха упраздняялась). Постановление подписали Председатель Совнаркома В.И.Ульянов (Ленин), нарком государственных имуществ Республики В.А.Карелин и нарком национальностей И.В.Сталин.

Вступление в должность совпало с переездом Советского правительства в Москву. Троцкий прибыл в новую столицу через неделю после Ленина. В первую же ночь в Москве новый наркомвоен провел заседание военной коллегии комиссариата, где он пытался определить основные направления военного строительства. На следующий день он подписал свой приказ № 1: "Предлагаю начальнику Главного квартирного управления в исключительно срочном порядке приступить к ремонту бывшего Александровского военного училища и приспособлению его для Комиссариата по военным делам"¹³⁸.

Революция — это не только планы, замыслы, заговоры, но и безбрежная стихия. Видимо, в немалой степени прав был А.И.Деникин, назвав события 1917—1922 годов "русской смутой". "Социальный разлад", как назвал смуту Ключевский, выразился и в стихии насилия, вседозволенности, агрессивности, необоснованных требованиях масс. Большевистские руководители почувствовали это быстро; в ЦК стали поступать многочисленные жалобы о "реквизициях", "экспроприациях", "революционных карах", никем не санкционированных. Иногда это проявлялось в форме рвачества. Вот, например, Троцкий получает телеграмму от комиссара Позерна о том, что "вторая Петроградская конференция красноармейцев вынесла постановление о необходимости установления жалованья красноармейцам в триста рублей...".

Троцкий понимает: уступить раз — значит пойти на поводу у стихии. У него хватает характера:

”Петроград, Смольный. Позерну.

Брать на свою ответственность нарушение Вами декретов советской власти отказываюсь.

21.5.18.

Наркомвоен *Троцкий*”.

Затем на обороте добавляет для разъяснения красноармейской массе: ”Вопрос о жалованье красноармейцам решается не петроградскими красноармейцами, а Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов всей России... Установлено жалованье в 150 р. Тех красноармейцев, которые в трудные для республики дни занимаются требованиями повышения платы, считаю плохими солдатами революции...”¹³⁹

Но не все решались противостоять стихийному напору массы, которую влекли часто весьма далекие от революционных идеалов побуждения.

О военной деятельности наркома по военным и морским делам я расскажу в следующей главе. Для нас важно сейчас выяснить основные мировоззренческие и политические установки Троцкого в преддверии русской Вандеи, которая через пару месяцев расколется Россию. Совсем скоро верх возьмет безудержное насилие. Пленных, как правило, не будет. Солдаты Колчака станут поднимать на штыки раненых красноармейцев в лазаретах. Сполна проявится и жестокость красных. Троцкий отдаст приказы о расстрелах красноармейцев, проявивших трусость, бежавших с поля боя, уличенных в мародерстве и т.д. Причем в первую очередь он грозил расстрелом командирам и комиссарам частей, без приказа оставивших боевые позиции. По фронтам будет гулять тиф. В оврагах и белых, и красные будут расстреливать заложников. Жизнь, как никогда, упадет в цене. Слепой классовый зов окажется сильнее сострадания, жалости, мудрости, рассудительности. Многострадальная Россия будет залита кровью соотечественников...

Политические взгляды Троцкого накануне гражданской войны весьма рельефно были им сформулированы весной 1918 года в докладе на Московской городской конференции РКП(б) и в двух других его выступлениях на рабочих собраниях о ”наших друзьях и врагах” и о ”внутренних задачах Советской власти”. Придавая им особое значение, Троцкий в семнадцатом томе своих сочинений выделил их в раздел ”Основные задачи Советской власти весной 1918 года”. Это время Троцкий охарактеризовал как ”период внутренней заминки”, когда кое-кто стал рассматривать Октябрьскую революцию ”не то как авантюру, не то как ошибку”. Характеризуя эту социальную ”заминку”, Троцкий объясняет ее и даже как-то

оправдывает наследием царизма, преступлениями самодержавной системы, просчетами Милюкова и Керенского. Даже в "Брест-Литовском мире повинны царские бюрократы и дипломаты, — утверждает Троцкий, — которые ввергли нас в страшную войну, расхищая народное достояние, обирая народ, который держали в темноте и рабстве... Этот мир есть царский вексель, вексель Керенского и К^о! Вот самое лютое преступление, которое наложило на рабочий класс огромную ответственность за грехи международных империалистов и их слуг"¹⁴⁰.

Впрочем, новые лидеры говорят так (по крайней мере, в России) почти всегда. Например, начав перестройку, мы уже несколько лет говорим "о времени застоя", "сталинском наследии", загнивании "административно-бюрократической системы", мало что сделав для устранения как "старых" причин, так и "новых", рожденных нынешней бездеятельностью, неорганизованностью, безответственностью, демагогией. Здесь мы не оригинальны: Троцкий тоже все валил на царизм и Временное правительство, имея, правда, для этого куда больше оснований — власть в руках большевиков была еще меньше года...

Теперь о власти. Нарком изложил свои взгляды на ее природу, сущность и характер так: "В смысле политическом и непосредственно боевом, Октябрьская революция прошла с неожиданною и ни с чем несравнимою победоносностью"¹⁴¹. Мы заявляем, что никакого примирения между классами быть не может: "либо диктатура капитала и землевладения, либо диктатура рабочего класса и беднейшего крестьянства", а Учредительное собрание было бы "великой примирительной камерой, великим соглашательским учреждением русской революции"¹⁴². Далее Троцкий долго говорит, что Учредительное собрание годится лишь для "всеобщей переклички" — кто за кого. А для "революционной творческой работы" оно не годится. Власть делить мы ни с кем не собираемся. Если остановиться на полпути, образно говорил Троцкий, "то это не революция, а, с позволения сказать, выкидыш. Это — ложные исторические роды"¹⁴³. Тогда Троцкому и другим радикалам казалось, что новая модель власти, пришедшая на смену самодержавию, а затем и буржуазному правительству, вызовет у истории желание поставить лишь восклицательный знак. Ведь острые языки повторяли накануне революции слова В.А.Гиляровского:

В России две напасти:

Внизу — власть тьмы,

А наверху — тьма власти.

Но в жизни все оказалось сложнее, чем в умозрительных

схемах. Троцкий не хотел выкидыша демократии, а желал рождения диктатуры большевиков.

Понятно: черносотенцам, октябристам, кадетам, другим буржуазным партиям и группам Советская власть едва ли дала бы место в парламенте. Не для этого власть завоевывалась, чтобы делить ее с побежденными. Ну а левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, другие организации, находящиеся в едином революционном потоке, но предпочитающие иные методы решения социальных, экономических и государственных проблем? Оказалось, что им тоже нет места в высших эшелонах власти революционной России. Одномерность мышления, монополия на революционную истину, убежденность только в своей правоте изначально обедняли радикалов-большевиков, в том числе и Троцкого. Еще в апреле 1918 года он сформулировал тезис, до боли похожий на зловещую формулу, которую выдвинет Сталин в начале 30-х годов. А тогда наркомвоен говорил: "Чем дальше и больше будет развиваться революционное движение и у нас, и за рубежом, тем теснее будет спланиваться буржуазия всех стран"¹⁴⁴. Сталин сведет эту формулу к обострению классово-борьбы, но в "отдельно взятой стране".

В своих программных речах весной 1917 года Троцкий заявляет: "Да, мы слабы, и это есть наше главное историческое преступление, потому что в истории нельзя быть слабым. Кто слаб, тот становится добычей сильного"¹⁴⁵. Однако сила не является сама по себе благом, если она не опирается на гуманистические принципы и союз с моралью.

Готовя в 1918 году свою брошюру "Октябрьская революция", Троцкий подчеркнул в предисловии: "Уже один фактический рассказ о том, как произошла Октябрьская революция, представляет собой беспощадное ниспровержение семинарской метафизики. Можно сколько угодно рассуждать о том, что для рабочего класса предпочтительнее добиться господства через посредство всеобщего избирательного права... но история вовсе не делается по поваренной книге, хотя бы эта книга и была написана на языке кухонной латыни... Пролетариат овладевает властью по праву революционной силы. И если у него в ногах начинает путаться растерянный теоретик марксизма, то рабочий класс перешагнет через этого теоретика, как и через многое другое..."¹⁴⁶. К сожалению, способность и готовность перешагивать "через многое другое" в недалеком будущем станет методом и стилем многих руководителей-большевиков.

Важное место в весенних (1918 г.) выступлениях Троцкого занимали вопросы трудовой организации общества, утверждения в нем революционного порядка и дисциплины. Свой док-

лад на партийной конференции Московской городской организации Троцкий издал отдельной брошюрой под характерным названием "Труд, дисциплина, порядок спасут Советскую республику".

"Разболтанность" общества во время революции автор объясняет пробуждением свободы в забытой личности, которая — здесь Троцкий сослался на любимого им Глеба Успенского — была "воблой", что "жила и гибла, как живет и гибнет сплошная масса саранчи". Вчера это был "человек массы, он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придаток машины фабрикантов", и вдруг он почувствовал себя личностью. "Отсюда, — считает Троцкий, — разлив дезорганизаторских настроений, индивидуалистических, анархических, хищнических тенденций, которые мы наблюдаем особенно в широких кругах деклассированных элементов страны, в среде прежней армии, а затем в известных элементах рабочего класса"¹⁴⁷.

Троцкий дает свои рекомендации, как справиться с разрухой, саботажем, анархией, комчванством, безответственностью, некомпетентностью многих людей. Прежде всего Троцкий предлагает резко ограничить "коллегиальные начала". Действительно, в период закрепления Советской власти на всех ступенях государственной и хозяйственной иерархии были образованы коллегии. Вскоре последствия безбрежной демократии и безответственности стали ощущаться всеми. На сессии ВЦИК 29 апреля 1918 года было принято решение об усилении единоначалия, централизации, более активном привлечении к работе буржуазных спецов. А еще раньше на состоявшемся 31 марта заседании ЦК, где присутствовали Троцкий, Свердлов, Ленин, Крестинский, Владимирский, Сокольников, Сталин, обсуждалась "общая политика ЦК". Было констатировано, что "период завоевания власти кончился, идет основное строительство. Необходимо привлекать к работе знающих, опытных деловых людей. Саботаж интеллигентских кругов сломлен, техники идут к нам, надо их использовать..."¹⁴⁸. По существу, в своих выступлениях Троцкий пропагандировал и разъяснял слушателям решение ЦК партии. Ряд левых эсеров и просто советских работников (Н.Осинский, В.Смирнов, А.Бубнов, М.Томский, А.Рыков) увидели в этом опасность для демократии и условия для возрождения бюрократии. Троцкий, как и Ленин, ругает за введение в стране железной дисциплины, за осуществление в случае необходимости репрессий против саботажников, бандитов, замаскировавшихся врагов. Весьма злое еще звучат слова Троцкого о том, что "деревенская буржуазия становится главным врагом рабочего класса, она хочет взять

измором советскую революцию... Мы предупреждаем кулаков, что по отношению к ним не будем знать никакой пощады"¹⁴⁹. Сталин не будет ссылаться на Троцкого и не будет предупреждать кулаков, он будет действовать, не зная "никакой пощады".

Троцкий верит, что просветление сознания сделает людей другими. "Есть много духовных ценностей, высоких и прекрасных: есть науки, искусства, — и все это недоступно грудовому люду, потому что рабочие или крестьяне вынуждены жить, как каторжники, прикованные к своей тачке". Люди "с духовным закалом", ведет дальше свою мысль Троцкий, должны быть готовы сказать себе: "Да, разумеется, в борьбе, которая идет в настоящее время, мне, может быть, придется и погибнуть. Но что такое рабская жизнь без просвета, под пятой угнетателей, по сравнению со славной смертью борца?..."¹⁵⁰ Троцкий, как и полагается последовательному радикалу, ратует за жертвенный путь, который затем, волею других уже людей, приведет в жертвенный социализм.

В своих речах, имеющих программный характер, нарком по военным делам очень много места уделяет проблеме военного строительства. "Вопрос о создании армии, — провозглашает он, — есть для нас сейчас вопрос жизни и смерти". Позже, кажется, через четыре-пять лет, готовя свои ранее написанные статьи для публикации в собрании сочинений, он вспомнил, как писал о военной силе в переломные моменты истории В.В.Шульгин.

Беглый российский политик печатал свои очерки (затем они вышли отдельной книгой "Дни") в журнале П.Б.Струве "Русская мысль". В одном из них Шульгин, называя революцию "дьявольским игрищем", писал: "Проигранная война всегда грозит революцией... Но *революция неизмеримо хуже проигранной войны*. Поэтому гвардию нужно беречь для единственной и почетной обязанности — бороться с революцией..."¹⁵¹ Троцкий решил, что Красная гвардия, а теперь — Красная Армия нужны, чтобы бороться с контрреволюцией и интервенцией. Революция без военной силы выстоять не может. Но об этом — в главе следующей.

Троцкий сочетал в себе качества прагматика и мечтателя. Он был способен абстрагироваться от прозаических задач сегодняшнего дня (контроль над военспецами, установление твердых цен на хлеб и т.д.) и парить в высоте, вглядываясь оттуда в "коммунистические дали". Он умел зажечь людей верой в реальность того, о чем говорил. Когда Троцкий на рабочем собрании 14 апреля 1918 года рисовал перспективы грядущего, за которое нужно бороться, страдать, жертвовать, в зале стоя-

ла звенящая тишина. Люди верили, нет, были убеждены, что все так и будет. Слова оратора сеяли семена великой надежды: "...мы создадим единое братское государство на земле (Троцкий говорил о "Мировой Республике Труда". — Д.В.), которую нам дала природа. Эту землю мы запашем и обработаем на артельных началах, превратим ее в один цветущий сад, где будут жить наши дети, внуки и правнуки именно как в раю. Когда-то верили в легенды про рай; это были темные и смутные мечты, тоска угнетенного человека по лучшей жизни. Хотелось жить более праведно, более чисто, и человек говорил: должен же быть такой рай хоть на том свете, в неведомой и таинственной области. А мы говорим, что такой рай мы трудовыми руками создадим здесь, на этом свете, на земле, для всех, для детей и внуков наших во веки веков"¹⁵². Ответом оратору были бурные аплодисменты тех, кому обещали "рай".

Трибун революции говорил о "рае" на земле, до предела разоренной почти четырехлетней империалистической войной и двумя революциями. Многие ли тогда могли предполагать, что еще долгие три года Молох войны будет собирать скорбную жатву на полях Отечества? Мечты о "рае" заслонят бронепоезда фронтов, музыку свободы заглушат сабельный звон конных эскадронов и залпы расстрелов; надежды на мир будут трепать тиф и голод... На этом страшном небосклоне русской Вандеи стремительно взойдет звезда Троцкого...

глава 3

«Девятый вал» Вандей

Когда идеи ведут кровавую борьбу на площадях, на улицах, на больших дорогах, в полях и лесах, тогда сама истина перестает уже интересоваться; не до нее.

Н. Бердяев

Русское кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем напомнило мне о страшной ране гражданской войны. Медленно проходя с отцом Солуяном, старым русским священником, вдоль многочисленных холмиков могил дроздовцев, алексеевцев, калединцев, нашедших вечное прибежище на чужбине, я особенно остро почувствовал, с высот нашего времени, историческую бессмысленность гражданских войн. Соотечественники с яростью уничтожают друг друга. Каждая сторона считает себя правой. Часто брат идет против брата, отец сражается со своими сыновьями. Как будто Жан Жорес писал не о Вандее 1793 года, а о долгой кровавой схватке на равнинах России: "Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они были его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!"¹

Слова отца Солуяна, обращенные к тем, кто пал в этой братоубийственной сече, были исторически справедливыми:

— Время и вечность должны примирить соотечественников. Тогда, казалось, достаточно уничтожить белых (или красных!) и счастье в твоих руках! Смертью братьев нельзя добыть ни мира, ни счастья... Да помирят их время!

Сегодня слова священника кажутся близкими к истине. А тогда? Революция имеет свою жестокую логику. Ее нельзя ни выдумать, ни заимствовать у кого-то. Народный гнев 1917 года рожден империалистической войной, революцией, невиданной ломкой старого, ожесточенным сопротивлением тех, кого спасали, столкнули с исторической сцены. Вначале гнев революции был направлен в русло борьбы с самодержавием. С легкостью сметая вековые атрибуты царизма, классы, политические партии, социальные силы России в смятении увидели: у всех разные цели! Одни хотели остановиться на результатах Февраля; другие, ужаснувшись при виде бездны разрухи, были готовы вернуть самодержца, ограничив его конституцией; третьи — не-

пременно убрать со своей дороги и первых, и вторых... Свою правоту предстояло доказать на бесчисленных фронтах гражданской войны.

Еще почти пять лет после трех лет империалистической бойни лилась кровь сыновей и дочерей России. Во время гражданской войны в братских могилах, на полях сражений, на городских и сельских кладбищах Отечества, а то и просто в ложбине подле кургана захоронены миллионы людей. Такая "цена революции" ставит под историческое сомнение ее прогрессивность. Погибшие были не только людьми в буденовках или старших офицерских шинелях; большая часть павших, умерших от голода, выкошенных тифом — мирные люди. Революция имела кровавое продолжение. Об этом "позаботились" не только те, кому была уготована судьба "бывших", не только радикально непримиримые большевики, но и те круги в различных столицах, которые увидели в русской революции опасную "загадку". Вначале не веря, что большевики долго продержатся, занятые междоусобной борьбой, вскоре бывшие союзники России сделают все для того, чтобы погасить факел русской революции. "Всемирный империализм, — отмечал В.И. Ленин, — который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании..."² Если это и верно, то лишь с одной стороны. В яркое пламя гражданской войны подбросили свою "связку дров" и большевики, и те, кого они лишили всего. Вот тогда, по выражению Троцкого, на революцию и накатил "девятый вал".

К слову сказать, когда Троцкий окажется в Турции, то у него будет намерение написать книгу о гражданской войне в России, о создании Красной Армии. Но случилось непредвиденное: во время пожара на его вилле сгорела большая часть рукописей и книг по этой теме. В архиве НКВД хранятся выкраденные в 30-е годы у Троцкого письма. В одном из них, адресованном Елене Васильевне Крыленко, сестре наркома юстиции СССР и жене троцкиста Истмена, жившей в Париже, изгнанник писал: "Особенно жаль — погибли мои книги о Красной Армии и материалы, подготовленные для работы о гражданской войне"³. Архив спецслужбы, правда, не дает ответа: был ли пожар случайным или это дело рук людей Менжинского? Так или иначе, но отдельной книги о гражданской войне Троцкий не написал...

С 1918 по 1922 год артиллерийская канонада, грохот сабельных атак, стоны измученных страшной войной людей будут заглушать все звуки на бескрайних равнинах Отечества. Соотечественники яростно, беспощадно, исступленно начнут унич-

тожать друг друга. Позже это будет оцениваться иначе. Один из видных деятелей большевизма А.С.Бубнов назовет гражданскую войну “образцом перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарско-социалистическую”. Именно гражданская война, писал он в 1928 году, “практически двигала вперед это перерастание”⁴. В этой кровавой круговерти “перерастания” еще выше взойдет звезда Троцкого. Он приветствовал эту войну, в которой был шанс, по его мнению, не только одним ударом решить вопрос уничтожения всех эксплуататорских классов в России, но и подтолкнуть к мировому революционному пожару пролетариат других стран. Осенью 1918 года, когда Москва предложила, чтобы в целях безопасности пароходы с хлебом прошли по Волге под флагом Красного Креста, Троцкий в телеграмме Ленину запротестовал: “Считаю недопустимым пропустить пароходы под флагом Красного Креста. Получение хлеба будет шарлатанами и глупцами истолковываться как возможность соглашения и *ненужности* (курсив мой. — Д.В.) гражданской войны...”⁵ Русским якобинцам эта братоубийственная сеча была нужна для достижения их “великой цели”.

“Законы” революции

Сложив с себя полномочия наркома по иностранным делам, Троцкий, напомню, неожиданно для многих 14 марта 1918 года был назначен народным комиссаром по военным делам (а позже и по морским делам). Одновременно он стал и Председателем Высшего Военного Совета Республики (ВВСР). Как это произошло? Почему Ленин остановил свой выбор на Троцком?

На мой взгляд, Ленин более чем кто-либо понимал, что сейчас в этом деле главную роль будет играть способность политически оценить необходимость создания военной организации как важнейшего элемента выживания революции. Здесь нужна революционная страсть, помноженная на решительность, талант лично воздвечь массы, умение твердой рукой пресечь партизанщину, неорганизованность, стадность. Руководитель этого ведомства в тот момент должен был обладать популярностью, партийным авторитетом и политическим весом. Ленин решил, что таким человеком является именно Троцкий.

Было еще одно, очень важное обстоятельство, повлиявшее на выбор Ленина. Ему было ясно, что боеспособную Красную Армию невозможно создать без помощи военных специалистов — генералов и офицеров старой армии. Но очень многим большевикам, в том числе и некоторым вождям партии, это казалось недопустимым. В этом вопросе Троцкий без колебаний встал на сторону Ленина. Именно Лев Давидович еще до назначения его в военное ведомство предложил создать для руководства обороной страны и строительства Красной Армии Высший Военный Совет (ВВС) из бывших генералов, согласившихся сотрудничать с Советской властью. Высший Военный Совет возглавили комиссары, но основную роль в нем играли военные специалисты во главе с бывшим начальником штаба Ставки царской армии генералом М.Д.Бонч-Бруевичем.

Лидер революции редко ошибался в людях. Не ошибся он, как подтвердит история, и в случае назначения Троцкого на пост наркомвоенна. Ленин людей "примерял" на себя.

Ленин проницательно увидел, что в ситуации, когда революция висела на волоске, руководителем военного ведомства должен быть не столько профессионал, сколько человек, обладающий огромной энергией, способный заразить все свое окружение непоколебимой уверенностью в успехе. Троцкий оправдал надежды Ленина в Октябрьском восстании, в разгроме мятежа генерала Краснова.

Выскажу еще одно предположение. Ленин верил в мировую социалистическую революцию. Он знал, что если бы она произошла, то непременно втянула бы в свою орбиту и нашу страну. В этих условиях Троцкий был бы особенно полезен этому процессу. А он и не скрывал, что считает целью создания Красной Армии не только защиту Советской России, но и решительную поддержку международных революционных процессов. Выступая с речью на заседании Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 марта 1918 года, новый нарком по военным делам заявил: "При помощи этой армии мы будем не только защищаться и обороняться сами, но сможем содействовать борьбе международного пролетариата". Далее, развивая эту мысль, он сказал еще определеннее: "...при первом раскате мировой революции должны быть готовы принести военную помощь нашим восставшим иностранным братьям". Завершая сказанное, еще больше конкретизировал: "В тот момент, когда германский пролетариат, более близкий к революции, чем кто-либо другой... выйдет на улицу — мы

должны будем, уже подготовленные и организованные в боевые отряды, идти к нему на помощь”⁶. Так что назначение Троцкого на высший военный пост в стране было сделано с дальним прицелом. Лев Давидович вначале был удивлен неожиданным предложением.

Позже Троцкий вспоминал об этом: “Так как внутренний враг от заговоров перешел к созданию армий и фронтов, то Ленин хотел, чтоб я встал во главе военного дела. Теперь уж он завоевал на свою сторону Свердлова. Я пытался возражать.

— Кого же поставить: назовите? — наступал Ленин.

Я поразмыслил и — согласился. Был ли я подготовлен для военной работы? Разумеется, нет. Мне не довелось даже служить в свое время в царской армии. Призывные годы прошли для меня в тюрьме, ссылке и эмиграции. В 1906 году суд лишил меня гражданских и воинских прав...

Я не считал себя ни в малейшей степени стратегом, — продолжал будущий нарком, — и без всякого снисхождения относился к вызванному революцией в партии разливу стратегического дипломатизма. Правда, в трех случаях — в войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования, то против большинства ЦК...”⁷

Ленин был вынужден пойти на крупные перестановки в военной области и потому, что Н.В.Крыленко, Н.И.Подвойский, В.А.Антонов-Овсеенко, К.А.Мехоношин, некоторые другие видные военные деятели революции не поддерживали намерение Ленина привлечь многих военных специалистов для строительства Красной Армии и организации защиты Республики. С их революционной точки зрения, нельзя было отказываться от выборности командного состава и ограничивать роль солдатских комитетов, а бывших генералов и офицеров разрешалось использовать лишь под жестким контролем как “консультантов”. Но нашествие германских войск показало слабость тех отрядов и частей Красной гвардии, где эти принципы брались за основу.

Да, Ленин не ошибся в своем выборе. Не обладая глубокими военными познаниями в области стратегии, оперативного искусства и тактики, Троцкий компенсировал эти серьезные слабости способностью широкого политического подхода к вопросам обороны и военного строительства, поразительной энергией, умением зажигать и вдохновлять людей.

Став во главе военного ведомства, Троцкий еще до своего первого выезда на фронт без конца выступает на различных заседаниях, совещаниях, съездах, стараясь привлечь к делу строительства Красной Армии все органы власти и слои населения. 19 марта 1918 года он произносит речь на заседании Моссовета, 22 марта — в Алексеевском Народном доме и в тот же день делает большой доклад на заседании ВЦИК⁸. Здесь нарком язвительно критикует своих оппонентов-меньшевиков Ильина, Дана, Мартова, других революционеров, не желавших "диктатуры большевиков".

— Гражданин Дан рассказывал нам тут, как, дескать, "происходят Наполеоны", как бывает, что комиссары не умеют доглядеть. Но помнится мне, что корниловщина выросла не при советском режиме, а при режиме Керенского (*Мартов: "Будет новая корниловщина"*)... Новой еще нет, а пока мы поговорим о старой, о той, которая была и которая у кое-кого на лбу оставила ясный отпечаток навсегда. (*Аплодисменты.*)⁹

Троцкий выступает в Совете Народных Комиссаров, на I Всероссийском съезде народных комиссаров, в Сергиевском Народном доме, на IV общегородской Московской конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, на V съезде Советов, на многочисленных совещаниях. Тема везде одна: армия. Какой она должна быть? Что нужно сделать для ее создания? В своем письменном обращении к народу Троцкий формулирует задачу следующим образом: "...начала, которые правительство полагает в основу создания армии: всеобщее обязательное воинское обучение в школах, на заводах и в деревнях; немедленное создание сплоченных кадров из наиболее самоотверженных борцов; привлечение военных специалистов в качестве консультантов... насаждение военных комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма"¹⁰.

Троцкий взялся за новое для него дело со страстью одержимого: выступал, писал, инструктировал, принимал множество людей. Через его кабинет, быстро обставленный Сермуком, в здании бывшего Александровского кадетского училища проходили командиры отрядов Красной гвардии, старые чиновники интендантского ведомства, вновь назначенные комиссары, бывшие генералы и полковники Николаевской военной академии, матросы, журналисты. Почти ежедневно Троцкий обсуждал военные вопросы один на один с Лениным. Впрочем, с марта 1918 года, когда почти все члены правительства поселились в

Кремле*, повседневно общался с Лениным не только Троцкий. Позже он вспоминал об этом времени:

“В кавалерийском корпусе, напротив Потешного Дворца, жили до революции чиновники Кремля. Весь нижний этаж занимал сановный комендант. Его квартиру теперь разбили на несколько частей. С Лениным мы поселились через коридор. Столовая была общая. Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо. Взамен мяса давали солонину. Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии, вследствие прекращения экспорта. Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции...

С Лениным мы по десятку раз на день встречались в коридоре и заходили друг к другу обменяться замечаниями, которые иногда затягивались минут на десять и даже на четверть часа, — а это была для нас обоих большая единица времени... Облачко брест-литовских разногласий рассеялось бесследно. Отношение Ленина ко мне и членам моей семьи было исключительно задушевное и внимательное. Он часто перехватывал наших мальчиков в коридоре и возился с ними”¹¹.

В процессе создания Красной Армии новый нарком видел перед собой прежде всего человека в шинели и считал своей главной заботой “революционное воспитание” солдатских масс. Вопросы стратегические, оперативные, тактические, штабные, в которых он был дилетантом, как-то отходили на второй план. Слушая доклады работников комиссариата о ходе формирования новых частей Красной Армии, Троцкий искал идейный “раствор”, с помощью которого можно было бы соединить вчерашних крестьян, рабочих, разночинцев, как и бывших офицеров, в одну боевую революционную семью и вместе с тем связать их не только моральной ответственностью, но и правовой, угрожая революционной карой за невыполнение приказа.

В середине апреля, придя из наркомата, Троцкий в один присест написал текст “Социалистической военной присяги”. В шести пунктах говорилось о значении военной службы, о долге

* Поразительно, как быстро лидеры революции, еще вчера поносившие старую власть за расточительную роскошь, воспользовались ею. Шикарные апартаменты, лимузины, загородные дома, личные врачи... Власть всегда порочна, и она обычно деформирует большинство лиц верхнего эшелона. Только демократия способна “покончить” с этой закономерностью. — Д.В.

и чести воина, об обязательстве "добросовестно изучать военное дело", о готовности по первому зову выступить на защиту Советской Республики, не щадя "своих сил и самой жизни" и т.д. Заключительный пункт присяги гласил: "Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение, и да покарает меня суровая рука революционного закона"¹².

Текст присяги был утвержден ВЦИКом 22 апреля 1918 года. Десятилетиями советские воины, принимая присягу (содержание ее менялось незначительно), конечно, не догадывались, что ее авторство принадлежит "презренному фашистскому наемнику Троцкому" (по терминологии "Краткого курса"). Как бы мы ни относились к бывшему наркому по военным делам, нельзя не отдать должное способности этого человека изложить в двух десятках строк такие идеи, которые не "линяют" под действием времени.

Среди вопросов, которым Троцкий в 1918 году уделял особое внимание, был вопрос о комиссарах и военных специалистах. Обладая острым, масштабным умом, способностью оценить весь драматизм положения Советской Республики, он понимал: массовая мобилизация рабочих и крестьянства — шаг абсолютно необходимый, но недостаточный. Эту массу нужно сплотить, научить, вдохновить, повести вперед. Самородков из народа, избранных командирами, явно недостаточно, чтобы превратить аморфные, слабо организованные отряды в революционные части регулярной армии. Нужны комиссары — политические организаторы и вдохновители этих частей; нужны опыт и знания старого офицерства, тех из них, кто не ушел к белым и кто пока мучительно колеблется.

По инициативе Троцкого в июне 1918 года состоялся I Всероссийский съезд военных комиссаров. Выступая на нем 7 июня, нарком предельно ясно и откровенно изложил две основные функции комиссаров в армии: политическое воспитание бойцов и контроль за действиями командного состава. Троцкий признал, что добровольческий принцип формирования армии оправдал себя "только на треть", ибо в частях "много элемента негодного — хулиганов, лодырей, отбросов". Поэтому "на обязанности военных комиссаров лежит неуспешная работа в области поднятия сознательности в недрах армии и беспощадного искоренения проникшего в нее нежелательного элемента". Троцкий категорически заявил, что "комиссар является непосредственным представителем Советской власти в армии, защитником интересов рабочего класса... Если комиссар заме-

тил, что со стороны военного руководителя угрожает опасность революции, комиссар имеет право беспощадно расправиться с контрреволюционером вплоть до расстрела"¹³. Так Троцким закладывалась идейная беспощадность большевиков, которая переросла затем в жестокость по отношению к многочисленным врагам.

Тогда, кроме большевиков, комиссарами могли быть и левые эсеры. Сам Троцкий, например, назвал левого эсера Кривошеина "прекрасным губернским комиссаром" в Курске. Но скоро монополия большевиков не только на власть, но и на комиссарство станет безраздельной. Троцкого, как и всех большевистских руководителей, не смущало, что комиссар, исходя из партийной установки, является "защитником интересов рабочего класса", хотя армия в основном была крестьянская... В то время еретическая мысль об антидемократичности диктатуры одного класса (который был в абсолютном меньшинстве по сравнению с крестьянством) едва ли приходила кому-либо в голову. Право комиссара "беспощадно расправиться" сегодня выглядит как один из истоков будущих массовых беззаконий.

Пожалуй, никто так последовательно и решительно не отстаивал идею широкого использования военных специалистов в строительстве Красной Армии и деле защиты революции, как Троцкий. Летом и осенью 1918 года, несмотря на отрицательное отношение к данному вопросу многих видных революционеров, Троцкий опубликовал в центральной печати ряд ярких материалов по этой проблеме. Статьи в "Известиях ВЦИК", "Правде", многочисленные выступления ясно показывали отношение наркома к использованию военспецов. "Офицерский вопрос", "Об офицерах, обманутых Красновым", "Унтер-офицеры, на командные посты!", "Унтер-офицеры", "Красные офицеры", "О бывших офицерах", "Военные специалисты и Красная Армия" и многие другие статьи и речи Троцкого были посвящены главной, кадровой проблеме создаваемой армии.

Наверное, в наиболее полном виде свою позицию относительно использования военных специалистов Троцкий изложил в статье "Военные специалисты и Красная Армия", написанной в последнюю ночь тяжелейшего 1918 года. Троцкий пишет, что ему, последовательному стороннику использования военспецов в Красной Армии, постоянно приходится выслушивать упреки и возражения товарищей по этому поводу. "Когда придирки становились более настойчивыми... — продолжает нарком, — приходилось прибегать к аргументу не столько логическому, сколько эмпирическому:

— А вы можете мне сегодня дать 10 начальников дивизий, 50 полковых командиров, двух командующих армиями, одного командующего фронтом — все из коммунистов?

В ответ на это, — говорил Троцкий, — ”критики” уклончиво смеялись и переводили разговор на другую тему”¹⁴.

Конечно, при всех прочих равных условиях Советская власть, рассуждает руководитель военного ведомства, всегда предпочла бы командира-коммуниста некоммунисту... Но никто не предлагал нам выбирать между командирами-коммунистами и некоммунистами. Последних просто не было. Чувствуя исключительно сильную оппозицию принципиальной линии Ленина—Троцкого на широкое использование военспецов, Лев Давидович приводит один за другим убедительные аргументы в защиту своей точки зрения.

”У нас ссылаются нередко, — пишет Троцкий, — на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ”¹⁵.

Подкрепляя свою линию на необходимость использовать бывших поручиков, капитанов, полковников и генералов, Троцкий далее пишет: ”Широкая публика знает почти о всех случаях измены и предательства лиц командного состава, но, к сожалению, не только широкая публика, но и более тесные партийные круги слишком мало знают о всех тех кадровых офицерах, которые честно и сознательно погибли за дело рабочей и крестьянской России. Только сегодня мне комиссар рассказывал о капитане, который командовал всего-навсего отделением и отказывался от более высокого командного поста, потому что слишком тесно сжился со своими солдатами. Этот капитан на днях пал в бою...”¹⁶ Когда же речь шла о конкретном факте предательства, здесь Троцкий был непреклонен, даже беспощаден. Об этом, например, свидетельствует дело А.М.Щастного.

Начальник морских сил Балтфлота капитан I ранга А.М.Щастный 27 мая 1918 года был арестован по постановлению наркомвоена Л.Д.Троцкого, которое было одобрено на

следующий день Президиумом ВЦИК. Дело по обвинению Щастного в подготовке контрреволюционного переворота слушалось 20 — 21 июня в Верховном трибунале Республики. Единственным свидетелем обвинения выступал Троцкий. В своих показаниях на заседании трибунала он в качестве главного факта обвинения Щастного приводит содержание политического реферата, который начальник морских сил Балтфлота собирался прочесть на съезде морских делегатов. “Весь конспект с начала до конца, — говорил Троцкий, — несмотря на всю внешнюю осторожность, есть неоспоримый документ контрреволюционного заговора... Это была определенная политическая игра — большая игра, с целью захвата власти. Когда же г.г. адмиралы или генералы начинают во время революции вести свою персональную политическую игру, они всегда должны быть готовы нести за эту игру ответственность, если она сорвется. Игра адмирала (Троцкий ошибочно назвал Щастного адмиралом. — *Д.В.*) Щастного сорвалась”¹⁷.

Суд был скорым. Но, скорее всего, не правым. Очень похоже, что расстрел, к которому приговорили бывшего царского капитана I ранга, был вынесен лишь за подозрение в нелояльности и попытку установить “диктатуру Балтийского флота”. Никаких конкретных улик не было. Надо заметить, что суд над Щастным (если так можно назвать процедуру, где был один свидетель-обвинитель, но не было защитников) — первый политический процесс в Советской России, на котором был вынесен смертный приговор. И еще — первые шаги в этой области были связаны с нарушением законов. Но у революции свои “законы”. Часто — незаконные. Безграничное насилие — апофеоз беззакония. Чрезвычайность революционных законов способна, борясь со злом, творить новое зло, часто большее по масштабам, чем прежде. Троцкий был идеальным исполнителем этих “законов”.

Особенно ярко Троцкий проявил это качество при подавлении Кронштадтского мятежа (март 1921 г.), вспыхнувшего накануне X съезда партии. Когда Троцкому доложили о восстании, он тут же продиктовал обращение:

”К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов.

Приказываю:

Всем поднявшим руки против социалистического Отечества немедленно сложить оружие.

Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей.

Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников железной рукой...”

Это обращение подписали нарком Троцкий, главком Каменев, командарм 7-й армии Тухачевский, начальник Штаба РККА Лебедев¹⁸. Сегодня мы знаем, что “железная рука” пролетарской диктатуры казнила руководителей и наиболее активных участников кронштадтских событий.

Много позже, когда на Западе вспомнили кровавую роль Троцкого в подавлении мятежа, он долго оправдывался и в своем “Бюллетене оппозиции”, и в письмах своим сторонникам. Эти письма (несколько сотен) оказались вскоре в руках НКВД... Троцкий, объясняя причины жестокого подавления восстания, писал: “Революция имеет свои законы”. Она признает только сильных, независимо от того, с кем имеешь дело. “За годы революции у нас было немало столкновений с казаками, крестьянами, даже с группами рабочих (группы уральских рабочих организовали добровольческий полк в армии Колчака)... В разных частях страны орудовали так называемые “зеленые” крестьянские отряды, которые не хотели признавать ни “красных”, ни “белых”. Бывало, когда “зеленые” сталкивались с “белыми” и терпели от них жестокий урон; но они не встречали, конечно, пощады и со стороны “красных”¹⁹. Другими словами, по Троцкому, жестокость, безбрежное насилие и непреклонность в его применении и есть важнейший “закон революции”.

В “Архиве русской революции” опубликовано множество свидетельств безудержного террора с обеих сторон. Бывший белый офицер В.Ю.Арбатов вспоминал: “Руководитель ЧЕКА города Екатеринославля Валявка по ночам выпускал по десять—пятнадцать арестованных в небольшой огороженный высоким забором двор. Сам Валявка с двумя-тремя товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи по всему городу... Белые действовали не лучше; придя, они грабили город целый день...”²⁰

Став наркомвоенном, уделяя особое внимание формированию соединений и частей Красной Армии, Троцкий одновременно все больше втягивался в нарастающую борьбу с контрреволюцией, поднявшей голову на необозримых пространствах России. Если период с Октябрьского восстания по март 1918 го-

да В.И. Ленин назвал “победным триумфальным шествием большевизма”²¹, то с марта (когда Троцкий возглавил военное ведомство) начался долгий контрреволюционный откат. При этом если “триумфальное шествие” Советской власти сопровождалось, говоря ленинским языком, “не столько военными действиями, сколько агитацией”²², то волна контрреволюции была кровавой. Приходя рано утром в свой кабинет, Троцкий просматривал целую пачку телеграмм, сообщений, донесений из самых разных мест страны, в которых говорилось о мятежах, восстаниях, выступлениях контрреволюции, десантах интервентов, переходе на сторону врага целых частей и гарнизонов. Один из томов своих сочинений Троцкий посвятил гражданской войне. Период, начиная с марта 1918 года, Троцкий назвал “первым валом контрреволюции”.

Мятеж Каледина на Дону, выступление Дутова на Южном Урале, восстание Довбор-Мусницкого в Белоруссии, наступление на Украине германских и австро-венгерских войск, вторжение в Закавказье турецких частей, восстание армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов... На большой оперативной карте в кабинете Троцкого появлялись все новые и новые синие флажки, обозначавшие очередные очаги контрреволюции. Эти синие пятна угрожающе росли, расползались, соединялись друг с другом, сметая красные флажки с названий городов, районов, губерний...

Председатель Высшего Военного Совета постоянно заслушивает представителей фронтов, приглашает военных специалистов, звонит Ленину, старается что-то предпринять, изменить положение, которое быстро становится катастрофическим. Нарком ежедневно отдает множество распоряжений, удачных и неудачных, целесообразных и весьма сомнительных. После принятия решения — по предложению военспецов — об организации войск прикрытия следит, как укрепляются Петроградский и Московский районы обороны, как выполняется постановление о создании волостных, губернских и окружных комиссариатов, как вывозятся оборудование, военное имущество, продовольствие из районов, которым угрожает оккупация.

Троцкий пытается предпринять радикальные меры в военном строительстве. Созданная под его председательством комиссия по делам Главвоздухфлота ставит в Реввоенсовете вопрос о формировании военной авиации²³. Заботится Троцкий и о наземных родах войск. Через Склянского нарком передает телеграмму: “Совершенно необходимо приступить на Урале или на других заводах к производству танков, использовав для это-

го, если возможно, части тракторов. Присутствие известного числа танков на Южфронте будет иметь огромное психологическое значение...²⁴ В критический момент весны 1919 года Троцкий готов пойти на страшный шаг, телеграфируя в Москву: "...необходимо создать возможность применения удушливых газов. Нужно найти ответственное лицо для руководства ответственными работами..."²⁵. Но то ли "ответственное лицо" не нашли, поскольку в любой революции масса безответственных фигур, то ли дело оказалось сложнее, чем представлялось Троцкому, но, слава богу, опыт мировой войны не нашел "удушливого" продолжения на российских равнинах.

Работоспособность Троцкого была поразительна. Он успевает написать проект Декрета о всеобщем обучении граждан военному искусству, принять назначенных руководителей курсов по подготовке красных командиров, отредактировать Извещение о привлечении на службу в Красную Армию военных специалистов, обговорить с К.К.Юреневым (Председателем Всероссийского бюро военных комиссаров, созданного в апреле 1918 г.) вопрос о работе военкомов, рассмотреть практическую сторону дела в связи с учреждением Всероссийского Главного Штаба... Сотни, тысячи дел проходят через канцелярию Троцкого. Его подпись — на множестве документов того времени: важных и второстепенных, срочных и малопонятных. Назову хотя бы некоторые из них, чтобы представить диапазон работы Председателя Высшего Военного Совета, а с сентября 1918 года (после упразднения ВСС) — Председателя Революционного Военного Совета Республики (РВСР):

1. Положение о "Коллегии военной техники маскировки" для развития "военно-маскировочного искусства..."²⁶.

2. Распоряжение Воронежскому городскому исполнительному комитету об улучшении чистки в советских учреждениях и исполнении приказов по ловле дезертиров...²⁷

3. Телеграмма в Арзамас о необходимости неукоснительного подчинения Ворошилова Сытину²⁸.

4. Письмо наркому путей сообщения Невскому о выделении вагона-гаража (из бывшего царского поезда) товарищу Орнат...²⁹

5. Телеграмма Председателю ЦИК. Копия — Предсовнаркома Ленину. "Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил..."³⁰

6. Приказ об изгнании из армии за трусость и шкурничество...³¹

Сотни, тысячи документов... Пока Склянский, заместитель

Троцкого по РВСР, не отладил работу Совета, на его деятельности лежала печать спонтанности, даже хаоса и постоянной вынужденной импровизации. Нетрудно представить состояние Троцкого, которому докладывали множество неотложных, кричащих, горящих дел, а в это время на его стол ложились все новые страшные телеграммы: немцы захватили Таганрог; казачий отряд совершил налет на Оренбург; произошло восстание правых эсеров в Саратове; эсеры-максималисты подняли мятеж в Самаре; финские белогвардейцы расстреляли большую группу революционеров в Свеаборге; чехословаки заняли Пензу, Сызрань и Моршанск; генерал Краснов вошел в Лиски... И это всего несколько майских дней 1918 года.

В середине года положение Советской Республики было, наверное, самое тяжелое, на грани безнадежного. Думаю, столь же смертельная опасность будет грозить стране еще один раз, когда в 1919 году Деникин подойдет к Туле. А пока — интервенция англичан, французов, американцев, японцев в Мурманске, Архангельске, Туркестане, Закавказье, Владивостоке, мятеж чехословацкого корпуса, который Антанта объявила своей ударной боевой силой... В сводках замелькали новые политические образования: комитет членов Учредительного собрания в Самаре, эсеровское правительство в Екатеринбурге, Уфимская директория, гетманство Скоропадского... Много позже Троцкий напишет об этом времени: “Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Ее территория сузилась до размеров старого московского княжества. У нее почти не было армии. Враги облегли ее со всех сторон. За Казанью наступала очередь Нижнего. Оттуда открывался почти беспрепятственный путь на Москву...”³²

По предложению Ленина 29 июля 1918 года состоялось чрезвычайное объединенное заседание ВЦИК и Моссовета, на котором Ленин выступил с речью “О положении Советской Республики”, а затем Троцкий сделал доклад “Социалистическое Отечество в опасности”. Ленин впервые провозгласил: Советская Республика снова оказалась в огне войны, которую навязали внутренняя и внешняя контрреволюция. Отныне судьба страны, Советской власти зависит от того, кто победит в этой войне. Поэтому слова “Все для фронта” должны стать альфой и омегой для каждого. Все понимали: страна на грани катастрофы. Если не принять экстраординарных мер, Республика падет, и контрреволюция отпразднует победу. Троцкий это понимал лучше других. Думаю, в критические месяцы 1918 года, как и на этом заседании, нарком проявил свои лучшие каче-

ства: исключительную решительность, готовность бороться до конца, уверенность в том, что не все потеряно, что революцию можно спасти. В зал, куда были приглашены не только члены ВЦИК и Моссовета, но и партийный, профсоюзный, военный актив столицы, падали слова, полные убежденности, силы и исторической правоты. Троцкий говорил суровую, даже страшную правду, одновременно подчеркивая: выход есть, положение небезнадежно, революционная энергия еще не иссякла. Но многие выводы и предложения были жесткими, даже жестокими. Главное, голос Троцкого становился металлическим, нужно вдохнуть в сознание людей уверенность в возможность победы.

”Наши красноармейские части лишены необходимой духовной и боевой спайки, так как не имеют еще боевого закала... Здесь, в этом зале, нас до двух тысяч человек, а то и свыше, и мы в своем подавляющем большинстве, если не все, стоим на одной революционной точке зрения. Мы не составляем с вами полка, но, если нас сейчас превратить в полк, вооружить и отправить на фронт, я думаю, это был бы не самый худший полк в мире. Почему? Потому ли, что мы квалифицированные солдаты? Нет, но потому, что мы объединены определенной идеей, одушевлены твердым сознанием, что на фронте, куда нас отправили, вопрос поставлен историей ребром и что тут нужно или победить или умереть”³³. Троцкий тут же трансформировал эту мысль в конкретное предложение: для того чтобы в каждом подразделении, части было твердое коммунистическое ядро, которое он назвал ”сердцем полка и роты”, нужно из Москвы, Петрограда, из других городов послать на фронт наиболее сознательных рабочих, коммунистов, агитаторов. ”Петросовет, — заявил Троцкий, — уже постановил четвертую часть своего состава, т.е. около 200 членов, отправить на чехословацкий фронт в качестве агитаторов, инструкторов, организаторов, командиров, бойцов”. Как и Ленин, Троцкий проницательно увидел в ”дисциплине революционного сознания” спасительный шанс, возможно, последний. Последующие события подтвердили его правоту.

Голос Троцкого стал еще более жестким, когда он заговорил об участвовавших фактах перехода на сторону белых военных спецов, назвав при этом в качестве примера фамилию Махина, Богословского, Веселаго. Нам нужно, заявил докладчик, ”фрондирующее офицерство обуздать железной уздой”. Надо взять на учет все бывшее офицерство, которое не желает работать на нас, и ”запрятать его в концентрационные лагеря”. А

если будут замечены подозрительные действия офицера, которому даны командные права, ”то, разумеется, виновный — об этом нечего и толковать, тут вопрос ясен и прост — должен быть расстрелян”³⁴.

Словами Троцкого говорило якобинство русской революции. ”Мы не имеем ни одного лица в высшем командовании, у которого не было бы комиссаров справа и слева, и если специалист нам не известен, как лицо, преданное Советской власти, то это комиссары обязаны бодрствовать, ни на один час не спуская глаз с этого офицера. И если эти комиссары, справа и слева с револьверами в руках, — продолжал Троцкий, и его слова были словами русского Робеспьера, — увидят, что военспец шатается и изменяет, он должен быть вовремя расстрелян”³⁵. Троцкий призвал крепить волю пролетариата, ибо сегодня воля — это ”половина победы”.

После выступлений Ленина и Троцкого была принята резолюция, подготовленная Председателем ВВСР, в которой нашли отражение все выводы и предложения, прозвучавшие в докладах. Жестокое время было стихией этих людей. Революция висела на волоске. Троцкий спустя годы мог бы сказать: революцию спасла только воля. Революционная и жестокая воля. Позже эта же воля ее фактически погубит. ”Револьверное право” комиссаров, по мнению Троцкого, было лишь неизбежным выражением ”суровости пролетарской диктатуры”³⁶.

Во главе Реввоенсовета

Когда революция, по выражению Троцкого, находилась ”в самой низкой точке”, 2 сентября 1918 года ВЦИК специальным декретом объявил социалистическое Отечество в опасности, а Советскую Республику — военным лагерем. Этим же декретом учреждался высший военно-политический орган — Революционный Военный Совет Республики, в который входили видные военные работники партии. По предложению Свердлова Председателем РВСР был назначен Л.Д.Троцкий. За несколько недель до этого Троцкий в сопровождении группы московских коммунистов-агитаторов выехал на Восточный фронт, где складывалась почти катастрофическая обстановка. Пламя гражданской войны стремительно взметнулось вверх, как будто кто-то бросил в тлеющий костер

вязанку сухого хвороста. Противоборствующие стороны надеялись решительными ударами одержать быструю победу.

Казалось, что кукушка прокуковала конец революции. Перед этим пал Симбирск, а затем и Казань. Поезд Троцкого, которому предстоит стать знаменитым, смог прийти лишь до Свияжска, крупной станции перед Казанью.

Выехав из Москвы, Троцкий всю дорогу до Свияжска поочередно вызывал к себе в вагон тех или иных руководителей, давая свои распоряжения по осуществлению необходимых военных и организационных мер. Во время такого инструктажа один московский рабочий-коммунист поставил перед Троцким вопрос:

— Что делать с комиссарами из левых эсеров и вообще как к ним относиться?

Троцкий, внимательно посмотрев на рабочего, не раздумывая, повторил те слова, которые он произнес 9 июля 1918 года на V Всероссийском съезде Советов:

— Партия, которая могла быть так безумна со своей маленькой кликой во главе, что стала против воли и сознания подавляющего большинства рабочих и крестьян, — эта партия убила себя в дни 6 и 7 июля навсегда. Эта партия воскрешена быть не может!

— Значит, всех убрать? — не унимался агитатор.

— Оставить только тех, кто публично осудил мятеж и порвал с авантюристами!

Отдав распоряжения, Троцкий откинулся в кресле и под размеренный стук колес предался размышлениям. Революция на Западе запаздывает. Территория Российской Советской Республики за два-три месяца середины 1918 года сократилась в несколько раз. Везде подняли голову недоброжелатели, противники, враги. А здесь еще этот мятеж...

Троцкий помнит, как Ленин после подавления мятежа левых эсеров предложил ему сделать доклад на V Всероссийском съезде Советов. Нарком, держа в руках несколько листочков с тезисами, обрисовал вначале фактическую сторону дела.

Левые эсеры, которые называют себя "советской партией", говорил Троцкий, все настойчивее требовали "объявить немедленную войну Германии". Чтобы вызвать войну наверняка, они убили германского посла Мирбаха. Кто виноват в этом? Троцкий назвал руководство партии "безумцами — темными людьми". Перечислив "виднейших деятелей партии левых с.р." — Александровича, Карелина, Камкова, Спиридонову, Черепанова, Троцкий спросил: может ли вся партия нести от-

ветственность за их действия? Если левые эсеры будут идти за своим ЦК — это значит идти против власти и наоборот. ”Тов. Ленин здесь же говорил, — напомнил Троцкий, — что Спиридонова — честнейший человек, искренний человек. Но горе той партии, честнейшие люди которой в борьбе вынуждены прибегать к клевете и демагогии!” Эти люди, заявил Троцкий, надели ”интеллигентский колпак с бубенцами на недовольство части народных масс” и потребовали немедленной войны с Германией. Но ”советская власть есть власть... В данный момент перед властью стоит самый острый вопрос — вопрос о войне и мире. Если этот вопрос не может решать власть, а может решать кучка проходимцев, то нет у нас власти...”.

В полной тишине зала Большого театра, где заседал съезд, Троцкий рисовал реальную картину мятежа. Левые эсеры, скотлив отряд до двух тысяч человек с несколькими пушками и пятью-шестью десятками пулеметов, из Трехсвятительского переулка направились по своему маршруту: захватили телеграф и наркома почт Подбельского, задержали Дзержинского, открыли беспорядочный огонь по Кремлю. ”Когда мы из здания Кремля наблюдали падавшие во двор, к счастью, немногочисленные снаряды, то говорили себе: Совет Народных Комиссаров является сейчас естественной мишенью для левых социал-революционеров...”

Наши части, продолжал Троцкий, были расположены у Храма Христа Спасителя, на Страстной площади у памятника Пушкину, на Арбатской площади и в Кремле. После активных действий Подвойского, Муралова, Вапетиса седьмого днем эсеры беспорядочно отступили, двигаясь на Курский вокзал. Отряды, направлявшиеся на помощь левым эсерам из Петрограда и с Западной пограничной полосы, безболезненно разоружены. Небольшая стычка произошла лишь в Пажеском корпусе, где разоружалась левозеровская дружина: мы потеряли 10 человек убитыми и 10 ранеными... Такова фактическая сторона событий³⁷.

Так печально закончился короткий альянс большевиков с левыми эсерами. Троцкий предложил резолюцию, которую принял V Всероссийский съезд Советов, где говорилось, что левым эсерам отныне ”не может быть места в Советах Рабочих и Крестьянских депутатов”³⁸. Ни левые эсеры, ни большевики не поняли ни тогда, ни позже, какой огромный исторический шанс был ими упущен в 1918 году. Авантюристическая выходка левых социалистов-революционеров была на руку большевикам, которые даже символически ни с кем власть делить не хотели.

Троцкий был один из тех, кто последовательно придерживался этой линии.

Следует заметить, что в истории левозсеровского мятежа остается много неясных моментов, на которые в последнее время обращают внимание советские историки. По чьему прямому заданию стрелял Блюмкин? Было ли на этот счет решение ЦК партии левых эсеров? Почему не было проведено тщательное следствие? Одно ясно: события 6 июля 1918 года стали для Ленина очень хорошим предлогом, чтобы расправиться с партией левых эсеров. В телеграмме Ленина Сталину в Царицын содержался приказ начать массовый террор против левых эсеров, что и было сделано.

...Но все это уже осталось позади. А теперь Троцкому предстояло самому или осуществлять перелом, или ждать самого худшего и погибнуть в последнем бою. А оно, худшее, было реальным. В своих воспоминаниях Троцкий писал об этих днях: "Армия под Свяжском состояла из отрядов, отступивших из-под Симбирска и Казани или прибывших на помощь с разных сторон. Каждый отряд жил своей жизнью. Общей всем им была только склонность к отступлению. Слишком велик был перевес организации и опыта у противника. Отдельные белые роты, состоявшие сплошь из офицеров, совершали чудеса. Сама почва была заражена паникой. Свежие красные отряды, приезжавшие в бодром настроении, немедленно же захватывались инерцией отступления. В крестьянстве пополз слух, что Советам не жить. Священники и купцы подняли головы. Революционные элементы деревни попрятались. Все осыпалось, не за что было зацепиться, положение казалось непоправимым"³⁹. Еще до приезда в Свяжск Троцкий продиктовал приказ № 10, пропитанный духом якобинства:

"Всем, всем, всем...

Борьба с чехо-белогвардейцами тянется слишком долго. Неряшливость, недобросовестность и малодушие в наших рядах являются лучшими союзниками наших врагов. В поезде наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал, который снабжен неограниченными полномочиями.

Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва—Казань г. Каменщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свяжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы (так в тексте. — Д.В.), контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на мес-

те преступления или приговариваться трибуналами к другим карам...

8 августа 1918 года

*Л.Троцкий*⁴⁰.

В своей телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта Ленин отмечал: “Сейчас вся судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань—Урал—Самара”⁴¹. Тогда Высший Военный Совет направлял на Восточный фронт что мог: 1-й и 2-й Московские революционные полки, 2-й и 6-й Петроградские полки, несколько латышских полков, военные корабли с Балтики. Надо сказать, что бывшие генералы из Высшего Военного Совета, которые активно включились в организацию обороны Республики от внешнего врага, не очень охотно участвовали в организации отпора на Восточном фронте — против внутренней контрреволюции. Ленин упрекал ВВС за медлительность в этом вопросе и требовал двинуть на восток все боеспособные части. К моменту приезда Троцкого на этот фронт Центром было направлено 11,5 тысячи человек, 19 орудий, 136 пулеметов, 16 самолетов, 6 бронепоездов и 3 броневика⁴². Это был максимум того, что обескровленная Республика могла дать Восточному фронту. Но Троцкий знал, что здесь революционным войскам противостоят заметно превосходящие силы: 50 тысяч штыков и сабель, до 190 орудий и 20 вооруженных пароходов⁴³. Троцкий поддержал предложение военных специалистов перейти от отрядной системы организации армии к классической, когда армия состоит из трех дивизий, конного корпуса и авиагруппы. К концу августа на Восточном фронте было сформировано пять армий общей численностью около 70 тысяч человек, более 250 орудий и свыше 1000 пулеметов⁴⁴.

В разгар подготовки контрнаступления Восточного фронта, которое готовил его командующий И.И.Вацетис и штаб, белогвардейская бригада под командованием полковника В.О.Капеля совершила рейд по тылам 5-й армии и атаковала Свяжск, откуда открывался путь к центру страны. Здесь же находился поезд наркомвоена. “Мы были изрядно застигнуты врасплох, — вспоминал Троцкий. — Боясь потревожить нестойкий фронт, мы сняли с него не больше двух-трех рот. Начальник моего поезда снова мобилизовал все, что было под руками в поезде и на станции, вплоть до повара. Винтовок, пулеметов, ручных гранат у нас было достаточно. Поездная команда состояла из хороших бойцов. Цепь залегла в версте от поезда, сражение длилось около 8 часов, обе стороны понесли жертвы,

неприятель выдохся и отступил. Тем временем перерыв связи со Свяжском вызвал в Москве и по всей линии огромную тревогу⁴⁵.

Здесь Троцкий неточен. В отражении атаки каппелевцев участвовали части 5-й армии, в том числе необстрелянный 2-й Петроградский рабочий полк, бежавший с поля боя вместе с командиром и комиссаром. По указанию Троцкого военно-полевой суд 5-й армии приговорил к расстрелу каждого десятого из дезертиров и среди них командира и комиссара полка. Троцкий, неоднократно отвечая на обвинения в их расстреле (вплоть до 1927 г.), подчеркивал, что они были расстреляны не как коммунисты, а как дезертиры. Специальная комиссия ЦК оправдала действия Троцкого. Тем не менее все годы гражданской войны и после его противники муссировали легенду о расстреле лично Троцким комиссаров и командиров.

...Наркомвоен сообщил в Центр, в связи с чем была прервана связь его поезда с Москвой. Ленин тут же откликнулся шифротелеграммой Троцкому, которая сохранилась в его архиве:

”Свяжск, Троцкому

Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел Вацетиса, как и командарма под Казанью и высших командиров, в случае затягивания и неуспеха действий? Советую вызвать многих заведомо энергичных и боевых людей из Питера и других мест фронта. Не подготовить ли сейчас Блохина и других для занятия высших постов?

30 августа 1918 г. № 111/ш.

*Ленин*⁴⁶.

Троцкий, видимо, почувствовал, что столь радикальная телеграмма вызвана прежде всего его сообщением о каппелевском прорыве. Ему, вероятно, пришлось пережить неприятные минуты, в течение которых разум боролся с совестью, но сразу скажу, что в связи с каппелевским инцидентом ни Вацетиса, ни командующего 5-й армией он не стал привлекать к ответственности. Тем более что на следующий день его помощник Глазман молча положил перед Троцким телеграмму из Москвы:

”Свяжск, Троцкому

Немедленно приезжайте. Ильич ранен, неизвестно, насколько опасно. Полное спокойствие.

*Свердлов*⁴⁷.

Поезд Троцкого тут же отбыл в Москву. ”Настроение в

партийных кругах Москвы было угрюмое, сумрачное, но неколебимое. Лучшим выражением этой неколебимости был Свердлов. Врачи признали жизнь Ленина вне опасности, обещали скорое выздоровление. Я обнадежил партию предстоящими успехами на Востоке и сейчас же вернулся в Свияжск⁴⁸. Вернулся уже Председателем РВСР. А “обнадежил” он руководство партии и Республики своим выступлением 2 сентября на заседании ВЦИК. Как всегда, речь Троцкого была образной:

“...Наряду с фронтами, которые у нас имеются, у нас содался еще один фронт — в грудной клетке Владимира Ильича, где сейчас жизнь борется со смертью и где, как мы надеемся, борьба будет закончена победой жизни. На наших военных фронтах победа чередуется с поражениями; есть много опасностей, но все товарищи несомненно признают, что этот фронт — кремлевский фронт — сейчас является самым тревожным...

Обращаясь к тому фронту, с которого я прибыл, я должен сказать, что не могу, к сожалению, доложить о решающих победах, но зато с полной уверенностью имею возможность заявить, что эти победы предстоят впереди; что наше положение твердо и прочно; что произошел решительный перелом; что мы теперь застрахованы, — постольку, поскольку можно быть застрахованным, — от крупных неожиданностей, и каждая неделя будет усиливать нас за счет наших врагов⁴⁹. Троцкий остался верен себе: если оставался хоть небольшой шанс, он всегда оценивал его оптимистически. Но выданный на заседании ВЦИК вексель — обещанный успех Восточного фронта — он оплатил быстро. По решению командующего фронтом, одобренному Председателем Реввоенсовета Республики, 5 сентября 1918 года войска двух армий перешли в контрнаступление.

А Москва тем временем развернула красный террор в ответ на покушение. Были расстреляны сотни людей. Иногда это делалось и публично. Как вспоминал бывший работник революционного трибунала С.Кобяков, вскоре после покушения на Ленина началась “волна расстрелов. Днем в Петровском парке, в присутствии публики расстреляли бывшего министра юстиции Щегловитова, бывшего министра внутренних дел Хвостова, бывшего директора департамента полиции Белецкого (он победил, но его догнали и пристрелили), бывшего министра Протопопова, протоиерея Восторгова и еще десятки людей...”⁵⁰. Так в огне гражданской войны и крови террора рождалась большевистская Система.

Незадолго до взятия Казани Троцкий принял личное участие в рейде нескольких миноносцев (пришедших по Мариинс-

кой водной системе с Балтики) и вооруженных речных судов под командованием Раскольников в район города. Миноносец был подбит артиллерийским снарядом, но все обошлось. Троцкий вспоминал, что, когда их подбитый корабль, ярко освещенный горячей баржей, груженной нефтью, оказался на виду у берегов, было впечатление, что "миноносец торчал на освещенном плесе, как муха на яркой тарелке. Сейчас нас возьмут под перекрестный огонь, с пристани и с услона. Это было жутко"⁵¹. Главе военного ведомства Советской Республики довелось пережить все чувства, какие могут испытывать бойцы на передовой, под плотным огнем противника. Соединения 5-й армии во взаимодействии с частями 2-й армии и речным десантом под командованием любимца Троцкого Н.Г.Маркина 10 сентября освободили Казань. По сути, то была первая крупная победа Красной Армии на Восточном фронте. Председатель РВС Республики в своих воспоминаниях объяснил природу этой победы следующим образом: "Комиссары получили в частях значение революционных вождей, непосредственных представителей диктатуры. Трибуналы показали, что революция, находящаяся в смертельной опасности, требует высшего самоотвержения. Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессии был, в течение нескольких недель, достигнут необходимый перелом. Из зыбкой, неустойчивой, рассыпающейся массы создалась действительная армия"⁵².

Как только Троцкий получил телефонное сообщение Военсовета 5-й армии о взятии Казани, он тут же продиктовал:
"Приказ № 33

По Красной Армии и Красному флоту

10 сентября 1918 года.

День 10 сентября войдет праздником в историю социалистической революции. Частями пятой армии Казань вырвана из рук белогвардейцев и чехословаков. Это поворотный момент...

Солдаты и матросы пятой армии! Вы взяли Казань. Это зачтется вам. Те части и отдельные бойцы, которые особенно отличились, будут соответственно вознаграждены рабочей и крестьянской властью... От имени Совета Народных Комиссаров я вам говорю: товарищи, спасибо!

Председатель Революционного Военного Совета Республики
*Л.Троцкий*⁵³.

На другой день, 11 сентября, в городском театре состоялся митинг, на котором присутствовали представители частей, освободивших Казань, местные большевики, жители города. С

большой речью выступил воодушевленный победой Троцкий. Он, в частности, сказал: "Учредительное собрание! Под этим лозунгом еще вчера у стен Казани буржуазия пыталась противостоять рабочим и крестьянам, умиравшим в борьбе против этого лозунга. Учредительное собрание представляет собою совокупность классов и партий, т.е. состоит из представителей всех партий, от помещиков до пролетариата. И вот мы спрашиваем: "кто же в Учредительном собрании будет править? Не предложат ли нам коалицию, а это единственное, что можно здесь предложить — союзное правительство из Лебедева, с одной стороны, и тов. Ленина с другой?". Я думаю, товарищи, что этот номер не пройдет в нашей исторической программе"⁵⁴. Предреввоенсовета, отмечая военное значение победы под Казанью, выступал здесь как один из политических вождей большевиков, категорически отказавшихся делить с кем-либо завоеванную власть.

После сентябрьского военного успеха на Волге, когда были освобождены Казань, Симбирск, Хвалынский, другие города, Троцкий смог поднять голову от карты Восточного фронта и посмотреть на панораму гражданской войны в целом. По указанию Совнаркома и ЦК партии Реввоенсовет Республики начал координировать и направлять действия многочисленных фронтов и направлений. Среди членов Реввоенсовета особенно близкие, теплые отношения сложились у Троцкого с Иваном Никитичем Смирновым, членом Военного совета Восточного фронта. Председатель Реввоенсовета в последующем так характеризовал одного из членов Совета: "Смирнов представляет собою наиболее полный и законченный тип революционера, который свыше тридцати лет тому назад вступил в строй и с тех пор не знал и не искал смены. В самые глухие годы реакции Смирнов продолжал рыть подземные ходы. Когда они заваливались, он не терял духа и начинал сначала. Иван Никитич всегда оставался человеком долга. В этом пункте революционер соприкасается с хорошим солдатом, и именно поэтому революционер может стать превосходным солдатом"⁵⁵. Он и стал превосходным солдатом, а затем и крупным советским работником. Правда, его близость к Троцкому была всем известна, и в 1936 году он был расстрелян по делу так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра.

Троцкий оказывал большое влияние на расстановку, выдвижение и перемещение военных кадров. В конце концов в Реввоенсовет Республики вошли в основном люди, которых предложил именно он. Кто же работал рядом с Троцким и

окружал его в РВСР? Состав постоянно менялся, но вот, например, в один из критических моментов борьбы, в апреле 1919 года, членами РВС были Э.М.Склянский, И.И.Вацетис, П.А.Кобозев, С.И.Аралов, К.Х.Данишевский, В.М.Альтфатер, К.А.Мехоношин, А.П.Розенгольц, И.Н.Смирнов, К.К.Юренев, Н.И.Подвойский, И.В.Сталин, А.И.Окулов, В.И.Невский, В.А.Антонов-Овсенко. Более чем 15 армий, сформированных на разных фронтах, имели весьма пестрый состав. И если начальники штабов были, как правило, военспецы, то членов реввоенсоветов армий Троцкий чаще всего рекомендовал сам. Это С.И.Гусев, И.А.Теодорович, П.К.Штернберг, И.С.Кизильштейн, О.М.Берзин, А.П.Розенгольц, А.М.Орехов, Б.П.Позерн, И.И.Ходоровский, Г.Я.Сокольников, И.Э.Якир, Б.В.Легран и другие коммунисты⁵⁶. Почти все, кто уцелеет в гражданской войне, так же как И.Н.Смирнов, погибнут в роковые 30-е годы. Любая мета в личном деле, связанная с именем Троцкого, представляла смертоносную улику.

Троцкий довольно быстро установил деловой контакт с командующими фронтами, членами революционных военных советов, командующими армиями. Однако в силу его характера особой теплоты в этих отношениях никогда не было. Пожалуй, все ценили ум, энергию, политический напор Председателя Реввоенсовета, но чувствовали: Троцкий не скрывает своего интеллектуального превосходства над ними. Поэтому личных, близких сторонников среди руководящих военных кадров у него было относительно мало. Это могло быть и потому, что командиры объединений и соединений Красной Армии не могли не видеть военный дилетантизм Председателя, который сам редко отдавал распоряжения стратегического и оперативного характера.

Вместе с тем Троцкий был вездесущ: его поезд исколесил дороги вдоль многих фронтов; он был настойчив в организации снабжения войск; его огромная роль в широчайшем использовании военных комиссаров на фронте позволила справиться с ситуацией. Плюс к этому руководство фронтов видело в Троцком "второго человека" в Советской Республике после Ленина, крупного политического и государственного деятеля, человека, обладавшего огромным личным авторитетом. Поэтому Председатель Реввоенсовета Республики, нарком по военным и морским делам играл значительную роль в области стратегии не столько военной, сколько политической. В гражданской войне он был одним из главных живых символов Со-

ветской власти, ее носителем и исключительно энергичным защитником.

С некоторыми военными и политическими деятелями у Троцкого с самого начала гражданской войны “не сложились отношения”. Одним из таких был Сталин. В октябре 1917 года Троцкий едва знал Сталина, никогда не был с ним близок и просто не замечал кавказца, весьма старательно выполнявшего указания и распоряжения Ленина, Свердлова, Зиновьева, Каменева. Он не слышал его выступлений, не был знаком с его инициативами, но видел, что этот человек постоянно входит в состав ЦК, других высших партийных и государственных органов. Когда И.В.Сталин и А.Г.Шляпников в конце мая 1918 года были назначены общими руководителями продовольственного дела на юге России, Троцкий узнал об этом лишь из постановления СНК. Затем Сталин, оставаясь наркомом по делам национальностей, стал членом Реввоенсовета Южного фронта. Вскоре Троцкого начало раздражать поведение Сталина, несколько раз обращавшегося по военным вопросам прямо к Ленину, минуя его, Председателя Реввоенсовета Республики. Иногда Сталин просто игнорировал распоряжения Троцкого.

Ленин быстро это заметил. Мне удалось найти “следы” его реакции на факты игнорирования Сталиным Предреввоенсовета, что выразилось, в частности, в такой телеграмме: “Т.Троцкий. Если Вы не имеете этой и всех расшифрованных... телеграмм тотчас, то пошлите Сталину за моей подписью телеграмму шифром: Адресуйте все военные сообщения также Троцкому, иначе опасная проволочка.

*Ленин*⁵⁷.

На одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту Сталин ответил: “Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой”⁵⁸. Ленинский ответ был лаконичным и твердым:

“На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

*Ленин*⁵⁹.

Не единожды отношения Троцкого и Сталина достигали такого накала, что оба обращались к Ленину как к последней инстанции. Троцкий не мог простить наркомнацу независимости и явного игнорирования Реввоенсовета Республики, тем более

что, когда Сталин выезжал на фронт, оттуда шли жалобы на грубость, произвол, жесткость решений и выводов. Троцкий не раз пробовал убрать Сталина с военной работы.

”Москва. Председателю ЦИК. Копия Предсовнаркома Ленину.

Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину (имеется в виду командующий Южным фронтом П.П.Сытин. — *Д.В.*). До сего дня царицынцы не посылают в Козлов (местонахождение поезда Троцкого. — *Д.В.*) даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии... Царицын (т.е. командование армии. — *Д.В.*) должен либо подчиниться, либо убраться. У нас успехи во всех армиях, кроме южной, в особенности Царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя.

Троцкий’⁶⁰.

Как относился Ленин к обращениям Троцкого? Какова была его реакция? Как умный, проницательный человек, он ранее других заметил глубокую личную неприязнь между Сталиным и Троцким. Лидер русской революции в этом конфликте, ясно сформировавшемся уже в 1918 году, занимал позицию ”для пользы дела”. Конечно, Ленин, действуя как прагматик, не мог сказать и тому и другому всю правду в лицо. Но вначале он пытался их примирить. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Владимира Ильича Троцкому 23 октября 1918 года. В ней Ленин излагал содержание своей беседы со Сталиным, оценку члена Военного совета Южного фронта положения в Царицыне и его желание наладить отношения с Реввоенсоветом Республики. В конце телеграммы Ленин предлагал:

”Сообщая Вам, Лев Давыдович (так в тексте. — *Д.В.*) обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить

прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным⁶¹.

Однако попытки Ленина нормализовать отношения людей, которых через несколько лет он назовет "выдающимися вождями", совершенно не дали желаемого результата. Оба были слишком амбициозны, капризны, самолюбивы, хотя конфликты времен гражданской войны между ними инициировались в основном неисполнительностью, своеволием Сталина, демонстративно игнорировавшего распоряжения, приказы и директивы Председателя Реввоенсовета.

Всю войну Сталин часто обращался через голову Председателя Реввоенсовета Республики прямо к Ленину. Это делало возникшую неприязнь еще более устойчивой. Ленин это видел и в определенной мере даже сочувствовал Троцкому, понимая, что тот обладает большим творческим потенциалом, неизмеримо более широким диапазоном своего влияния.

В июне 1920 года Сталин направил Ленину письмо с фронта, в котором фактически выдвинул требование "либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, ударить на него теперь и, разбив его, освободить силы для Польского фронта. Нынешнее положение, не дающее ясного ответа на вопрос о Крыме, становится нестерпимым"⁶²

Владимир Ильич прямо на этом письме написал записку Троцкому, что свидетельствует о большом доверии к нему как политическому стратегу и просто как соратнику: "Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: "Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа. Ленин. Троцкий"⁶³.

Получив ответную записку Троцкого, Ленин опять обратил внимание: Предреввоенсовета вновь задело то обстоятельство, что Сталин нарушает военную субординацию. Об этих предложениях в Реввоенсовет Республики, по мнению Троцкого, должен был доложить командующий Юго-Западным фронтом А.И.Егоров. На записке Ленин, согласившись, приписал: "Не

без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?"⁶⁴.

Сталин обращался к Троцкому лишь в самых крайних случаях. Обращался официально, безлично. В свою очередь Троцкий, как старший по должности, не упускал случая ука-зать Сталину на неблагополучие в частях фронта, где тот был членом Реввоенсовета. Вот текст одной из таких шифровок:

"Реввоенсовет Южфронта. Вызвать к аппарату Серебрякова или Сталина и потребовать немедленной расшифровки и ответа.

Сведения относительно корпуса Буденного внушают тревогу. По подробному докладу Пятакова части армии Буденного грабят население, в штабах пьянство, что грозит разложить корпус, как разложился корпус Мамонтова. Также и в политическом отношении возможны серьезные осложнения на почве разложения корпуса. Совершенно необходимо, по-видимому, предпринять серьезнейшие меры: подтянуть комиссарский состав, обратив на это особое внимание Ворошилова и Щаденко, проверить комячейки, привлечь к ответственности некоторых командиров и комиссаров, виновных в грабежах и пьянстве, вообще установить в корпусе надлежащий режим и тем спасти его от разложения. Может быть, своевременно оттянуть наиболее расшатанные части конной армии в резерв для упорядочения, иначе при соприкосновении с махновцами кавалеристы могут совершенно разложиться. Прошу сообщить, что вами предпринято или предложено предпринять в этом отношении.

Предреввоенсовета *Троцкий*"⁶⁵.

Мне не удалось обнаружить в архиве ответа Серебрякова или Сталина. Но ясно, что, отправляя такие шифротелеграммы, Троцкий руководствовался не только заботой о состоянии объединений и соединений, но и стремлением уязвить, заставить подчиниться недоброжелателя, упорно игнорирующего власть и волю Председателя Реввоенсовета Республики.

Если говорить о принципиальных расхождениях между Троцким и Сталиным, то главным, конечно же, было отношение к военным специалистам. Позицию Троцкого мы знаем. Она была ленинской. Отношение Сталина — огульное недоверие, подозрение в изменах и заговорах. Дважды (из Царицына — с Ворошиловым и Мининым, из Петрограда — вкупе с Зиновьевым) он обращался в ЦК с требованием изменить политику по отношению к военспецам, обвиняя Троцкого в "потакании" изменам. "Военная оппозиция", выступившая

на VIII съезде партии, зачиналась в Царицыне, а Сталин на съезде был ее закулисным вдохновителем. На совести Сталина — сотни невинно погибших в годы гражданской войны военных специалистов. Установив в партии и стране свою диктатуру, с начала 30-х годов он последовательно и беспощадно — под видом выкорчевывания "врагов народа" — истреблял высших командиров и комиссаров из числа бывших военспецов. Пока они не были уничтожены почти поголовно.

Реввоенсовет работал как военно-политический орган, направляющий стратегическую деятельность главкома и Полевого штаба РВСР. Сам Троцкий редко вмешивался в оперативно-стратегические вопросы, полагаясь на И.И.Вацетиса, а затем С.С.Каменева, других военных специалистов. Но он неуклонно следил за реализацией во фронтовой практике общей линии РКП(б), указаний ЦК, директив Ленина. Уже с осени 1918 года Троцкий, энергичный и жесткий организатор, стремился придать плановые начала военным действиям, особенно на оперативном и стратегическом уровне. По его указанию, например, главком Вацетис подготовил план боевых действий на осенне-зимнюю кампанию 1918/19 года. Троцкий, одобрив стратегический замысел Вацетиса, доложил его Ленину. Суть плана заключалась в укреплении оборонных возможностей Республики, накоплении стратегических резервов и последовательном разгроме сил внутренней и внешней контрреволюции на Украине, в Донбассе, на Кавказе, на Урале и в Сибири. Жизнь затем внесла и впредь в подобные планы свои жесткие коррективы, но архивные документы дают основания утверждать, что действия Троцкого и руководимого им Реввоенсовета Республики не были спонтанными. Вожди революции учились не только искусству управлять социальными, политическими процессами, вызванными Октябрем, но и организованной защите большевистского государства.

Итак, Троцкий, судя по всему, оказался самой подходящей фигурой на высшую военную должность, от которой в огромной степени зависели создание регулярной Красной Армии и защита страны, а затем и разгром вооруженных врагов Советской власти. Горький еще при жизни Ленина вспоминал, как тот оценивал Троцкого: "А вот указали бы другого человека, который способен почти в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть..."⁶⁶ Троцкий стремительно приближался к своему феерическому апогею. Его слава бежала уже далеко впереди знаменитого поезда Председателя Реввоенсовета Рес-

публики, мотавшегося по фронтам, белой петлей охватившим Центральную Россию.

Белое движение

В 1918 году М.Цветаева, еще до того как окатиться на Западе, напишет пророческие строки:

Белая гвардия — путь твой высок:

Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:

Белое тело твое — в песок⁶⁷.

Эти люди были для многих из нас только контрреволюцией, "белогвардейщиной", "царским офицерьем". Мы редко видели в них обыкновенных людей, наших соотечественников, закончивших свои жизни во время "ледяного похода" на Кубани или в ночлежках Константинополя, Белграда, Харбина, Шанхая. Останки россиян, вставших после революции под белые знамена как символ "законного правопорядка", покоятся ныне не только на парижском кладбище Сен-Женевьев де Буа, но и разбросаны по всему свету.

Мы накопили страшный опыт гражданской войны и должны помнить об этом, чтобы никогда не допустить непоправимого. В 1918 году нам не удалось избежать кровавой трагедии.

Один из лагерей гражданской войны — белое движение. В нашей истории ему не повезло, хотя о гражданской войне написано немало. На Западе в свое время вышло много книг непосредственных участников белого движения: генералов Н.А. Данилова, П.Н. Врангеля, А.П. Богаевского, А.С. Лукомского, четырехтомник профессора Н.Н. Головина и других, потерпевших поражение в борьбе с большевиками. В этом ряду наибольшей фундаментальностью отличается пятитомный труд одного из ведущих деятелей белого движения, генерала А.И. Деникина. Рассмотрим эту фигуру подробнее, ибо в ней с наибольшей силой, по моему мнению, выражена трагедия белого движения и гражданской междоусобицы вообще.

Но прежде я хотел бы ответить на возможный вопрос недоуменного читателя: почему я специально остановился на судьбе белого движения и одного из его лидеров в книге, посвященной лидеру другого лагеря? Думаю, что портрет Троцкого в кровавых сполохах гражданской войны будет неполным,

если не представить тех, кто противостоял большевикам. Это были соотечественники, разделенные смертельной мировоззренческой враждой, пытавшиеся силой обосновать свою правоту. История доказала бессмысленность этого противостояния.

Основателями белого движения были генералы М.В.Алексеев, Л.Г.Корнилов и А.М.Каледин.

Все началось с того, что в ноябре 1917 года Алексеев направил во все концы России обращение к офицерам, воинству, всем, кто не хочет “ярма большевизма”, в котором содержался призыв прибыть в Новочеркасск, где было решено формировать добровольческие части. Вначале на призыв откликнулись всего около 200 офицеров, пробившихся на юг из Петрограда, Москвы, Киева и разместившихся в помещении лазарета на Барачной улице. Вскоре сюда прорвался под руководством полковника Дроздовского отряд офицеров с румынского фронта, пришел Корниловский ударный полк нежинцев, прибыли с небольшими группами генералы и полковники Богаевский, Марков, Эрдели, Боровский, Казанович, Писарев, Назаров, Покровский, Кутепов, Филимонов, Улагай и другие военачальники. Вначале Добровольческая армия едва насчитывала четыре тысячи человек, и Деникину было поручено командовать Добровольческой дивизией.

Под ударами большевиков белые были вынуждены отступить на Кубань (первый “ледяной поход”). Генерал Каледин в приступе депрессии застрелился. Во время похода от прямого попадания снаряда погиб генерал Корнилов. С 13 апреля 1918 года в командование Добровольческой армией вступил генерал Деникин, быстро став ведущей фигурой белого движения на юге России.

Какова была политическая программа белых? Пожалуй, о ней можно судить по выступлению Деникина на открытии Кубанской рады 1 ноября 1918 года. Командующий войсками юга России, специально приехав с фронта на заседание, заявил: “...большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена... Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом, в лице его будущей законной верховной власти...”⁶⁸.

Доминирующей идеей Деникина, которую разделяло белое офицерство, было “скорейшее восстановление Великой, Единой, Неделимой России”. Характерно, что, пока немцы оккупи-

ровали Украину и другие области охваченного огнем государства, Деникин придерживался лозунга: "Ни мира, ни войны с немцами". Он считал, что вопрос об изгнании германских войск будет включен в повестку дня, когда белое движение станет на ноги.

А.И.Деникин, став с октября 1918 года после смерти генерала М.В.Алексеева главнокомандующим Добровольческой армией, внимательно следил за образованием единого белого фронта против Советской власти. Была установлена неустойчивая оперативная связь с адмиралом А.В.Колчаком на востоке России, собравшим под свои знамена около 400 тысяч войск, генералом Н.Н.Юденичем на северо-западе страны, генералом Е.К.Миллером на севере. Но соединения фронтов, как известно, не получилось. Вопреки своим личным желаниям, в мае 1919 года Деникин признал главенство адмирала Колчака как "Верховного Правителя Русского государства и Верховного Главнокомандующего русских армий". Колчак в знак благодарности тотчас назначил Деникина своим заместителем на юге России... Хотя незадолго до своей гибели Колчак издал один из последних указов "Верховного Правителя", в котором сообщал о "предрешенности вопроса о передаче Верховной Всероссийской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину"⁶⁹, Антону Ивановичу недолго оставалось быть главнокомандующим.

Что из себя представляла Добровольческая армия в духовном, моральном плане? Как ее оценивали Деникин, другие генералы белого движения? Кто противостоял войскам красных?

Те, кто "видел в ней осененный страданием и мученичеством подвиг, — правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, — пишет бывший профессор Николаевской Императорской военной академии Н.Н.Головин, — тоже искренны". Сосуществовали рядом, по словам Деникина, подвиг и грязь, героизм и жестокость, сострадание и ненависть. Жестокость вообще царил на бескрайних просторах России. Самая великая, но, наверное, и самая несчастная страна переживала очередную трагическую полосу своей истории.

Деникин назвал кровавое ристалище гражданской войны "русским погостом", на котором, по его словам, и красные, и белые пустили реки крови. "Различны были способы мучений и истребления русских людей, но неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто и с торжествующей наглостью. На Кавказе чекисты рубили людей тупыми шашками над вырытой приговоренными к смерти могилою; в Царицыне уду-

пали в темном, смрадном трюме баржи... Сколько жертв унес большевистский террор, мы не узнаем никогда" (хотя здесь же сообщает, что, по данным "белой" Комиссии, эта цифра только в 1918—1919 гг. составляет 1 млн. 700 тыс. человек. — Д.В.). Однако генерал признает, что "набегающая волна казачьих и Добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов"⁷⁰. Всего же, по приблизительным подсчетам историков, погибли на полях братоубийственной сечи, от террора белых и красных, голода и болезней, а также бежали из Отечества 13 миллионов наших соотечественников. Белый генерал пишет, что нравственность России пала низко...

Троцкий тоже признавал резкое падение нравов в те годы. Правда, этому он давал несколько одностороннее объяснение: "Деморализация на почве голода и спекуляции вообще страшно усилилась к концу гражданской войны. Так называемое "мещочничество" приняло характер социального бедствия, угрожавшего задуть революцию"⁷¹.

Еще не затихла канонада на полях гражданской войны, а уже многие ее участники приступили к анализу событий. Б.В.Савинков назвал "Вандею российскую", то есть гражданскую войну, борьбой белых за старое, уже изжитое, а потому не имеющее перспективы. "Красные мобилизуют, реквизируют и белые тоже. Ненавистны как фамилии Ленина, Троцкого, так и Кривошеина и Глинки. Пока белое дело не станет делом крестьян, успеха не будет. Кто сумеет борьбу против большевиков сделать борьбой за новую крестьянскую Россию, тот победит большевиков"⁷². Самому Савинкову этого сделать не удалось.

Сегодня страшно поверить и согласиться, что для утверждения то ли белой, то ли красной Идеи нужно было столько жизни и крови! Смертельная межа расколола Россию почти на пять лет. Все стороны — белые, красные, интервенты — внесли свою страшную лепту в это кровавое противостояние.

Добровольчество с самого начала приобрело характер яростного протеста классов, которым не оказалось места за общим российским столом. Трудно обвинять их в этом; ведь революционный взрыв обрекал их на самое худшее, хотя Февраль большинство будущих добровольцев приняла если не восторженно, то с надеждой. Однако надвигающаяся смута, как синоним беззакония, насилия и непредсказуемости, отрезвила многих.

Что представляла из себя армия вначале? Довольно мо-

заичное объединение: Корниловский полк, Георгиевский полк, три офицерских батальона, юнкерский батальон, Ростовский полк из студенчества, две батареи... Однако, окрепнув в донских и кубанских станицах, непрерывно получая людское и материальное пополнение, в том числе и от бывших союзников царской России, Деникин повел крупную игру... Его армия насчитывала уже десятки тысяч человек.

После ноябрьской революции в Германии Москва аннулировала "похабный", по словам Ленина, Брестский мир, и немцы убрались с юга России. Но руки были развязаны теперь не только у большевистского правительства, которое получило передышку, но и у Антанты, решившей помочь белому движению, чтобы покончить с "русской смутой". В эти месяцы территория бывшей гигантской империи представляла разворошенный муравейник, в котором возникали и исчезали партии и правительства, где никто не знал, что будет завтра, где жизнь бурлила вне рамок закона (старые были отменены, новые неизвестны), где миллионы смятенных, дезориентированных, часто озлобленных людей готовы были поддержать то красных, то белых либо пытались покинуть пределы Отечества, спасаясь от пришедших напастей.

А тем временем Деникин — екатеринодарский вождь белого движения — не терял времени даром. Пока Колчак, "верховный правитель России", терпел одно поражение за другим, что в итоге завершилось его гибелью, к Деникину пришли большие победы. Не случайно Троцкий, выступая с докладом на VII Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казачьих депутатов 7 декабря 1919 года, заявил: "Деникин был, несомненно, для нас гораздо опаснее Колчака". Колчак "висел на тонкой ниточке Сибирской железной дороги", а Деникин разлился конной лавой на российских просторах⁷³. Лето и осень 1919 года — пора наивысших успехов главнокомандующего вооруженными силами юга России. В конце июня 1919 года в Царицыне, который был взят его войсками, он издал директиву, согласно которой трем основным группировкам предписывалось "захватить сердце России — Москву...". Преодолевая неорганизованное сопротивление редких частей Красной Армии, корпуса Деникина быстро двигались к столице. Главнокомандующий, сохраняя внешнее спокойствие, но с внутренним ликованием читал донесения командира конного корпуса Мамонтова, который своим дерзким рейдом прорвался далеко на север.

В октябре 1919 года все в штабе Деникина почувствовали:

желанное может скоро свершиться. Осталось всего каких-то верст двести... Взятые Воронеж, Орел, вот-вот должна пасть Тула...

Кто в отсутствие Колчака может стать “верховным правителем” России? В таких случаях, известно, все смотрят на победителя...

Деникин еще раньше сформировал “Особое совещание”, впоследствии преобразованное в правительство. В предвкушении близкой победы Деникин не заметил, как большевистское руководство, перегруппировав свои силы, сформировав крупные конные соединения и объединения, готовилось нанести мощный контрудар.

Выступая 29 июля 1919 года в Пензе на собрании партийных работников, Троцкий верно заметил: “Отступление на юге объяснялось тем, что у Деникина сил было больше, у нас — меньше. Теперь их больше у нас и меньше у Деникина. У Деникина нет резервов, у нас резервы — неисчерпаемы. Конницы у нас больше, чем у противника, — мы ее формируем самым лихорадочным образом... Деникин зарвался. Захватив огромную территорию, он должен создать власть, чтобы удержать ее, а так как вся Россия разбилась на два лагеря, Деникин вынужден призывать к власти старых помещиков, бывших губернаторов и земских начальников... Это — лучшая пропаганда против Деникина... Для укрепления растянувшегося фронта Деникину недостаточно одной конницы, ему приходится прибегать к принудительной мобилизации рабочих и крестьян, и этим он подготавливает условия разложения своей армии. Я думаю, что еще осенью мы нанесем решительный удар Деникину”⁷⁴. Нельзя не отметить верный анализ и прогноз, которые Троцкий сделал в публичном выступлении.

Генерал А.С.Лукомский вспоминал позже в Берлине, что никто не обратил внимания на рост недовольства в тылу деникинских войск. “Грабежи и реквизиции, бесчинства возвращавшихся старых хозяев, ухудшение условий жизни беднейших слоев, — пишет генерал, — подтачивали тыл Деникина”. Приказ о “самоснабжении” частей привел к погоне за “военной добычей”. По донесениям разведки Троцкий тоже знал, что положение Деникина непрочно. В конце июня 1919 года, находясь в Воронеже, нарком писал: “Банды Деникина, продвигающиеся с юга, — это уже не авангард англо-французских войск, нет, — это вся та армия, которую контрреволюция способна ныне выдвинуть против нас. За спиной у Деникина нет ничего, кроме враждебного ему тыла”⁷⁵. Обыватели в страхе смотрели на “спа-

сителей”, которые часто были похожи на обыкновенных мародеров. Растянутая на широком фронте Добровольческая армия противостоять мощному удару дивизий красных не смогла. Части Деникина покатались на юг значительно быстрее, чем шли к Москве. Главком метался, отдавал приказы, выдвигал на наиболее угрожаемые направления последние резервы, писал обращения к офицерской чести — все было напрасно...

К концу 1919 года Красная Армия уже была в Ростове, Новочеркасске, приближалась к Новороссийску. Незадолго до падения Ростова Деникин, чувствуя, что белое движение не простит ему этого поражения (увы! У всех неудач должны быть виновники, и обычно ими становятся высшие руководители), подготовил нечто вроде политического завещания: “Наказ Особому совещанию” (правительству). Деникин продиктовал одиннадцать пунктов. Из-за пространности документа приведу лишь некоторые идеи “Наказа”.

Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Борьба с большевизмом до конца. Военная диктатура. Всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать. Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и навязывания. Внешняя политика — только национальная русская. За помощь — ни пяди русской земли. Проявление заботливости о всем населении без различия. Противогосударственную деятельность пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами. Прессе — содействующей — помогать, несогласную — терпеть, разрушающую — уничтожать. Суровые кары — при посредстве Управления Юстиции...⁷⁶

Генеральский “Наказ” в немалой степени отражал умонастроения значительной части не только тех, кого Советская власть сделала “бывшими”, но и либерально-демократического крыла политических сил России, со страхом взиравших на плоды великого потрясения.

Именно этой теме посвятил генерал А.И.Деникин свои пятитомные воспоминания. Еще не затихли последние залпы гражданской войны в России, а Деникин осенью 1921 года, находясь в Брюсселе, “невзирая на трудности и неполноту работы в беженской обстановке — без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, решил издать свои очерки”. Во вступлении к “Очеркам” вчерашний главнокомандующий вооруженными силами написал:

”В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и сти-

раются реальные грани исторических событий... После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщиками... Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме⁷⁷.

Прежде чем написать эти строки, всего за полтора года до этого, Деникин пережил полное крушение всех своих личных надежд и честолюбивых планов. Перед глазами генерала все еще стоял забитый до отказа войсками Новороссийск, куда все прибывали и прибывали части, отступавшие под натиском Красной Армии. Генерал Кутепов, оборонявший город, доложил тогда Деникину, что более суток его деморализованные части не выстоят. Нужно уходить сегодня же... Деникин никогда не смог забыть, как погибали в давке у трапов перегруженных судов его “добровольцы”, как стрелялись офицеры, отчаявшиеся получить место на пароходе, как просыпались низменные чувства перед угрозой надвигающейся смерти. Это была безысходность. “Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, — вспоминал генерал, — когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым ворогом...” В числе последних Деникин с начальником своего штаба генералом Романовским вступил на борт миноносца “Капитан Сакен”.

В Крым удалось переправить около 40 тысяч бойцов. Деникин пытался переформировать части, восстановить боеспособность деморализованных войск, но недовольство главнокомандующим быстро нарастало. Быть почти у Москвы и оказаться на полуострове, обреченными на поражение, — кто-то должен был за все это ответить. У лучшей части русского офицерства воинская честь всегда была превыше всего. Деникин не стал ожидать, когда Военный совет выразит ему недоверие, и написал письмо его председателю генералу А.М. Драгомирову.

”Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее...

Уважающий Вас А. Деникин”.

В своем последнем приказе Деникин назначил генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля главнокомандующим вооруженными силами юга России. Второй и последний параграф приказа гласил: "Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу Армии и спаси Россию"⁷⁸.

Вечером 22 марта 1920 года Деникин на английском миноносце навсегда покинул родную землю.

Деникин, оставшийся до конца дней убежденным врагом большевизма и Октября, не мог понять, что революцию подготавливали не столько "социалисты", сколько сам царизм, втянувший гигантскую страну в бессмысленную войну. Именно эта война, доведя народ до последней грани усталости, дала невероятные шансы революции. Февраль "не получился" потому, что, провозгласив свободу, он не дал народу ни земли, ни мира. Октябрь учел это и, фактически отняв "дарованную" свободу, дал людям мир и землю. Но без свободы ценность земли и мира стала совсем иной... Деникин не понял этот великий парадокс, объясняя трагедию России и ее "смутные времена" лишь попустительством Керенского и коварством большевиков...

Агония белого движения продолжалась долго. Антон Иванович Деникин внимательно следил за его эволюцией. До него доходило, что после декретов ЦИК 1921 и 1924 годов об амнистии для рядового состава немало солдат вернулись на Родину. Тех офицеров, которые не могли вынести разлуки с Отчиной и тоже возвратились, ждала горькая судьба. В конце 1921 года по своей воле в Советскую Россию, например, вернулись бывший командир Крымского корпуса генерал-лейтенант Слащев, инспектор артиллерии генерал-майор Мильковский, полковник Гильбих, полковник Мизерницкий, капитан Войнаховский. В сообщении для печати, которое отредактировал и подписал Троцкий, говорилось: "Кто попытается использовать великодушные власти трудящихся против Советской Республики, на того обрушится суровая кара... Советская Республика должна сохранять свою бдительность..."⁷⁹ Да, чего-чего, а бдительности было хоть отбавляй.

В 30-е годы, во время страшной чистки, были уничтожены последние из русских офицеров, вернувшихся на Родину. Но за околицей Отечества все равно осталось много людей, прошедших через добровольчество. В 1925 году врангелевский "Русский совет" подсчитал, что количество русских беженцев, которых можно поставить "под ружье" в Германии, Франции, Югославии, Греции, Турции, Китае, Латвии, Чехословакии, Болгарии, достигало 1 миллиона 158 тысяч человек⁸⁰. Все они, как го-

ворилось в документе, добытом Разведуправлением РККА, считали себя преданными "белой идее". Вероятно, это большое преувеличение. Однако долгое время существовали "Русский общевоинский союз", различные объединения и комитеты бывших "добровольцев". Издавались газеты и журналы, отражавшие сложную жизнь на чужбине.

Судьба большинства "добровольцев", вынужденных покинуть родину, очень драматична, а часто и трагична. Но, несмотря на сохранившиеся устойчивые антикоммунистические взгляды оторванных от родины русских людей, они не идентифицировали ее с режимом. Во второй половине 30-х годов, когда стали сгущаться тучи второй мировой войны, для многих эмигрантов стало ясно, что Германия и западные демократии постараются разрешить острые противоречия, возникшие между ними, за счет СССР. По предложению П.Н.Миллюкова в Париже возникла инициативная группа по созданию так называемого "оборонческого движения" в составе Алексеева, Грекова, Лебедева, Пилипенко, Слонима, Ширинского, Петрова, которых поддерживал и А.И.Деникин. Это движение ставило целью "объединять эмигрантов и содействовать в меру возможностей делу обороны России". Однако в Москве не могли понять патриотических порывов своих бывших соотечественников. Начальник Разведывательного управления РККА комкор М.С.Урицкий, докладывая высшему руководству страны, резюмировал: "Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде..."⁸¹ В годину лихолетья гитлеровского нашествия лишь единицы оказались способными пойти в услужение фашизму: П.Н.Краснов, А.Г.Шкуро, М.В.Ханжин...

Деникин, потерпевший поражение в гражданской войне, в своих "Очерках" старается доказать правоту "белого дела", почти полностью игнорируя глубинные причины русского "социального разлада". Однако у писателя-генерала достало мужества признать невозвратность монархии и неизбежность в грядущем демократии для России. Любопытны его слова о том, что "революция не может решить множества российских проблем. Нужна эволюция...". Деникин высказал мысль, которую давно проповедают прогрессивные мыслители, что путем реформ можно добиться неизмеримо большего, чем революционным взрывом.

Как бы мы ни относились к Деникину, нельзя не признать, что это был большой патриот России, но России, не "вздыбленной революцией", которой так поклонялся Троцкий, а той, вечной, непреходящей, которую почитали "бывшие". Они долгие

годы жили мыслью только о ней, прошлой, ушедшей навсегда России. Правда, так думали не все. Николай Александрович Бердяев в своей превосходной книге "Самопознание" сказал: "В белое движение я не верил и не имел к нему симпатии... Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя"⁸². Белое движение в нашем сознании останется как безуспешная попытка отбросить Октябрь большевиков к буржуазному Февралю.

...Последними словами умирающего на чужбине русского генерала были: "Увы! Я никогда не увижу спасенную Россию..."

В петле фронтов

2 июня 1919 года в газете "В пути", которая издавалась в поезде Троцкого, появилась статья Председателя Реввоенсовета Республики "Девятый вал", в которой он писал: "То, что мы сейчас переживаем, — это девятый вал контрреволюции. Она теснит нас на Западном и Южном фронтах. Она угрожает опасностью Петрограду. Но в то же время мы твердо знаем: ныне контрреволюция собрала свои последние силы, двинула в бой последние резервы. Это ее последний, девятый вал"⁸³. Поскольку, признавал Троцкий, "англо-французские бандиты снабжают смертоносными орудиями русскую контрреволюцию... последняя крайне усилилась за истекший год". Однако Троцкий, как и всегда, непреклонен: "Ныне мы знаем твердо: справившись с Колчаком и Деникиным, мы тем самым добьемся полной неприкосновенности Советской Республики и дадим могучий толчок революции в Европе и во всем мире. Больше тех сил, что Деникин, Колчак, белоэстонцы и белофинны выставили против нас ныне, в распоряжении контрреволюции нет и не будет. На Южном фронте, на востоке, под Петроградом русская и с нею мировая контрреволюция поставила на карту всю свою судьбу"⁸⁴. Троцкий не сказал, что не только контрреволюция, но и революция поставила "на карту" свою судьбу. Зная, сколько за годы гражданской войны Троцкий проехал километров на своем поезде, сколько написал статей, приказов, листовок, сколько раз выступил перед частями, мобилизованными крестьянами, командами речных кораблей, приходится лишь удивляться: откуда у человека было столько энер-

гии? Так мог действовать лишь тот, кто поставил “на карту” революции всю свою судьбу, без остатка. И так было не только тогда, когда пришел “девятый вал”, едва не накрыв молодую Республику, но и тогда, когда этот вал еще только приближался.

Как вел себя Троцкий на фронте? Почему его слава росла? Чем объяснить, что его приезд способствовал моральному подъему войск? Я думаю, многое станет понятным, если познакомиться с “Записками адъютанта штаба 4 армии Восточного фронта о пребывании наркома по военным делам Л.Д.Троцкого в воинских частях в сентябре 1918 года”.

Старший адъютант штаба Савин (инициалов в записке не приведено) дотошно описал встречу Троцкого и его действия в войсках, что помогает понять стиль работы наркома, причины его популярности, методы воздействия, политические и военные результаты пребывания в частях. Найденные в архиве “Записки” я привожу с большими сокращениями, стараясь сохранить язык и орфографию старшего адъютанта штаба Савина.

“Ночью 16 сентября было сообщено в штаб армии из поезда Троцкого, что он завтра, т.е. 17 сентября, прибывает в Саратов, причем справлялись, как положение наших войск под Хвалынском и взят ли он.

Временный командарм Хвесин... и член Военного совета (4-й армии. — Д.В.) Линдов выехали из Покровска в Саратов на пароходе, оттуда на пассажирский вокзал для встречи т. Троцкого. В 9 часов 37 мин. утра под звуки народного гимна, исполненного духовым оркестром, поезд Троцкого подошел к перрону вокзала, где были выстроены части Саратовского гарнизона. Появление т. Троцкого из вагона было встречено громовым “ура”... Встречающие представились; Троцкий сделал обход войск, поблагодарил за приветствие (отсутствовали представители местного исполкома).

...На автомобилях кортеж проследовал на пристань. Отплыли на пароходе т. Троцкий, Хвесин, член ВС-4 Линдов, ст. адъютант Савин, председатель Саратовского исполкома Жуков, два конвоира (охрана. — Д.В.) и два секретаря тов. Троцкого. В 12.15 пароход прибыл в Покровск... На пристани был выстроен почетный караул шпалерами. Начальник штаба Булгаков отдал рапорт. В штабе Троцкий прошел по всем отделам. Командарм сделал доклад о положении (указал на плохое снабжение). Троцкий тут же отдал распоряжение об улучшении снабжения армии. Пробыл в штабе 1 час 45 минут. Отбыл на пристань. Там его встретили “Марсельезой”. С парохода Троцкий держал речь. В ответ — громовое “ура”.

Затем Троцкий отбыл в Вольск. Тоже встречали народным гимном. Троцкий держал речь. Желал скорейшего взятия Самары. В ответ — громовое “ура”. Прибыл в Балаково. Опять держал речь, отвечал на приветствия. Вновь шпалеры войск, держал речь из автомобиля. Каждому красноармейцу, бывшему в строю при встрече, приказал выдать в

виде его подарка по месячному окладу (250 руб.). Прибыли в Хвалынский. Опять встречали шпалеры войск. Держал Троцкий речь. Выехали на линию фронта в Вольскую дивизию (село Поповка). Построили интернациональный полк. Речь держал Троцкий на русском и Линдов на немецком языке.

Замечания Троцкого:

- 1) Начдив Гаврилов развязен и держал себя как недисциплинированный солдат...
- 2) Полки расположены без сторожевого охранения.
- 3) Интернациональный полк медленно собирался — нужны пробные "тревоги".
- 4) Плохо дело со связью.
- 5) В частях много самодеятельности — не придерживаются указаний штаба.
- 6) Штабы располагаются далеко от войск.
- 7) Требуется в войска автомобили и теплое обмундирование.

Но в целом революционный дух и сознательная дисциплина в Вольской дивизии крепка, места разлагающимся частям нет.

Отправились вниз по Волге, в Покровск (19-го сентября в 9 часов утра). Троцкий говорил по прямому проводу с Арзамасом. В 1 час 45 минут Троцкий с Хвесиным и Линдовым прибыли в Саратов. Там Троцкий выступал на многочасном митинге в Народном дворце. Слушал доклад военрука Шаркова. Решал вопросы снабжения в губвоенкоме. Затем отправился в Николаевск (20 сентября в 11 часов 15 минут утра прибыл). Был почетный караул, шпалеры, "ура".

Решили создать другую дивизию, назвал ее второй Николаевской, назначив начальником тов. Чапаева. Командир первой бригады Чапаев долго упорствовал и не соглашался на принятие командования второй дивизией: "Привык, свыкся". О нем говорили: "Надо сказать, что тов. Чапаев, этот степной орел, действует с начала открытия фронта исключительно партизанским способом". Распоряжений штаба не признает. Были случаи, что Чапаев уходил со своим отрядом и пропадал без вести, а возвратившись через некоторое время, доставлял трофеи и пленных. Население, по рассказам очевидцев, где появлялся Чапаев, было терроризировано. Его жестокость известна многим. Личность легендарная. Троцкий уговорил Чапаева.

Вечером выступал на митинге в театре. В селе Раевском выдал бойцам по 250 руб. Призывал: "Вперед, на Самару!". Раздавал еще отличившимся портсигары.

В селе Богородское в полку сказали, что есть перебежчики. Их поймали. Тов. Троцкий отдал распоряжение немедленно в 24 часа образовать революционный трибунал и предать перебежчиков суду: "всех лиц, уличенных в дезертирстве, расстрелять на месте". 3 и 4 полки выстроили за селом. Все в разношерстной одежде, был один даже в цилиндре. Есть старики.

— Что, хочешь сражаться? — спросил одного Троцкий.

— Да, хочу!

Троцкий произнес речь с призывом: “На Самару!”. Сказал о дезертирах в 1 и 2-м полках, сказал, что сегодня будут расстреляны!

Спросил об отличившихся в бою. Сказали — 20 человек. Вывели их из строя. А подарков оказалось только 18. Последним двум красноармейцам Троцкий подарил, сняв с руки свои часы, а последнему отдал свой браунинг. Всем велел выдать по 250 рублей. Кричали “ура”. За день проехали на автомобиле 200 верст.

Высказал замечания: дивизия крепкая и горит желанием взять Самару. Плохо однако исполняют команды и приказы. Чапаев говорит: я не верю штабу и бумажек его знать не хочу...

При поездках тов. Троцкого находились фотограф и кинематограф, которые зафиксировали важные эпизоды поездки и отдельных лиц, представляющих из себя интерес для Российской Советской Республики и которые послужат политическим примером для других стран света, как борется пролетариат с игом капитала.

Старший адъютант *Савин*.

22 сентября 1918 года. Село Покровск, Самарской губернии¹⁸⁵.

Надеюсь, читателю было любопытно и небезынтересно прочесть записки довольно грамотного старшего адъютанта Савина. Документ интересен во многих отношениях. На первый взгляд стремление Троцкого эффектно подать себя можно расценить как фанфаронство, славолюбие. Мол, как Троцкий, будучи умным человеком, позволял встречать себя прямо-таки как члена императорской фамилии? Только ли из-за амбиций, гипертрофированного честолюбия? Думаю, не только из-за этого. Троцкий хотел и использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть значимость новой центральной власти, значимость верховного военного командования Республики, уверенность в триумфе революции.

Каждую остановку в части, на позиции Троцкий использовал для общения с красноармейцами. Его короткие (по 20—30 минут) выступления воспитывали бойцов и ставили перед слушателями конкретную военно-политическую цель (“На Самару!”). Вчерашние крестьяне, поставленные под ружье, видели в Троцком не только “начальника”, но и одного из высших представителей новых властей. Записки Савина показывают, что Троцкий был неплохим психологом: раздарив все серебряные портсигары (кстати, изъятые из царского склада), Предреввоенсовета, когда не хватило двух подарков, быстро нашел выход из положения — снял свои часы и вынул из кобуры свой браунинг для вручения двум последним отличившимся. Дело не только во взрыве восторга, но и в той молве, которая пойдет отсюда, из-за околицы приволжского села Богородское, гулять по частям фронта, обрастая новыми подробностями. Так рождаются легенды...

Троцкий был ярко выраженным популистом, который знал цену известности и понимал, что слава удешевляет значение сказанного им полуграмотным красноармейцам. Его красивый жест по раздаче денег (на которые, наверное, можно было купить бутыль самогона да пачку махорки) одновременно отдавал чем-то купеческим, далеко не революционным... Но Троцкий знал: перед ним крестьяне, бедняки, знающие цену трудовой копейке. Записки Савина откровенны, прямы. О приказе расстрелять (при чем здесь трибунал, если сам Троцкий отдал приказ — "уличенных в дезертирстве расстрелять на месте!") сказано так же буднично, как о раздаче портсигаров и указаниях Троцкого улучшить снабжение. Просто к насилию, репрессиям причала людей не только война, но и новые власти в лице большевистских вождей.

Троцкий все более пристально смотрелся в зеркало истории. Думаю, что еще никто из большевистских вождей не догадался возить за собой двух секретарей, а главное — "фотографа и кинематографа", которые должны были, конечно, увековечить наркома для грядущих поколений.

Кое-кто пытался еще при жизни Троцкого изобразить его "великим полководцем". Но все знали, что он не был не только полководцем, но и военным специалистом среднего уровня. В военных вопросах это был дилетант. Когда один из активистов рабочего движения Артур Бризбен из Чикаго попытался написать о Троцком как об одном из "величайших полководцев" (входящих в десятку лучших), ему, и в копии Троцкому, ответила некая Ж.Аллен, где она справедливо утверждала: "Гражданская война велась в России главным образом офицерами старой армии, с обеих сторон. А Троцкий агитатор, а не полководец"⁸⁶. Предреввоенсовета сохранил в своих бумагах эту нелюбезную, но справедливую характеристику своей особы.

Руководя ведомством, на плечи которого легла вся тяжесть защиты Советской Республики, Троцкий ежедневно занимался множеством дел. Его решения были оперативны, непреклонны и беспощадны к тем, кто не исполнял его директив и приказов. На всех распоряжениях Троцкого лежит печать политика, приверженца линии большевистского руководства. Особенно остро Предреввоенсовета реагировал на конфликтные ситуации, возникавшие на межнациональной почве. Когда ему донесли, что в Башкирии отмечен ряд случаев мародерства частей Красной Армии по отношению к местному населению, он не-

медленно откликнулся грозным распоряжением по прямому проводу.

Симбирск, Реввоенсовет

Копия — Башкирскому ревкому в Саранске

По-видимому, неоспоримые данные свидетельствуют о преступном, зверском отношении некоторых частей армии Восточного фронта к башкирскому населению и к башкирским войскам, перешедшим на сторону советской власти. Между тем до сих пор дело ограничивалось словесными увещеваниями. Считаю необходимой строгую и примерную расправу со всеми виновными в постыдных насилиях над башкирским народом. О принятых мерах и карах донести.

3 июля 1919 г.

Предреввоенсовета *Троцкий*⁸⁷.

Угроза репрессией за невыполнение приказов была стилем руководства наркома Троцкого. В ноябре 1918 года Троцкий шлет телеграмму Военному совету 9-й армии и в копии — Ленину и Свердлову, где говорится: “Надо железной рукой заставить начальников дивизий и командиров полков перейти в наступление какой угодно ценою. Если положение не изменится в течение ближайшей недели, вынужден буду применить к командному составу девятой армии суровые репрессии... Первого декабря требую точный список всех частей, не выполнивших боевых приказов...”⁸⁸

Революция надеялась “железной рукой” заставить всех граждан поддерживать большевистские порядки. Глубочайшее заблуждение, что люди, захватившие власть, могут решать судьбы миллионов, дало трагические исходы. В этом свете Троцкий предстает как сторонник крайних, радикальных мер.

Какую позицию по отношению к новым властям занимало, например, казачество? Естественно, в силу своего особого положения казачество настороженно относилось к Советам. Значительная часть казаков поддержала Деникина. Этому способствовала политика террора советских властей в отношении казачества, в котором видели “социальную базу контрреволюции”. Были прямые указания Центра “о полном, быстром, решительном уничтожении казачества, как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества...”⁸⁹

В духе подобных указаний началось “расказачивание”. Ответом было восстание казаков — людей, которые умели воевать, ибо в Российской империи на них была возложена особая

роль по защите Отечества. Ленин потребовал принять самые быстрые и беспощадные меры по ликвидации восстания в тылу советских войск. Троцкий отдает специальный приказ: "...гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены, никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только к тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону... В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены..."⁹⁰.

Принятыми мерами "успокоение" было достигнуто. На волне социального террора против казачества было сфабриковано "дело Миронова", к которому Троцкий имел прямое отношение.

Филипп Кузьмич Миронов добровольно встал на сторону красных, был назначен командиром Донского казачьего кавалерийского корпуса, храбро сражался. Он встречался с Лениным и рассчитывал найти понимание у партийной власти нужд казачества. Но когда начались репрессии большевиков на Дону, Миронов решительно воспротивился. В частности, в июне 1919 года он направляет телеграмму "гражданину Троцкому, гражданину Ленину, гражданину Калинину", в которой сообщает о бесчинствах комиссаров и особых отделов. Когда у "крестьянина, — говорится в шифровке, — имеющего семью 12 человек, отобрали быков, он запротестовал и его расстреляли". Миронов приводит пример, когда особый отдел в Морозове расстрелял 67 человек, пишет, что от дел председателя одного из трибуналов Комракова "жутко становится". Характерно, что эта телеграмма, адресованная Ленину и Троцкому, после расшифровки в секретариате Склянского была передана в особый отдел ВЧК...⁹¹ Там уже видели в коморе Миронова "замаскировавшегося врага". Не завершив формирования корпуса, Миронов, вопреки приказу РВС Южного фронта, самовольно отправляется с казаками на фронт против Деникина. В своих воззваниях Миронов заявлял, что он выступает "на жестокую борьбу с Деникиным и буржуазией", призывал русский народ взять "всю власть, всю землю, фабрики и заводы в свои руки". "Долой самодержавие, комиссаров и бюрократизм коммунистов, погубивших революцию..."⁹² — говорилось в одном из воззваний. Это было расценено как контрреволюционное самоуправство с целью "поднять восстание против Советской власти". В сентябре 1919 года Миронова арестовали и по приказу Троцкого, переданному Смильге, предали военному трибуналу⁹³. Еще до задержания "мятежника" Троцкий в

своим поезде выпустил листовку, озаглавленную “Полковник Миронов”. В ней Предреввоенсовета признавал, что “при продвижении красных войск на Дон были несомненно совершены в разных местах отдельными советскими представителями и худшими красноармейскими частями несправедливости и даже жестокости по отношению к местному казацкому населению”. Однако далее Троцкий обвиняет Миронова в попытке стать “Донским наказным атаманом”, а пока, мол, “Миронов помогает Деникину”. Последние две строки написаны типичным языком гражданской войны: “В могилу Миронова история вобьет осиновый кол, как заслуженный памятник презренному авантюристу и жалкому изменнику”¹¹. Здесь Троцкий явно перестарался.

В начале октября 1919 года военный трибунал приговорил Миронова и его товарищей к расстрелу. Однако Политбюро ЦК РКП(б) 23 октября 1919 года отменило приговор. А почти через десять месяцев, в сентябре 1920 года, бывший смертник назначается командующим 2-й Конной армией, которая отличилась при разгроме Врангеля. 25 ноября 1920 года Ф.К.Миронов награждается высшей боевой наградой того времени — Почетным революционным оружием (шашкой с вызолоченным эфесом и орденом Красного Знамени). Получив в январе 1921 года предложение на новое назначение — главным инспектором кавалерии РККА, Миронов отправился в Москву. Кстати, награждение Миронова Почетным революционным оружием и назначение его на высокий пост в кавалерии, на который претендовал Буденный и который он занял позднее, свидетельствует о том, что Троцкий менял свое отношение к Миرونу в лучшую сторону.

Однако было известно, что в публичных разговорах Ф.К.Миронов не “жаловал” Троцкого, выражая ему недоверие. Некий Вакулин написал на командарма донос, вновь инкриминируя ему замыслы поднять восстание на Дону. 13 февраля 1921 года Миронов был опять арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму. Прославленный командир пишет из камеры письма, требует справедливого разбирательства и освобождения. В письмах несколько раз в не лучших выражениях упоминается Троцкий. Все остается без ответа. Тогда командарм пишет еще одно письмо:

”Зампредреввоенсовета Республики т. Склянскому
от командарма 2-й Конной Армии Миронова
Заявление

Докладываю: я оклеветан. Прошу Вашего и тов. Троцкого

участия в моей судьбе. В тяжкий момент для Социальной (так в тексте. — Д.В.) Республики я готовился отдать всего себя на службу ей и попал в Бутырскую тюрьму.

18 лет революционной борьбы. Во внимание к этому и моим боевым заслугам (особенно в Крымской кампании — приказ РВС Республики от 4.XII.20 № 7078) — прошу социальной правды ко мне.

Не за себя больно, а за орден Красного Знамени, не спасший меня от клеветы.

Бутырская тюрьма 16.III.21 г.

Б.Командарм 2-й Конной *Миронов*''⁹⁵.

Через две недели узник пишет еще одно письмо Склянскому, где, в частности, есть такие строки: "Горе, да когда же мне будут верить! Прошу Вас доложить Льву Давидовичу т. Троцкому, что я страдаю напрасно. Жизнь медленно замирает. Я голоден. Во имя боевых заслуг моих прошу Вашего участия. Судите скорее, но не мучьте!"⁹⁶

Храбрый казачий командир, уже немолодой, приближавшийся к пятидесяти годам, за три недели пребывания в Бутырке мог вспомнить и передумать все: свою родную станицу Усть-Медведицкую, юнкерское училище, русско-японскую и первую мировую войны, которые он прошел. Еще в 1906 году попал в опалу за революционные высказывания. На германском фронте прослыл поразительно смелым офицером, получив чин войскового старшины (подполковника) и Георгиевские кресты. Командование корпусом, армией. Революционные награды: орден Красного Знамени № 3, золотые часы, шашка в серебряной оправе... А сейчас, действительно, жизнь "замирает".

Надо отметить, что позиция Троцкого по "делу Миронова" не оставалась неизменной. Он ходатайствовал о помиловании Миронова и мироновцев, а затем предложил ЦК дать Миронову новую военную должность. Чтобы понять отношение Председателя РВС к казакам и Филиппу Кузьмичу, следует учитывать, что от Донбюро, Реввоенсовета Южного фронта он получал одностороннюю, тенденциозную информацию, а часто и откровенную дезинформацию, что провоцировало действия центральных органов против Миронова (внезапное отозвание с поста командующего группой войск и переброска на Западный фронт). А оттуда шли наветы и ультиматумы с требованием убрать Миронова.

Троцкий был знаком с письмами Миронова. Но, возможно, навсегда останется тайной, причастен ли он лично и непосред-

ственно к убийству Миронова. Думаю, что нет. Несмотря на атмосферу, созданную вокруг Миронова, Троцкий не опустился до личной мести. Повторю еще раз: позиция Председателя Реввоенсовета в отношении Филиппа Кузьмича Миронова менялась по мере получения объективной информации. Но так или иначе, 2 апреля 1921 года бывшего командарма вывели (одного!) на прогулку в тюремный дворик, где его и застрелил часовой с вышки. По чьему приказу? Кто распорядился убрать Миронова до суда? Велось ли расследование убийства? Документов этих в архиве нет. А письма Миронова в архиве Троцкого сохранились...

Занимаясь вопросами организации отпора и подавления контрреволюции и интервенции, Троцкий-политик остро реагировал на социальные вопросы, которые были определенным отражением общего тяжелейшего положения Советской Республики. В этом смысле представляет большой интерес написанное Троцким “Письмо реввоенсоветам фронтов и армий”, адресованное “ко всем ответственным работникам Красной Армии и Красного Флота”. Письмо озаглавлено “Больше равенства!”. На шести страницах Предреввоенсовета развивал идеи социальной справедливости в армии. Позволю привести здесь некоторые мысли Троцкого.

“Сейчас мы живем в переходную эпоху... Мы вынуждены применять в распределении как средств, так и сил систему ударности, т.е. в первую голову обеспечивать работниками и материальными средствами наиболее важные отрасли государственной работы”, а это означает, считает автор “Письма”, что, отдавая “все для фронта, мы ослабляем просвещение, питание, обеспечение самым необходимым рабочих и рабочих. Все это понятно. Но есть люди, которые пользуются этими приоритетами в личных целях. Нужно не только учитывать, что все, что мы получаем в армии, — это за счет народа, но и в самих войсках нужно больше равенства”. Далее Троцкий пишет:

“Что первая пара сапог и первая шинель должны быть отданы командиру, это поймет всякий солдат... Но когда автомобиль служит для веселых прогулок на глазах усталых красноармейцев или когда командиры одеваются с кричащим шегольством на виду у полураздетых бойцов, — такого рода факты не могут не вызывать раздражения и ропота со стороны красноармейцев. Привилегия сама по себе в известных случаях является — повторяем — неизбежным, пока что неустранимым злом. Явное излишество в привилегии представляет уже не зло,

а преступление... Особенно деморализующий и разлагающий армию характер имеет пользование преимуществами, связанное с нарушением существующих правил, декретов и приказов. Сюда относятся прежде всего и главным образом пирушки с выпивками, с участием женщин и проч., и проч.". Затем Троцкий отмечает, что "покорный и безропотный солдат" — не самый лучший. А сметливый, наблюдающий и критикующий — это лучший солдат, который видит, что первенство, основанное на незаконных привилегиях, подтачивает боевую мощь Красной Армии"⁷. Троцкий формулирует целый перечень требований к военным советам фронтов и армий, выполнение которых должно привести к социальной справедливости — важному условию не только боеспособности армии, но и жизнеспособности молодого государства.

По настоянию Троцкого еще в сентябре 1918 года заместителем наркомвоенна и заместителем Председателя Реввоенсовета был назначен бывший член коллегии первого Военного комиссариата, созданного в 1917 году, — Эфраим Маркович Склянский. Молодой военврач, примкнувший еще в 1913 году к большевикам, дилетантски, как и сам Троцкий, разбирался в вопросах стратегии и оперативного искусства. Но он подкупал Троцкого огромной энергией, исполнительностью, организованностью и распорядительностью. По сути, Склянский был образцовым порученцем. Троцкий из своего поезда передавал по прямому проводу, телеграфом, подчас даже по радио указания, распоряжения, соображения Склянскому, которые тот доводил до исполнителей. Иногда эти указания Склянский облакал в форму приказов и директив, часто являлся связующим звеном между Троцким и политическими, партийными, хозяйственными органами Республики. Вот, например, указания, которые Троцкий передавал Склянскому во время остановок своего поезда в Харькове и Лисках в мае 1919 года:

— Если Окулов не нужен на Украине, предлагаю немедленно отправить его на Запфронт, с тем чтобы он вошел в состав Реввоенсовета и со своей комиссией занялся объездом фронта и упорядочением частей.

— Мобилизованных Новгородской и Псковской губерний можно передать Запфронту, но не Зиновьеву...

— Высказался бы против назначения Уншлихта, опасаясь, что это будет понято как понижение. Если он будет согласен, не возражаю против его назначения...

— 16 мая на станции Насвятевич Екатеринбургской ж.д. про-

изошло крушение первого моего поезда. Жертв не было. Необходимо радикальная инспекция путей.

— Улажен ли вопрос о снабжении Царицынской армии горючим.

— Необходимо создать возможность применения удушливых газов. Нужно найти ответственное лицо для руководства соответственными работами.

— Готов ли, наконец, мой вагон. Дальнейшее существование в этом вагоне невозможно, так как он помимо всего прочего протекает...⁹⁸ и т.д. и т.п.

Ежедневно подобных распоряжений и указаний Троцкий передавал Склянскому десятки. Тот, получив распоряжения Предреввоенсовета, обычно передавал ему оперативную сводку Полевого штаба РВСР, а затем отвечал на поставленные ранее вопросы, информировал наркома о том, как видятся в Москве текущие военные события. Вот, например, что Склянский докладывал Троцкому 19 мая 1919 года:

“Сталин сообщил: фронт приводится в порядок, посланы 3 карательные роты в Лугу, Гатчину и Красное Село; мобилизованы все передовые силы и посланы на линию фронта. Зиновьев выезжает в Лугу, Сталин в Старую Русу, рассеянная шестая дивизия перехвачена и приводится в порядок, начдив-6-й, проявивший трусость и растерянность, смещен. Необходима кавалерия. О флоте Сталин дает хороший отзыв. Семашко отстранен. В Реввоенсовет Запфронта назначен Шатов. Назначенные подкрепления подгоняются всемерно. По мнению Сталина, необходим новый комфронт...”⁹⁹

Троцкий читал бесконечные доклады, шифротелеграммы, принимал множество людей, проводил летучие совещания и почти каждый день выступал, выступал... Конечно, такая бурная деятельность требовала огромной энергии. Думается, что некоторые вопросы Троцкий решал слишком быстро, не успев их глубоко продумать, иные — слишком самоуверенно, ибо он не был профессиональным военным. Но все вопросы Предреввоенсовета решал, руководствуясь одним критерием: работает ли на революцию тот или иной шаг, та или иная мера... В нем самым причудливым образом сочетались революционный идеализм и прагматизм. Он выступал даже за применение “удушливых газов”, если это продвинет дело революции вперед. Мне однажды пришла мысль: доживи Троцкий до времени, когда появилась атомная бомба, и оказался она у него в руках, использовал бы он ее во имя “мировой революции”? Я понимаю некорректность этого риторического, но страшного по

существо вопроса. И все же? Подумав и сопоставив все, что знаю о Троцком, я пришел к выводу: да, этот певец, архитектор, апологет, теоретик, демон, наконец, идол революции, видимо, не остановился бы перед применением самого страшного оружия во имя достижения политической цели, в которую он верил всем сердцем до своего последнего вздоха. Однако от мысли о том, что Троцкий и его единомышленники стали добровольными заложниками ложно понятого идеала, становится страшно. Во имя идеи эти люди считали возможным поступать правдой, лицемерить. В январе 1920 года Троцкий получает телеграмму от Махно, в которой тот обосновывает свой отказ отправиться на Польский фронт. Троцкий, продолжая еще "мирные" переговоры с лидером украинских анархистов, связывается одновременно с членом Реввоенсовета Южного фронта Сталиным:

"...Полагаете ли вы возможным немедленно приступить к окружению и полной ликвидации Махно? Вероятно, возможно разрушить его артбазу, направив туда под видом анархистов совершенно надежную публику. Так как меры охранения у махновцев почти совершенно не принимаются, то уничтожить его запасы патронов, вероятно, возможно..."¹⁰⁰

Сталин тут же ответил: "Окружение Махно, начатое несколько дней назад, закончится 9-го. Приказ о выступлении против поляков был дан намеренно, чтобы получить лишний материал против Махно..."¹⁰¹ Пока Махно — еще союзник, но меры уже принимаются. Революция, замешанная на крови и насилии, с неизбежностью смещает все нравственные ориентиры, а политический обман и коварство может выдать за военную хитрость.

Вероятно, я отвлекся, но, чтобы понять, в чем загадка популярности Троцкого, нужно иметь в виду, что этот человек умел сжигать себя во имя идеи. Как, впрочем, и пользоваться благами жизни. Но люди, масса, видели первое: его динамизм, решительность, вечное движение, страстные выступления, бескомпромиссность. Многих подкупали его неординарные действия, нешаблонные решения. Например, когда петля фронтов вокруг шеи Советской Республики стала затягиваться все туже, увеличилось число просьб мобилизованных специалистов, инструкторов вернуть их к прежнему месту работы, так как учреждение, завод, контора без них якобы "придут в упадок". Троцкому надоело без конца отказывать всем этим многочисленным ходатайствам, и в конце июня 1919 года он подписал приказ № 118, где, в частности, говорилось: "...предупреждаю,

чтобы никто ко мне с подобными ходатайствами впредь не обращался, — иначе буду имена ходатайствующих опубликовать во всеобщее сведение, как имена граждан, стремящихся легальным путем превратиться в дезертиров”¹⁰². Прощения сразу прекратились.

В годы гражданской войны его авторитет в армии, партии и стране стал огромным. О нем говорили, спорили, много писали. Вот, например, что говорилось о Троцком в регулярной рубрике “Вожди революции” красноармейской газеты “Красный штык” политотдела 7-й армии: “В течение короткого времени ему удалось совершить почти чудо: создать прекрасную армию и повести ее к победам. Сам Троцкий всегда на фронте, самом настоящем фронте, где сражается грудь с грудью, где шальные пули не разбирают, кто рядовой красноармеец, кто командир, кто комиссар. Вагон, в котором он живет, и паровоз, на котором он жил, нередко обстреливались артиллерийским и пулеметным огнем. Но Троцкий как-то не замечает эти неудобства. Под огнем неприятеля он, как и во время революции, продолжает работать, работать, работать... Когда Троцкий отдыхает — никому не известно...”¹⁰³

Что Троцкий много работал — правда. Но что он редко пресекал эти панегирики в красноармейской печати, которая ему была подчинена, — это тоже правда. Одержимость революционной идеей не мешала Троцкому быть тщеславным. Ведь я уже говорил, что он давно стал смотреться в зеркало истории.

Врагов революции было много, но Троцкому часто казалось: вот нанесем сейчас решающий удар и все в контрреволюционном окружении рассыплется, сгинет, сломается. Находясь в начале апреля 1919 года в своем поезде, двигавшемся вновь в Казань, Троцкий пишет еще одну из своих бесчисленных статей — “Что нужно России?”.

“Удар по Колчаку будет иметь решающее значение. Разгром его армии не только обеспечит за Советской Россией Урал с Сибирью, но и отразится немедленно на всех других фронтах. Крушение колчаковцев приведет немедленно (курсив мой. — Д.В.) и неизбежно к полному крушению денкинских добровольцев (“добровольцев” из-под палки) и к окончательному разложению белогвардейских, эстонских, латышских, польских и англо-американских отрядов на западе и востоке”¹⁰⁴. И вот, кажется, на востоке перелом наступил. Но на других направлениях легче не стало.

Выступая на объединенном заседании Московского Совета

и представителей профессиональных союзов 26 августа 1919 года, Троцкий вынужден был констатировать: "...разумеется, товарищи, нас постигла неприятность, не военная неудача, а в полном смысле неприятность. Этот прорыв мамонтовской кавалерии. Если рассматривать этот прорыв с точки зрения кавалерийского набега, то он представляет собой, несомненно, предприятие, удачно проведенное". Троцкий, правда, не уточнил, что девятитысячный отряд генерала Мамонтова прошел в течение почти месяца Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую губернии, побывал в десятке городов, пытаясь поднять общее восстание против Советов, и в конце концов в сентябре 1919 года вновь соединился с деникинской армией. Красная пехота без конницы оказалась бессильной прервать рейд белого генерала. Впрочем, в разгар рейда Троцкий, находясь в Туле, успел издать Приказ Председателя Реввоенсовета Республики № 146, озаглавленный "На борьбу с разбойниками мамонтовской шайки". В нем, в частности, говорилось: "Предупреждаю: мамонтовская конница пройдет, Советская власть останется. Погибшие рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки будут отмщены. Контрреволюционные гады будут раздавлены. Их имущество будет конфисковано и отдано бедноте... Всякая помощь мамонтовским разбойникам, прямая или косвенная, представляет собой измену народу и карается расстрелом"¹⁰⁵. Но Мамонтов был неуловим.

После мамонтовского похода Троцкий бросил клич "Пролетарий, на коня!".

Гражданские войны жестоки, как и их вожди. Натерпевшись от набегов мамонтовских полков, Троцкий отдает жестокий приказ:

"Предлагаю объявить премии за каждого доставленного живым или мертвым казака из мамонтовских банд. В качестве премии можно выдавать кожаное обмундирование, сапоги, часы, предметы продовольствия (несколько пудов) и проч. Кроме того, все, что найдено будет при казаке, лошадь и седло, поступает в собственность поимщика..."¹⁰⁶

Как будто и не существует никакой морали, кроме мародерских аргументов. Сыграло ли какую-нибудь роль подобное предложение наркомвоена, судить трудно; но ясно одно: в гражданской войне Троцкий не гнушался ничем, отбросив в сторону все "надклассовые" предрассудки.

А пока Троцкий говорил на заседании Моссовета, что вот, разобьем Деникина — и конец войне! Начало главному — мировой революции! "Деникина мы раздавим и разобьем, а

за Деникиным резервов нет. Так Закавказье, Грузия, Азербайджан, которые ждут не дождутся нас, как и Афганистан, Белуджистан, как Индия и Китай. Советская Венгрия с радиусом в 70—80 верст временно пала... Что такое 70—80 верст, которые окружали Будапешт, в сравнении с теми тысячами верст, которыми мы завладели для Советской России?.. Мы скажем нашим товарищам венграм: “Подождите, братья, подождите! Ждать осталось меньше, чем мы ждали!” И, повернувшись на Восток, мы должны сказать народам Азии: “Подождите, угнетенные братья, ждать осталось меньше, чем мы думали!”¹⁰⁷

Но, увы, ждать оставалось еще бесконечно долго. Не только желанный Троцкому мировой революционный пожар никак не хотел разгораться, но и ослабление нажима на одном из фронтов не означало еще ликвидации смертельной опасности для революции. Троцкий был прав, когда говорил, что у молодой Республики не было границ, а были одни фронты. Пообещав в своей августовской речи в Москве раздаться с Деникиным, менее чем через неделю Троцкий выступает уже на экстренном заседании Петроградского Совета. Находясь в экстазе борьбы, веря, что защита Советской Республики неуклонно ведет к мировой революции, Троцкий с жаром бросает слова: “...есть на западе участок, где мы не можем подаваться назад ни на одну версту, где мы не можем уступать врагу ни одного кв. вершка территории. Этим участком является Петроградский фронт. Питер и сейчас остается нашим глазом, устремленным в Западную Европу у Балтийского моря”. Троцкий убеждал слушателей, что борьба миров решится не на “финляндском квадрате, не на эстляндском квадрате”, она “разрешится на поверхности всего земного шара”. А “вопрос о судьбе Финляндии и о судьбе Эстляндии будет разрешен попутно”. Троцкий, показывая, как империализм терзает Россию, говорит, что в этих условиях “бывают моменты, когда месть становится делом революционной целесообразности... И этот пример мы покажем на Финляндии. Она первая попадает под руку Красной Армии, которая на ней отомстит этой политике окружения... Мы пройдемся опустошительным крестовым походом против финляндской буржуазии, истребим ее с беспощадностью”¹⁰⁸. Троцкий убеждает слушателей, что разгром Юденича и его пособников будет означать окончательный перелом в борьбе с контрреволюцией и интервенцией.

Троцкий не наивен, а подчас просто авантюристичен. Он

часто рисует не реальную, а желаемую им картину. Для него Деникин — "белогвардейская пена", Колчак — "недобиток", с которым скоро будет покончено, Юденич, Балахович и Родзянко — "кровавая пьяная троица"... Во время революции и гражданской войны Троцкий вообще многое обещал своим слушателям: близкую победу, будущее благоденствие, всеобщее братство, всемирную советскую республику...

Может быть, люди и тянулись к Троцкому, потому что видели в нем предсказателя счастливого будущего? А может быть, он лучше, чем кто-нибудь другой, знал, что голодным людям, стоящим по колено в крови, нужно обязательно что-то обещать, чем-то вдохновлять, указывать близкие, достижимые, но великие цели? В годы гражданской войны Троцкий действовал часто как проповедник революции, что не мешало ему порой выступать и в роли инквизитора (революционного, разумеется!). Иногда он становился жестким не только с подчиненными, но и с Москвой говорил вызывающе-язвительно, требовательно.

"Москва, Кремль, Ленину.

...Я сообщил, что РВС-12 (Реввоенсовет 12-й армии. — Д.В.) совершенно обессилен. На юг послан Затонский, но который для этой миссии не годится. У Семенова и Аралова настроение подавленное. Нужен хотя бы один свежий человек. Получаю извещение, что Лашевич едет в Козлов, где он совершенно не нужен. Никто не едет в РВС-12, который фактически не существует. После суток и большого лихорадочного ожидания получаю либо канцелярские запросы о том, какие команды направлять, либо поучительные разъяснения о том, что командармы 12 и 14 должны подчиняться Главкому, о чем мы здесь, конечно, понятия не имели. Убедительно прошу Москву отказаться от политики фантастических опасений и панических решений...

Предреввоенсовета *Троцкий*"¹⁰⁹.

Когда же дело касалось конкретных стратегических вопросов, он обычно следовал советам своих помощников в Реввоенсовете, предложениям военспецов — людей, которые, в отличие от него, были не дилетантами, а профессионалами военного дела. Тогда же, когда Троцкий отходил от этого правила, из его уст или из-под его пера выходили планы, проекты, близкие к бредовым.

Направляясь в своем поезде из Бологого в Петроград, Троцкий обдумывал меры по спасению северной столицы. Мне трудно сейчас судить, под каким впечатлением или под чьим

влиянием у него родилась статья “Петроград обороняется изнутри”. 18 октября 1919 года она была опубликована в газете “В пути”. Достаточно привести несколько фрагментов из нее, чтобы увидеть антистратегическое “военное” мышление Троцкого. Он пишет, что нужно покончить с Юденичем. “С этой точки зрения для нас в чисто военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденичской банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград нетрудно превратить в великую западню для белогвардейских войск... Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? — Отовсюду!

...Артиллерийский обстрел Петрограда мог бы, конечно, причинить ущерб отдельным случайным зданиям, уничтожить некоторое количество жителей, женщин, детей. Но несколько тысяч красных бойцов, расположившихся за проволочными заграждениями, баррикадами, в подвалах или на чердаках, подвергались бы в высшей степени ничтожному риску в отношении к общему числу жителей и выпущенных снарядов.

...Достаточно двух-трех дней такой уличной борьбы, чтобы прорвавшиеся банды превратились в запуганное, затравленное стадо трусов, которые группами или поодиночке сдавались бы безоружным прохожим или женщинам...” Правда, в конце статьи Троцкий говорит: “Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Это одна из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не подпустить врага к Петрограду. Но если бы полевые части не оказались на высоте и открыли бы зарвавшемуся врагу дорогу в самый Петроград, это вовсе не означало бы конца борьбы на Петроградском фронте”¹¹⁰.

Думаю, военные размышления Троцкого достаточно красноречиво характеризуют сверхреволюционные взгляды наркомвоенмора в этой области. Троцкий принадлежал к тому типу людей, для которых цель оправдывает все. Как легко он говорит, что в результате такого плана враг мог бы “уничтожить некоторое количество жителей, женщин, детей”! Говорит спокойно, словно речь идет о каких-то пустяках. Это страшно. Такие люди считают себя всегда правыми. Для них сама жизнь (чужая!) ничто по сравнению с целью, идеалом, мечтой. При всех привлекательных чертах, гранях характера, интеллекта такие люди часто бывают очень опасны.

Поезд Троцкого

На основе устных сказаний, преданий рождаются легенды. О поезде Троцкого легенд возникло много. Красноармейцам часто казалось, что вместе с его поездом приходит долгожданное подкрепление — отборные части, артиллерия, боеприпасы — во главе с легендарным "вождем Красной Армии", который личным примером добивается перелома на фронте. Командиры и комиссары усматривали в прибытии поезда Троцкого особое значение их участка фронта, не без опаски ожидая возможные крутые меры Председателя Реввоенсовета. Однако все — красноармейцы, комиссары, командиры — верили в то, что приезд наркома "двинет дело", поможет переломить исход борьбы на передовой в нашу пользу. О поезде много говорили, но меньше писали. Однако сегодня имеется много архивных свидетельств об этом поезде — неповторимом в своем роде символе оперативного революционного руководства Троцкого фронтами гражданской войны.

Летом 1922 года начальник Центрального управления военных сообщений РВСР М.М. Аржанов предложил показать поезд Председателя Реввоенсовета Республики на юбилейной выставке Красной Армии и Флота. Троцкий поручил проработать вопрос Я.Г. Блюмкину. В декабре 1922 года Блюмкин подготовил докладную записку, в которой, в частности, сообщалось:

— Открыть на выставке отдел "Поезд ПредРВСР Троцкого".

— Подготовить огромную схему всех рейдов поезда за четыре года и указать места стоянок, боев, крушений.

— На специальных щитах представить те издания, которые печатались в поезде, и прежде всего подшивки газеты "В пути", копии приказов, брошюр.

— Вывесить списки личного состава поезда, траурную доску с именами погибших в боях "поездников" (по выражению Блюмкина. — *Д.В.*).

— Выставить с почетным караулом боевые знамена поезда.

— До открытия выставки провести "Неделю истории поезда", во время которой собрать специальные анкеты-воспоминания членов команды поезда.

Далее автор записки, подчеркивая особую, исключительную роль поезда и самого Троцкого в революции и гражданской войне, предлагает "поездникам" ответить на восемь вопросов анкеты¹¹.

Какова в действительности была роль поезда Троцкого в гражданской войне? Почему о нем сохранились легенды? Как оценивал роль подвижного пункта управления сам Предреввоенсовета?

Много позже, находясь уже в изгнании на Принцевых островах, Троцкий напишет: “Поезд мой был организован спешно в ночь с 7 на 8 августа 1918 г. в Москве. Наутро я отправился в нем в Свяжск на чехословацкий фронт. Поезд в дальнейшем непрерывно перестраивался, усложнялся, совершенствовался. Уже в 1918 году он представлял из себя летучий аппарат управления. В поезде работали: секретариат, типография, телеграфная станция, радио, электрическая станция, библиотека, гараж и баня.

Поезд был так тяжел, что шел с двумя паровозами. Потом пришлось разбить его на два поезда. Когда обстоятельства вынуждали дольше стоять на каком-нибудь участке фронта, один из паровозов выполнял обязанности курьера. Другой всегда стоял под парами. Фронт был подвижный, и с ним шутить было нельзя”¹¹².

Когда поезд был сформирован, вначале он состоял из 12 вагонов, в которых находились около 250 человек: охрана из латышских стрелков, пулеметный отряд, группа агитаторов, узел связи, команда шоферов, бригада ремонтников пути и другие специальные группы. Первым начальником поезда был С.В.Чикколини. Длительное время в поезде работали С.И.Гусев и П.Г.Смидович. В последующем, когда поезд был разбит на два состава, в него включили авиаотряд из двух самолетов, несколько автомобилей и даже оркестр¹¹³.

Троцкий, всегда старавшийся создать себе комфортные условия, позаботился о себе и сейчас: повара, секретари, охрана, снабжение. Своим распоряжением Троцкий положил высокие оклады составу поезда, приравняв его начальника и своего секретаря к командиру дивизии...¹¹⁴ Председатель Реввоенсовета требовал, чтобы на станциях его обязательно встречали высокие должностные лица, с почетным караулом, при соблюдении определенного порядка. В приказе начальника поезда по этому поводу, в частности, говорилось:

”1. Чтобы у вагона наркомвоена тов. Троцкого не скоплялись люди.

2. Чтобы при выходе наркомвоена тов. Троцкого его не сопровождали беспорядочной кучей любые попавшиеся товарищи, а лишь для этой цели назначенные...”¹¹⁵

Республика, только родившись, создавала свои ритуалы. Их

содержание диктовалось всевластием диктатуры пролетариата, обожествлявшей своих вождей. Революция, целью которой было народовластие, стала быстро создавать когорту людей, говоривших и действовавших от имени народа. Формирование поезда Троцкого, хотя оно и диктовалось военной необходимостью, сопровождалось многими атрибутами, которые присущи тоталитарному единовластию.

В своих рейдах Троцкий всегда требовал высокой скорости передвижения. Лица, не обеспечивавшие беспрепятственного прохода состава, сурово наказывались.

”Астрахань. Реввоенсовет.

Копия — председателю исполкома.

Экстренный поезд тов. Троцкого прибыл в Баскунчак в девять часов 7-го и, стало быть, прошел двести тридцать верст за десять часов. Согласно приказанию Троцкого прошу расследовать причины такого медленного продвижения экстренного поезда и привлечь виновных к ответственности. Об исполнении срочно донести.

Секретарь Предреввоенсовета *М.Глазман*¹¹⁶.

По сути, Троцкий работал не столько в Москве, в помещении наркомата, сколько мотался на своем поезде по разным фронтам. По некоторым данным, за годы гражданской войны поезд Троцкого прошел более 200 тысяч километров, появляясь то на Восточном, то на Южном, то на Западном фронтах. Особенно много поездок Троцкий совершил на Южный фронт, который, по его словам, оказался ”самым упорным, самым длительным и самым опасным”.

В поезде Троцкого помимо проверенных, отборных охранников Предреввоенсовета (в основном из числа молодых рабочих, матросов, интеллигентов) постоянно находились несколько десятков коммунистов. Часто из их состава приказом Троцкого назначались командиры и комиссары создаваемых воинских частей, а иногда и заградотрядов. Поезд очень тщательно охранялся, вагоны были бронированными, на площадках стояли пулеметы, команда поезда была вооружена до зубов. ”Все носили кожаное обмундирование, — писал позже Троцкий, — которое придает тяжеловесную внушительность. На левом рукаве у всех, пониже плеча, выделялся крупный металлический знак, тщательно выделанный на Монетном дворе и приобретающий в армии большую популярность... Для поддержания бдительности в пути часто устраивались тревоги, и днем и ночью. Вооруженные отряды сбрасывались с поезда по мере надобности, для ”десантных” операций. Каждый раз появление кожа-

ной сотни в опасном месте производило неотразимое действие. Чувствуя поезд в немногих километрах от линии огня, даже наиболее нервно настроенные части, и прежде всего их командный состав, тянулись из всех сил”¹¹⁷.

Между тем поезд жил своей внутренней жизнью. Некоторые ее черты, которые можно воспроизвести с помощью архивов, свидетельствуют не только о быстром формировании нового органа военного управления, но и о той значимости, которую придавал своей особе Троцкий. Деятельность многочисленной команды поезда была оговорена множеством инструкций. Например, в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств начальник поезда Вольдемар Ухенберг предписывал: “Сигналом тревоги будут служить три выстрела или три тревожных свистка паровоза... Дежурные у телефонов ни под каким предлогом не имеют права отходить от телефонов... Все, не подчиняющиеся инструкциям, будут немедленно арестованы и преданы Военно-революционному суду...”¹¹⁸ Кроме общей охраны поезда у Троцкого была и охрана личная. В конце 1918 года его телохранителями были В.Чернопятов, К.Субатович, Н.Шарапов, П.Крутов, Ф.Новик, А.Мазалин, Э.Тапулевич, С.Комаровский, Я.Долгис, С.Дзюбинский, В.Гудович, Ф.Клепанский...¹¹⁹ Старший команды личной охраны Николай Шарапов занимался также на основании особого мандата “приобретением за наличный расчет продуктов для Председателя Реввоенсовета Республики на стоянках поезда”¹²⁰ ... Вот, например, в Нежине была предъявлена заявка в горпродком: “Прошу отпустить в самом срочном порядке для личного питания тов. Троцкого следующие продукты: дичи свежей — 10 шт., масла сливочного — 5 ф., зелени (спаржа, шпинат, огурцы зеленые)...”¹²¹ Дело было 6 мая 1920 года, но “для личного питания тов. Троцкого” требовались и спаржа, и шпинат, и огурцы зеленые. Возможно, читатель скажет, что это же мелочь (спаржа и шпинат)! Возможно. Однако многие трагедии тоже начинаются с мелочей.

Ежедневно (если позволяла обстановка) Ухенберг письменно сообщал Председателю о поездных делах. Вот, например, что он докладывал в первую годовщину революции, 7 ноября 1918 года:

“... 2. Председатель Саратовского губисполкома тов. Васильев поручил мне от его имени передать Вам просьбу — выступить сего числа на митинге годовщины Октябрьской революции на Московской площади.

3. Ходатайствую об амнистии по случаю годовщины Октябрьской революции провинившихся в Вашем поезде —

а) Горина Федора... за пьянство и попытку застрелить в нетрезвом виде начохраны поезда;

б) Буркана Мартина — в связи с побегом из-под ареста Петровского...

4. Прошу Вашего указания, кому сдать папиросы в количестве 3 500 000 шт. из Москвы в качестве подарков для фронта.

5. ...Многие сотрудники везут в поезде приобретенную на собственные деньги муку... Может ли сотрудник поезда заниматься мешочничеством и в каком размере?..

6. Ввиду пропажи большого к-ва разного обмундирования из поезда, прошу до выяснения дела не отпускать сотрудников по прибытии в гор. Москву..."¹²²

Большое соседствовало с малым, и Председатель, стараясь твердой рукой укрепить фронты, решал, помиловать ли Горина Федора и в каком объеме разрешить своим сотрудникам "мешочничать"...

В поезде были специальные вагоны для дальней связи: телеграфной и радио. Оттуда Троцкий слал донесения в Москву, отдавал распоряжения фронтам, принимал ежедневные сводки. Вот такую, например, политическую сводку Восточного фронта за 3 апреля 1919 года составил и передал член Реввоенсовета С.И.Гусев. Приведу ее с сокращениями.

"4 армия.

В 22 стрелковой дивизии замечается мародерство, насилие над женщинами, ведется противокommуннистическая агитация на мусульманском языке. В Орловско-Куриловском полках коммунисты работают полуполюгально; кустарно-мобилизованные требуют освобождения. В Пензенском (полку. — Д.В.), в 1 и 5 ротах, кулацкие элементы ведут агитацию, некоторые из комсостава играют в карты, среди красноармейцев развивается антагонизм тылу.

1 армия.

Пензенская дивизия. Почти все части разложились, не исполняют боевых приказов, настроение частей паническое, особенно в Петроградском полку, где батальон разбежался...

2 армия.

Донесений не поступало.

3 армия.

30 дивизия. В Оренбургском (полку. — Д.В.) — усталость, плохое обмундирование... В Богоявленском — воззваниям белых красноармейцы не верят. Недостаток белья. 29 дивизия. В

Путиловско-артиллерийском полку есть красноармейская коммуна... В Лесновыборгском — нехватка обмундирования. В Петроградском — настроение хорошее. В полку Красных орлов недостаток оружия, медикаментов, усталость, нехватка обуви...”¹²³

С Троцким в поезде постоянно находились ответственные работники Полевого штаба, командиры, снабженцы всех основных управлений РККА. Часто после получения с ряда фронтов донесений об острой нехватке боеприпасов, обмундирования, медикаментов, других элементов боевого снаряжения и обеспечения Троцкий собирал в штабном отсеке или вагоне-столовой поезда совещание, иногда с представителями местных советских властей. Ставка обычно делалась на то, чтобы изыскать все необходимое на месте. “Как ни бедны были органы местной власти, — писал Троцкий, — они всегда оказывались способны потесниться и подтянуться, пожертвовав кое-чем в пользу армии... Новый десяток работников извлекался из учреждений и тут же включался в неустойчивый полк. Находился запас тканей на рубахи и портянки, кожи на подметки, лишний центнер жиров. Но местных средств, конечно, не хватало”¹²⁴. Тогда Троцкий диктовал по прямому телефону в Москву просьбы Ленину, в наркоматы или давал непосредственные указания своему заместителю Склянскому, который не выезжал из столицы и занимался, как я уже говорил, главным образом исполнением распоряжений Предреввоенсовета.

По прибытии на ближайшую к штабу фронта или армии железнодорожную станцию из вагонов выгружались два-три грузовых автомобиля и машина Троцкого. В поездках в части и на фронт Предреввоенсовета сопровождали обычно 20—30 красноармейцев с несколькими пулеметами. Конечно, в пути можно было натолкнуться на засаду банды, конный разъезд белой конницы. Это так. Но внимательный анализ всей боевой деятельности Л.Д.Троцкого позволяет сделать вывод о том, что “вождь Красной Армии”, как часто именовали в печати наркомвоена, очень берег свою жизнь. Всегда, во всякой ситуации, около него находились телохранители, охрана, “молодцы”, затянутые скрипящей кожей.

Надежда Александровна Маренникова, работавшая в секретариате Троцкого, рассказывала мне:

— У него почти ежедневно бывали врачи, видимо, проверяли его здоровье. Ну а главное — его всегда охраняли. Сильно охраняли. Подле него было всегда несколько охранников. У

Фрунзе (я у него тоже работала) был лишь один. Незаурядный, даже выдающийся человек был Троцкий, но трусоват...

Такое вот неожиданное заключение человека, который знал, видел, слышал Троцкого, был близок к его помощникам, особенно к Н.М.Сермуксу.

Думаю, заключение Надежды Александровны, что Троцкий очень заботился о своей личной безопасности, не лишено основания. Конечно, поезд прежде всего служил подвижным пунктом управления, что само по себе было новым словом и в военном строительстве, и в практике руководства боевыми соединениями РККА. Но большая часть двух железнодорожных составов была в основном предназначена для передвижения вместе с Троцким его личной охраны. Кроме Сталина — в будущем, — наверное, никто из политических деятелей в нашей стране не принимал столь исключительных мер по обеспечению личной безопасности.

Возвращаясь к теме посещения Троцким частей фронта, скажу, что они преследовали цель не только инспекционную; пожалуй, прежде всего они предназначались для вдохновения, ободрения войск.

По предложению и настоянию Троцкого ВЦИК учредил орден Красного Знамени. После его учреждения в сентябре 1918 года орден долго не могли изготовить. Наконец в январе 1919 года Троцкий получил партию орденских знаков и был разочарован. Тут же телеграфировал в Москву:

”ПредЦИК Свердлову

Копия Склянскому

Орден Красного Знамени невозможен, слишком груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что носить его практически невозможно. Выдавать его не буду, ибо вызовет общее разочарование. Настаиваю на прекращении выделки и передаче сего дела военному ведомству. Орден ждут несколько месяцев, а получили бляху носильщика, только менее удобную. Знак должен быть в три-четыре раза меньше и сделан из лучшего материала...

Предреввоенсовета *Троцкий*¹²⁵.

Возможно, посчитав, что этого мало, тут же по прямому проводу телеграфировал свой совет Енукидзе:

”Считаю совершенно недопустимым небрежность в изготовлении ордена Красного Знамени... Все ждут, а мы неспособны изготовить орден. Рассуждать о том, насколько серебряные обойдутся дороже, — смешно. Дело идет о грошах. Необходи-

мо знак сделать в три раза меньше. Ободок позолотить. Работу сделать более изящной...”¹²⁶

Однако когда орден стал “работать” как моральный стимул, кое-где его невольно стали обесценивать массовыми награждениями. Получив одну из телеграмм, Троцкий отреагировал, например, следующим образом: “Реввоенсовет конармии просит об отпуске трехсот орденов Красного Знамени для награждения бойцов... 19 января 1920 года. Реввоенсовет т. *Ворошилов, Буденный, Шаденко*”. Троцкий прямо на телеграмме крупно написал: “Слишком много! Штук 50—75 можно выслать”¹²⁷. Почувствовав, что подобная форма морального поощрения выходит из-под контроля, он еще раз вернулся к этому вопросу: “...те награждения, какие были сделаны Реввоенсоветом без утверждения ЦИК, представить дополнительно для утверждения...”¹²⁸. А иногда, по принципиальным соображениям, Троцкий возражал против награждения конкретных лиц. “Считаю совершенно неуместным, — телеграфировал он Склянскому, — награждать орденом Красного Знамени Тухачевского по поводу годовщины армии. Это чисто монархическая манера награждать... Тухачевский не персонифицирует армии, он должен награждаться в зависимости от своих боевых действий, а не по поводу годовщины армии...”¹²⁹ Трудно не согласиться с этими доводами. Впрочем, на протяжении десятилетий в нашем советском государстве существовала именно “монархическая манера награждать”.

Только военные советы начали награждать отличившихся, как последовали запросы: как быть, если красноармеец, командир, комиссар отличились еще раз? Председатель Реввоенсовета, как всегда, подобные проблемы решал быстро и находчиво: “Москва, Склянскому, копия ЦЕКА

Многие из красноармейцев, особенно из летчиков, имеют орден Красного Знамени и при дальнейших подвигах создается крайне затруднительное положение в деле награждения. Единственный способ — это награждать во второй и третий разы, не выдавая ордена, а укрепляя на основном ордене маленькие цифры — два, три, четыре и т.д. Предлагаю провести это в самом спешном порядке через президиум ЦИК...”¹³⁰

Он еще не знает, что 22 ноября 1919 года Президиум ВЦИК примет решение о награждении орденом Красного Знамени Предреввоенсовета Республики. В этом постановлении, в частности, говорится: “Тов. Лев Давидович Троцкий, взяв на себя по поручению ВЦИК задачу организации Красной Армии, проявил в порученной ему работе неутомимость и несокрушимую

энергию. Блестящие результаты увенчали его громадный труд... В дни непосредственной угрозы красному Петрограду тов. Троцкий, отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновляя красноармейские части на фронте под боевым огнем...¹³¹

К слову сказать, Предреввоенсовета был удостоен и некоторых других революционных наград. Например, в сентябре 1920 года Троцкому, Склянскому, Каменеву и Лебеву было вручено "почетное оружие (шашки) туземного образца"¹³². Революция метила врагов свинцом, а своих героев — наградами, которые изобретала в ходе кровавой сечи.

В поезде сложился костяк окружения Троцкого, без которого он был бы не в состоянии не только исполнять свои разносторонние обязанности "вождя" Красной Армии, но и непрерывно заниматься литературным трудом. Большая часть написанного наркомвоенном в поезде в годы гражданской войны вышла в 1922—1924 годах в пяти томах! Троцкий признает, что "не только литературная, но и вся остальная моя работа в поезде была бы невысказана без моих сотрудников-стенографов: Глазмана, Сермукса* и более молодого Нечаева. Они работали днем и ночью, на ходу поезда, который, нарушая в горячке войны все правила осторожности, мчался по разбитым шпалам со скоростью в семьдесят и больше километров... Я всегда с удивлением и благодарностью следил за движением руки, которая, несмотря на толчки и тряску, уверенно выводила тонкие письмены. Когда мне приносили через полчаса готовый текст, он не нуждался в поправках. Это не была обычная работа, она перешла в подвиг"¹³³.

Правда, Троцкий, выделяя Глазмана, Сермукса, а также Нечаева, назвал не всех. Штат работников его секретариата и окружения был более многочисленным, чем у кого-либо из вождей революции. Троцкий раньше, чем другие политические и государственные деятели, понял, как много зависит от интеллектуального уровня окружения, способного на лету подхватить идею, подготовить нужный документ, справочные материалы, организовать выполнение принятого решения и т.д. В окружении Троцкого кроме названных выше лиц можно отме-

* Непонятно, почему Троцкий называет Глазмана и Сермукса своими стенографами; это были помощники Предреввоенсовета в полном смысле слова. — Д.В.

тить А.Г.Бутова, Г.И.Зейца, Т.Ф.Спиридонова, В.И.Самуйлова, В.И.Боголепова, Е.П.Шелепину, П.А.Цветкова, Я.Г.Асякина, В.А.Кромберга, А.Г.Тихонова, Е.А.Кузнецову, В.И.Никифорова, Я.В.Хлебникова, А.Г.Сударикова, С.И.Фирсова, И.В.Козлова, С.Ш.Дзюбинского, И.И.Круглова¹³⁴. Но это лишь малая часть работников секретариата и канцелярии Предреввоенсовета.

Троцкий не был бы самим собой, если бы не организовал на своем поезде поездную газету. Прибывая в тот или иной пункт фронта, вслед за Троцким сходили не только его помощники и сотрудники: следом сгружали тюки с газетой “В пути”, листовки, обращения, которые тут же распространялись среди красноармейцев и местного населения. Например, в начале января 1919 года в Курске встречающие тут же получили пачки поездной газеты с большой статьей Троцкого “Пора кончать!”.

Статья подготовлена как обзор фронтовых дел: “По всем границам Советской Республики проходит фронт — на севере, на востоке, на юге и на западе”. Оптимистически оценивая шансы Красной Армии на всех направлениях, Троцкий подводит читателя к выводу: там, где он сейчас находится, решается судьба войны. “На Донском фронте разрешается теперь судьба Советской Республики. Это разрешение слишком затянулось. Пора кончать! На Южном фронте нами сосредоточены большие силы. Выполнена крупная организационная работа. Во главе полков, дивизий, армий стоит надежный командный состав и лучшие наши комиссары...”

Солдаты, командиры, комиссары Южного фронта! Ваш час пробил! Пора кончать, пора очистить юг, проложить дорогу на Кавказ, пора нанести смертельный удар самому заклятому врагу рабочей и крестьянской России и дать истомленной стране безопасность, мир и довольство¹³⁵. Тут же газета развозится в полки, вывешивается на казарменных щитах, ее вслух читают ротные грамотей, и скоро многие бойцы уверены: от них самих зависит, когда наконец они вернутся домой, к семье, плугу, такому родному, хотя и убогому мирному быту. Дело решается здесь. Ведь не зря же сюда приехал сам Троцкий!

Деникин, Колчак, Каледин, Юденич знали цену пропагандисту Троцкому и пытались противопоставить ему собственную контрпропаганду. Иногда в довольно неожиданной и любопытной форме. В мае 1919 года Сермукс принес в вагон Троцкого несколько экземпляров “приказа” Председателя Реввоенсовета Республики, которые бойцы сорвали со стен железнодорожной станции. Троцкий внимательно прочел “свой при-

каз" № 92 от 1 мая 1919 года, отпечатанный типографским способом таким же форматом, каким тиражировались и его подлинные распоряжения...

"После периода распродажи чуждой и ненавистной мне России я волею кронштадтских хулиганов-матросов и средствами немцев достиг высшей власти: я управляю остатками России на страх и смерть себе, на горе всех любящих Россию. Совсем безнадежны дела наши и на фронтах, которым я и счет потерял; я только вижу, как предел моего царства все уменьшается; только год прошел, а у меня нет богатой Сибири, Туркестана, весь Пермский край через неделю-другую будет утерян, Украина не хочет нас признать, Ригу потеряли, уходит Псков, а скоро и Петрограда не станет... Нам России не жаль, а посему, как и прежде, продолжать, товарищи, грабить, разорять трудовое крестьянство, разрушать промышленность, чинить насилия, бесчинства, зверства, обманы..."¹³⁶

Внизу стояла подпись: Лейба Троцкий-Бронштейн с указанием всех его должностей.

Предреввоенсовета отодвинул приказ и взглянул в лицо своему давнему преданному помощнику:

— А зачем срывали? Не нужно было этого делать. Кто этой фальши поверит? Нужно было рядом приклеить мой последний подлинный приказ...

— Пожалуй, Вы правы, Лев Давидович...

Редакцией газеты "В пути" заведовал бывший командир Московского учебного батальона Березовский, который одновременно готовил обобщенные материалы об обстановке на фронтах для "Известий ВЦИК". Троцкий специальным предписанием приказал "всем штабам и учреждениям Военного ведомства оказывать тов. Березовскому, в пределах порученных ему задач, самое широкое содействие..."¹³⁷

Новый редактор на первых порах сразу же стал славить в газете Председателя Реввоенсовета Республики. Но Троцкий, будучи умным человеком, быстро почувствовал, что такие лобовые панегирики в своей газете могут вызвать обратную реакцию. Он тут же охладил редактора:

"Товарищу Березовскому.

В передовой статье № 18 имеются отзывы по моему адресу. Я считаю крайне неудобным, чтобы в газете, издающейся в нашем поезде, печатались такого рода хвалебные отзывы. Вообще прошу личный момент по возможности устранить..."¹³⁸

Троцкому не нужна была мелкая лесть. Он уже давно мы-

слил категориями эпох и континентов. Такие люди серьезно относились к тому, что их называли “вождями”.

Для достижения своих целей, которые были и целями революции, Троцкий особые надежды возлагал на пропаганду и агитацию. Председатель Реввоенсовета многое делал в этой области сам, но всячески понуждал и других активнее использовать пропагандистское большевистское оружие. В начале июня 1920 года Троцкий шлет телеграмму председателю комиссии по “польской агитации” Радеку, заместителю начальника ПУРа Александрову, в Секретариат ЦК, редактору “Известий” Стеклову, редактору “Правды” Бухарину, в которой говорится: “Наша агитация по поводу Польши пока еще совершенно не отвечает значению событий и лишь поверхностно затрагивает массы...”

1. Необходимо организовать летучие уличные митинги, например, по поводу взятия Борисова. Совершенно точные лозунги должны даваться из одного центра...

3. Антишляхетские лозунги должны быть на всех улицах, на всех вокзалах, станциях и проч...

4. Надо привлечь к этому делу поэтов. До сих пор почти не было стихотворений, посвященных войне с Польшей...

5. Нужно привлечь композиторов, заказав им музыкальную победу интернационала над мелодией польского шовинизма.

Полагаю, что нужно создать сперва небольшое “особое со-
вещание” из поэтов, драматургов, композиторов, артистов, кинематографчиков, а затем, выработав определенную программу, установив премии, создать интеллигентско-художнический и пролеткультовский митинг под лозунгом “мобилизация искусства против польских панов...”¹³⁹.

Пропаганда и агитация были его оружием, и если он что-то сделал или чего-то добился, то в огромной степени с помощью этих инструментов духовного воздействия.

В поезде Троцкий написал, а точнее, надиктовал сотни статей, обращений, листовок. Некоторые затем перепечатывались в “Правде”, “Известиях ВЦИК”, местных изданиях. Назову хотя бы несколько характерных статей Троцкого, родившихся в поезде и появившихся в “В пути”. В Валуйках в январе 1919 года раздавали газету со статьей Троцкого “Необходима суровая чистка”, в которой он призывал к беспощадной борьбе с “налетчиками революции”. 19 апреля 1919 года газета вышла со статьей “Весна, которая решает”, где Троцкий вновь обещал после освобождения Урала долгожданный отдых стране и армии. Назавтра, 20 апреля, новая статья “Россия или Колчак?”,

в которой автор доказывал, что "Колчак — это воплощение всей старой неправды русской жизни", а поэтому сия опасность должна быть "преодолена, устранена, задушена". Или вот еще статья Троцкого "В чаду и хмелю", напечатанная в "В пути" 13 мая 1920 года. Он пишет о первых успехах польской армии: "Пьяный способен на безрассудный налет. Но побеждает трезвый... Скоро пробьет час, когда Красная Армия покажет, что она на западе умеет побеждать так же, как побеждала на севере, на востоке и на юге. За чадом и хмелем дешевых польских побед последует страшное похмелье"¹⁴⁰.

Для более эффективного использования агитационных возможностей поездной команды Троцкий учредил политотдел поезда, который занимался не только политическим образованием личного состава, но и подбором на местах резерва комиссаров.

"Товарищу Батурлову.

Вы назначаетесь временно исполняющим обязанности заведующего политотделом при поезде Предреввоенсовета и немедленно приступаете к исполнению обязанностей. При сем препровождаются основные карты 14 политработников. Вам предстоит выяснить, кто из них к какой работе пригоден..."¹⁴¹

Почти при каждом возвращении бронированного состава в Москву Н.Сермукс, А.Бутов, М.Глазман или исполняющий обязанности управляющего канцелярией Предреввоенсовета Республики Г.Зейц сдавали на хранение в секретариат Народного комиссариата по военным и морским делам сотни дел. Вот, например, что выгрузил из поезда Зейц в январе 1919 года: папки с приказами наркома, разведывательные данные, переписка о ходе военных действий, дело о "неурядицах, творимых в разных городах и местностях России", том с материалами "о предании суду и следствию, снабженческие вопросы, телеграммы об отпусках и квартирах"¹⁴².

Троцкий был пунктуальным человеком. Может быть, поэтому о деятельности Реввоенсовета Республики, гражданской войне, работе Наркомата по военным и морским делам сохранилось так много документов, которые, правда, долгие десятилетия были "арестованы" в архивах, а некоторые и уничтожены. Конечно, большую роль в сохранении этих материалов сыграло и то обстоятельство, что Троцкий был в высшей степени честливым человеком. Некоторые его выражения, заметки, мысли очень похожи на кокетничанье с вечностью. Свою незаурядность, а во многом и талант Троцкий старался всячески запечатлеть, зафиксировать, отразить, увековечить. Ведь нико-

му из вождей Октябрьской революции не пришло в голову возить за собой стенографистов, фотографов, кинохроникеров с главной целью — “забронировать” себе видное, почетное, а может быть, и исключительное место в отечественной (да и не только отечественной) истории.

Негативно относясь к проявлениям тщеславия этого человека, нельзя не видеть, что благодаря этой “слабости” историки получили дополнительные возможности глубже заглянуть за кулисы подлинных исторических событий того времени.

Поезд обладал большой автономией, в первую очередь снабжался оружием, боеприпасами, обмундированием, продуктами. Часто — лучшего качества. Когда, например, Троцкий узнал, что еще цел царский вагон-гараж на пять машин, он тут же отдал распоряжение наркому путей сообщения передать его поезду Предреввоенсовета¹⁴³. Члены команды поезда пользовались некоторыми неписаными льготами, которые были обусловлены особой заботой Троцкого о своем окружении: охране, секретариате, поварах, врачах и т.д. В архиве Предреввоенсовета много таких, например, записок:

“Предъявитель сего член ВИКЖЕДора экстренного поезда Председателя Реввоенсовета Республики Александр Пухов действительно крайне нуждается в теплом зимнем пальто. Прошу выдать ему вне очереди ордер на право приобретения такового”¹⁴⁴. Даже в грозное время войны отдельные члены поезда пользовались отпусками:

Увольнительный билет

Предъявитель сего сотрудник экстренного поезда Председателя Реввоенсовета Республики т. Спиридонов уволен в отпуск в гор. Петроград и его окрестности с 27 декабря с.г. по 19 января 1919 г., что подпisyю с приложением советской печати удостоверяется”¹⁴⁵.

Внизу — подпись секретаря Предреввоенсовета, коей достаточно, чтобы и в годину смуты приближенные к одному из вождей революции пользовались привилегиями и льготами.

Люди слабы. Даже вожди. Власть дает им возможность осыпать милостями наиболее близких к ним людей, хотя обычно за счет других. Но вожди понимают, что так они “покупают” преданных себе помощников. У Троцкого не было близких друзей. Кроме жены — Натальи Ивановны Седовой. Другой он заменял теми, кого через несколько лет Сталин будет называть “обслугой”. Это уже не буржуазная прислуга, а безропотная социалистическая обслуга, которая не за совесть, а за страх, за привилегии холопа, за возможность быть как бы вы-

ше простых смертных готова исполнить любую волю вождя. Даже волю злую! Троцкий — один из тех, кто положил начало формированию этой многочисленной категории людей, необходимого придатка бюрократического Молоха.

Белые и интервенты знали о поезде Троцкого. Состав подвергался артиллерийским и авиационным налетам, несколько раз происходили загадочные крушения. "Поезд завоевал себе ненависть врагов, — писал Троцкий, — и гордился ею. Социалисты-революционеры несколько раз затевали покушения на него. Об этом подробно рассказал на процессе эсеров Семенов, организатор убийства Володарского и покушения на Ленина, участник в подготовке покушений на поезд"¹⁴⁶. Все это было в порядке вещей. К слову сказать, Г.Семенов в Берлине (не с ведома ли ЧК?) выпустил книгу о террористической деятельности эсеров, где писал, что после убийства Володарского "мы намечали убийство Ленина и Троцкого. В Москву для этого были направлены Гвозд, Зеленков и Усов". Координировал работу террористической группы, писал Семенов, член ЦК партии эсеров Гоц¹⁴⁷. Жестокость войны оставила свой кровавый след на просторах России. Сегодня трудно поверить и страшно согласиться, что для утверждения красной Идеи потребовалось столько жизней и крови. Один из главных жрецов этой Идеи сновал на своем бронированном поезде с запада на восток, с юга на север. У него никогда не возникало сомнений, может ли великая Идея воздвигать себе пьедестал на пирамиде черепов соотечественников. Что это: вечная дилемма между Целью и Средствами? Может быть, все дело именно в этой "ложной" диалектике великого Идеала и преступных Методов? Вряд ли. Дело в том, что любая диктатура не может обходиться без террора. И Троцкий, как и другие вожди революции, это хорошо знал.

Диктатура и террор

В своей последней перед смертью работе "Царство духа и царство кесаря" Николай Бердяев, опираясь на богатейший опыт всей жизни, написал: "Революции, все революции, обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих, наряду с героизмом немногих. Революция — дитя рока, а не свободы... Революция в значительной

степени есть расплата за грехи прошлого”¹⁴⁸. Это расплата за то зло, которое революция хочет устранить с помощью нового зла. Среди радикально настроенных русских революционеров долгие десятилетия господствовала идея непреходящей исторической значимости диктатуры пролетариата. Безоговорочно считалось, что и в крестьянской стране, где пролетариат составлял абсолютное меньшинство, только его диктатура способна повернуть колесо истории в нужную сторону. Таким образом, автоматически оправдывалось неограниченное применение насилия по отношению к противникам диктатуры.

Справедливости ради нужно сказать, что стать на путь террора большевиков в немалой степени заставили их классовые антиподы, не желавшие соглашаться со складывающейся не в их пользу ситуацией. Кроме того, большевики были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам и в силу явной несостоятельности своей экономической политики. В.И. Ленин со всей прямотой заявил: “На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов...”¹⁴⁹ Да и какая рациональная экономическая политика возможна в разрушенной стране, охваченной огнем?!

В этих условиях, когда большая территория Республики была охвачена мятежами и восстаниями, командованию Красной Армии было ясно, что непрочно положение и в самой армии.

...На столе Троцкого лежала сводка политического состояния Украины на 15 мая 1919 года, подготовленная по телеграфным докладам председателей губчека. И это один из многих документов аналогичного характера. Приведу лишь малую толику той давней информации, которая дает возможность почувствовать всю сложность положения и всю безбрежность взаимного насилия.

”Киевская губерния

Уманский уезд. По всему уезду антисемитская агитация... Сотрудники ЧК — евреи, пойманные населением, — расстреливаются. Крестьяне окрестных сел и деревень настроены против коммуны и советов...

Бердичевский уезд. Проезжающие через город части бесчин-

ствуют. Идут погромы под лозунгами: "Бей жидов, громи ЧК — они враги наши".

Васильковский уезд представляет из себя гнездо бандитов, контрреволюционеров и разной другой дряни. Бесперывные восстания, грабежи и убийства, неоднократный разгон ЧК; в одном случае был убит бандитами почти весь состав коллегии и сотрудников ЧК. Находящийся в городе кожевенный завод был красноармейцами разгромлен до основания...

Белая церковь. Относительное спокойствие. Но продолжают восстания в селах.

Тарашанский уезд. Почти месяц в городе хозяйничали бандиты. Благодаря бездействию военкома Горевого, выразившемуся в том, что при наступлении на город банды в 20 человек он собрал митинг красноармейцев и стал советовать: наступать или не наступать, и было решено оставить город. Когда вошли в город бандиты, они открыли военные склады и начали продавать товары населению.

Родомысльский район. Та же агитация, банды и погромы. Близ Родомысла — гнездо разбойников под предводительством черносотенца Соколовского, учинившего разгром города. В Чернобыле этого же уезда орудует банда Струка...¹⁵⁰

Такие же донесения поступали из Полтавской, Черниговской, Харьковской и других губерний Украины, а если посмотреть шире — то со всей России. Крестьяне, получив землю от Советской власти, страдали от бесконечных поборов, реквизиций, изъятий. Советская власть была вынуждена на ходу менять свою политику по отношению к крестьянству, дифференцируя свое отношение к различным его слоям и не отказываясь в то же время от чрезвычайных мер. В своих тезисах "Руководящие начала ближайшей политики на Дону" Троцкий таким образом, например, выразил отношение властей к казачеству:

"Мы разъясняем казачеству словом и показываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим... Мы строжайше следим за тем, чтобы продвигающаяся вперед Красная Армия не производила грабежей, насилий и пр. Твердо помня, что в обстановке Донской области каждое бесчинство красных войск превращается в крупный политический факт и создает величайшие затруднения, в то же время мы требуем от населения всего, что необходимо Красной Армии, забираем организационным путем через продкомы (продовольственные комитеты. — Д.В.) и заботимся о своевременной и точной уплате... Демонстратив-

ный характер нужно придавать расправе над теми элементами, которые проникнут на Дон при его очищении...”¹⁵¹

Даже скорректировав политику по отношению к крестьянству и казачеству, в частности, большевики продолжали действия, красноречиво выражаемые словами: “забираем организационным путем”, “демонстративный характер нужно придавать расправе” и т.д.

Настроения в крестьянской стране не могли не сказываться на состоянии в крестьянской по составу Красной Армии. И Троцкий все это прекрасно видел. Поэтому не случайны его послания к Ленину. Например, такое:

“Москва, Предсовнаркома Ленину.

Все известия с мест свидетельствуют, что чрезвычайный налог крайне возбудил местное население и пагубным образом отражается на формированиях. Таков голос большинства губерний. Ввиду плохого продовольственного положения представлялось бы необходимым действие чрезвычайного налога приостановить или крайне смягчить, по крайней мере в отношении семей мобилизованных.

27.12.

Предреввоенсовета *Троцкий*”¹⁵².

На фронте действует своя логика. Необученность значительной части мобилизованных в Красную Армию крестьян, помноженная на глухое недовольство чрезвычайными мерами, в сочетании с целым рядом других негативных факторов, в том числе и успехами белых армий, — все это рождало массовое дезертирство, нежелание рисковать жизнью “за Советы”, неверие в конечный успех. На фронте — то в одном, то в другом месте — не раз складывалась обстановка, когда поставленные под ружье крестьяне бросались врасыпную перед атакой офицерских рот, казачьих эскадронов, от простого панического крика: “Обошли!”. В этих условиях нередко не оставалось иного способа — кроме угрозы смертельной кары — вернуть бежавших красноармейцев на поле боя. Но эти акты насилия, неизбежные в боевой обстановке, превращались в систему, обязательную норму. Троцкий такое положение считал естественным и никогда не пересматривал своих взглядов.

В своих воспоминаниях он с большой долей явного цинизма и глубокой убежденностью в своей правоте писал: “Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью

вперед и неизбежной смертью позади"¹⁵³. Этим кредо Троцкий, не задумываясь, руководствовался всю войну.

Для него репрессия была составным элементом, частью военного строительства, формой воспитания личного состава. Характерна в этом отношении телеграмма Председателя РВС Республики Реввоенсовету Западного фронта в 1919 году.

"...Одним из важнейших принципов воспитания нашей армии является неоставление без наказания ни одного проступка или преступления... Репрессии должны следовать немедленно за нарушением дисциплины, ибо репрессии имеют не самодовлеющее значение, а преследуют воспитательные, боевые задачи... Наиболее суровым карам подвергнуть за нарушение дисциплины и невыполнение приказов командиров, коммунистов..."¹⁵⁴ Пока сознательность, убежденность и подготовка красноармейской массы была невысокой, Троцкий полагал, что компенсировать их слабость может лишь угроза сурового наказания. Этой точки зрения придерживался не только он, но и другие вожди революции. Вместе с тем следует отметить, что Троцкий, как и Ленин, считал основной революционной дисциплины сознательность бойцов, хотя он подчеркивал, что дисциплинировать надо также страхом и репрессиями.

Предреввоенсовета на совещаниях с командным составом приказывал воздействовать на красноармейцев во время боя не только силой примера, но и "железной рукой", не останавливаясь перед применением оружия. Когда на одном из таких "инструктажей" кто-то сказал, что не у всех командиров и комиссаров есть револьверы для исполнения такого указания, Троцкий в очередном докладе Ленину продиктовал секретарю и такие строки: "Отсутствии револьверов создает на фронте невозможное положение. Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможности. Предлагаю т. Муралову и Позерну реквизировать револьверы у всех лиц, не состоящих на строевых должностях..."¹⁵⁵ Угроза кары постепенно вошла в арсенал методов строительства и функционирования армии, более того, в сознании людей она незаметно стала восприниматься как моральная норма, "револьверное право", революционный императив, пролетарское требование...

"Балашов, реввоенсовет;

Козлов, реввоенсовет;

Серпухов, реввоенсовет.

Москва, Ленину, Свердлову.

Обращаю Ваше внимание на то, что девятая армия работает крайне слабо. Приказы фронтового командования не вы-

полняются, армия топчется на месте... Надо железной рукой заставить начальников дивизий и командиров полков перейти в наступление *какой угодно ценою* (курсив мой. — Д.В.). Если положение не изменится в течение ближайшей недели, вынужден буду применить к командному составу девятой армии суровые репрессии...

26 ноября 1918 г.

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁵⁶.

Получая донесения командующих о ходе выполнения оперативных приказов, Троцкий в первую очередь реагировал на морально-политические вопросы.

“Царицын, реввоенсовет 10-й армии.

Восьмая и девятая армии перешли в победоносное наступление. Первые шаги дали значительное продвижение вперед: много пленных и трофеев. Требую беспощадной расправы с дезертирами и шкурниками, которые парализуют волю 10-й армии... Никакой пощады дезертирам и шкурникам. За невыполнение приказов и трусость в первую голову отвечают командиры и комиссары. Вперед!

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁵⁷.

Гражданская война — война особая. Беспощадность и жестокость в ней не случайность, а закономерность. Так было всегда. И когда в тридцатилетней войне Алой и Белой розы в Англии и в годы войны между Севером и Югом в Америке обильно лилась кровь — никто не полагал, что это случайно. Соотечественники в борьбе между собой особо непримиримы. В гражданской войне в России все было так же, лишь масштабы насилия были значительно шире. Сегодня нам представляется, что миллионные жертвы были напрасны. Но это — сегодня. А тогда никто не хотел задумываться, что миллионные жертвы не оправдывают того “счастья”, за которое боролись и красные и белые. Непримиримость и беспощадность считались добродетелью, хотя само это слово казалось “буржуазным”. Мало кто думал и верил, что реформой, эволюцией можно добиться в конечном счете больше, чем революцией.

Так или иначе, гражданская война в России, которую развязали как отстраненные от власти классы совместно с иностранными интервентами, так и октябрьские победители, стала одним из жесточайших проявлений тотального насилия. Не только в военной области, но и в экономической, социальной, духовной. В.И. Ленин, выступая 7 ноября 1918 года с речью на митинге-концерте сотрудников ВЧК, заявил: “...когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают эле-

ментарнейший марксизм". Но кто знал тогда марксизм, кроме узкой прослойки членов партии? Крестьянин, если и слышал о марксизме, то воспринимал его лишь в одном ключе: даст он землю и мир или не даст? Ему было трудно понять, почему для этого нужно так много крови. Той самой крови, которую, не задумываясь, пускали и белые, и те самые сотрудники ВЧК, перед которыми тогда выступал Ленин. "Для нас важно. — продолжал Владимир Ильич, — что ЧК осуществляют *непосредственно* (курсив мой. — Д.В.) диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопенима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет"¹⁵⁸.

Иного пути к освобождению, кроме насилия, — нет... Страшные слова. Тогда, к сожалению, это было как бы естественным. Но сегодня сознание протестует против этого обоюдного, всестороннего, восславленного, тотального насилия. Сегодня "то" насилие нам, видимо, осуждать просто. Было другое время, другие люди, другое мышление. Мы сильно изменились вместе со временем. А тогда все было по-другому.

"Связжск, Троцкому.

Благодарю, выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийц, будет образцово-беспощадное. Горячий привет. *Ленин*"¹⁵⁹.

Но Троцкому приходилось проводить "образцово-показательный" террор не только против "кулаков-кровопийц". В армию по мобилизации загоняли тысячи крестьян, многие из которых уже по нескольку лет отсидели в окопах империалистической бойни. Получив землю, они совсем не горели желанием вновь месить грязь по бесконечным дорогам войны, ходить в штыковые атаки, кормить вшей в окопах. Наскоро сформированные батальоны и полки нередко тут же таяли. Красноармейцы разбегались по домам. Дезертирство приняло огромные масштабы. После гражданской войны появилась интересная работа С.Оликова "Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним". Автор книги, работавший в военные годы в органах по "отлову" дезертиров, отмечает особенно большие размеры этого негативного явления во второй половине 1918 года и в первой половине 1919-го. Вот какие данные приводит Оликов только за апрель 1919 года: "Первые две недели оперативно-карательной и агитационной деятельности комиссий дали 31 683 задержанных и добровольно явившихся дезертиров. Следующие две недели дали 47 393 дезертира. В некоторые месяцы

удавалось задерживать до ста тысяч дезертиров. Только насилие, угроза расстрела (и многих беспощадно расстреливали) заставляли тысячи людей вновь возвращаться на фронт¹⁶⁰. Троцкий почувствовал, что без пресечения этой эпидемии “бойкота войны” боеспособной армии ему не создать. Были организованы многочисленные комиссии по борьбе с дезертирством. 2 июня 1919 года Ленин и Склянский подписали специальное постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, согласно которому добровольно не явившиеся в части (или к властям) сбежавшие бойцы “считаются врагами и предателями трудящегося народа и приговариваются к строгим наказаниям, вплоть до расстрела”. Были разработаны многочисленные инструкции по борьбе с этим бедствием, появились такие странные для нас должности и органы, как “дивизионный комдезертир”, “армкомдезертир”, “фронтвой комдезертир”¹⁶¹ и т.д. Бегство с фронта приняло угрожающие размеры.

Троцкий уже при первом выезде на фронт продиктовал несколько весьма жестких, суровых приказов и показал себя человеком, который готов принимать самые суровые решения, касавшиеся судеб и жизней тысяч людей в военных шинелях. Видимо, просто внутренний радикализм, обожествление революции в ее крайних формах, убежденность в святости пролетарской диктатуры позволили наркомвоенту стать одним из главных столпов военного террора в годы гражданской войны. Вот один из приказов, который Троцкий подписал 30 августа 1918 года:

”Приказ № 31

по Красной Армии и Красному Флоту

Изменники и предатели проникают в ряды Рабоче-Крестьянской армии и стремятся обеспечить победу врагов народа. За ними идут шкурники и дезертиры... Вчера по приговору военно-полевого суда 5-й армии Восточного фронта расстреляны 20 дезертиров. В первую голову расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывавшиеся больными. Наконец, расстреляны несколько дезертиров-красноармейцев, которые отказались загладить свое преступное участие в дальнейшей борьбе...

Да здравствуют доблестные солдаты Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Гибель шкурникам. Смерть изменникам-дезертирам.

Народный комиссар по военным и морским делам

*Л. Троцкий*¹⁶².

Это помогало, но не всегда. Страх поселялся в разношерстные, пестрые колонны бойцов, удерживая многих, но не всех, от бегства к своим семьям с опостылевшей войны. Кроме того, были случаи дезертирства и по идейным, политическим мотивам. Под мобилизацию попадали и тысячи бывших царских офицеров. Генерал А.И.Деникин в своих воспоминаниях так охарактеризовал эту категорию профессиональных военных, которую он условно разделил на три группы. "В первой — весьма малочисленной — были "стоящие на советской платформе" — коммунисты искренние или "октябрьские", во всяком случае настолько скомпрометированные своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было... Во второй... — столь же малочисленной — так называемые "контрреволюционеры", невзирая на необычайный гнет, сыск и террор советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону белых армий и т.д... Наконец, третья группа — наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной Армии голодом, страхом, принуждением, разделила общую судьбу русской интеллигенции, обратившейся в спецов"¹⁶³.

Деникин пишет, что он и другие командующие принимали все возможные меры к тому, чтобы бывшие царские офицеры незамедлительно покинули ряды Красной Армии или уклонились от службы в ней.

Последние строки одного из приказов, подписанного Деникиным, гласили: "Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии — суровый и беспощадный"¹⁶⁴. Приказ этот тайно распространялся в Советской Республике, и некоторые офицеры выполняли его. В ответ были новые беспощадные репрессии. Несмотря на это, бывшие царские офицеры продолжали переходить на сторону белых. Тогда Троцкий без колебаний взял на вооружение глубоко аморальный метод заложничества.

"Серпухов, реввоенсовет, Аралову.

Еще в бытность Вашу заведующим оперода (оперативным отделом. — Д.В.) Наркомвоена мною отдан был Вам приказ установить семейное положение командного состава из бывших офицеров и сообщить каждому под личную расписку, что его измена или предательство повлечет арест его семьи и что, следовательно, он сам берет на себя таким образом ответственность за судьбу своей семьи. С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, но ни в одном из

этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо...

2.12.18.

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁶⁵.

Решением этой “важнейшей задачи” пытались укрепить рабоче-крестьянскую Красную Армию. Троцкий напоминал об этом не только Аралову.

”Казань. Военкомокр Межлауку.

11-я дивизия обнаружила свою полную несостоятельность. Части продолжают сдаваться без сопротивления. Корень зла — в командном составе. Очевидно, Нижегородский губвоенком сосредоточил свое внимание на строевой и технической стороне дела, забыв о политической. Предлагаю обратить сугубое внимание на привлекаемый состав, ставя на командные должности только тех бывших офицеров, семьи которых находятся в пределах Советской России, и объявляя им под личную расписку, что они сами несут ответственность за судьбу своей семьи...

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁶⁶.

В течение 1918—1920 годов Троцкий весьма серьезно считал, что, превращая в заложников семьи военных специалистов, он тем самым заставляет последних сражаться из страха за жизнь своих близких. Не знаю, понимал ли Троцкий глубокую аморальность этих методов, но ясно одно: в делах, касавшихся революции, он считал нравственным все, что способствовало ее спасению. Заложниками были не только члены офицерских семей, но и сами офицеры. Немало их было расстреляно, как только кто-то из бывших “золотопогонников” переходил на сторону белых.

”Москва, Дзержинскому, Лубянка, 11.

Прошу сообщить, содержатся ли еще под судом заключенные офицеры, взятые заложниками в концентрационных лагерях и тюрьмах. Если содержатся, то где именно и сколько.

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁶⁷.

В критической ситуации, полагал Троцкий, допустимы все методы, если они не дают развалиться армии. Впрочем, так думали тогда все большевики, все вожди революции. А Предреввоенсовета, особенно в моменты обострения положения на фронте, продолжал слать такие распоряжения: “...приказываю штабам всех армий Республики доставить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во враже-

ский стан лиц командного состава... На т. Аралова возлагаю принятие по согласованию с соответствующими учреждениями необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей"¹⁶⁸. Меры по "задержанию" — сказано мягко.

В приказе № 163 от 2 ноября 1919 года Троцкий свою мысль формулирует определеннее: "Семьи изменников должны быть немедленно арестованы. Самых предателей занести в черную книгу армии, дабы после близкого и окончательного торжества революции ни один из предателей не ушел от кары"¹⁶⁹.

Иногда указания Троцкого весьма конкретны. Так, в своей телеграмме Склянскому и Крестинскому в 1920 году он дает указание, что "семьи, уличенные в содействии Врангелю, будут высланы в Забайкалье..."¹⁷⁰. Бедные семьи... Сколько их пострадало тогда и пострадает потом, спустя годы. Вожди революции были солидарны с Лениным в его установке: то, что способствует упрочению позиций коммунизма, — нравственно.

Но Троцкий не был однолинеен в отношении арестованных офицеров. Например, 25 октября 1918 года на заседании ЦК он предложил освободить из-под ареста всех офицеров, взятых в качестве заложников. Но ЦК решил освободить только тех офицеров, "относительно которых не будет обнаружена их принадлежность к контрреволюции. Они принимаются в Красную Армию, причем должны представить список своих семейств и им указывается, что семья их будет арестована в случае перехода к белогвардейцам"¹⁷¹.

Однако слухи и разговоры об "изменах", "предательстве" спецов были явно преувеличены. А.И. Деникин в своих воспоминаниях пишет, что ему за два года лишь один раз поступило достоверное сообщение от бывшего генерала из красного штаба, которое оказалось правдивым и сыграло заметную роль в исходе сражения.

Самое трудное было заставить сражаться основную массу бойцов. Троцкий делал особую ставку на коммунистов и комиссаров. И эта надежда в основном оправдывалась. Но не всегда. Были нередки случаи, когда целые части снимались с позиций и бежали с поля боя. Председатель Реввоенсовета Республики с одобрения Москвы принял кардинальное решение: за неустойчивыми частями выставлялись заградительные отряды, которым вменялось в обязанность в случае несанкционированного отхода стрелять по своим. Так что Сталин в 1941—1942 годах, создав заградотряды, просто воспроизвел в новых условиях опыт гражданской войны. Впервые заградотряды появились в августе 1918 года на Восточном фронте

в 1-й армии, которой командовал М.Н.Тухачевский. Он же издал и первые свирепые приказы о расстрелах. В декабре 1918 года Троцкий отдал распоряжение повсеместно формировать специальные подразделения с функциями заградотрядов. 18 декабря 1918 года Троцкий телеграфировал: “Как обстоит дело с заградительными отрядами? Насколько знаю, они в наши штаты не включены и, кажется, никаких постоянных кадров не имеют. Между тем безусловно необходимо иметь, хотя бы в зародышевом состоянии, сеть заградительных отрядов и точно разработать порядок их укомплектования и развертывания”¹⁷².

Троцкий, требуя заблаговременно создавать на угрожаемых направлениях заградотряды, не ограничивался общими указаниями, а давал и более подробные “тактические” рекомендации по работе этих карательных подразделений.

“Товарищу Иванову, начальнику заградотряда фронта.

По-видимому, во многих случаях заградительные отряды сводят свою работу к задержанию отдельных дезертиров. Между тем во время наступления роль заградительных отрядов должна быть более активной. Они должны размещаться в ближайшем тылу наших цепей и в случае надобности подталкивать сзади отстающих и колеблющихся. В распоряжении заградительных отрядов должны быть по возможности или грузовик с пулеметом, или легковая машина с пулеметом, или, наконец, несколько кавалеристов с пулеметами.

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁷³.

При этом к дезертирам предписывалось относиться дифференцированно. В своем приказе № 44 Троцкий, в частности, требовал:

“... 3) Каждый дезертир, который немедленно явится в штаб дивизии или полка и заявит: “Я дезертир, но клянусь, что дальше буду сражаться честно” — должен быть прощен и допущен к исполнению высоких обязанностей воина Рабочей и Крестьянской армии. 4) Дезертир, который при задержании окажет сопротивление, должен быть расстрелян на месте”¹⁷⁴.

Были случаи, когда заградотряды использовались и для наведения порядка в тылу, после панического отступления. Так 19 мая 1919 года Склянский докладывал Троцкому: “Сталин сообщил: фронт приводится в порядок, посланы 3 карательных роты в Лугу, Гатчину и Красное Село. Зиновьев выезжает в Лугу, Сталин в Старую Русу, рассеянная шестая дивизия перехвачена и приводится в порядок, комдив, проявивший трусость, — смещен”¹⁷⁵.

Троцкий настойчиво искал пути укрепления морального состояния сражающихся войск; в ход было пущено все: угрозы, репрессии, поощрения, награждения, взывание к классовым инстинктам, политическое просвещение. Революция, защищая себя, не гнушалась ничем. Троцкий, рассматривая однажды очередные донесения и сводки о количестве дезертиров, под стук колес своего поезда продиктовал в Москву такую телеграмму:

”Предлагаю как меру наказания ввести для Армии и Флота черные воротники для дезертиров, возвращенных в части, для солдат, отказавшихся от выполнения приказа, чинивших разгром и прочее. Солдаты и матросы с черными воротниками, пойманные на втором преступлении, подвергаются удвоенной каре. Черные воротники снимаются только в случае безупречного поведения или воинской доблести”¹⁷⁶. Слава богу, средневековое предложение Троцкого не получило поддержки, и тысячи красноармейцев избавились от позорного ”ошейника”.

Безоглядно веря в эффективность насилия, считая, что Советскую власть можно было спасти лишь ценой чрезвычайных мер, Троцкий явно делал ставку на военный террор как метод выправления положения. И Центр не сдерживал и не осуждал Предреввоенсовета. А Троцкий нередко направлял туда такие сообщения:

”Москва. Предсовнаркома Ленину
ПредЦИК Свердлову

Причина постыдных неудач на Воронежском фронте — в полной распушенности восьмой армии. Главная вина лежит на комиссарах, не решавшихся принимать крутые меры. Шесть недель назад я требовал суровой расправы с дезертирами Воронежского фронта. Ничего не было предпринято. Полки переходят с места на место, по произволу покидают позиции при первой опасности... Полевые трибуналы приступили к работе. Произведены первые расстрелы дезертиров. Объявлен приказ, возлагающий ответственность за укрывательство дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев. Первые расстрелы уже произвели впечатление. Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок. Необходима дальнейшая посылка твердых работников. Остаюсь на Воронежском фронте до упорядочения дела.

Предреввоенсовета *Троцкий*¹⁷⁷

”Упорядочение” было кровавым. Москва одобряла такие шаги. Фактически всю гражданскую войну трибуналы не оста-

вались без дела. Особенно много было расстреляно в 1918—1919 годах, но и в 1920-м и в 1921 году беспощадный карательный серп собирал обильную скорбную жатву. Конечно, среди этих тысяч жертв было немало настоящих врагов, преступников, которые, прежде чем пасть от пули чекиста или красноармейца, лишили жизни многих командиров, бойцов, просто сочувствующих Советской власти. Но основная масса расстрелянных — простые крестьяне, не понимавшие сути всего происходящего или не хотевшие умирать за “коммуну”.

В воспоминаниях участника и очевидца тех далеких событий С.Кобякова говорится: “Новые суды были названы трибуналами (как во времена Великой французской революции). Приговоры этих судов не могли быть обжалованы. Приговор никем не утверждался и должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов...”¹⁷⁸

Я не располагаю обобщенными данными о количестве лиц, приговоренных военными трибуналами к смертной казни за всю гражданскую войну. Но у меня есть документ о количестве расстрелов по приговору революционных военных трибуналов РСФСР и УССР в 1921 году, подписанный заместителем Председателя Военной коллегии ВерхТриба (так в тексте. — Д.В.) В.Сорокиным и заведующим учетно-статистической частью ВерхТриба М.Строговичем. (Кстати, надо иметь в виду, что 1921 г. был менее “урожайным” по количеству расстрелянных, чем 1918 и 1919 гг.) В справке, составленной в виде диаграммы, указано, что она подготовлена на основе телеграфных сообщений¹⁷⁹. Воспроизведу эту страшную динамику роста и падения расстрелов в виде простой таблицы, которая приводится в документе жрецов ВерхТриба рядом с диаграммой.

1 9 2 1 г о д

Месяцы	янв.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.	Итого
Приговорено к расстрелу	360	375	794	740	419	365	393	295	176	122	111	187	4337

Не знаю, составляли ли Сорокин и Строгович подобные документы за предыдущие годы; но наиболее вероятно, что в первые годы гражданской войны расстрелянных было гораздо больше.

Хотя Троцкий лучше других знал о массовом дезертирстве из рядов Красной Армии и о других позорных явлениях в ней,

он яростно протестовал, когда об этом сообщала печать. Так 14 июля 1919 года Троцкий по прямому проводу передал через Склянского в ЦК свое возмущение статьями в "Известиях ВЦИК" Тарасова-Родионова, который ведет в газете, по словам Предреввоенсовета, "постыдную и лживую травлю Красной Армии, изображая весь командный состав изменническим, членов реввоенсовета безмозглыми, неспособными использовать коммунистов, и проч. и проч... Тарасов-Родионов сомнительный коммунист..."¹⁸⁰. Троцкий не желал, как сказали бы сейчас, "очернения" армии, полагая, что репрессии, кары изменникам — вещь естественная, но совсем не обязательно, чтобы об этом писали.

К слову, об Александре Тарасове-Родионове. Этот человек не раз привлекал внимание Троцкого. Летом 1919 года в своем письме в ЦК Предреввоенсовета писал, что "фланеры" типа Тарасова-Родионова порочат армию. "В июньские дни 17-го года он был, кажется, левым эсером (летом 1919 г. это уже оценивалось как большой криминал. — Д.В.) и, привлеченный к дознанию по поводу июльских дней (имеется в виду восстание левых эсеров в июле 1918 г. — Д.В.), держал себя как жалкий трус, ренегат и предатель... В дальнейшем он примазался к советской власти"¹⁸¹. В данном случае Троцкий был недалек от истины, характеризуя моральный облик человека, который станет в последующем командиром дивизии.

В 1935 году, когда эсеровское прошлое Тарасова-Родионова и его дореволюционная критика Сталина стали грозным обвинением бывшему комдиву, тот во имя спасения начал писать письма, часто недостойные.

"Наркому обороны товарищу К.Е.Ворошилову

...Левозерровский мятеж явился завуалированной попыткой Троцкого и его единомышленников убраться от власти г. Ленина ради срыва Брестского мира. Левые эсеры были выдвинуты как застрельщики мятежа, а дальше двинулись силы, руководимые Троцким и его приспешниками..."

В письмах к тому же Ворошилову и Шкирятову Тарасов-Родионов кается в своих "ренегатских письмах в июле 1917 года, касающихся верного большевика Сталина", а попутно доносит на Каменева, с которым был лично знаком. И хотя Тарасов-Родионов подписывает письма как "неизменно верный партии и преданный вам", будущее его уже предрешиено¹⁸².

Печальная судьба А.Тарасова-Родионова характеризует духовную атмосферу того времени. Нельзя не сказать, что эта атмосфера имеет свои корни и в безумии террора гражданской

войны. Уже тогда утверждались нетерпимость, классовая закомплексованность и жестокость к тем, кто попадал в разряд “врагов”.

О массовых расстрелах на фронтах знали многие члены партии, и эта тема даже всплыла на VIII съезде РКП(б), особенно в связи со ставшими известными фактами репрессий по отношению к коммунистам. Как реагировал на это Троцкий? В архиве сохранилось пространное письмо Председателя Реввоенсовета в ЦК РКП(б), в котором он касается причин, обуславливающих его позицию в этом вопросе. Чтобы лучше понять взгляды Троцкого на проблему террора в годы гражданской войны, приведу некоторые положения его письма.

“Мною получено Постановление Центрального Комитета 22 марта (1919 г. — *Д.В.*) на основании письменного доклада тов. Зиновьева. По этому поводу считаю необходимым изложить следующее. Практические положения, сформулированные комиссией съезда, не заключают в себе чего-либо противоречащего политике военного ведомства, как она велась до сих пор с одобрения ЦК (курсив мой. — *Д.В.*).

...Именно потому, что я слишком близко наблюдал тяжелые, даже трагические эпизоды в действующих армиях, я знаю очень хорошо, как велико искушение заменить формальную дисциплину так называемой “товарищеской”, т.е. домашней, но в то же время я слишком хорошо убедился в том, что такая замена означала бы полное разложение армии”¹⁸³. Далее Троцкий анализирует известный в армии факт расстрела коммуниста по его представлению и решению суда. Но, убежден Троцкий, такое крайнее решение диктовалось суровой фронтовой необходимостью, и поэтому он уверен в своей правоте. “Держать армию можно только величайшим напряжением, поддерживая дисциплину сверху донизу путем самого твердого и во многих случаях сурового режима. Лозунг оппозиции*: “Ослабьте гайки!”. Я же стою на той точке зрения, что необходимо подвинуть гайки”. Троцкий завершает свое письмо твердо: “Нужно, чтобы в центре партии рабочего класса не заражались паникой и не равнялись по психологическим комбинациям Осинских — Ворошиловых. Доклад т. Зиновьева внушает серьезнейшие опасения, что он ищет решение вопроса именно на пути ослабле-

* Группа делегатов VIII съезда РКП(б), защищавшая методы партизанской борьбы и выражавшая недоверие военным специалистам. В нее входило немало бывших “левых коммунистов”. — *Д.В.*

ния режима и приспособления к усталости известных элементов нашей партии. Поскольку бюро ЦК одобрило доклад т. Зиновьева, я хочу верить, что оно одобрило не эту сторону доклада, ибо в противном случае я лично не видел бы для себя никакой возможности рассчитывать на успех партии в предстоящей тяжелой борьбе¹⁸⁴.

Для достижения поставленной цели Троцкий обычно приказывает, не колеблясь, идти на самые жесткие меры. В июне 1919 года он отдает распоряжение Реввоенсовету 8-й армии: "На первый план сейчас выступает работа трибунала, который должен быть сильно подкреплён... Наказание должно следовать немедленно за преступлением. При очищении широкой полосы командованием армии не принято было, по-видимому, надлежащих мер к тому, чтобы отобрать у населения максимальное количество повозок, а также мобилизовать всех способных носить оружие и отвести их в тыл; иначе они достанутся неприятелю. Обстановка требует применения мер суровой военной диктатуры..."¹⁸⁵

Даже когда речь идет о нехватке обмундирования, плохом питании красноармейцев, Троцкий видит одну главную причину — классовую. Докладывая в ЦК о "разутости, полуголоде" бойцов на Украине, Троцкий пишет: "Сытый кулак, спрятав винтовку, с презрением глядит на красноармейца, босого и голодного; последний чувствует себя неуверенно и обиженно. По спине украинского кулачества нужно пройти горячим утюгом, — тогда создастся обстановка для работы"¹⁸⁶. Позиция Троцкого предельно ясна. "Революционным утюгом" он готов действовать без устали.

Такое было жестокое время. Жестоки были те, кто пытался задушить революцию, жестокими были ее защитники; а в этом случае, как мудро заметил Бердяев, "истина перестает уже интересовать" обе стороны. Но жестокость была как бы запрограммирована установкой большевиков на неуклонное проведение диктатуры пролетариата. Ведь сам Ленин признавал, что "диктатура — слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное, и этих слов на ветер не бросают"¹⁸⁷. Вождь русской революции считал естественным, прежде всего, силовое выражение диктатуры. Для него расстрел был лишь одним из методов решения острых социальных и политических проблем. Например, он мог написать, что надо "более строго преследовать и карать *расстрелом* (курсив мой. — Д.В.) за ложные доносы"¹⁸⁸. Расстрел — за донос! Правда, только за "ложный". Лидер большевиков был главным якобинцем в русской революции. Это заметили

давно. Максим Горький 10 (23) ноября 1917 года написал о Ленине: “...человек талантливый, он обладает всеми свойствами “вождя”, а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс”¹⁸⁹. Дело, в конце концов, не в Ленине или Троцком. Доктрина, основанная на примате диктатуры пролетариата и классовой борьбы, если она взята как политическая программа, соответствующих вождей найдет. Хотя они, эти вожди, и пытались эту диктатуру ограничить рамками так называемой революционной законности.

Поэтому, показав, что Троцкий был решительным сторонником военных репрессий на фронте, нельзя представлять это как абсолютно личное беззаконие, по крайней мере формально. Троцкий обычно действовал в рамках большевистской военной политики, “с одобрения ЦК” и при помощи революционных трибуналов. Для подтверждения этой мысли стоит привести письмо Троцкого Реввоенсовету 2-й армии.

“Уважаемые товарищи, из беседы с начальником и комиссаром 28-й дивизии я установил, что во 2-й армии имели место случаи расстрелов без суда. Я ни на минуту не сомневаюсь, что лица, подвергнувшиеся такой каре, вполне ее заслуживали. Ручательством этого является состав реввоенсовета. Тем не менее порядок расстрела без суда *совершенно недопустим* (курсив мой. — Д.В.).

Разумеется, в боевой обстановке, под огнем, командиры, комиссары и даже рядовые красноармейцы могут оказаться вынужденными убить на месте изменника, предателя или провокатора, который пытается внести смуту в наши ряды. Но за вычетом этого исключительного положения, во всех тех случаях, когда дело идет о *карте*, расстрелы без суда, без постановления трибунала, никоим образом не могут быть допущены...

Предлагаю Реввоенсовету 2-й армии озаботиться организацией трибунала достаточно компетентного и энергичного с выездными секциями и в то же время решительно прекратить во всех дивизиях расстрелы без судебных приговоров.

6 мая 1919 г.

Предреввоенсовета Л.Троцкий”¹⁹⁰.

Документ этот появился лишь в 1919 году, когда самосуды командиров во многих частях стали не редкостью. Более того — считались обычными. В том же году, через два с небольшим месяца, Троцкий издал приказ № 126:

“Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары! Пусть ваш справедливый гнев направляется только против неприя-

теля с оружием в руках. Щадите пленных, даже если это заведомые негодяи. Среди пленных и перебежчиков будет немало таких, которые по темноте или из-под палки вступили в деникинскую армию.

Приказываю: пленных ни в каком случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования. О всех случаях его нарушения доносить по команде для немедленной высылки Революционного военного трибунала на место совершенного преступления¹⁹¹.

Создается впечатление, что этими документами Троцкий пытался как-то втиснуть в рамки военного закона выпешшую далеко из нравственных и правовых берегов жестокость и самоуправство. То был кровавый пир революции.

Грядущий "социализм" с самого начала будет отмечен не только печатью русского исторического наследия, но — особенно — варварства гражданской войны.

Анатомия войны

Время течет в нас и мы во времени. Чем больше минует лет, тем чаще человек оглядывается назад и сильнее страшится будущего. Жизнь подобна мерцанию во времени, пока его поток не поглотит последние слабые блики. Фауст хотел превратить мерцание жизни, ее лучший миг, в вечность. Согласно религиозным постулатам, это мгновение "там", в ином мире, действительно станет вечностью. Утописты же надеются, что миг можно остановить еще в этом мире. Но все забывают, что этот желанный миг еще нужно достичь!

Троцкий к исходу гражданской войны этот миг безусловно достиг. Его слава была всероссийской. За короткое время Троцкий стал одним из известнейших революционеров не только в России, но и во всем мире. Этот человек до Октябрьской революции всегда был далек от военного дела и вдруг стал одним из самых главных военных деятелей гигантской страны! Думаю, что для политического портрета Л.Д.Троцкого совершенно необходимыми штрихи, характеризующие его как творца и проводника военной политики РКП(б). Пожалуй, наиболее полно в этом отношении Председатель Революционного Военного Совета Республики проявил себя на VIII съезде РКП(б), хотя он там и не присутствовал.

В начале марта 1919 года Троцкий вернулся в Москву. У него накопилось много дел в Реввоенсовете, которые Склянский решить за него не мог, а главное, в этом месяце должен был состояться партийный съезд, на котором предполагалось рассмотреть среди других и военный вопрос. Троцкий собирался доложить ЦК, что весной 1919 года главное командование намерено приложить основные усилия для разгрома объединенных сил Антанты и Добровольческой армии как на Украине, так и на участке от Карельского перешейка до Ровно. Это было необходимо, так как на этих направлениях превосходящий в силах противник находился наиболее близко к основным политическим и экономическим центрам страны. 19 февраля 1919 года по распоряжению главкома был создан Западный фронт во главе с командующим Д.Н.Надёжным и членами Реввоенсовета Р.А.Риммом, Е.М.Пятницким, А.Я.Семашко (с 24 марта подключится О.А.Стигга). К предстоящим операциям готовились Южный и Западный фронты.

Троцкий намеревался выступить на съезде с докладом “Военное положение и военная политика”. Тезисы, как всегда, Троцкий продиктовал Сермуксу и Познанскому. Их отпечатали, и Троцкий приступил к подготовке выступления. Он собирался дать подробную картину военного положения Республики, сформулировать ряд принципиальных положений по вопросу строительства Красной Армии, зная, что среди партийцев, находящихся на фронте и в центре, есть немало серьезных противников его линии. Он это чувствовал и раньше, но особенно остро понял, когда 15 февраля 1919 года своим приказом ввел в действие Устав гарнизонной и караульной службы, Устав внутренней службы и первую часть Полевого устава (о маневренной войне).

Готовили эти документы бывшие царские офицеры, которые, естественно, большую часть положений заимствовали из весьма толковых старых русских военных уставов. Это сразу же заметили комиссары и усмотрели в этом умышленное сползание к “старорежимным порядкам”. Но это было бы полбеды. Троцкому стало известно, что такие известные партийцы, как В.М.Смирнов, Ф.И.Голощекин, Г.И.Сафаров, Г.Л.Пятаков, А.С.Бубнов, К.Е.Ворошилов, Н.Г.Толмачев, Е.М.Ярославский и некоторые другие, открыто критикуют деятельность Троцкого как руководителя военного ведомства в целом.

Троцкого это не очень настораживало. Он почти всегда предварительно советовался с Лениным или ставил его в известность. По существу, он проводил политику ЦК, линию

Ленина, касалась ли она стратегии, принципов комплектования армии или борьбы с дезертирством.

В это время шли сообщения с фронтов: на рижском направлении перешли в наступление германские войска генерала фон дер Гольца, а на Минск стали продвигаться польские войска. Но эти сообщения не особенно беспокоили Троцкого: пока у противника там были небольшие силы. А вот донесения с востока, вопреки ожиданиям, стали поступать очень тревожные. Колчак, зализав свои прошлогодние раны, вновь двинулся на запад. По оценке разведки, у адмирала было теперь более 150 тысяч штыков и сабель против 100 тысяч войск Восточного фронта. А ведь в тылах Колчака, ближних и дальних, были еще десятки тысяч войск интервентов.

Уже позже И.И.Вацетис, анализируя военную обстановку в марте 1919 года, писал: "Мне было совершенно ясно, что наступление Колчака на Среднюю Волгу носило характер грандиозной демонстрации, в основу замысла которой было положено стремление энергичным нажимом привлечь на Восточной фронт РСФСР большую часть наших Вооруженных Сил, а затем отходом увлечь их в Западную Сибирь, то есть подалеже от нашего главного театра военных действий, в частности от нашего Южного фронта, с которым готовился расправиться Деникин"¹⁹². Уже в следующем месяце, в апреле 1919 года, Ленин придет к такому же выводу: "Колчаковское наступление, — говорил он в своей речи на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы, — инспирируемое союзниками, имеет целью отвлечь наши силы с Южного фронта, чтобы дать оправиться остаткам белогвардейской южных отрядов и петлюровцам, но это им не удастся. Ни одного полка, ни одной роты не возьмем мы с Южного фронта"¹⁹³. Как анализировал позже историк Ан.Анишев, в марте началось общее отступление 1, 2, 4-й и 5-й армий. В войсках "усилились все признаки разложения, свойственные отступающей армии. Дезертирство и переход к белым приняли значительные размеры, были случаи брожений в частях и расформирования целых полков"¹⁹⁴.

Телеграммы с Восточного фронта спутали все планы Троцкого. Он хотел доложить на съезде, что после небольшой передышки есть возможность повести решительное наступление по нескольким направлениям. А противник опередил. На состоявшемся 14 марта 1919 года заседании ЦК, на котором присутствовали В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий, Л.Б.Каменев, Н.Н.Крестинский, Ф.Э.Дзержинский, И.В.Сталин, Н.Н.Бухарин,

Г.Я.Сокольников, Е.Д.Стасова, В.В.Шмидт, М.Ф.Владимирский, М.М.Лашевич, Г.В.Чичерин, М.М.Литвинов, Л.М.Каракан, Предреввоенсовета Республики внес предложение всем делегатам съезда — военным работникам, в том числе и ему, немедленно выехать на фронт. В протоколе заседания записано:

“Слушали:

...2. Военное положение. Тов. Троцкий предлагает ввиду серьезности положения на фронтах во-1) отпустить его самого на Восточный фронт, во-2) выслать всех фронтовиков немедленно на фронты.

Постановили:

Тов. Троцкого отпустить. Всех фронтовиков немедленно выслать на фронты, за исключением т. Сокольникова, которому разрешается остаться в Москве до конца партийного съезда. Все остальные фронтовики смогут остаться только по особому их ходатайству”¹⁹⁵.

Однако военные делегаты, узнав об этом постановлении, решительно запротестовали. Их основной довод — на фронте нет катастрофической обстановки. А главное, как говорилось на следующем заседании ЦК 16 марта, возвращение фронтовиков до открытия съезда “может толковаться организациями на фронте как нежелание центра выслушать голоса из армии”. Кое-кто это расценил даже как “трюк”. На этом заседании решили: “Т. Троцкому немедленно ехать на фронт. Т.Сокольникову на собрании фронтовиков заявить, что директива об отъезде всех фронтовиков отменяется, а предполагается, что немедленно едут те, которые считают, что присутствие их на фронте является необходимым. Вопрос о военной политике поставить первым вопросом в порядке дня съезда”¹⁹⁶.

Перед отъездом на фронт Троцкий 16 марта встретился с Сокольниковым. Разговор был недолгим. Председатель Реввоенсовета Республики передал свои уточненные тезисы “Наша политика в деле создания армии”, в которых была ясно выражена мысль о необходимости дальнейших усилий по строительству регулярной, постоянной армии, свободной от пережитков партизанщины. Тезисы лаконичны, строги, однозначны. Есть основания полагать, что предварительно они были рассмотрены Лениным, ибо 21 марта на вечернем пленарном заседании съезда партии он был главным защитником тезисов Троцкого. Все это до недавнего времени было полностью изъято из советской истории.

Перед отъездом из Москвы Троцкий дал советы своим сторонникам, как защищать его тезисы. Он особенно рассчитывал

на Алексея Ивановича Окулова, члена Реввоенсовета Республики, своего убежденного последователя. Но Окулов еще не прибыл на съезд. Тогда Троцкий связывается по прямому проводу с Араловым: "Прибыл ли т. Окулов? Так как мне придется уехать до съезда, я хотел бы условиться с т. Окуловым относительно поведения на съезде..."¹⁹⁷ Троцкий уже знает: его военная линия имеет немало противников и будет атакована на съезде.

Деятнадцать тезисов Троцкого¹⁹⁸ легли в основу доклада члена ЦК РКП(б) Г.Я.Сокольников. Докладчик в начале своего выступления оговорился, что политика ЦК в военных вопросах строится так, "как она выражена в тезисах тов. Троцкого"¹⁹⁹, а затем изложил принципы формирования регулярной Красной Армии. К числу таковых были отнесены: привлечение на командные должности военных специалистов из старой армии; повышение роли военных комиссаров и коммунистических чечек в частях и на кораблях.

В своем докладе Сокольников, один из стойких приверженцев Троцкого, высказал, в частности, согласованную с ним мысль: "В вопросе о военных специалистах мы имеем не чисто военную проблему, а общую принципиальную проблему. Когда был поставлен вопрос о привлечении на фабрики инженеров, о привлечении бывших капиталистических организаторов, вы помните, как из рядов фракции левых коммунистов была напечатана жесточайшая "сверхкоммунистическая" критика, которая утверждала, что возвращать инженера на фабрику — это значит возвращать командные посты капиталу. И вот мы имеем полную аналогию этой критики, перенесенную теперь в область военного строительства. Нам говорят: возвращая в армию бывших офицеров, вы тем самым восстанавливаете бывшее офицерство и бывшую армию. Но эти товарищи забывают, что рядом с командиром стоит комиссар, представитель Советской власти..."²⁰⁰ Сокольников изложил в докладе, который должен был делать Троцкий, казалось бы, все верно. Но все — без блеска и той убедительности, с которой мог выступать Троцкий, признанный трибун революции. Об этом, в частности, говорил и Г.Е.Зиновьев, выступая на собрании партактива Петрограда об итогах VIII съезда РКП(б): Сокольников, делая вместо Троцкого доклад, "не мог так ярко защищать его тезисы"²⁰¹.

Вероятно, будь Троцкий на съезде, он мог бы конкретно показать проявления партизанщины, и прежде всего со стороны Ворошилова, которого опекал Сталин. За два месяца до съезда Троцкий, например, сообщал Ленину по прямому проводу:

“Что такое Царицын — об этом прочитайте доклад Окулова, состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович — это псевдоним Ворошилова (Троцкий имел в виду их одинаково негативное отношение к военспецам. — Д.В.); через месяц придется расклебывать царицынскую кашу... Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип... Пусть назначают Артема, но не Ворошилова и не Рухимовича... Еще раз прошу внимательно прочитать доклад Окулова о царицынской армии и о том, как Ворошилов деморализовал ее при содействии Сталина.

11 января 1919 года.

*Троцкий*²⁰².

Днем раньше в адрес Ленина, Свердлова и Сталина пришла телеграмма от Пятакова, в которой тот сообщал, что Троцкий решительно против использования на фронте Ворошилова...²⁰³ Это было продолжением старой неприязни Троцкого к Ворошилову, будущему “первому маршалу”, в котором он видел очень слабого полководца и апологета партизанской войны. Например, в октябре 1918 года Троцкий телеграфировал Ленину: “Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч человек...” Троцкий грозился за невыполнение его распоряжений “отдать Ворошилова под суд”²⁰⁴. Так что Троцкому было что сказать, останься он на съезде.

После Сокольников на съезде выступил основной оппонент Троцкого В.М.Смирнов, член Реввоенсовета 5-й, а затем 16-й армии. Тон его доклада был обвинительным. Он, в частности, заявил, что “общее командование всеми военными силами крайне неудовлетворительно”. Это был явный намек на отсутствующего Троцкого. Особенно долго Смирнов говорил об опасном уклоне военного строительства “в сторону механического восстановления форм старой армии, в том числе и тех, которые в свое время обуславливались не потребностями военной техники, а классовыми отношениями дореволюционного порядка и являются органическими пережитками самодержавно-крепостнического порядка...”²⁰⁵. Доклад Смирнова, в котором в концентрированной форме выразились взгляды так называемой “военной оппозиции”, толкал партию назад — к партизанщине в военном строительстве, к отмене единоначалия и строгой дисциплины и т.д. Особо непримиримой была позиция до-

кладчика по отношению к военным специалистам, которым, по его мнению, не следовало доверять каких-либо военных постов.

”Военный вопрос” задел всех делегатов съезда, о чем свидетельствует список из 64 человек, записавшихся для выступления. Тезисы оппозиции в своих речах поддержали Р.С.Землячка, Ф.И.Голощекин, Е.М.Ярославский, другие делегаты. Но особенно воинственно был настроен К.Е.Ворошилов. Его неприязнь к Троцкому началась еще осенью 1918 года, когда Ворошилов, командуя 10-й армией, занимался вместе со Сталиным самоуправством, откровенной партизанщиной и устраивал жестокие гонения на военных специалистов. Троцкий тогда обратился за помощью к Ленину. Тот его поддержал, и вначале Сталин, а потом и Ворошилов были откомандированы из Царицына. Ворошилов пытался доказать, что все успехи царькинской армии достигнуты только потому, что ”командный состав был не из генштабистов, не из специалистов”. Он назвал такую армию близкой ”к нашему идеалу”. Не указывая прямо на Троцкого, Ворошилов все время целился явно в него. Не случайно во время заседания военной секции съезда на столе откуда-то появились офицерские погоны, используя которые сторонники Ворошилова пытались доказать, что Троцкий способствует переходу военспецов на сторону белых. Но тут вновь взял слово делегат Окулов, которого только что беспощадно критиковал Ворошилов.

Окулов: ”На минуточку прошу вашего внимания. Тут на столе появились офицерские погоны. История их вот такая. Когда товарищ Троцкий был в Царицыне, то по обсуждению, в котором принимали участие многие товарищи, работавшие там... было предложено Совету (10-й армии) выработать какие-нибудь знаки отличия... Знаки эти были выработаны по моему рисунку из красной звезды, обшитой золотом и серебряными нитками... Этот проект, который не получил утверждения, был известен и товарищу Ворошилову. Он был куда-то отправлен и где-то погребен. Когда я уезжал из Царицына, когда враг был в нескольких верстах от города, ближайший сотрудник товарища Щаденко вытаскивает вот эти погоны и начинает агитацию, что генштабист Егоров везет с собой 70 предателей, и уже приготовлены на основании инструкции Троцкого погоны для того, чтобы сдать 10-ю армию белогвардейцам. И эту грязную провокацию вытащили сюда на съезд...”²⁰⁶

В отсутствие Троцкого, не встречая должного противодействия, сторонники ”военной оппозиции” на заседаниях секции в конечном счете взяли верх. При поименном голосовании за

тезисы Смирнова было подано 37 голосов, за тезисы Троцкого — 20. По сути, в этом факте отразилось влияние “левых коммунистов”, особенно заметно заявивших о себе в первой половине 1918 года. Таким образом, на съезде вновь была сделана ставка на левацкие революционные принципы формирования армии и ее функционирования. Троцкий еще до съезда боялся такого исхода дела. Ежедневно получая лаконичные, отрывочные, но тревожные сообщения Склянского о ходе съезда и заседаний военной секции, Троцкий в душе надеялся и, может быть, даже был уверен, что Ленин защитит его тезисы, ибо в противном случае осложнений пришлось бы ждать не только от внешнего врага, но и от близорукости и внутренней псевдо-революционности. И Троцкий не ошибся. То, что не удалось отстоять Сокольникову, защитил Ленин.

На вечернем пленарном заседании съезда 21 марта после речей Аралова, Ярославского, Сафарова, Окулова, Ворошилова, Сталина, Голощекина собирался выступить Владимир Ильич Ленин. Готовясь к выступлению, он одновременно не менее внимательно слушал ораторов. Аралов сделал неплохой обзор положения на фронтах. Ярославский обрисовал ход обсуждения и отметил наличие разногласий в военной секции. Сафаров, подвергнув критике тезисы Троцкого, призвал к проведению “партийной гегемонии в армии”. Затем выступил Окулов, который, защищая тезисы Троцкого, сказал, что не оперативное, а “коммунистическое командование” (т.е. состоящее не из специалистов) делает огромные ошибки не только в военной области, но и в сфере политической. И далее оратор привел факты: политический комиссар 1-й Стальной дивизии доносит, что в соединении применяются телесные наказания — нагайки, в 1-й Камышинской дивизии — порка, политкомиссар полка имени Троцкого “бьет красноармейцев”, создаются временные полевые суды, которые приговаривают красноармейцев к телесным наказаниям... Окулов подводил слушателей к выводу, что некомпетентное руководство в военной области оказалось беспомощным и в области политической.

Ворошилов заявил, что в речи Окулова “было очень мало правды”. Весь пафос выступления командующего 10-й армией был направлен на то, чтобы доказать: “большие надежды возлагать на наших специалистов нельзя, хоть бы уже потому, что эти специалисты — другие люди”. В своем выступлении Ворошилов несколько раз высоко отозвался о “товарище Сталине”, который, выступая следующим, бесцветным и негромким голосом тоже подверг резкой критике речь Окулова, а косвенно и

позицию Троцкого и Центра. "Я это говорю для того, — монотонно читал бумажку нарком по делам национальностей и член Реввоенсовета Республики Сталин, — чтобы снять тот позор, который набрасывает товарищ Окулов на армию". Как всегда Сталин ведет себя центристски: критикуя линию Троцкого (а следовательно, в данном случае и ЦК), он в чем-то с ней соглашается, что-то берет от Смирнова, что-то отвергает. Но в одном Сталин неизменен — как в 20-е годы, так и позже он верит в панацею насилия.

"Я должен сказать, что те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут! Добровольно они не хотят драться... Отсюда наша задача — эти элементы *заставить* (курсив мой. — Д.В.) воевать, идти за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать с империализмом..."²⁰⁷ Здесь Сталину никто не возражал: все были согласны, что диктатура пролетариата должна заставить крестьян давать хлеб, платить налоги, сражаться за новую власть...

...Отвлечемся на минуту от жарких дебатов VIII съезда. Пролетарская Советская Республика и ее армия рождались в кровавых муках. Троцкий, при всем его левачестве, раньше других понял, что для того, чтобы устоять, выжить, создать щит для защиты социализма, нужно опереться на опыт "презренных империалистов", опыт старой армии, опыт военной истории. Он показал, что и левакам, при наличии у них сильного интеллекта, не чужд прагматизм, трезвый учет складывающихся реальностей. При этом для Троцкого характерно было не только последовательное отстаивание своей позиции, но и творческое отношение к предложениям своих оппонентов. Например, когда съезд еще не закончился, Председатель Реввоенсовета подпisał телеграмму:

"В Оргбюро ЦК, копия ПУР т. Соловьеву,
копия т. Склянскому.

Препровождаю при сем протокол совещания военных делегатов съезда РКП. Согласно решению съезда, ЦК должен в кратчайший срок разработать вопрос о парткомиссиях в армии. Протокол предлагает по этому вопросу ценный материал, т.к. вопрос о парткомиссиях подвергался на означенном заседании подробному обсуждению и голосованию..."²⁰⁸

У Троцкого не могло не быть множества недоброжелателей. Не только потому, что у него было совсем не безупречное меньшевистское прошлое, не только потому, что он, как и все, допускал крупные ошибки и просчеты, и не только потому,

что он неожиданно проявил твердость, оказывая поддержку военным специалистам и отстаивая разумный опыт, взятый у старой армии. Многие не могли принять, согласиться, одобрить его революционную манеру работать, твердость и непреклонность, а главное — независимость суждений и высокий интеллект.

Троцкий всегда чувствовал, что его остротой речи, неординарностью мышления не только восхищаются; у многих где-то в глубине сознания рождаются устойчивое неприятие, зависть, осуждение. Ленин все это понимал и видел: присутствуя Троцкий на съезде, обсуждение военного вопроса прошло бы более гладко. Председатель Реввоенсовета Республики смог бы не только своим красноречием, но и системой аргументов, которую он всегда умело выстраивал, убедить многих сомнеющихся в верности избранной ЦК военной политики. Но дело шло к тому, что съезд мог принять сомнительные, а во многом и ошибочные, консервативные тезисы Смирнова и его сторонников. Хотя они и прикрывались “левыми одеждами”. Для защиты курса ЦК партии в военном строительстве, а следовательно, и Троцкого взял слово Ленин.

В своей речи он подчеркнул, что ЦК, отправляя Троцкого на фронт, сознавал, “какой урон мы наносим партийному съезду”. Ленин решительно отмел многие обвинения, выдвинутые в адрес Троцкого. “Когда здесь выступал т. Голощекин, он сказал: политика ЦК не проводится военным ведомством”. Но если вы “можете Троцкому ставить обвинения в том, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете”.

Ленин резко выступил против партизанщины, подвергнув острой критике ее сторонников. Дело в том, продолжал оратор, что “старая партизанщина живет в вас, и это звучит во всех речах Ворошилова и Голощекина... Рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Т. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потеря. Это ужасно”. Ленин защитил попутно А.И.Окулова. Правда, в конце 30-х, роковых годов эта защита уже не будет иметь никакого значения; Сталин припомнит все. А тогда, в марте 1919-го, Владимир Ильич сказал: “Товарищ Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК”. В конце речи Ленин подытожил: “Это исторический переход от партизанщины к регулярной армии, в ЦК десятки

раз обсуждался, а здесь говорят, что нужно все это бросить и вернуться назад. Никогда и ни в каком случае"²⁰⁹.

По существу, в тот момент драматической борьбы на вечернем заседании VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 года отсутствовавший на нем Троцкий олицетворял военную политику ЦК со всеми ее положительными и негативными сторонами. Троцкого и военную политику партии на съезде защитил Ленин. По предложению А.П.Розенгольца была принята резолюция, в основу которой легли тезисы Л.Д.Троцкого и Г.Я.Сokolьникова. Кстати, последний в своем выступлении назвал Троцкого выразителем военной политики ЦК. "Для нас был вопрос ясный, что дело идет не только о свержении прежнего курса политики, если бы вопрос был съездом так поставлен, нужно было бы изъять руководство этой военной политикой из рук того товарища, который руководит ею, — из рук товарища Троцкого... Мы спросили бы: кем оппозиция заменила бы товарища Троцкого? Этот вопрос я даже не ставлю серьезно"²¹⁰.

Поддержка линии Троцкого на съезде совсем не значила, что он был "безошибочен" в военных делах. Нет. В стратегических вопросах Троцкий ошибался. Крупно. И не раз. Председатель Реввоенсовета быстро уловил одно оперативное преимущество Красной Армии: ее фронты были внутренними. В необходимых случаях командование могло перебрасывать соединения с одного фронта на другой. Белые армии и интервенты были лишены этой возможности. Но иногда Троцкий, в силу военного непрофессионализма, не очень глубоко оценивал оперативную обстановку.

Когда, например, весной 1919 года войска Восточного фронта под командованием С.С.Каменева, совершив интересный маневр, нанесли сильный контрудар по Колчаку, войска белого адмирала попятались, а затем и покатались на восток. Началось преследование белогвардейцев. Однако 6 июня главным И.И.Вацетис, исходя из тяжелого положения на других фронтах, отдал, с одобрения Л.Д.Троцкого, приказ о закреплении войск фронта на достигнутых рубежах. Троцкий намеревался перебросить несколько соединений на Южный фронт. Но командование и РВС фронта выразили протест. Командующий 5-й армией М.Н.Тухачевский позже напишет: директива Троцкого "была встречена в штыки и Восточным фронтом, и Центральным Комитетом партии"²¹¹. С.И.Гусев, М.М.Лашевич, К.К.Юренев оценили решение Троцкого и Вацетиса еще резче: оно может быть "крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции"²¹². ЦК поддержал наступательные

настроения и, фактически отменив решение Троцкого и Вацетиса, дал возможность частям фронта продолжать преследование Колчака. В один из моментов Троцкий, по предложению Вацетиса, за неисполнительность снял С.С.Каменева с должности командующего фронтом²¹³. Но после вмешательства Ленина приказ Троцкого был отменен и Каменев восстановлен в прежней должности. То было сильным ударом по Председателю Реввоенсовета Республики.

Второй удар подряд Троцкий получил, когда Центр не согласился с его планом, в соответствии с которым главный удар по Деникину должен был наноситься через Донбасс. В ЦК замысел не поддержали, хотя спустя некоторое время вернулись к этой идее. (А в годы триумфаторства Сталина разработку этого плана Ворошилов приписал генсеку.) Тогда вторично униженный Троцкий, будучи очень честолюбивым, подал в отставку с поста Председателя Реввоенсовета и наркомвоена. Пожалуй, тот момент в военной карьере Троцкого был самым тяжелым: отмена его приказов, директив, несогласие с его стратегическими замыслами. Но Ленин видел в этом только сложную диалектику войны, и ничто иное. Именно по настоянию вождя в июле 1919 года было принято постановление:

“Оргбюро и Политбюро ЦК... рассмотрев заявление т. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии... Твердо убежденные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна, была бы величайшим вредом для Республики, Орг и Политбюро настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции максимально...”

*Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова*²¹⁴.

Троцкий подчинился, но пережил мучительно трудные дни; он почувствовал, что не только Ворошилов, Гусев, Смилга, С.Каменев не согласны с ним, но и что Предсовнаркома отвернулся от него... Это было особенно невыносимо. И Ленин, будучи неплохим психологом, тут же уловил внутренний кризис в состоянии Троцкого и поддержал его.

Итак, Л.Д.Троцкий остался во главе военного ведомства. Впереди было еще немало боев на фронтах гражданской войны. Еще не были разгромлены армии Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, Пилсудского, которые мертвой хваткой вцепились в горло молодой Советской Республики, державшейся на

пределе человеческих сил. Выстоять помогли беспредельная самоотверженность большевиков, жестокая диктатура, заставившая крестьян воевать на стороне Советской власти, высокая сознательность рабочих и огромная вера в то, что после долгих, долгих лет империалистической и гражданской войны, после голода, мучений, крови наступит наконец долгожданный мир и хоть какое-то благополучие. Веру в светлое будущее поддерживали такие комиссары, как Троцкий. После разгрома Польши, который казался неминуемым, желанное было рядом. Свой приказ войскам Западного фронта Троцкий озаглавил необычно:

”Герои, на Варшаву!

Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушающий удар... Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!”²¹⁵ Предреввоенсовета был уверен в полном успехе войны с Польшей, не предполагая, сколь разочаровывающим для Москвы будет ее конец. В своей шифровке на Западный и Юго-Западный фронты он сообщал Сталину и Смилге, а также Раковскому, Склянскому, главкому, ЦК: ”...необходимо усилить натиск для скорейшего разгрома белогвардейской Польши и оказания польским рабочим и крестьянам содействия в деле создания советской Польши...”²¹⁶. Троцкий верил, что гражданская война — лишь этап к мировой революции: ”Число наших противников неисчерпаемо, и что это будет продолжаться до тех пор, пока мы не перебросим нашу революцию и в другие страны, пока и там власть не будет в руках рабочего класса”²¹⁷. Война катилась к концу. Троцкий еще не знал, что с ее окончанием начнет тускнеть и его звезда, столь стремительно поднявшаяся после Октября 1917 года. Через пять-шесть лет одного из главных героев гражданской войны официальная историография жирной черной чертой вычеркнет из своих списков...

По решению Политбюро в 1928—1930 годах был подготовлен и выпущен трехтомник ”Гражданская война 1918—1921 годов”. В предисловии к первому тому, написанному А.С.Бубновым, автор на протяжении почти 40 страниц умудряется ни разу не упомянуть имя Троцкого (а он еще не был выслан и находился в Алма-Ате). Называя фамилии Кржижановского, Крицмана, Новицкого, Рыкова, Шварца, других функционеров, Бубнов не считал необходимым (а может быть, возможным) хотя бы просто сказать, кто руководил Наркоматом военных и

морских дел, кто был Председателем Революционного Военного Совета Республики!

События развивались быстро. Уже в третьем томе, в 1930 году, появились имена, которых совсем не было в первой книге. После подчеркивания исключительной роли В.И.Ленина в гражданской войне идет знаменательная фраза. Судите сами: "В деле установления важнейших стратегических направлений (т.е. общего стратегического руководства) громадная роль принадлежит и ряду представителей старой большевистской гвардии, и прежде всего т. Сталину"²¹⁸. Представителей "старой большевистской гвардии", конечно, не упоминают, а Троцкого тем более. Начался долгий, мрачный период цезаризма, сопровождавшийся циничным перекраиванием и переписыванием истории. Троцкий окончательно подпал под действие древнеримского "Закона об осуждении памяти". Из героя гражданской войны он превратился в ее антигероя.

глава 4

«Гипноз революции»

*Русская революция стояла
под знаком рока...*

Н.Бердяев

Менее чем за четыре месяца до своей смерти Троцкий напишет открытое письмо советским рабочим "Вас обманывают!", в котором будут слова: "Цель Четвертого Интернационала — распространить Октябрьскую революцию на весь мир..." Находясь на чужбине, будучи загнанным в каменную ловушку своего последнего прибежища, в любую минуту ожидая нового сталинского покушения, Троцкий заканчивает свое письмо призывом, ставшим высшим смыслом его жизни: "Да здравствует мировая социалистическая революция!"¹. История знает немного примеров столь фанатичной веры в идею, которая при всей своей относительной исторической реальности оказалась полностью эфемерной. Но этого Троцкий никогда не узнает. Он умрет с верой в революционную идею, с глубокой убежденностью в торжестве коммунистических идеалов...

Выступая в мае 1924 года с докладом о международном положении СССР на V Всесоюзном съезде профсоюза строительных рабочих, встреченный на трибуне долгими и бурными аплодисментами, Троцкий вновь высказал надежду на быстрый приход мировой революции. Он поднял к близоруким глазам бумажку, которую ему только что подали из-за кулис:

— Мы имеем сейчас сведения, что Германская компартия получила, кажется, 3 600 000 голосов... В Германии пока некоммунистическое правительство. Но рабочая власть придет!!!²

Новый взрыв аплодисментов поглотил последние слова человека, который всю жизнь находился под гипнозом неугасимой веры в очищающую силу революции, ее неперемного, почти фатального торжества. Тогда, в мае 1924 года, он и не предполагал, что кроваво-красные угли, отлетевшие от российского октябрьского костра 1917 года, не смогут зажечь мировой революционный пожар. Троцкий был человеком, которого буквально преображала перспектива слома старого мира. Окаменелость социального бытия, увековечивающего "нормальность" существования двух полюсов: богатства и нищеты, истины и лжи, тирании и рабства, казалась ему нетерпимой. Думаю, в душе он был согласен с афоризмом Д.Мережковского: "Всякая государственность — застывшая революция; всякая

революция — расплавленная государственность”³. Весь смысл своего существования, своей борьбы, утверждение своего ”я” Троцкий видел в конечном счете в поддержании такой революционной температуры, при которой плавилась бы эксплуататорская государственность. И плавилась непрерывно... Такие люди нам кажутся сегодня полной аномалией. Но без них нам невозможно представить историю XX века.

Перманентная революция

Каждый человек ”приговорен” к своей судьбе. Троцкий ”приговорен” к тому, чтобы его имя всегда стояло рядом со словами, для непосвященного загадочными: ”перманентная революция”.

Незадолго до своей депортации из СССР Троцкий, работая над рукописью ”Перманентная революция и линия Ленина”, написал: ”Как только освобожусь от более важных и неотложных дел, я закончу свою работу о перманентной революции и разошлю товарищам. Французы говорят: ”раз бутылка откупорена, надо выпить вино до дна”⁴. Да, свое трагическое и горькое вино Троцкий выпьет до дна, но честь откупорить теоретическую бутылку перманентной революции принадлежит не ему, а А.Л.Парвусу.

Об этой сложной, противоречивой и во многом необычной личности в русской и советской литературе, кажется, никто подробно не говорил, кроме Солженицына. Российский, а затем германский социал-демократ, родившийся в Одессе в 1869 году, эмигрировавший в Западную Европу, он был заметным публицистом и теоретиком. Во время первой русской революции Парвус, как и Троцкий, вернулся в Россию и принял активное участие в революционных событиях. В частности, они оба редактировали социал-демократическую газету ”Начало”. Но знакомство Троцкого с ”русско-немецким” революционером состоялось еще за несколько лет до взрыва 1905 года. В своих автобиографических заметках, особенно раннего периода, Лев Давидович отзываясь о Парвусе как об исключительно способном, оригинальном теоретике, обладавшем даром не только мыслителя, но и незаурядного коммерсанта.

Так вот, первоначально идеи перманентной революции были сформулированы Парвусом в ряде его статей еще в конце

прошлого века. Но, строго говоря, авторство принадлежит и не ему, так как в общем плане эту идею выдвинули основоположники марксизма. Они писали: "В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти..."⁵ Парвус опирался на эти положения, представляя перманентность как последовательную смену одного революционного этапа следующим. Троцкий с этими идеями был знаком и обсуждал их при встречах с Парвусом. Он не думал, что наступит день, когда абстрактные положения, родившиеся в голове немецких мыслителей и его соотечественника, словно озарят его мозг и он попытается переложить их на бравурную музыку русской революции. Сам Троцкий глухо говорит о первородстве идеи перманентной революции, не желая, возможно, ставить под сомнение свой приоритет. Впервые наиболее подробно концепцию перманентной революции он изложил в работе "Итоги и перспективы" (1906 г.). Суть концепции, по Троцкому, "в уничтожении границ между минимальной и максимальной программами социал-демократии... нахождении прямой и непосредственной опоры на Европейском Западе"⁶. Не исключено, что сдержанное отношение к Парвусу (который умер в 1924 г.) обусловлено и другими, достаточно щекотливыми политическими обстоятельствами.

После поражения революции 1905 года Парвус был сослан в Сибирь, но через несколько лет бежал и вновь оказался в Германии. Надо сказать, что социал-демократические идеи не вызвали у него большого интереса. Он всегда хотел разбогатеть. И, когда с началом первой мировой войны этот шанс представился, Парвус его не упустил. Он начал работать на войну, тесно сотрудничая с милитаристскими кругами Германии. Организовав крупное коммерческое дело по торговле хирургическими инструментами, медикаментами, различными химикатами (и не только в Германии), Парвус быстро стал миллионером. По некоторым данным, которые документально трудно проверить, Парвус не раз проявлял политическое меценатство, оказывая серьезную денежную поддержку тощей кассе партии большевиков⁷. Многие еще тогда считали, что Парвус играет посредническую роль между Германией и большевиками, с помощью которых Гогенцоллерны стремились ослабить своего противника — царскую Россию. Это тема особая, которая, ду-

маю, в советской историографии не исследована. В книге Р.Кларка "Ленин. Человек без маски" утверждается, например, что именно Парвус финансировал большевиков в 1917 году и пытался встретиться с их лидером во время его проезда через Германию в "пломбированном вагоне"⁸. Но Ленин, по словам Кларка, решительно отверг эту возможность. Сегодня на Западе считается установленным, что Парвус, разбогатевший на военных поставках германской армии, и не без ведома ее генерального штаба, использовал свои старые социал-демократические связи для оказания финансовой помощи русским революционерам, выступавшим против царского самодержавия. М.Литвинов, известный советский дипломат, как утверждает один лондонский журнал, писал: "Не может быть сомнений в том, что именно Парвус подал Людендорфу идею дать разрешение на проезд Ильича через Германию... Людендорфу не терпелось закончить войну до того, как в ней примут участие крупные силы американцев. Он стремился уравновесить неравенство сил на Западе, перебросив сюда войска, которые в случае выхода России из войны высвободятся на Востоке..."⁹ Сам Людендорф об этом говорил еще более откровенно: "Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть"¹⁰. Людендорф не упоминает Парвуса, но имеется много других свидетельств, которые говорят о его причастности к этой тщательно оберегаемой большевистской тайне. Известно, что в июле 1917 года во многих российских газетах были опубликованы документы, свидетельствующие (достоверно или нет — до сих пор полностью не ясно), что большевики через Ганецкого и Козловского получали у Парвуса крупные суммы денег. Большевики отрицали эту связь сколь яростно, столь и неубедительно. Например, на какие средства до октябрьских событий большевики издавали 17 ежедневных газет тиражом более чем 300 тысяч экземпляров? Ведь партийная касса, как известно, была пуста...

Немалый интерес в этой связи представляют воспоминания генерала А.И.Спридовича, использовавшего документы прокурора Петербургской судебной палаты, согласно которым в ЦК партии большевиков поступали деньги из-за рубежа через Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Козловского, Суменсон (родственницы Ганецкого). В течение 1916 года, например, Суменсон сняла со своего текущего счета 750 тысяч рублей, внесенные на ее имя разными лицами¹¹. Едва ли удастся,

видимо, когда-нибудь установить подлинную картину в этом вопросе. Может быть, это останется тайной истории...

Передавал или не передавал Парвус деньги большевикам — об этом можно еще спорить. Но что он первым развил Маркс-ову теорию перманентности революции, сомневаться не приходится. Троцкий же с Лениным ею воспользовались.

Эти отступления я сделал лишь для того, чтобы показать читателю, что представлял собой “соавтор” Троцкого по разработке идеи перманентной революции. Впрочем, иногда исследователи жизни и творчества Л.Д.Троцкого говорят более определенно. Например, Ю.Г.Фельштинский, составитель “Дневников и писем” Льва Троцкого, однозначно пишет: Парвус “придерживался теории перманентной революции, позднее подхваченной Троцким”¹². Нельзя не указать и на Ленина, который в “Пролетарии” писал: “От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути”¹³. Позже эта же идея будет подаваться как образец “троцкистского ренегатства”.

Изложив некоторые обстоятельства, определяющие авторство этой революционной концепции, коротко напомним ее суть.

Троцкий написал немало книг, статей, очерков о первой русской революции. Во многих из них настойчиво проводится мысль, что “мудреное название это (“перманентная революция”) выражало ту мысль, что русская революция, перед которой стоят буржуазные дела, не сможет, однако, на них остановиться... Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции... Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой”¹⁴.

Несколько раньше эту же мысль Троцкий излагает следующим образом: “Став у власти, пролетариат должен будет не ограничивать себя рамками буржуазной демократии, а развернуть тактику *перманентной революции*, т.е. уничтожить грани-

пы между минимальной и максимальной программами социал-демократии”¹⁵.

В этих пространных цитатах, которые я привожу, изложена ”соль” теории перманентной революции. Во-первых, в ней выражена идея непрерывности революционного процесса. Во-вторых, она не ограничивает себя частными ступенями и программами, стремясь к максимуму. В-третьих, перманентность революционного процесса предполагает, по Троцкому, наднациональность. Если вначале Троцкий говорил о переходе русской революции на ”Европейский Запад”, то в большинстве своих трудов он доводит дело до мировой революции, до ”межконтинентальных масштабов”.

Критикуя долгие годы ”антимарксистский характер” теории перманентной революции, мы начисто забывали, что Ленин, в общем-то, придерживался аналогичных взглядов: он выступал за переход от революции демократической к революции социалистической. Поэтому, естественно, здесь нет ничего антимарксистского. Наоборот: это чисто марксистская концепция. Однако исследователи (как и критики) всегда упускали из виду чрезвычайно важный момент: целесообразность этого перехода. Главное в теории перманентной революции — это тотальность революционного процесса (во времени, масштабах, целях, средствах). Но эта тотальность совсем не учитывает объективных условий: нужен ли такой переход, готовы ли массы к дальнейшему социальному движению и т.д. Изначально революция рассматривается как высшее благо. По сути, теория перманентной революции означает первенство субъективного над объективным. Не единство, а именно первенство. Революция во имя революции. Человек, личность, народ, массы остаются где-то совсем в стороне. Или в лучшем случае являются средством этой тотальной революции. Именно здесь заложено стремление к насилию над эволюцией.

Сегодня мы знаем, что ”пришпоривание” истории возможно, но она жестоко мстит за это. Не сразу, а позже. Но ”месть” неизбежна. Как провидчески писал Д.Мережковский, ”величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось, как почти никогда не удается чрезмерное...”¹⁶. Перманентное — это действительно ”чрезмерное”. Впрочем, Троцкий, анализируя феномен перманентной революции еще в 1905 году, пишет об этом же: ”... в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы”¹⁷. Что та-

кое "антиреволюционные черты большевизма"? В чем они заключались? В "чрезмерности". Перманентная революция и была историческим выражением "чрезмерности" и в конечном счете ее пагубности и социальной обреченности.

В 1930 году в Берлине вышла книга Л.Троцкого "Перманентная революция". Во введении автор пишет, что, находясь в ссылке в Алма-Ате и коротая вынужденный политический досуг, он "с карандашом в руках перечитал свои старые работы по перманентной революции"¹⁸. Троцкий отмечает, что первая русская революция разразилась через полвека с лишним после полосы буржуазных революций в Европе и почти через 35 лет "после эпизодического восстания Парижской Коммуны". Европа успела порядком отвыкнуть от революций. Россия их вообще толком не знала...

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде сущность своей концепции (Троцкий почти нигде не упоминает Парвуса, предпочитая ссылаться иногда лишь на основоположников марксизма) автор изложил следующим образом: "Перманентная революция, в том смысле, какой Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней реакции, революция, каждый последующий этап которой заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества"¹⁹. Думаю, что формула Троцкого достаточно полно характеризует как сущность революционного процесса, так и его радикальную этапность, завершающуюся лишь с ликвидацией классов.

Сегодня мы знаем, что в этой абстрактной схеме многое оказалось совершенно эфемерным, умозрительным, нереальным. Пренебрежение "демократической идеологией", форсированный переход от этапа к этапу, наивная убежденность в возможности "полной ликвидации классов" были присущи не только Троцкому. Несмотря на то что большевики, особенно после смерти Ленина, формально предали анафеме теорию перманентной революции Троцкого, в первые годы после Октября они фактически следовали постулатам этой радикальной схемы. Да и не только в первые годы. За время существования Советской власти мы неоднократно оказывали всяческую поддержку тем странам и народам, где "созревают" революционные условия. И в развитие этой идеи такая "помощь" оказывалась. Достаточно было признать "антиимпериалистический ха-

рактер” того или иного режима, как ставился вопрос о крупной материальной, финансовой, экономической, а иногда и военной помощи. В этом смысле все советские руководители были ”троцкистами”...

Но только ли имя Троцкого дискредитировало эту теорию? Думается, проблема сложнее. С окончанием гражданской войны большевистские вожди с горечью убедились, что желанная, так ожидаемая мировая революция не свершилась. В этих условиях нужно было определяться со своей, российской. Способна ли она выжить? Можно ли социализм строить в одной стране? Есть ли у него перспективы в национальных рамках? Троцкий на эти вопросы отвечал однозначно отрицательно. ”Завершение социалистической революции в национальных рамках немислимо... она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете”²⁰. Вот где скрывались главные причины яростных нападок на теорию Троцкого: он не верил, не хотел верить в возможность победы социализма в одной стране! Однако Троцкий, утверждая, что ”социалистическая революция начинается на национальной почве, развивается на интернациональной и завершается на мировой”²¹, совсем не отрицал жизнеспособности первой земли социализма, но видел завершение процесса лишь в глобальном масштабе. Автор концепции справедливо восставал против чрезмерной изоляции, отделения демократических задач от задач социалистических (”теория Сталина — Бухарина... противопоставляет, наперекор всему опыту русских революций, демократическую революцию социалистической...”²²). Однако запоздалые пояснения Троцкого, сделанные им после его высылки, уже не могли быть услышаны в Москве, вернее, их не хотели слышать.

Вскоре после смерти Ленина после небольшого затишья в междоусобной борьбе лидеров вновь наступило ее резкое обострение. В это время Троцкий часто болел, подолгу находился на юге, работая над первыми набросками воспоминаний о Ленине. В Кисловодске Троцкий написал свои известные ”Уроки Октября” (предисловие к третьему тому собрания сочинений), в которых не только пытался расставить всех лидеров по их ”историческим местам”, но и доказать, что правильность его взглядов о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую неопровержимо подтверждена самой русской историей.

Этого триумфировать в лице Сталина, Зиновьева и Каменева перенести не смог. Собравшись на квартире у последнего

16 октября 1924 года, они разработали детальный план первой массированной атаки на Троцкого. Среди направлений главных ударов фигурировало и такое: разоблачение несостоятельности теории перманентной революции Троцкого. Подав “команду” к атаке, Сталин, Зиновьев и Каменев и сами включились в публичные выступления против одного из “выдающихся вождей”. Десятки статей и сборников, митинги и речи партийных руководителей разных рангов преследовали одну цель: политически и теоретически скомпрометировать Троцкого, преуменьшить его реальную роль в революции и гражданской войне, представить в общественном мнении как несостоятельного идеолога. Троцкий был потрясен. Он тяжело переживал этот массированный натиск, понимая, что его инспирировало высшее партийное руководство во главе со Сталиным. Оставшись в этом руководстве фактически в полном одиночестве, Троцкий пытался объяснить свое молчание нежеланием разжигать костер внутрипартийной борьбы. В его фонде сохранился черновой набросок письма в “Правду”:

”Письмо в редакцию
(В ответ на многочисленные запросы)
У.т.!

Я не отвечаю на некоторые специфические статьи, появившиеся в последнее время в “Правде”, руководствуясь соображениями об ограждении интересов партии, как я их понимаю...”²³

После издания “Уроков”, где бы ни появлялся Троцкий, ему прежде всего задавали вопросы о перманентной революции. Неискушенные люди видели в этом непонятном термине что-то таинственно-загадочное или подспудно-антиреволюционное. В мае 1924 года, выступая перед работниками печати, Троцкий, перебирая в руках множество записок, выделил главный вопрос: “Товарищи интересуются, в каком отношении теория перманентной революции стоит к ленинизму?”

Мне лично и в голову не приходило вопрос о перманентной революции превращать в актуальный. Ведь идея перманентной революции была формой теоретического предвосхищения будущего развития событий. События, которые этой теорией предвосхищались, произошли: Октябрьская революция совершилась. Сейчас вопрос о перманентной революции имеет теоретико-исторический, а не актуальный интерес”. Затем, желая подчеркнуть, что Ленин был его единомышленником, Троцкий продолжает: “Были ли у меня расхождения с тов. Лениным в отношении захвата власти в октябре, в крестьянской поли-

тике — в октябре и после октября?” И, помолчав, твердо добавляет:

— Нет, не было...

И далее: “Товарищи, которые ”отскочили” от октября, теперь, задним числом, мудрят насчет ”ошибок” в теории перманентной революции. Если бы в ней и были ошибки, то во всяком случае эта теория не помешала мне, а помогла пройти через Октябрьскую революцию бок о бок с Лениным. Попытка задним числом создать троцкизм в противоположность ленинизму есть фальсификация, и ничего более”²⁴.

Троцкий пытался защититься от многочисленных нападок за свои ”перманентные” взгляды, призывая к себе в союзники мертвого Ленина.

Но атаки продолжались. В начале 1925 года Троцкий получил по почте только что вышедшую брошюру ”Теория перманентной революции тов. Троцкого”²⁵. Предисловие к брошюре принадлежало перу И. Вардина — одного из ”официальных” теоретиков ЦК. Троцкий открыл оглавление. Заголовки разделов уже говорили о многом: ”Бунт на коленях”, ”Повесть т. Троцкого о том, как т. Ленин стал... троцкистом”, ”Поверхностность и легкомысленность в заявлениях т. Троцкого”... Читать дальше не хотелось, но Троцкий, пересилив себя, пролистал брошюру. Вардин уже в предисловии определил тональность всей брошюры, заявив, что эта ”теория решительно ничего общего с большевизмом не имеет”²⁶.

Троцкий с горечью ставил галочки на полях брошюры в тех местах, которые особенно больно задевали его обостренное самолюбие: ”бросая поверхностные, легкомысленные фразы о ”первооружении” и прочей ерунде”, ”степень ясности во взглядах т. Троцкого всегда была обратно пропорциональна степени необходимости в этой ясности”, ”он не понимает роли крестьянства”, ”на словах проповедуя несуразно-левую перманентную революцию, на деле отказывается от обыкновенной буржуазно-демократической революции”, ”Троцкий не понимал и ленинской теории революции”, ”перманентная революция — это жест отчаяния и авантюра”²⁷...

Как быстро после смерти Ленина изменилось положение Троцкого! Идет всего январь 1925 года, а партийная печать уже пишет о нем как об авантюристе, легкомысленном политике и теоретике, никогда не понимавшем Ленина! Боже мой! Как переменчивы люди! Троцкого фактически ставили перед выбором: или, покаявшись, сдаться аппарату ЦК, или не смиряться с поражением и не уступить дорогу новым вождям. Как бы мы

ни относились к этому сложному человеку, нельзя не признать: политического мужества ему было не занимать.

Теория перманентной революции была вытащена на свет по указке Сталина и Зиновьева с одной целью: перелистывая старые, дореволюционные страницы, написанные Троцким, побольнее уколоть одного из основных триумфаторов Октября и гражданской войны, выставить его перед партией малозером с меньшевистским душком.

Как я уже говорил, к середине 20-х годов Троцкий написал сотни политических и теоретических статей, множество памфлетов, книги, брошюры. Немало в них было ошибочного и небеспорного. Многие статьи писались на злобу дня и не претендовали на "классику". Но Сталин и его помощники дотошно рылись во всем дореволюционном литературном скарбе Троцкого, выискивая огрехи, упущения, неточности, говорящие о его "меньшевизме" и "антимарксизме".

Во все времена, в том числе и сейчас, гораздо меньше рискуют те, чей прошлый политический, теоретический или литературный багаж оказывается легковесным. Но в переломные моменты подчас именно они громче других кричат о консерватизме и старомодности тех, кто хоть что-то делал в науке или политике, нередко при этом и ошибаясь. Нужно особенно внимательно приглядываться к таким людям. Не сделав ничего стоящего в прошлом, они не создадут ничего и в будущем. Их единственное достоинство — прошлая "безгрешность". Троцкий ошибался, и ошибался сильно. До революции и после ее свершения. Многие его шаги по утверждению нового строя, по реализации методов революционного переустройства были и аморальными, и даже преступными. Как и других вождей Октября и гражданской войны. Но никто не может бросить в него камень по поводу его бездействия или выжидания, отсутствия собственной позиции или боязни взять на себя ответственность за сделанное.

Все, что связано с концепцией перманентной революции, убедительно характеризует Троцкого не только как теоретика, но прежде всего как личность. Его убеждения исключительно цельны и политически последовательны. В действиях и мыслях Троцкого нет конъюнктуры: он был и навсегда остался певцом революции. Троцкого "разоблачили" как "малозера" и "капитулянта" прежде всего потому, что он непосредственно связывал построение социализма в России с победой международной революции. Многократные заявления на этот счет делал Ленин, подчеркивая, что окончательная победа социализма возможна

лишь в мировом масштабе. Сталин, "развенчавший" Троцкого, позже и сам стал провозглашать, что окончательная победа социализма возможна лишь при утверждении социалистических начал в большинстве стран мира... Разве это не "сталинский троцкизм"? Чем не "перманентный" вывод? Но Сталин, непревзойденный начетчик и антидиалектик, всегда руководствовался лишь идеями прагматизма, преследуя только сугубо личные интересы.

Схематизм и социальный радикализм теории перманентной революции связаны прежде всего не с ошибками Парвуса или Троцкого, а с исторической заданностью марксизма, еще в середине прошлого века предписавшего фатальную неизбежность гибели капитализма. Но вот спустя почти полтора столетия с момента рождения идеи перманентности можно сказать, что все развивается по Марксу, за исключением "пустяков": капитализм окончательно нигде не "сгнил", а социализм, даже превратившись на определенном этапе в мировую систему, нигде не поднялся до подлинных экономических и гуманных высот... А Троцкий верил, что Россия может "прийти к социализму на буксире передовых стран"²⁸, ибо перманентная революция для нее вне контекста революции мировой в конечном счете бесперспективна.

"Мировая советская федерация"

Да, именно эти слова зафиксированы в "Манифесте II Конгресса Коммунистического Интернационала" (19 июля — 17 августа 1920 г.), подготовленном Л.Д.Троцким. В разделе "Манифеста", озаглавленном "Советская Россия", есть такие строки: "Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира"²⁹. Под "Манифестом" стоят подписи глав и членов 32 делегаций, среди них В.И.Ленин, Г.Е.Зиновьев, Н.И.Бухарин, Л.Д.Троцкий, П.Леви, К.Штейнгардт, А.Росмер, У.Галлахер, Дж.Рид, Э.Бордига, М.Ракоши, Ю.Мархлевский, П.Стучка, Х.Пегельман, А.Рахья, М.Цхакая, многие другие известные революционеры.

Авторство документа можно было бы определить не только по рукописи Троцкого, но и по тому стилю, который всегда был присущ именно ему. Пафос “Манифеста” выражается и в призыве не вкладывать меча в ножны до создания “федерации советских республик всего мира”, и в беспощадной критике “изменников” революции — социал-демократов. Перо Троцкого неистощимо на образы: “Шейдеман и Эберт лизут руку французского империализма”; “Альбер Тома — наемный агент Лиги Наций, этой грязной адвокатуры империализма”; “Вандервельде — красноречивое воплощение поверхности II Интернационала”; “Карл Каутский — шамкающий консультант желтой печати всех стран”³⁰... Так писал Троцкий, бескомпромиссный и безжалостный к тем, кого он считал предателями революционного дела. Ведь большинство этих видных социал-демократов Троцкий знал лично, бывал у некоторых из них дома, спорил с ними на конгрессах, переписывался... Но для Троцкого все сразу отходило на второй, третий план, даже личное знакомство, дружба, если речь шла о революции, тем более революции мировой. Троцкий являл собой тот фанатичный тип большевика, для которого идея была превыше всего и в час истины, и в час заблуждений.

В годы гражданской войны Троцкий чутко прислушивался к гулу далеких брожений на Европейском, Азиатском и Американском континентах. По его настоянию поезд Председателя Реввоенсовета оборудовали радиостанцией, для того чтобы можно было непосредственно принимать сообщения из-за рубежа. Троцкий глубоко верил, что революционный пожар вот-вот должен вспыхнуть в Германии, Венгрии, Франции, Италии, других странах. В начале января 1919 года он по поручению ЦК РКП(б) написал письмо группе “Спартак” в Германии и Коммунистической партии Австрии, в котором утверждал: “Гибель буржуазии и победа пролетариата одинаково неизбежны. Неизбежна ваша победа, товарищи!”³¹.

Страстные слова Троцкого находили живой отклик у многих. Его часто просили подготовить важные документы Коминтерна, особенно манифесты, воззвания, приветствия. И Троцкий писал, диктовал, правил... Исполком Коминтерна поручил Троцкому, например, написать в апреле 1919 года первомайское приветствие рабочим и работницам всех стран. Вечером воззвание было готово...

“...Еще год прошел, и мы еще не стряхнули с себя нашего ярма... Прошел год, в течение которого руль все еще находился в руках буржуазии...” Охарактеризовав международное поло-

жение, автор воззвания приступает к главному: "Не смягчение наших атак, а наступление на более широком фронте широкими колоннами — вот тот лозунг, с которым мы вас зовем к Первому Мая... Каждый день может наступить момент, когда смелый приступ коммунистического авангарда увлечет за собой широкие массы рабочего класса и задачей момента станет борьба за завоевание власти... Да здравствует мировая революция и международный союз пролетарских советских республик!"³²

В мировую революцию, в "мировую советскую федерацию", в международный союз пролетарских советских республик верили тогда многие, если не все, большевики. Верил Ленин, верил Центральный Комитет партии, рядовые коммунисты. В июле 1921 года Ленин утверждал: "Еще до революции, а также после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых..."³³ Но, наверное, никто не был так убежден в необратимости революционного процесса, который должен привести к мировому пожару, как Троцкий. На чем была основана эта фанатичная уверенность? Где находились истоки иступленной убежденности в торжестве коммунистических идеалов? Какими виделись Троцкому мировая революция и ее итоги?

Троцкому были присущи не только материалистические взгляды, круто замешанные на гегелевской диалектике, но и склонность к абсолютизации субъективных элементов: сознания, воли, решимости лидеров, организаций, групп, классов. Рассматривая причины запоздалости буржуазной революции в России, Троцкий отмечал в книге, посвященной Февральской революции, что она "стояла не только географически между Европой и Азией, но также социально и исторически"³⁴. Отдавая должное объективным условиям революционных преобразований, автор все же особое значение придавал субъективному фактору в деятельности масс, классов, партий, вождей.

Неизбежность мировой революции виделась Троцкому в своеобразии развития исторического процесса. Это своеобразие было сформулировано им следующим образом. "Под кнутом внешней необходимости отсталость вынуждена совершать скачки. Из универсального закона неравномерности вытекает другой закон, который за неимением более подходящего имени можно назвать, — подчеркивает Троцкий, — законом *комбинированного развития*, в смысле сближения разных этапов пути, сочетания отдельных стадий, амальгамы архаичных форм с

наиболее современными”³⁵. Троцкий не согласен с теми (в частности, с М.Н.Покровским, Л.Б.Каменевым, Н.А.Рожковым), кто полагает, что исторический процесс не знает перескакиваний через эпохи. “Их точка зрения, — пишет Троцкий, — в общем и целом была такова: политическое господство буржуазии должно предшествовать политическому господству пролетариата; буржуазная демократическая республика должна явиться длительной исторической школой для пролетариата; попытка перепрыгнуть через эту ступень есть авантюризм; если рабочий класс на Западе не завоевал власти, то как же русский пролетариат может ставить себе эту задачу...”³⁶

Троцкий отвечает, что как раз своеобразие исторического развития России делает ее способной перешагнуть некоторые “необязательные” стадии и стать в авангарде революционного процесса. Противоречия в мире давно подготовили необходимость революционного взрыва, утверждает певец мировой революции, но нужен “детонатор”. Им как раз и может оказаться Россия. Она выдвигается во главе мировых революционных колонн прежде всего потому, что сумела перепрыгнуть через отдельные этапы. “Как Франция перешагнула через реформацию, — пишет Троцкий, — так Россия перешагнула через формальную демократию”³⁷. Суждения Троцкого безапелляционны. Так говорят только люди, никогда не сомневающиеся.

Уже позже, будучи в изгнании, на Принкипо, Троцкий беспощадно раскритикует Сталина за непонимание этих положений. “Невыносимее всего в этих вопросах “теоретизирующий” Сталин с двумя писаными торбами, составляющими весь его теоретический багаж: “законом неравномерного развития” и “неперепрыгиванием через ступени”. Сталин не понимает до сих пор, что *неравномерность развития именно и состоит в перепрыгивании через ступени* (или в чересчур долгом сидении на одной ступени)... Для такого предвиденья нужно было понять историческую неравномерность во всей ее динамической конкретности, а не просто жевать перманентную жвачку из ленинских цитат...”³⁸ Троцкий, отстаивая свой взгляд на необходимость и возможность “перешагивания” через этапы, дает попутно характеристику Сталину как теоретику. “Сталинщина, эта уплотненная идейная вульгарность, — пишет Троцкий, — достойная дочь партийной реакции, создала своего рода культ ступенчатого движения, как прикрытие политического хвостизма и крохоборчества”³⁹.

Троцкий, соблюдая, правда, определенную осторожность в разговорах с “вождями” и на заседаниях Политбюро ЦК, не

раз вносил конкретные предложения об инициировании мировой революции. Именно по его предложению в 1918 году в Германию были направлены крупные денежные суммы для революционной пропаганды и ускоренного "созревания" сознания масс. В то же время предложение Троцкого сформировать в 1919 году два-три конных корпуса на Южном Урале с последующей отправкой их в Индию и Китай для "стимулирования" революционных процессов поддержано не было. В августе 1919 года Троцкий шлет телеграмму Зиновьеву и Розенгольцу: "...настаиваю на оставлении эсбригады на эстонском фронте, что будет содействовать близкому взрыву эстонской революции"⁴⁰. Хотя наркомвоен упоминает в телеграмме "эстонский ЦЕКА", совершенно ясно, что это его идея. Сохранились телеграммы Троцкого и Венгерскому революционному правительству с выражением готовности прийти на помощь. Варшавский поход 1920 года диктовался не только военной необходимостью разгромить интервенционистские войска Пилсудского, но и "оказанием помощи польским трудящимся, борющимся за свое освобождение". Для того чтобы "советизировать Польшу", по мнению Троцкого, нужно видеть в польских рабочих и крестьянах "будущих польских красноармейцев", всячески "популяризировать биографии наиболее видных польских коммунистов Дзержинского, Мархлевского, Радека, Уншлихта..."⁴¹.

В соответствии с предложением Троцкого, по линии Коминтерна, ЦК РКП(б), Народного комиссариата по иностранным делам, другим каналам, за рубежом уже с начала 20-х годов была организована пропагандистская и контрпропагандистская работа среди населения капиталистических стран. При всех ограниченных возможностях этой идеологической деятельности она велась настойчиво. Например, на заседании Пленума ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 года (где Сталин был избран Генеральным секретарем партии) Троцкий внес предложение о "налаживании контрагитационной кампании за границей". ЦК постановил привлечь для организации этой работы Суварина и Крестинского при общем руководстве Троцкого⁴². Как этап к созданию "мировой советской федерации" Троцкий рассматривал революционные преобразования в Европе под лозунгом "Соединенные Штаты Европы". Это, писал один из главных жрецов Октябрьского переворота, чисто революционная перспектива... "Разумеется, — развивал дальше свою мысль Троцкий, — рабоче-крестьянская федерация не замкнется на европейском этапе. Через наш Советский Союз она, как сказано, откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в

Европу”⁴³. Революционер уже давно мыслил масштабами континентов и, более того, всей нашей планеты.

Даже в годы гражданской войны Троцкий постоянно интересовался состоянием международного революционного движения, активно участвовал в работе Исполкома Коминтерна, часто принимал делегации зарубежных коммунистов и рабочих. В архиве Троцкого сохранились многочисленные материалы, рукописи статей, записки с анализом революционной ситуации, советами, как двинуть “революционное дело” дальше. Секретарь Предреввоенсовета Сермукс, например, 19 апреля 1921 года передал по поручению Троцкого записку Радеку (он занимался в то время “германскими делами”), в которой анализировалось положение в Германии. Лев Давидович писал, что аппарат социал-демократии и профсоюзов выступает против радикальных действий и является, таким образом, “важнейшим фактором пассивности и консерватизма в рабочих массах... Нужно систематически раскачивать рабочие массы с целью подрыва создавшегося неустойчивого равновесия...”. Троцкий советует разъяснять рабочим, что мартовские события* еще раз показали “новое вопиющее предательство социал-демократов”⁴⁴.

Троцкий болезненно переживал неудачи революционного движения, особенно в Германии. В них он не просто видел крах революционных надежд, но и ощущал глубокую личную боль. Чаще всего ему казалось, что в основе этих неудач лежат ошибки руководства КППГ. Когда новый революционный подъем в Германии летом 1923 года не завершился, как полагал Троцкий, завоеванием власти, он отреагировал на эти реалии с нескрываемой горечью: “Важнейшей причиной того, что Германская коммунистическая партия сдала без сопротивления совершенно исключительные исторические позиции, является то, что партия не сумела на новом рубеже стряхнуть с себя автоматизм вчерашней политики, рассчитанной на годы, и ребром поставить — в агитации, в действии, в организации, в технике — проблему захвата власти. Время есть важный элемент политики, особенно в революционную эпоху. Упущенные месяцы приходится иногда наверстывать годами и десятилетиями...”⁴⁵

Для Троцкого Коминтерн был инструментом реализации

* Имеется в виду мартовская всеобщая стачка 1921 г., переросшая в вооруженное восстание рабочих мансфельдских рудников, которое было подавлено. — Д.В.

главной идеи коммунистов — победы мировой социалистической революции. В своем выступлении на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 2 июля 1921 года Троцкий "временное" замедление революционного процесса называет лишь "заминкой, замедлением темпа". Но он убежден, что "кривая" капиталистического развития в общем идет, — через временные подъемы, — вниз, а "кривая" революции — через все колебания идет вверх".

К слову сказать, Троцкому во время подготовки этого Конгресса пришлось предпринять чрезвычайные усилия, чтобы коммунистический форум не был сорван. Дело в том, что Енукидзе, которому поручили хозяйственную подготовку Конгресса, не смог обеспечить нормальных условий жизни прибывающим делегатам. Посыпались жалобы, начались нарекания, стали раздаваться голоса о неспособности РКП решить даже такой простой вопрос. Троцкий, узнав об этом, немедленно извещает бумагой с грифом "сов.секретно" Ленина, Зиновьева, Бухарина, Радека, Каменева, Молотова.

"Только что товарищи, объективизму и правдивости которых я безусловно доверяю, изложили мне состояние полного отчаяния в деле с организацией Конгресса. Приезжающие делегаты попадают в отчаянное положение. Несмотря на то, что ждали тысячу человек, а приехало около трехсот, делегатов помещают по 8—10 человек в одну комнату. Они лишены минимальных удобств. В смысле столовой и прочего — такое же положение... Самое возмутительное — это грубое невнимание к приезжающим товарищам. На постелях нет матрацев, подушек, нет умывальников..."

Ленин ответил быстро, однако, не желая ввязываться в это рутинное дело, предложил создать "комиссию с экстренными полномочиями", так как сам "я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью"⁴⁶. Зиновьев, в свою очередь, предложил перенести Конгресс "в Петроград, где вполне гарантировано добропорядочное устройство каждого делегата..."⁴⁷.

Троцкий, скептически отнесясь к этим советам и предложениям, тем не менее согласился на создание комиссии и добился назначения ее руководителем своего заместителя Склянского, который привлек к организации Конгресса весь секретариат Троцкого, его сотрудников, а также хозяйственные службы частей Московского гарнизона. Усилиями наркомвоена положение удалось быстро нормализовать⁴⁸. Троцкий приказал, чтобы ему докладывали даже меню "в столовых общежитий делегатов

Коминтерна”. Оно, кстати, весьма наглядно говорит об экономическом состоянии Республики, руководители которой были так озабочены “заминкой мировой революции”.

Вот типовое меню на каждый день.

”В гостинице ”Люкс”.	Завтрак: хлеб, масло, чай и сахар.
	Обед: суп с фасолью и салом, баранина с картофельным пюре, чай и сахар.
	Ужин: колбаса с картофельным пюре, масло, чай, хлеб и сахар.
Дом по Новинскому бульвару.	Завтрак: хлеб, масло, чай и сахар.
	Обед: суп щавелевый с солониной, чай, хлеб, сахар.
	Ужин: масло, колбаса, чай, сахар и хлеб.
”Континенталь”.	Завтрак: бутерброды с колбасой и маслом, чай и сахар.
	Обед: суп с клецками, баранина, хлеб, чай и сахар.
	Ужин: колбаса с картофелем, хлеб, чай и сахар” ⁴⁹ .

Возможно, я утомил читателя перечислением блюд достаточно ”унылого” меню, но, думаю, эта деталь неплохо передает обстановку того времени. Даже при вмешательстве ”вождей” и мобилизации всех ресурсов разоренная страна могла едва-едва накормить три сотни революционеров, которым предстояло вновь инициировать революционное брожение в разных странах в надежде вызвать мировой пожар. Троцкий, занимаясь такими ”мелочами”, хотел использовать малейший шанс для ускорения нового революционного прилива.

К слову сказать, на Западе давно заметили фанатичную приверженность Троцкого к радикальным решениям, постоянное припадание к революционному алтарю. В буржуазной печати вскоре после Октябрьской революции стало появляться множество материалов, в которых Троцкий предстал то анархистским ниспровергателем государственности, то крайним выразителем коммунистической радикальности, то ставленником еврейского финансового капитала. В разгар гражданской войны белогвардейское ”Русское бюро печати” в Екатеринбурге выпустило брошюру ”Печальные воспоминания (о большевиках)”. Ее автор Сергей Ауслендер дает характеристику вождям русской революции. Больше всех достается Троцкому. ”Этот международный аферист, — пишет автор, —

покорил Россию, расстреливает старых боевых генералов, живет в Кремлевском дворце и командует русской армией... Он умеет будить в рабах самое черное, самое гнусное..."⁵⁰

А вот еще одно, уже европейское "сочинение". В ноябре 1921 года в Мюнхене вышла брошюра под названием "Еврейский большевизм" с пространным предисловием Альфреда Розенберга. В антисемитской книжке утверждается, что русская революция по своему содержанию, идеям, руководству была сугубо еврейской: "С первого дня своего рождения большевизм был еврейской затеей". Розенберг скрупулезно манипулирует данными о количестве народных комиссаров-евреев, разжигая антисемитские чувства, пытаясь доказать, что "пролетарская диктатура над обезумевшим, разоренным, полуголодным народом — есть план, изобретенный в еврейских ложах Лондона, Нью-Йорка, Берлина". Главные его исполнители — тоже евреи, среди которых А.Розенберг прежде всего выделяет Троцкого-Бронштейна. Автор предисловия к книжке, заполненной фотографиями большевиков-евреев, предупреждает: "Их цель — мировая революция"⁵¹. Подобные грязные подделки ставили задачу скомпрометировать не только русскую революцию, но особенно ее вождей, и в первую очередь Троцкого.

В феврале 1925 года Иностранный отдел ОГПУ заполучил совершенно секретный доклад английского посланника, озаглавленный "Троцкий и русская революция". Дипломат, сообщая в Лондон о поражении Троцкого в партийной дискуссии, тем не менее констатирует, что в русском большевизме это самая крупная политическая фигура, способная заняться "международными революционными авантюрами". Посланник с беспокойством докладывает, что упрочившееся положение Советской России означает выигрыш времени "для великого всемирного исторического эксперимента — еще большего, чем окончательное свержение царизма и уничтожение буржуазии в Октябрьской революции". После смерти Ленина, продолжает посланник, это "наиболее значительная личность социалистической революции Европы"⁵². Этот документ, который разведка ОГПУ направила Сталину, Дзержинскому, Фрунзе, Менжинскому, Ягоде, Пятницкому, Артузову, однозначно оценивает Троцкого как наиболее выдающуюся фигуру, приверженную идее мировой социалистической революции.

Будучи убежденным, как и Ленин, что Октябрьская революция начала эру мировой пролетарской революции, Троцкий до конца своих дней остался верен этой идее. Можно только удивляться, сколь глубоким может быть заблуждение человека, обладающего сильным интеллектом и не лишенного качеств пророка. Фанатичная вера брала верх над разумом. Выступая

со статьей “Пять лет Коминтерна”, Троцкий, вопреки историческим фактам, утверждал: “Европейский капитализм с исторической точки зрения прошел свой путь до конца. Он не развил значительно производительные силы. Ему не суждено больше играть прогрессивной роли. Он не может открыть новых горизонтов. Если бы это было не так, то любая мысль о пролетарской революции в наше время была бы донкихотством...” Троцкий и не замечает, что, формулируя эти мысли, он как бы примеряет на себя одеяние рыцаря печального образа. Теоретик мировой и европейской революции продолжает: “...буржуазный порядок не падет сам по себе. Его нужно свергнуть, и только рабочий класс может его свергнуть революционным путем. Если рабочему классу это не удастся, тогда мрачные предсказания Освальда Шпенглера в “Сумерках Европы” могут оправдаться. История бросила рабочим вызов, как бы говоря им: вы должны знать, что, если вы не свергнете буржуазию, вы погибнете под руинами цивилизации”.

Троцкий не раз выражал сожаление, что мировая революция началась не в развитых странах: США, Англии, Германии. Тогда, по его мнению, у революции было бы больше шансов. В упомянутой выше работе Троцкий с горечью констатирует: “История, по-видимому, прядет свою прядь с противоположного конца”. Россия для него и была этим отсталым “противоположным концом”. Однако Троцкий всегда оставался оптимистом в отношении перспектив мировой революции, хотя и не таким пылким.

Выступая на IV Конгрессе Коммунистического Интернационала (5 ноября — 5 декабря 1922 г.), Троцкий, отметив спад революционной волны во многих странах, доказывал, что это “временный процесс”. Для грядущего успеха нужно “завоевать доверие подавляющего большинства рабочего класса”. А тогда, “убедившись на опыте в правильности, твердости и надежности коммунистического руководства, рабочий класс стряхнет с себя разочарование, пассивность, выжидательность — и тогда откроется эпоха *последнего штурма* (курсив мой. — Д.В.). Как близок этот час? Мы этого не предсказываем”⁵³. Троцкий мог бы годами ждать нового революционного взлета, но сомнений, что он обязательно наступит, у него не возникало. Так одержимость может делать сильный интеллект слепым. Но, анализируя мировую ситуацию после революционных потрясений в Европе, Троцкий, тем не менее, вынужден был сказать об отдалении звездного часа мировой революции. В том же докладе Троцкий, поправляя очки и смотря вверх голов делегатов, как бы взглядывая в будущее: “Было бы неправильно стричь все мировое революционное развитие под одну гребенку... Револю-

ция в Америке — если абстрагироваться от Европы — уходит в даль десятилетий. Значит ли это, что революция в Европе должна равняться по Америке? Конечно, нет. Если отсталая Россия не стала (да и не могла) ждать революции в Европе, тем более Европа не станет и не сможет ждать революции в Америке... Становясь на почву наиболее естественного чередования исторических событий, можем с уверенностью сказать, что победа революции в Европе в течение немногих лет распатает могущество американской буржуазии”⁵⁴.

Для Троцкого нет вопроса, какими будут Европа, да и мир после пролетарской революции. Традиционное марксистское прожектерство, определение политических форм без глубокого осознания реального содержания, уверенность в собственной непогрешимости выливаются в красочные полуутопии, которые, впрочем, одно время начали вроде бы осуществляться. Полуразрушенная, окровавленная, обессиленная внутренней борьбой Советская Россия для Троцкого уже является своеобразным эталоном будущих государственных образований, которые должны возникнуть после победы грядущих революций. Великий Эксперимент не может ограничиться Россией. Его ареной должны стать вначале Европа, а затем и весь мир. В своей статье “О своевременности лозунга “Соединенные Штаты Европы”, предназначенной для “Правды”, Троцкий пишет: “Мы не станем заниматься здесь предсказаниями насчет того, каким темпом пойдет объединение европейских республик, в какие хозяйственные и конституционные формы оно выльется, какой степени централизации достигнет европейское хозяйство в первый период рабоче-крестьянского режима. Все это можно спокойно предоставить будущему, — с учетом того опыта, который имеет уже Советский Союз...”⁵⁵

У Троцкого не вызывает сомнения, что любое будущее объединение различных государств может быть лишь на почве социалистической революции: “...у нас речь идет, собственно, об европейской социалистической федерации, как составной части будущей мировой федерации, и что этот режим осуществим только при условии диктатуры пролетариата... Рабоче-крестьянская федерация не замкнется на европейском этапе. Через наш Советский Союз она откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в Европу. Дело, таким образом, идет только о этапе...”⁵⁶.

Будучи уверенным, что Красная Армия несет другим народам свободу и возможность объединиться с Россией в “мировой советской федерации”, Троцкий, чтобы “сохранить эту возможность”, в своих директивах, распоряжениях, приказах пред-

лагает, просит, требует уважать национальное самосознание народов.

”Красным войскам, вступающим в пределы Украины

№ 174

30 ноября 1919 года

Москва

Прочеть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Товарищи солдаты, командиры, комиссары!

Вы вступаете в пределы Украины. Разбивая денкинские банды, вы очищаете от насильников братскую страну...

Горе тому, кто вооруженной рукой причинит насилие труженкам украинского города или села. Пусть рабочие и крестьяне Украины чувствуют себя уверенно под защитой ваших штыков. Помните твердо: ваша задача — не покорение Украины, а освобождение ее...

Предреввоенсовета Троцкий”⁵⁷

Ту же мысль Троцкий проводит в приказе бойцам Красной Армии, когда она вошла в Польшу: ”...земля, на которую вы вступили, есть земля польского народа. Мы отбросили польскую шляхту, и мы сломим ей спину... Вы приближаетесь к Варшаве. Войдите в нее не как в покоренный город, а как в столицу независимой Польши...”⁵⁸.

Но тон Троцкого становился сразу же жестким, как только появлялись признаки несогласия с Советской властью. Например, когда меньшевистское правительство Грузии стало игнорировать требования и договоренности с революционными властями в Москве:

”Реввоенсовету Кавказского фронта.

Совершенно секретно.

1. Если бы Советская Республика оказалась против своей воли вынуждена дать военный отпор провокационной политике Грузии, считаете ли вы, что в вашем распоряжении для этой операции достаточно сил и средств, принимая во внимание оккупацию территории и пр. ...

4. ...Какие требования Вы предъявили бы по подвозу продовольствия для содержания армии и советских учреждений в Азербайджане, Армении и Грузии, в случае оккупации последней...”⁵⁹

Шифровка подписана 27 января 1921 года Предреввоенсовета Троцкий, главкомом Каменевым, начальником Полевого штаба Лебедевым. Политический язык документа уже не революционный, а имперский.

В то же время, когда 11-я армия вошла в ряд районов Грузии, Ленин шлет распоряжения РВС Восточного фронта и Ревкомом Грузии: ”...относиться с особым уважением к суверенным

органам Грузии и особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения... Сообщайте о каждом случае нарушения или хотя бы малейшего трения, недоразумения с местным населением..."⁶⁰.

Когда цель достигнута, Ленин, а затем и Троцкий стремятся внести умиротворение в национальное сознание. Главный критерий: все должно приближать создание "мировой советской федерации".

Как видим, Троцкий рассматривал проблемы мировой революции не только в теоретическом плане. Ему принадлежит немало идей, если так можно выразиться, прагматического характера. Выступая 29 июля 1924 года на заседании правления Военно-научного общества, Троцкий, сделав несколько оговорок о том, что Красная Армия не ставит задачи вызывать взрывы в других странах, сосредоточил свое внимание на необходимости создания "Устава гражданской войны", которым могли бы руководствоваться лидеры социалистических революций. Когда руководители не готовы в критический момент проявить умение, твердость — восстание обречено на неудачу. В критический момент революционного выступления, говорил Троцкий, "обстановка характеризуется архинеустойчивым равновесием: шар на вершине конуса. В зависимости от толчка шар может скатиться и в ту и в другую сторону. У нас, благодаря твердости и решимости партийного руководства, шар пошел по линии победы. В Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения"⁶¹. Троцкий, анализируя опыт Октябрьской революции и классовой борьбы в России, убежден: "Устав гражданской войны" должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы высшего типа"⁶². Эйфория первых послеоктябрьских лет прошла: к мировой революции нужно готовиться. В том числе и путем "военно-революционной учебы высшего типа". При этом Троцкий не отбрасывал идеи единого фронта всех демократических, революционных сил против буржуазии.

Троцкий, конечно, не забыл, что когда в сентябре 1921 года в Москву приехал руководитель Германской компартии Брандлер, то он просил у лидеров большевиков направить в Германию Троцкого для подготовки восстания. После обсуждения на Политбюро решили Троцкого не направлять, а командировать к Брандлеру Пятакова и Радека. Но по существу в Москве дали понять, что стратегию немецкого восстания разработают здесь, в Кремле. На восстании особенно настаивал Председатель Коминтерна Зиновьев. Какую роль в германской неудаче сыграл Троцкий, несколько раз встречавшийся с Брандлером, установить трудно. Да, он был за восстание. Но вместе с тем после

получения сведений о слабой готовности выступления он согласился с решением о его отмене. Однако Брандлер не смог своевременно отменить боевой приказ, и слабый факел восстания в Гамбурге все же загорелся. Энтузиазма и стойкости рабочих хватило на несколько дней. Почва не была увлажнена революционными соками.

Весть о поражении восставших Троцкий встретил с огорчением, хотя в решающий момент подготовки восстания уклонился от личного участия в нем. Сейчас нелегко сказать, что ему помешало: неверие в успех? Неотложные дела Председателя Реввоенсовета? Нежелание рисковать своей репутацией удачливого военного руководителя? Во всяком случае, когда был предпринят конкретный шаг международной "перманентности", он оказался фактически в стороне.

На Политбюро стали искать виновных в поражении. В жаркой полемике упоминались Брандлер, Зиновьев, Радек, Пятаков и Троцкий... Многие посчитали, что в решающий момент Троцкий просто сознательно отошел от эпицентра схватки. Исполком Коминтерна, сместив по настоянию Зиновьева Брандлера, сделал его главным козлом отпущения. Только Троцкий вместе с Радеком и Пятаковым пытались его слабо защищать.

Для Троцкого поражение в Германии явилось лишь напоминанием: мировая революция требует длительной и тщательной подготовки. Время политических экспромтов прошло. Нужны "уставы" не только гражданской войны. Однако неизбежность грядущего мирового пожара по-прежнему не вызывала у Троцкого сомнений. Как и у его соратников и товарищей по революции, большинство которых скоро станут его смертельными врагами.

Идея мировой революции стала осуществляться Сталиным, но в другой форме, после второй мировой войны. Правда, уже не было коминтерновских рецептов. Антиимпериалистическая борьба имела целью не только национальное и социальное освобождение народов, но и распространение социализма. Обреченность этой идеи не увидели ни Ленин, ни Троцкий, ни Сталин. А обреченность имела корни в стремлении поделить мир по классовому признаку с помощью диктатуры пролетариата, которой приписывалось исключительное право на истину, на суд, на перспективу.

После Октябрьской революции для счастья одних считалось естественным применение безграничного насилия к другим. Ни у кого из революционеров не возникало даже тени сомнения: мировая пролетарская революция неизбежна. Но при чем тут "пролетарии" Ленин, Троцкий, Сталин? Ленин не успел увидеть то, что создавалось, как говорили долгие годы, по его

”планам”. Троцкий до августа 1940 года верил, что Эксперимент только начат, но не продолжен. Сталин успел сделать ГУЛАГ символом страны первой социалистической революции. ”Мировая советская федерация”, к счастью, не состоялась... Иначе она могла бы быть продолжением сталинской модели.

“Терроризм и коммунизм”

Т ак называлась книга Л.Д.Троцкого, которая вышла в 1920 году в Петрограде. Она явилась как бы ответом на книгу Карла Каутского, которая имела то же название — ”Терроризм и коммунизм” и была издана в Берлине в 1919 году⁶³. По сути, знакомство с этой работой Троцкого дает возможность сравнить основные взгляды левого крыла большевизма и европейской социал-демократии. Почти на двухстах страницах* один из самых радикальных руководителей русской революции полемизирует с виднейшим теоретиком II Интернационала, доходя подчас до личных оскорблений. Следуя дурному правилу обращения большевистских руководителей к своим оппонентам, Троцкий называет старого марксиста Каутского, редактора известной газеты германской социал-демократии ”Нойе цайт”, ”лицемерным соглашателем”, ”недостойным фальсификатором”, ”пачкуном”, ”круглым нулем” и т.д.

Однако контраргументы Троцкого по поводу диктатуры пролетариата, демократии, принудительного труда, его милитаризации, сути Советской власти, крестьянской политики, роли коммунистической партии в революционных преобразованиях убедительно показывают глубину многих заблуждений большевиков, возведенных ими в закон. Да, такой вывод можно сделать сегодня. Но следует помнить, что книга ”Терроризм и коммунизм” была написана тогда, когда взгляды Троцкого совпадали с точкой зрения большевистского руководства. В этом смысле не только Троцкий, но и его высокие сотоварищи находились под ”гипнозом революции”.

Прежде чем коротко напомнить суть основных взглядов

* Свою работу ”Терроризм и коммунизм” Троцкий позже объединил с книгой ”Между империализмом и революцией” и включил в двенадцатый том собрания своих сочинений. — Д.В

Троцкого по названным выше вопросам, хочу привести иностранную цитату из книги большевистского лидера, с помощью которой можно судить о его отношении к социал-демократизму Каутского, публично возразившего против антидемократизма диктатуры большевиков. “Клевета на политику коммунистической партии, Каутский нигде не говорит, чего он, собственно, хочет и что предлагает. Большевики действовали на арене русской революции не одни. Мы видели и видим в ней — то у власти, то в оппозиции — эсеров (не менее пяти группировок и течений), меньшевиков (не менее трех течений), плехановцев, максималистов, анархистов... Решительно все “оттенки в социализме” (говоря языком Каутского) испробовали свои силы и показали, чего они хотят и чего могут. Этих “оттенков” так много, что между соседними трудно уж просунуть лезвие ножа... Казалось бы, перед Каутским достаточно полная политическая клавиатура, чтобы указать на ту клавишу, которая дает правильный марксистский тон в русской революции. Но Каутский молчит. Он не отвергает режущую его слух большевистскую мелодию, но он не ищет иной. Разгадка проста: *старый тапер вообще отказывается играть на инструменте революции*”⁶⁴.

Здесь Троцкий прав: социал-демократу, уверовавшему в конструктивность социально-экономических реформ, революции ни к чему. Ну а в чем же конкретно выражается, как пишет Троцкий, “клевета” Каутского “на политику коммунистической партии”? Напомню лишь несколько тезисов, без уяснения которых трудно понять тот “гипноз революции”, под которым оказались большевики. Стоит сказать, что, когда Троцкий работал над книгой “Терроризм и коммунизм”, а одновременно и над очерком о Карле Каутском, он обратился к Томскому с просьбой вооружить его некоторыми статистическими данными по интересующим его вопросам⁶⁵. Очень уж хотел Троцкий “до конца разгромить Каутского”.

Каутский, еще на пороге века разделявший идею диктатуры пролетариата, взглянув на ее российское воплощение после Октября 1917 года, однозначно заявил, что “это насилие меньшинства над большинством”. Выступая в поддержку тезисов Каутского, А.Н.Потресов однозначно писал: “Только Каутский поставил вопрос о несовместимости пролетарской социальной революции с насилием... Диктатура пролетариата до конца изжила себя, это дань прошлому”⁶⁶. Бывший давний соратник Ленина раньше многих осознал историческую правоту Каутского. Теоретик II Интернационала написал в своей книге, что только завоевание социал-демократией большинства в парламенте открывает путь к социалистическим преобразованиям. Кто сейчас

возразит против подобного тезиса? А Троцкий отвечает Каутскому жестоко, издевательски, хотя и не без интеллектуального изящества.

”Чтобы написать брошюру о диктатуре, — пишет Троцкий, — нужно иметь чернильницу и пачку бумаги, может быть, еще некоторое количество мыслей в голове. Но для того, чтобы установить и упрочить диктатуру, нужно воспрепятствовать буржуазии подрывать государственную власть пролетариата. Каутский, очевидно, полагает, что этого можно достигнуть плаксивыми брошюрами”. Далее Троцкий продолжает, что тот, ”кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его революционной диктатуры. Кто отказывается от диктатуры пролетариата, тот отказывается от социальной революции и ставит крест на социализме”⁶⁷. Троцкий неоднократно демонстрировал, что это означает на практике. Вот один документ:

”Вологда, губвоенкому.

...Беспощадно искореняйте контрреволюционеров, заключайте подозрительных в концентрационные лагеря — это есть необходимое условие успеха... Шкурники будут расстреливаться независимо от прошлых заслуг... О принятых мерах довести.

4 авг. 1918 года.

Наркомвоен Троцкий”⁶⁸.

Только за подозрение — в концлагерь... Что же это за социализм, который нуждается в таких мерах? Можно возразить: время было такое... Но когда подобное становится системой, то вспомнишь о предостережении Каутского. Определеннее не скажешь: готовность к насилию или никакого социализма! Не здесь ли коренится один из первородных грехов марксизма, который привел его в конце концов к крупнейшей исторической неудаче?

Троцкий и другие вожди искренне считали, что они обладают ”революционным правом” распоряжаться судьбами миллионов людей. Хотя это ”право” подвергалось сомнению многими. Даже Б.Савинков, сам воспевавший насилие, писал: ”Русский народ не хочет Ленина, Троцкого и Дзержинского — не хочет не только потому, что коммунисты мобилизуют, расстреливают, реквизируют хлеб и разоряют Россию. Русский народ не хочет их еще и по той простой и ясной причине, что Ленин, Троцкий, Дзержинский возникли помимо воли и желания народа. Их тоже не избирал никто”⁶⁹.

Предреввоенсовета был согласен с Лениным в том, что

только коммунисты являются выразителями интересов трудящихся. А отсюда — их постоянная привилегия во всем. Выступая на конференции коммунистических ячеек военно-учебных заведений 10 декабря 1921 года, Троцкий заявил: “Мы говорим по-наполеоновски, что каждый красноармеец, каждый новобранец имеет маршальский жезл, но мы говорим, что этот жезл даем *только* коммунистам...”⁷⁰

Так случилось в нашей истории, что, хотя “вожди” народ не выбирал, манипулировать его интересами и потребностями они научились быстро. Так же быстро они сочли возможным пользоваться теми благами, за которые так жестоко критиковали царскую знать. Теперь считалось нормальным, чтобы каждый “вождь” имел загородный дом и даже дворец (Троцкий жил в великолепной усадьбе князей Юсуповых в Архангельском, в получасе езды от Москвы), личных врачей, многочисленную обслугу, улучшенное питание, царские автомобили и т.д. Осенью 1922 года Троцкий выехал в Крым по обычным служебным делам. Его сопровождала многочисленная охрана и даже... два автомобиля. Его помощник Бутов распоряжается “безусловно” прицепить к скорому поезду № 6 Москва—Симферополь два вагона с охраной и двумя автомобилями...⁷¹ Вожди большевизма стали быстро превращаться в новых сановников коммунистического режима. Такая метаморфоза была предопределена диктатурой пролетариата: новая система должна была иметь собственных жрецов, “перешагнувших” через буржуазную демократию.

Каутский в своей книге видит единственный путь достижения социалистических идеалов — через демократию. Ответ Троцкого старому теоретику категорически насмешлив: “История не превратила нацию в дискуссионный клуб, который чинно вотирует переход к социальной революции большинством голосов. Наоборот, насильственная революция явилась необходимостью именно потому, что неотложные потребности истории оказались бессильны проложить себе дорогу через аппарат парламентской демократии... Когда русская Советская власть разогнала Учредительное собрание, этот факт показался руководящим западноевропейским социал-демократам если не началом светопреставления, то во всяком случае грубым и произвольным разрывом со всем предшествовавшим развитием социализма”⁷². Потресов, защищая Каутского, заявит: “Демонстративным разгоном учредительного собрания, повальным уничтожением свобод, установлением казенного образца дозволенного мышления большевизм с первых же шагов своего господства вносил в народное сознание струю, враждебную демократической гражданственности”⁷³. Однако Троцкий безапелля-

ционно утверждает, что "трижды безнадежна мысль прийти к власти путем парламентской демократии". Может быть, убеждения Каутского были исторически преждевременными, а Троцкого — реально приземленными?

Но Каутский настойчив и в своей работе еще раз задает большевикам вопрос: почему вы не созываете нового Учредительного собрания? Иначе получается, что Советская власть правит волею меньшинства? Троцкий последователен: "...потому что не видим в нем, собрании, нужды. Если первое Учредительное собрание могло еще сыграть мимолетную прогрессивную роль, дав убедительную для мелкобуржуазных элементов санкцию режиму Советов, который только устанавливался... то теперь он не нуждается в освящении подмоченным авторитетом Учредительного собрания..."⁷⁴.

В этом "диалоге" двух книг с одинаковым названием столкнулись совершенно разные революционные линии, разные взгляды на пути реализации социалистических идеалов. Долгие годы казалось, что реформист Каутский безнадежно проиграл Троцкому, олицетворявшему тогда радикальное крыло большевизма. Но истории было угодно доказать правоту "старого тапера", который "отказался играть на инструменте революции", а не его воинствующего оппонента. Троцкий, как и его сотоварищи, не замечал того, что вместо народовластия они узурпировали право говорить от имени народа. А это далеко не одно и то же.

Наиболее ожесточенно Троцкий спорит с Каутским по вопросу о терроризме, или, точнее, об использовании насилия в революции. Идею о том, что "терроризм принадлежит к существу революции", Каутский объявляет широко распространенным "заблуждением". Патриарх II Интернационала жалуется: "Революция приносит нам кровавый терроризм, проводимый социалистическими правительствами. Большевики в России вступили первые на этот путь и суровейшим образом осуждались поэтому всеми социалистами, не стоявшими на большевистской точке зрения..." Каутский решительно выступает и против "института заложников".

Мы уже знаем, что и по этому вопросу Троцкий, выражая точку зрения радикальных большевиков, стоит на иных позициях. "Вопрос о форме репрессии, — пишет Троцкий, — или о ее степени, конечно не является принципиальным. Это вопрос целесообразности... Именно этим простым, но решающим фактом объясняется широкое применение расстрелов в гражданской войне... "Морально" осуждать государственный террор революционного класса может лишь тот, кто принципиально отвергает (на словах) всякое вообще насилие — стало быть,

всякую войну и всякое восстание. Для этого нужно быть просто-напросто лицемерным квакером”⁷⁵. Троцкий верно говорит, что нередко красный террор вызывался террором белым. Но всегда ли? Большевики, отвергая социал-демократические традиции и путь реформ, вольно или невольно ограничивали выбор средств, среди которых “универсальным” оказывалось лишь насилие. По сути, для Троцкого революция была синонимом насилия, которое он, как и Каутский, называет террором. Не из этих ли истоков большевизма в 20-е и 30-е годы Сталин брал методы решения социальных, экономических и духовных проблем? Признание насилия нормой революционного процесса исподволь переносилось на мировоззренческие установки вообще. В этом случае революция представляла кровавым зверем, готовым сожрать любого, кто оказывался на ее пути.

Для полноты картины хотелось бы заострить внимание читателей на различии взглядов Каутского и Троцкого на роль партии и ее отношение к крестьянскому вопросу. В ответ на справедливые обвинения Каутского, что большевики, подменив диктатуру Советов диктатурой партии, которая “уничтожила или отбросила в подполье другие партии”, тем самым устранили возможность политического соревнования, Троцкий приводит пример из русской революции.

“Блок большевиков с левыми эсерами, длившийся несколько месяцев, закончился кровавым разрывом. Правда, по счетам блока платить пришлось не столько нам, коммунистам, сколько нашим неверным попутчикам...” Режим соглашений, сделок, уступок, блоков, считает Троцкий, для большевиков в принципе малопримлем⁷⁶.

Вот эта вера в непогрешимость одной партии и привела к монополии на власть, на мысль, на истину. А эта монополия на власть в отношении крестьянства, например, позволила преподавать, по словам Троцкого, ряд жестоких уроков кулачеству и середнякам. В результате “основная политическая цель была достигнута. Могущественное кулачество, если и не было вконец уничтожено, то оказалось глубоко потрясено, его самосознание подрублено. Среднее крестьянство, оставаясь политически бесформенным, стало приучаться видеть своего представителя в передовом рабочем...”⁷⁷.

И все это Троцкий называет проявлением исключительной роли коммунистической партии в пролетарской революции!

Книга Троцкого “Терроризм и коммунизм” интересна прежде всего тем, что показывает взгляды радикального большевика на пути и задачи революции. В ней емко и сжато изложены глубоко ошибочные концептуальные положения не только о способах утверждения диктатуры пролетариата в крестьянской

России, но и о методах строительства нового общества. Пожалуй, еще раз по этим вопросам наиболее полно Троцкий высказался лишь в апреле 1920 года на III Всероссийском съезде профессиональных союзов.

На этом съезде еще присутствовала делегация меньшевиков в составе 33 человек во главе со своими вождями: Даном, Абрамовичем и Мартовым. Меньшевики, защищая русскую социал-демократическую идею, решительно выступали против положений доклада Троцкого "О задачах хозяйственного строительства". Особенно настойчив и непримирим был Абрамович. Он резко высказался против основного тезиса Троцкого о принудительном труде как необходимом методе строительства социализма. Если социализм требует милитаризации труда, массового принуждения, восклицал Абрамович, то "чем же он отличается от египетского рабства? Приблизительно таким же путем фараоны строили пирамиды, принуждая массы к труду". Русские социал-демократы провидчески усмотрели в тотальном принуждении, сторонниками которого являлись большевики, грозную опасность для социализма вообще.

К слову сказать, Абрамович, эмигрировав из СССР, пытался не только бороться с большевиками, но и начать с ними диалог. По докладу Иностранного отдела ОГПУ Абрамович в начале 1926 года предпринял попытки вступить в переговоры с большевистским правительством и обговорить условия возвращения меньшевиков в СССР для участия в социалистических преобразованиях. Хотя, по данным агента, сам Абрамович мало верил в успех этого предприятия⁷⁸. Такие контакты были не единичны. Даже накануне принятия сталинской Конституции Ф.Дан и Р.Абрамович подготовили "Открытое письмо" Все-союзному съезду Советов, где писали, что меньшевики имеют с большевиками "единые цели", но расходятся в "методах революционной борьбы". Они подтвердили, что путь, который указывали меньшевики, был бы более перспективным, "предохранил бы трудящиеся массы от страданий и жертв, сохранил бы возможность построения демократического социализма"⁷⁹. Растаявшая за рубежом партия меньшевиков все еще пыталась призывать коммунистов СССР "вернуться к демократии". И хотя в конце "Открытого письма" стояли слова "Заграничная делегация РСДРП", это были уже последние из могикан российской социал-демократии. Троцкий до конца дней не хотел пересматривать своего негативного отношения к бывшим единомышленникам.

Троцкий всегда оставался верен себе: во имя революции, социализма, как он его понимал, допустимо все. Для понимания ранних истоков заблуждений большевизма стоит напомнить

некоторые идеи доклада Троцкого на III съезде профсоюзов. Добавлю вначале, что доклад был предварительно одобрен на Политбюро.

На мой взгляд, речи Троцкого всегда интересны, даже если они в корне ошибочны. Трибун революции ни на кого не похож; его исходные послышки, аргументация, полемические стрелы, выводы и призывы оригинальны, неповторимы, впечатляющи. Затянутый в кожу, с еще пышной шевелюрой, Троцкий точно рассчитывал жесты, паузы, интонацию. В те годы даже внешне он всегда предстал в облике фронтового комиссара. Еще в 1918 году он телеграфировал Склянскому: “Вышлите мне кожаный костюм и сапоги”⁸⁰.

Необычно начал свой доклад Троцкий и сейчас. “По общему правилу, человек стремится уклониться от труда... Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное...” Так из “биологической” послышки Троцкий подходит к положению, что “единственным способом привлечения для хозяйственных задач необходимой рабочей силы является проведение *трудовой повинности*”⁸¹. Если бы речь шла только о каком-то критическом моменте, то этот тезис едва ли можно было бы оспаривать. Но нет. Этот принцип предлагается ввести фундаментально и надолго: “...необходимо раз навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и неозвратно (! — Д.В.) сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность”⁸². Читая дальнейшие рассуждения Троцкого о путях и характере утверждения принудительного труда, невольно вспоминаешь слова Абрамовича: чем же отличается такой социализм от египетского рабства?

Троцкий, переводя мысль о трудовых мобилизациях в практическую плоскость, говорит: “Нужно, чтобы переброска *мобилизованной* рабочей силы совершалась по кратчайшим расстояниям. Нужно, чтобы число *мобилизованных* рабочих соответствовало объему хозяйственной задачи. Нужно, чтобы *мобилизованные* были своевременно обеспечены необходимыми орудиями труда и продовольствием... Нужно, чтобы *мобилизованные* на месте убедились, что их рабочая сила используется предусмотрительно... Где только возможно, необходимо прямую *мобилизацию* заменять трудовым уроком, т.е. наложением на волюсть обязанности поставить, например, к такой-то сроку столько-то куб. саж. дров или подвезти гужом к такой-то станции столько-то пудов чугуна и т.д.”⁸³. Все эти рассуждения становятся просто страшными, когда вспоминаешь практику (уже Сталина) коллективизации, “гулагизации” всей страны. Имен-

но Троцкий был одним из теоретиков и начинающих практиков тотального насилия.

В этой связи Троцкий особое внимание уделил трудовым армиям, то есть тем войсковым объединениям, которые постепенно, по мере затухания вооруженной борьбы, оказывались без "дела". Троцкий привел в качестве примера перевод на трудовые рельсы Первой, Третьей, Петроградской, Украинской, Кавказской, Южно-Заволжской, Западной армий.

На возражения меньшевиков о том, что "принудительный труд всегда является трудом малопродуктивным", Троцкий отвечает: о переходе "от буржуазной анархии к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства не может быть и речи". Безапелляционность суждений порой поражает. Но удивительного в этом ничего нет, таким языком говорят победители. Но если посмотреть в исторической ретроспективе, то победили ли?

Слова побежденных российских социал-демократов, во многом справедливые, оказались на долгие десятилетия забытыми... Их программе Троцкий выносит безжалостный приговор: "Меньшевицкий путь перехода к "социализму" есть млечный путь — без хлебной монополии, без уничтожения рынка, без революционной диктатуры и без милитаризации труда"⁸⁴.

Даже учитывая, когда Троцкий читал свой доклад, нельзя не видеть: большевики не просто искали выход из глубокого кризиса, в котором оказалась страна, но и закладывали фундамент той тоталитарной системы, которая по истечении десятилетий так болезненно демонтируется. Именно в те годы (нэп был лишь попыткой внести коррективы в этот процесс) сооружалась основа нового общества, в котором не предусматривалось главного — свободы. Не один Троцкий был автором и творцом этого "сооружения". Но вместе с Лениным и другими лидерами большевизма он был интерпретатором марксизма в российских условиях. Причем интерпретатором активным. Еще до профсоюзного съезда, 27 декабря 1919 года, по предложению Троцкого, одобренному Лениным, Совет Народных Комиссаров постановил создать специальную комиссию под руководством Предреввоенсовета Республики для разработки плана о введении трудовой повинности в стране. Уже через три дня на своем первом заседании комиссия постановила привлечь для работы в этой области видных большевиков⁸⁵. А еще через день Троцкий пишет письмо М.Д.Бонч-Бруевичу с просьбой выяснить, какое количество людей, транспортных и технических

средств может выделить армия, чтобы мобилизовать людей для исполнения трудовой повинности.

“Общее руководство всеми подготовительными работами указанного характера я просил бы Вас принять на себя и немедленно приступить к работе...”

Москва, 1 января 1920 года.

Председатель Межведомственной комиссии по трудовой повинности *Л.Троцкий*⁸⁶.

Приведу еще несколько фрагментов из доклада Троцкого на том же профсоюзном съезде. Как давно выношенное, обдуманное, Предреввоенсовета заявил: “...заработанная плата есть для нас в первую голову не способ обеспечения личного существования отдельного рабочего, а способ оценки того, что отдельный рабочий приносит своим трудом республике...”. Троцкий говорит о необходимости поощрения тех рабочих, которые более других “содействуют общему интересу”. Но, продолжал докладчик, “награждая одних, рабочее государство не может не карать других, то есть тех, кто явно нарушает трудовую солидарность, подрывает общую работу, наносит тяжкий ущерб социалистическому возрождению страны. Репрессия для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры”. Вот она, извращенная диалектика! Оказывается, что репрессия нужна для достижения не только политических целей, но и хозяйственных! И опять через насилие! Неволю вновь обращаясь к проницательным мыслям Николая Бердяева: “За хлеб соглашаются отказаться от свободы духа. Я увидел, что в самом революционном социализме можно обнаружить дух Великого Инквизитора”⁸⁷. Добавлю — не только дух, но и страшную плоть.

Обо всем этом, продолжал Троцкий свой доклад, ни в какой книге не написано. “Мы только начинаем с вами писать эту книгу потом и кровью трудящихся”⁸⁸. Это были провидческие слова. Он еще не знает масштабов этого эксперимента, количества жизней, положенных на алтарь “социалистической диктатуры”, не знает и того, что в море этой крови вольется и его собственная кровь.

Доклад одного из лидеров большевизма тех лет (а подобных речей им было произнесено множество!), полемика с мудрым “ренегатом” Каутским однозначно свидетельствуют: Троцкий был одним из самых активных создателей социалистической системы тоталитарного типа. В эти годы у них с Лениным не было заметных расхождений. Конечно, многое диктовалось властной потребностью — выжить. Но нельзя не видеть, что с самого начала личность, свобода, народовластие оказались в руках небольшой группы лиц, которые хотели “осчаст-

ливить” людей на века. ”Осчастливить” с помощью насилия, принуждения, устрашения. В начале пути они казались временными. Думалось: ”гипноз революции” пройдет, и свое место в берегах народовластия займет свобода. Но на смену Ленину и Троцкому придет человек, который именно эти временные черты (насилие, принуждение, устрашение) сделает злоуще постоянными.

...Троцкий ответил Каутскому. И еще лучше стала видна огромная пропасть между радикальными большевиками и классическими социал-демократами. Конечно, не надо идеализировать последних, хотя ясно, что они были гораздо ближе к гуманизму, демократии и подлинному народовластию, чем большевики. Думаю, что в борьбе двух начал — радикального и умеренного, или классового и общечеловеческого, — находится разгадка трагедии социализма. Тот же Потресов еще в 1927 году провидчески заявил: ”Большевистский режим в свое время исчезнет, как исчезает всякая деспотия, как в свое время исчезла и династия Романовых, обнаружив совершенную гнилость. Легче капитализму реформироваться в социализм, чем заставить олигархию отказаться от своих привилегий и перейти на рельсы демократической государственности”⁸⁹.

Троцкий был одним из первых ”режиссеров” трагедии социализма. Он ответил Карлу Каутскому и тем самым дал нам возможность глубже понять эволюцию большевизма и корни его исторической неудачи.

Культура и революция

Главным кумиром Троцкого, если так можно выразиться, была революция. Мы уже говорили об этом. Все ее грани и лики влекли революционера к себе. Подавляющее большинство его книг и статей посвящено этой теме. Даже личная переписка свидетельствует об увлеченности этого человека революцией как важнейшей формой социального творчества. Троцкий жил, страдал, надеялся, мучился болями революционного процесса. Революция сделала его всемирно известным. Он был одним из ее главных жрецов. Она же волею ее продолжателей (он говорил иначе — термидорианцев) превратила Троцкого в скитальца. Отраженная и искаженная волна революции убила его на жубине.

Но была еще одна область деятельности, которая занимала

в его жизни огромное место: литература, писательство, искусство, а если говорить шире — культура. Его приверженность многим интеллектуальным ценностям культуры подняла Троцкого над всеми соратниками, товарищами, революционными деятелями.

Даже в дни наивысшего напряжения — на фронте, во время схваток на Политбюро со Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, в периоды партийных дискуссий — Троцкий находил час-полтора, чтобы продиктовать Сермуксу, Познанскому или Бутову несколько страниц очередной книги или статьи. В одной из глав я намерен специально остановиться на характеристике Троцкого как историка, портретиста, мыслителя. Сейчас же мне хотелось бы лишь показать влияние Троцкого на развитие культуры, его попытки поставить ее на “службу” революции, его усилия по приобщению масс к азам европейской цивилизации.

Большинство деятелей русской культуры враждебно приняли Октябрьскую революцию. И не ошиблись. Она несла в себе много разрушительного и нигилистического. Вожди революции, вознамерившись приобщить пролетариат и весь трудовой люд к культурным ценностям, стали подходить к ней с узкоклассовых позиций. А подлинная культура не терпит никаких стандартов: ни классовых, ни сословных, ни национальных. Революция подсекла жилы великой культуры, изгнав многих ее творцов.

Оказавшись за рубежом, они мучились болями России. Одна из групп изгоев “русской смуты” в лице И.Бунакова, Ф.Степуна, Г.Федотова в 1931 году начала выпускать журнал “Новый град”, одиннадцать номеров которого изредка выходили до 1937 года. Оглядываясь на последствия революции, его издатели во вступительной статье первого номера писали: “Тяжелее всех оказалась участь России. Она расплатилась и за свои собственные грехи, наследие своей трагической истории, и за грехи капиталистического мира, вовлеченная в общий пожар. В Европе экономический кризис, — в России безвыходная нищета и голод. В Европе борьба классов, — в России унижение их. В Европе насилие, — в России кровавый террор. В Европе покушения на свободу, — в России каторжная тюрьма для всех. В Европе помрачение культуры, — в России систематическое ее истребление...” И далее: “Поколение, воспитанное на крови, верит в спасительность насилия и выдвигает идеал диктатуры против правового государства...”⁹⁰

Я привел только одну точку зрения, показывающую непримиримость большинства русских интеллигентов к революции. Проблема, конечно, гораздо сложнее. Нельзя отрицать, что не-

которые выдающиеся ученые, поэты, писатели, артисты, художники приняли революционные изменения. Другие колебались, мучились сомнениями, прошли путь от яростного неприятия к полной поддержке, от восторженных симпатий к разочарованию, от выжидания к сотрудничеству с Советской властью, от нейтралитета к сознательной работе на благо нового общества. Все это так. Но я не ставил своей целью отражать всю сложность взаимоотношений культуры и интеллигенции.

...Вернемся к Троцкому. Именно он хотел соединить диктатуру пролетариата с культурой, взяв ее в союзники новому строю. Но, подходя к культуре сугубо прагматически, он отводил ей лишь вспомогательную роль в том великом эксперименте, что начали большевики в 1917 году. Троцкий хотел "европеизировать" суррогаты, стекляшки культуры, которые создавала революция.

Так, в 1922 году он начал и в следующем году закончил оригинальную работу "Литература и революция", которая вышла в 1923 году в издательстве "Красная новь". Так вот, в середине 1922 года, когда Ленин предложил Троцкому стать заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров, а тот отказался, сославшись на "перегруженность" партийной работой, Лев Давидович взял отпуск и, засев в Подмосковье, форсировал завершение книги. Что бы ни лежало в основе его отказа от поста заместителя самого Ленина (может быть, независимость Троцкого и стремление быть только на первых ролях), но в тот момент, когда в Политбюро с осуждением отнеслись к этому шагу триумфатора гражданской войны, тот сидел в подмосковной избе, обложившись книгами и рукописями.

...Несколько отвлечемся от темы. Теперь из архивов стало известно о мотивах — подлинных? — отказа Троцкого от поста заместителя Председателя Совнаркома. 15 января 1923 года Троцкий направил записку в Политбюро ЦК (по поводу письма Сталина о Госплане и Совете Труда и Обороне), где, в частности, говорится о "личных назначениях". Троцкий пишет, что "через несколько недель после своего возвращения к работе (после болезни. — Д.В.) т. Ленин предложил мне занять пост зама. Я на это ответил, что если ЦК назначит, то, разумеется, как всегда подчинюсь постановлению ЦК, но что буду смотреть на такое решение, как глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений" Конкретизируя причины отказа, Председатель Реввоенсовета отметил, что "само существование коллегии замов" (более двух) он считает вредным; а что касается его решения отказаться от поста, он заявил, что этому способствовала часто ошибочная "поли-

тика Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро в советских востросах"⁹¹.

Думаю, эта записка раскрывает мотивы отказа Троцкого, не проверяя вместе с тем и предположения о том, что были моменты, когда во имя литературных интересов он жертвовал интересами политическими. На мой взгляд, наиболее верно такое утверждение: Троцкий всегда пытался совместить, примирить, сблизить, сочетать политические и литературные увлечения и потребности.

Размышляя о развитии культуры и искусства, Троцкий только после своей высылки понял: строй, к созданию которого он прямо причастен, оказался не готовым предоставить духовный простор для подлинного творчества. В своей книге "Что такое СССР и куда он идет?", написанной в 1936 году, Троцкий писал: "Русский народ не знал в прошлом ни великой религиозной реформации, как немцы, ни великой буржуазной революции, как французы. Из этих двух горнил, если оставить в стороне реформацию-революцию XVII века у британских островитян, вышла на свет буржуазная индивидуальность, очень важная ступень в развитии человеческой личности вообще. Русские революции 1905 и 1917 годов означали по необходимости первое пробуждение индивидуальности в массах, выделение ее из первобытной среды, т.е. выполняли, в сокращенном объеме и ускоренным маршем, воспитательную работу буржуазных реформаций и революций Запада. Однако, задолго до того, как эта работа была, хотя бы вчерне, закончена, русская революция, возникшая на закате капитализма, оказалась переброшена ходом классовой борьбы на социалистические рельсы... Духовное творчество требует свободы". Однако, констатирует с горечью в середине 30-х годов Троцкий, "великорусская культура, страдающая от режима гауптвахты никак не меньше других, живет главным образом за счет старшего поколения, сложившегося еще до революции. Молодежь как бы придавлена чугунной доской"⁹². Похоже, что, оказавшись за околицей Отечества, Троцкий многое поймет.

Да, все так и будет. Когда Троцкий писал эти строки, он не знал, что очень скоро культурный слой "старшего поколения, сложившегося еще до революции", будет почти весь фактически ликвидирован, а "чугунная доска" будет лежать на сознании всего народа. Причастен ли к этому Троцкий? И да, и нет. Диктатура пролетариата, как выражение насилия, сторонником которого он был всегда, изначально ранила душу творчества и культуры, отвергая общечеловеческие ценности. И тем не менее Троцкий пытался европеизировать быт, приобщить людей к азам культуры.

Я уже говорил, что Троцкий, будучи по духу и развитию европейцем, всегда недооценивал культуру России, ее историю и неповторимые ценности. Некоторые его высказывания просто оскорбительны для русского народа. Так, еще до революции в "Киевской мысли" была опубликована скандальная по духу статья Троцкого "Об интеллигенции", содержащая множество уничижительных характеристик русской культуры, истории, людей. Правда, публикуя в 1922 году эту статью в двадцатом томе своих сочинений ("Культура старого мира"), Троцкий пытался сгладить ее неблагоприятное впечатление на советского читателя, заявляя в примечании: "...статья написана была в тоне вызова национально-кружковому мессианству интеллигентских кофеен"⁹³...

Чтобы показать пренебрежительно-покровительственное отношение Троцкого к русской культуре и истории (по крайней мере до революции), приведу несколько фрагментов из этой статьи. Начинает анализ Троцкий, как всегда, необычно: "История вытряхнула нас из своего рукава в суровых условиях и рассеяла тонким слоем на большой равнине. Никто не предлагал нам другого местожительства; пришлось тянуть лямку на отведенном участке. Азиатское нашествие — с востока, беспощадное давление более богатой Европы — с запада, поглощение государственным левиафаном чрезмерной доли народного труда, — все это не только обездоливало трудовые массы, но и иссушало источники питания господствующих классов. Отсюда медленный рост их, еле заметное отложение "культурных" наслоений над целиною социального варварства". Все эти рассуждения вроде бы правильны, но они нужны Троцкому для унижительных филиппик в адрес российской знати: "Какое жалкое, историей обделенное дворянство наше! Где его замки? Где его турниры? Крестовые походы, оруженосцы, менестрели, пажи? Любовь рыцарская? Ничего нет, хоть шаром покати... Наша дворянская бюрократия отражала на себе всю историческую мизерию нашего дворянства. Где ее великие силы и имена? На самых вершинах своих она не шла дальше третьестепенных подражаний — под герцога Альбу, под Кольбера, Тюрго, Меттерниха, под Бисмарка... Бедная страна Россия, бедная история наша, если оглянуться назад. Социальную безличность, рабство духа, не поднявшегося над стадностью, славянофилы хотели увековечить, как "кротость" и "смирение", лучшие цветы души славянской"⁹⁴.

Ни согласиться, ни простить подобного русофобства нельзя. Оно не просто ошибочно, но и оскорбительно. Разве "менестрелями" и "пажами" измеряется мощь и мудрость

культуры? Без боязни ошибиться скажу, что главный показатель культуры — высота ее нравственности. После революции Троцкий был более осторожен в оценках российского прошлого и его культуры. Но, отмечая (и справедливо!) отставание российского быта, городской цивилизации, других атрибутов наступавшего машинного века, Троцкий не смог по-настоящему разглядеть своеобразия и самобытности русской истории и культуры, которой совсем не обязательно во всем походить на Европу.

Эти оценки, оскорбительные для россиян, проистекали, по моему мнению, от переполюнявшего Троцкого чувства интеллектуального превосходства над окружающими, которое он не умел даже скрывать. Не потому ли у Троцкого никогда не было очень близких друзей? Троцким можно было восхищаться, слушая его речи, читая его памфлеты, но его нельзя было любить: он говорил, рассуждал, писал, находясь как бы на пьедестале, созданном им самим. Лишь в конце жизни, загнанный буквально в угол сталинскими охотниками, Троцкий заметно изменился, по-своему тосковал о родине, часто обращался к ее истории, перебирал в памяти блестящие созвездия русских писателей, поэтов, мыслителей, художников. Время способно менять все...

Чтобы писать о культуре, жить литературными интересами интеллигенции, следить за издательской деятельностью, Троцкий поразительно много читал. Он обладал способностью "скорочтения" и одновременно скрупулезно изучал те книги, которые были ему особенно нужны или произвели на него сильное впечатление. Уже в начале 1921 года кроме библиотеки в поезде по указанию Троцкого в Москве специально для него создается еще одна. В записке управляющего делами Предреввоенсовета Бутова к Доброклонскому (Московский окружной комиссариат по военным делам) предписывается:

"При Секретариате Предреввоенсовета Республики г. Троцкого организована библиотека по военным, политическим и экономическим вопросам. Количество книг достигает 20 000 экземпляров и, кроме того, все время прибывает пополнение... Ссылаясь на телефонные переговоры с Вами, прошу временно командировать для библиотечных работ не менее 3-х человек, подходящих по всем отношениям для выполнения означенных работ..."⁹⁵ По распоряжению Троцкого заведующий "библиотеками и литературным снабжением Агитпропа ЦК РКП" А.Сольц регулярно направляет в кабинет Троцкого все новинки, какие удастся получить или обнаружить в стране или за рубежом. Вот, например, 13 октября 1922 года Троцкому положи-

ли на стол следующие поступившие книги: А.Ф.Керенский "Изда-далека", Дионео "Пестрая книга" (часть первая и вторая), А.Н.Толстой "Китайские тени", Г.И.Шрейдер "Нужды деревни", П.И.Новгородцев "Об общественном идеале"⁹⁶. Тот же Сольц через две недели доставил Троцкому уже около сотни книг. Назову хотя бы некоторые, которые были отмечены Троцким:

А.Гельфер. Охрана здоровья рабочих подростков.
 М.Вольфсон. Очерки обществоведения.
 Н.Еврейнов. Оригинал о портретистах.
 К.Гольдони. Комедии (том второй).
 О.Шпенглер. Прусачество и социализм.
 А.Белый. Поэзия слова.
 А.Бригин. Оргийный хмель.
 К.Гамсун. Соль земли.
 Е.Корж. Устройство охотничьих заказников.
 Г.Зиновьев. Четвертый Конгресс Коминтерна.
 К.Каутский. Общественные инстинкты.
 С.Лурье. Антисемитизм в древнем мире.
 З.Коченельбаум. Денежное обращение.
 Обвинительное заключение по делу эсеров.
 С.Первущин. Вольные цены и покупательная сила рубля в 1917—1921 гг.

П.Керженцев. Принципы организации.
 Е.Браудо. Ницше — философ-музыкант.
 А.Белый. О смысле познания.
 В.Белов. Американизация русских железных дорог.
 Архив истории труда в России (книга пятая).
 В.Вудд. Мировая катастрофа и немецкая философия.

Далее следовали доставленные Троцкому последние номера журналов и подшивки газет: "Современное обозрение", "Красный печатник", "Промышленность и торговля", "Техника и экономика", "Пролетарий", "Юный пролетарий", "Красный командир", "Красная артиллерия", "Еженедельник петроградских академических театров", "Красная Армия", "Коммунистическая революция", "Торговый бюллетень", "Красный воин", "Театр", "Борец за коммунизм", "Октябрь", "Книга и революция", "Красная казарма", здесь же "Социалистический вестник", который меньшевики начали издавать в Берлине⁹⁷.

Думаю, что даже неполный список книг, журналов и газет, которые выходили в Республике через пять лет после Октябрьской революции, свидетельствует о разнообразии интересов одного из архитекторов русской революции. Это интеллектуальное богатство российской культуры Троцкий искренне стремился направить на трансформацию революции в сторону,

по его выражению, "культурничества". Именно поэтому он всячески пытался провести революцию быта, обрядности, речи. В своей книге "Вопросы быта", вышедшей в 1923 году (позднее она вошла в двадцать первый том собрания его сочинений), Троцкий писал: "В чем наша задача ныне, чему нам нужно научиться в первую голову, к чему стремиться? Нам нужно научиться хорошо работать: точно, чисто, экономно. Нам нужна культура в работе, культура в жизни, культура в быту. Господство эксплуататоров мы, после длительной подготовки, опрокинули рычагом вооруженного восстания. Но нет такого рычага, чтобы сразу поднять культуру. Тут нужен долгий процесс самовоспитания рабочего класса, а рядом с ним и вслед за ним и крестьянства"⁹⁸.

Троцкий, зная о скептическом отношении значительной части интеллигенции, не принявшей Октябрьскую революцию, к этим "культурническим планам", с сарказмом отвечает: "В своем практическом осуществлении революция как бы "разменялась" на частные задачи: надо починить мосты, учить грамоте, понижать себестоимость сапога на советской фабрике, бороться с грязью, ловить мошенников, проводить электрические провода в деревню и пр. и пр. Некоторые интеллигентские пошляки, из тех, у которых мозги набекрень (они считают себя по сей причине поэтами или философами), уже заговорили о революции тоном великолепного снисхождения: учиться, мол, торговать (хи-хи) и пришивать пуговицы (хе-хе). Но предоставлять пустобрехам брехать в пустоте..."

Троцкий продолжает: "Социалистическое строительство есть плановое строительство величайших масштабов. И через все приливы и отливы, ошибки и повороты, через все извилины НЭПа партия преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь, учит каждого связывать свою частную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра — бесстрашно умирать под знаменем коммунизма"⁹⁹.

Думаю, что в этом достаточно пространным фрагменте изложена не только "культурническая" программа Троцкого (да и в значительной мере партии), но и цель воспитания подрастающих поколений: готовность "бесстрашно умирать под знаменем коммунизма". Мираж мировой революции всегда был перед мысленным взором этого человека. Эта программа целиком совпадала с ленинскими мыслями о воспитании молодежи в коммунистическом духе, высказанными на III съезде РКСМ.

Троцкий не только формулировал программы, выдвигал лозунги, но и предельно ясно их конкретизировал, выделяя

главные звенья "культурничества": борьба против алкоголя, сквернословия, пережитков в семье, дурных привычек, хамства.

В начале лета 1923 года, когда Троцкий находился в отпуске, состоялся Пленум Центрального Комитета. Его реакция на одно из решений Пленума была весьма красноречивой:

"Секретно.

Членам ЦК

Членам ЦКК

На последнем Пленуме снова, как оказывается, поставлен вопрос о допущении свободной продажи питей (имеются в виду алкогольные напитки. — *Д.В.*) в фискальных целях, — вопрос, который я считал погребенным. Ввиду огромной важности дела и той исключительной ответственности, которую берут на себя инициаторы постановления его, считаю необходимым высказаться письменно...

Для меня совершенно бесспорно, что наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства, промышленности и внешней торговли (экспорт хлеба, леса и пр.). Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости наших собственных успехов в области хозяйственного строительства... Рабочий класс в целом чувствует себя в состоянии подъема. Если сюда врежется алкоголь — все пойдет назад, вниз..."¹⁰⁰

Но, судя по всему, это письмо Троцкого, который сам был непьющим человеком, не возымело никакого действия.

В своей статье "Водка, церковь и кинематограф" Троцкий пишет: "Революция унаследовала ликвидацию водочной монополии, как факт, и усыновила этот факт, но уже по соображениям глубокого принципиального характера... Ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции... И хозяйственные напши и культурные успехи будут идти параллельно с уменьшением числа "градусов". Тут уступок быть не может"¹⁰¹.

Троцкий проициательно указывал, что вопросы "культурничества" — это еще и сосредоточение внимания "на угнетенном положении женщины-хозяйки, матери, жены". В статье "Строить социализм — значит освобождать женщину и охранять мать" он отмечает: "С тяжестью и беспросветностью судьбы женщины-крестьянки, и не только из бедной, но и из средней семьи, не сравнится, пожалуй, и сегодня еще никакая каторга. Ни отдыха, ни праздника, ни просвета!"¹⁰²

Троцкий понимает, что без общего подъема культуры социализм немислим: "Туберкулез, сифилис, неврастения, алкоголизм — все эти болезни и многие другие широко распростра-

нены в массах населения. Надо оздоравливать нацию. Без этого немыслим социализм. Надо добираться до корней, до источников. А где источник наций, как не в матери? Борьбу с беспризорностью матери — на первое место!"¹⁰³ Троцкий видит, что революция в быту охватывает множество сфер, участков, областей: семья, язык, привычки, грамотность, общение, "смычка" города и деревни, кинематограф, торговля, печать, школа, литература, искусство...

На собрании рабочих обувной фабрики "Парижская коммуна" приняли решение "уничтожить ругань", а тех, кто не подчинится, — "воспитывать газетой и штрафом". Троцкий тут же откликается статьей в "Правде", озаглавленной "Борьба за культуру речи". Здесь он, как всегда, попытался дать классовое объяснение сквернословию на Руси. "В российской брани *снизу*, — пишет Троцкий, — отчаяние, ожесточение и прежде всего рабство без надежды, без исхода. Но та же самая брань *сверху*, через дворянское, исправничье горло, являлась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незабываемости основ... Два потока российской брани — барская, чиновничьей, полицейской, сытой, с жирком в горле, и другой — голодной, отчаянной, надорванной, — окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором"¹⁰⁴. Троцкий, всячески поддерживая почин рабочих фабрики, идет дальше, ставя вопрос о чистоте речи, ее ясности и красоте.

Очень часто Троцкий, решительно выступая против дремучего, невежественного, темного, архаичного, явно переоценивал возможности революционной "цивилизации". Так, например, он не раз выступал устно и в печати за "новую советскую обрядность". Родившаяся "революционная символика рабочего государства, — писал Троцкий, — нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет...". Далее Троцкий советовал поддерживать все новое, что рождается в бытовой обрядности. "Есть среди рабочих движение за то, чтобы праздновать день рождения, а не именины, и называть новорожденного не по святцам, а какими-либо новыми именами, символизирующими новые близкие нам факты, события или идеи. На совещании московских агитаторов я впервые узнал, что новое женское имя Октябрина приобрело уже до известной степени права гражданства. Есть имя Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрификация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр.

В некоторых случаях рождение отмечалось полупутливой обрядностью, "осмотром" младенца при участии фабзавкома и особым протокольным "постановлением" о включении новорожденного в число граждан РСФСР. После этого открывалась пирушка"¹⁰⁵. Троцкий поддерживал эти революционные вульгаризмы и предлагал активнее создавать новые формы обрядности. "Не всякая выдумка окажется удачной, не всякая затея привьется. Что за беда? Необходимый отбор будет идти своим чередом. Новая жизнь усыновит те формы, которые придется ей по душе..."¹⁰⁶

Следует признать, что большинство замыслов Троцкого, как и следовало ожидать, было обречено на неудачу. Обряды, обычаи, нравы, формировавшиеся веками, нельзя отменить с помощью "выдумок" и "затей", как надеялся Троцкий. Нравственная обрядность имеет глубокие истоки в толще народного самосознания, истории, традиций. Даже прогрессивные идеи, связанные с облегчением судьбы женщины, победой над алкоголизмом, сквернословием, хамством, не получили своего развития, на что так надеялся Троцкий. Однако нельзя не видеть, что то, против чего он так настойчиво боролся — бескультурье широких масс, — послужило одной из духовных основ утверждения уродливой разновидности политического цезаризма — сталинского единовластия.

Борьба за "культурничество" не могла идти успешно без широкой поддержки интеллигенции. А она, повторюсь, в основной массе встретила Октябрь враждебно. Многие по убеждению примкнули к лагерю белых и разделили их трагическую судьбу. Сотни тысяч испили до дна горькую чашу политической эмиграции. Оставшиеся назывались подозрительно-насмешливо — "спецами" и были низведены в значительной своей части до простых исполнителей воли партийных функционеров, часто невежественных, но воинственно нетерпимых.

И хотя в окружении Ленина было много весьма интеллигентных людей, но на более низких уровнях господствовали революционные "выдвиженцы", малообразованные революционеры "из народа". Уровень их политической, нравственной, да и вообще духовной культуры был, как правило, довольно низким. По крайней мере в первое десятилетие Советской власти слова "интеллигент", "интеллигенция" (прибавлялось "гнилая") часто употреблялись как уничижительные. На протяжении многих лет сохранились неприязнь и недоверие к старой интеллигенции, которая в конце 30-х годов прошла через горнило чудовищных сталинских чисток. Но один из зловещих сигналов надвигающейся беды для творческой интеллигенции про-

звучал еще при Ленине: высылка большой группы видных представителей российской культуры за рубежи родины.

Несмотря на победу в гражданской войне, положение Советской России не было прочным. Кроме внешней угрозы, внутренних бунтов и брожений, большевистские руководители видели угрозу строю и со стороны творческой интеллигенции. В известном теперь письме Ленина к наркому юстиции РСФСР Крыленко содержится зловеющий совет: законодательно оформить высылку за рубеж "неразоружившейся" интеллигенции, которой вменялась в вину антисоветская агитация. Сегодня мы знаем, что на основании решения Политбюро от 8 июня 1922 года, закрепленного постановлением ВЦИК 10 августа того же года, предписывалось выслать за рубеж "враждебные интеллигентские группировки". Составлением и утверждением списков высылаемых руководила комиссия в составе Л.Каменева, Д.Курского, И.Уншлихта. По некоторым данным, было выслано около 200 человек. Списки в архивах пока не разысканы.

Вот как вспоминает об этом времени один из изгоев, оказавшихся за стенами отечества не по своей воле, Николай Александрович Бердяев.

Описывая свои аресты и в конце концов высылку (хотя, по словам философа, он вел с коммунизмом "не политическую, а духовную борьбу"), Бердяев делает вывод: "В стихии большевистской революции и в ее созиданиях еще больше, чем в ее разрушениях, я очень скоро почувствовал опасность, которой подвергается духовная культура. Революция не щадила творцов духовной культуры, относилась подозрительно и враждебно к духовным ценностям. Любопытно, что когда нужно было зарегистрировать Всероссийский Союз писателей, то не оказалось такой отрасли труда, к которой можно было бы причислить труд писателя. Союз писателей был зарегистрирован по категории типографских рабочих... Мирозерцание, под символикой которого протекала революция, не только не признавало существование духа и духовной активности, но и рассматривало дух, как препятствие для осуществления коммунистического строя, как контрреволюцию. Русский культурный ренессанс начала XX века революция низвергла, прервала его традицию"¹⁰⁷.

Бердяев вспоминал, что после условного наказания за свои идейные убеждения он был отпущен. "Лето 22-го года мы провели в Звенигородском уезде, в Барвихе, в очаровательном месте на берегу Москва-реки, около Архангельского Юсуповых, где в то время жил Троцкий... Однажды я поехал на один день в Москву. И именно в эту ночь, единственную за все лето,

когда я ночевал в нашей московской квартире, явились с обыском и арестовали меня. Я опять был отвезен в тюрьму Чеки, переименованную в Гепеу. Я просидел около недели. Меня пригласили к следователю и заявили, что я высылаюсь из советской России за границу. С меня взяли подписку, что в случае моего появления на границе С.С.С.Р. я буду расстрелян... Это была странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться"¹⁰⁸. Через несколько недель на палубе парохода, отходившего в Германию, стояли, вглядываясь в удаляющийся навсегда родной берег, Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Федор Степун, Николай Лосский, другие деятели русской культуры и мысли. Одних высылали, другие уехали сами. Только одних известных писателей за рубежом оказалось — легион... А.Аверченко, М.Алданов, К.Бальмонт, П.Боборыкин, И.Бунин, З.Гиппиус, В.Крымов, А.Куприн, Д.Мережковский, Б.Савинков, Игорь Северянин, А.Толстой, Н.Тэффи, Д.Философов, Саша Черный, Л.Шестов и многие другие рассеялись по белу свету. Бердяев написал горькие и жестокие, как приговор, строки: "Русская революция была... концом русской интеллигенции... В русском коммунизме воля к могуществу оказалась сильнее воли к свободе"¹⁰⁹. Трагична и горька судьба революции, которая боится духовной мощи своих соотечественников...

Объясняя мотивы решения советского руководства о насильственной высылке деятелей культуры за рубеж, Л.Троцкий в своей беседе с иностранными корреспондентами убежденно говорил: "В случае новых военных осложнений... все эти неприемлимые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врагов, и мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность"¹¹⁰.

"Гуманность" большевиков была жестокой. Но в неприязни социалистической революции большевистские лидеры увидели лишь опасность, а не пророческое предупреждение. Троцкий, как всегда, когда речь шла о главном деле его жизни, был категоричен: "Быть вне революции — значит быть в эмиграции"¹¹¹. Весной 1918 года Горький встретился с наркомом просвещения Луначарским в присутствии ряда деятелей культуры: они попросили дать возможность им самим создавать свои союзы и общества и руководить собой "без вмешательства политики". Луначарский ответил в духе линии ЦК партии: "Мы бы-

ли против политического Учредительного собрания, тем более мы против Учредительного собрания в области искусств"¹¹². Заявление красноречивое. Как мы знаем, никаких "учредительных собраний" в области культуры не будет, за исключением санкционированных милостиво свыше и находящихся под недремлющим оком Агитпропа ЦК.

Выброшенные за околицу отечества деятели культуры страшно страдали физически и морально. Немало погибло. Лишь некоторые смогли уберечь и развить свой талант. Многие протестовали, ставя свои подписи под различными манифестами и заявлениями, осуждающими большевизм. Так, 25 марта 1925 года на Монмартре в Париже было создано Бюро временного русского комитета национального объединения. В первом воззвании к россиянам, оказавшимся за рубежом, в частности, говорилось: "...задачами объединения поставлены: продолжение борьбы с большевиками всеми способами, считая в том числе и вооруженную борьбу...". Среди подписей под воззванием имена И.А.Булгина, А.И.Куприна, В.Л.Бурцева, П.Б.Струве, других деятелей культуры¹¹³.

В своем обращении к русскому народу "Настал час" Н.Чайковский, Д.Мережковский, З.Гиппиус, В.Злобин и другие упрекали его за то, что "он поверил в социальное чудо — утверждение равенства среди людей через насильственное международное господство одного класса". Этим, утверждали деятели культуры, народ "опозорил свою честь". Поругание святых, посрамление духовности, моральный разврат и все это — лишь "за кровавый призрак владычества одного класса над всем миром"¹¹⁴. Крик души этих людей мало что мог изменить. Кроме того, за рубежом действовала агентура карательных органов пролетарского государства. Поэтому на стол большевистских лидеров, в том числе и Троцкого, регулярно поступали и такого рода документы. Пока для информации и размышлений...

Что касается отношения к церкви, то здесь на место размышлений пришли действия. Троцкий, как и все большевистское руководство, считал церковь, религию ярым врагом Советской власти и новой культуры. Выступая 17 июля 1924 года на совещании клубных работников с речью "Ленинизм и рабочие клубы", Троцкий, обосновывая необходимость усиления антирелигиозной пропаганды, в то же время утверждал, что для ликвидации религии допустимы и другие методы. "В антирелигиозной борьбе, — уверенно говорил он, — периоды открытой лобовой атаки сменяются периодами блокады, сапы, обходных движений. В общем и целом мы именно в такой период сейчас и вошли, но это не значит, что мы в дальнейшем

еще не перейдем снова к атаке развернутым фронтом. Нужно только подготовить ее...”

Далее Троцкий вопрошает:

— Наша атака на религию была законна или незаконна?

И отвечает:

— Законна.

Спрашивает сам себя:

— Дала она результаты?

— Дала...¹¹⁵

Действительно, "атака" на религию была массивной и затажной, но самое ужасное в ней — "охота" на ее жрецов — священников. Эта "охота" началась после ленинской записки, продиктованной им по телефону М.Володичевой 19 марта 1922 года. Напомню: был страшный голод, охвативший Советскую Россию. И на основании декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года в городах страны началось насильственное изъятие церковных ценностей в фонд помощи голодающим. В городе Шуе верующие воспротивились реквизиции. Были вызваны войсковые подразделения. Произошел кровавый конфликт, погибли люди. Ленин отреагировал в высшей степени жестоко. Приведу некоторые тезисы из этого пространного документа.

"Строго секретно. Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на своем документе.

Ленин.

Тов. Молотову для членов Политбюро.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта (1922 г. — Д.В.), то поэтому изложу свои соображения письменно... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий (курсив мой. — Д.В.)... Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями дол-

жен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий... Изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не отаиваясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять (! — Д.В.), тем лучше.

*Ленин*¹¹⁶.

Комментировать этот документ нет нужды. В нем все бесовство большевистской революции.

На записке "следы" Молотова: "Согласен. Однако предлагая распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии. 19.III. В.Молотов"¹¹⁷.

На следующий день на заседании Политбюро, на котором присутствовали лишь четверо: Л.Б.Каменев, И.В.Сталин, В.М.Молотов и Л.Д.Троцкий, последний предложил проект директивы об изъятии церковных ценностей, которая была принята и разослана губкомам. Начатой "кампанией" Троцкий пытался придать организованный характер. 17 пунктов документа, подготовленного Троцким, не содержат прямых указаний о расстрелах, но, по его выражению, борьба против "князей церкви" должна быть проведена решительно и в кратчайшие сроки¹¹⁸. Начались заседания трибуналов. В Москве 11 человек (священники, благочинные и граждане) были приговорены к расстрелу и другим мерам наказания. По ходатайству Троцкого шестерым приговоренным к смерти наказание было заменено тюремным заключением¹¹⁹.

Так выполнялось указание Ленина: "Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать"¹²⁰. Зловещая проницательность указания очевидна: долгие десятилетия не только духовенство "не смело думать о сопротивлении", но и все общество. Комиссию по сбору изымаемых ценностей возглавил Троцкий.

Он был одним из активных исполнителей воли первого вождя по ограничению влияния церкви и ее обескровливанию, хотя и был настроен в этом вопросе менее агрессивно, чем остальные члены Политбюро.

Так, 15 мая 1922 года Троцкий направил Ленину, членам Политбюро, редакциям "Правды" и "Известий" письмо, в котором предлагал шире, активнее поддержать лояльную к советской власти группу духовенства во главе с епископом Анто-

нином (А.А.Грановский). Троцкий пишет, что воззвание этой "сменовеховской" демократической группы нашло отражение лишь на страницах "Правды", да и то в небольшой заметке. В то же время "мельчайшая гегуэзская (имеется в виду освещение в печати работы Гегуэзской мирной конференции, которая проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. — Д.В.) дребедень занимает целые страницы, в то время как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовке этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет". Ленин в качестве сноски под этим текстом написал: "Верно! 1000 раз верно! Долой дребедень! Ленин. 15.V"¹²¹. Поддерживая Антонина и других "сменовеховцев" в церкви, большевики, тем не менее, делали упор в отношениях с религией на силе, рассчитывая ускорить время "глубочайшей духовной революции в русском народе".

Троцкий находился в эпицентре этой преступной кампании. Да, законы голода неумолимы. Нужно было спасти людей, но не убивая ради этого других. Жестокое время рождало и жестокие действия. Решая острейшие социально-экономические вопросы, большевики "попутно" как бы решали и вопросы культуры — освобождение сознания от догм религии. Но то было глубоким заблуждением. Во-первых, религия была союзником нравственности, а, во-вторых, бороться с идеями и убеждениями методами насилия не только преступно, но и неэффективно. Троцкий, при всей своей высокой интеллектуальности, не мог (или не хотел?) понимать этого.

В начале марта 1922 года он направил записку членам Политбюро, в Секретариат ЦК.

"Соверш. секретно.

т. Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину.

Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась, ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями Президиум ВЦИК создал свои комиссии: из представителей Помгола (комиссия помощи голодающим. — Д.В.), представителей губисполкомов и губфинотделов. Вчера на заседании моей комиссии в составе тт. Троцкого, Базилиевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве *секретной ударной комиссии* (курсив мой. — Д.В.) в составе: председатель — т. Сапронов, члены: т. Уншлихт, Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Повторяю, комиссия

эта совершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы...

11 марта 1922 г.

*Троцкий*¹²².

“Ударная комиссия” действовала в духе того времени. То был удар не только по религии и церкви, но и по российской и мировой культуре. К слову сказать, ценности изымались где только можно: в церквах, музеях, у буржуазии, спекулянтов и дельцов. Эти ценности, многие из которых имели огромное значение для российской культуры, обращались в деньги для пополнения бюджета различных ведомств. Документы говорят, что изъятие церковные ценности почти не были потрачены на непосредственную помощь миллионам голодающих, а использовались совсем на другие нужды. По просьбе некоторых крупных партийных комитетов им выделялись определенные объемы так называемой тогда “роскоши”. Вот выписка из протокола № 89 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 января 1922 года. Принято решение о выделении “предметов роскоши в целях создания местных фондов для Москвы и Петрограда, а также фонд для экспорта. Для определения его размеров и пр. создать комиссию в составе тт. Зиновьева (с правом замены т. Бене), Каменева (с правом замены т. Арутюнянц), Троцкого и Лежавы (с правом замены т. Рыкуновым)”¹²³.

Протокол, подписанный В.М.Молотовым, свидетельствует не просто о вынужденном поиске денежных средств, но и о разбазаривании национального культурного достояния.

Стараясь повернуть дело культурного строительства, культурного воспитания народа на рельсы революционного развития, Троцкий видел в этом одно из условий подготовки мировой революции. Говоря о культурной работе в клубах и ее связи с международными вопросами, Троцкий однозначно сказал: “От всех шкивов мелких частных вопросов должны идти приводные ремни к маховому колесу мировой революции”¹²⁴. Но, говоря об этом, Троцкий вслед за Лениным не хотел признавать “чисто” пролетарской культуры. Это было непростое. Вульгарные просветители, полуневежественные “культуртрегеры” социализма, во весь голос говорили об особой “пролетарской культуре”, основанной на классовых инстинктах и новых революционных ценностях.

Стараясь не противоречить “классовому подходу”, Троцкий пытался трансформировать “пролетарскую культуру” в “культуру переходного периода”. А из чего она состоит? — вопрошал он, выступая перед клубными работниками. И тут же отвечал: “Из остатков, еще очень властных, культуры дворянс-

кого периода, — и не все в ней негоже: Пушкина, Толстого мы не выкинем, они нам нужны, — из элементов буржуазной культуры, прежде всего, буржуазной техники, которые нам еще нужны... мы пока еще живем на буржуазной технике и в значительной мере на буржуазных спецах, мы еще своих заводов не построили и работаем на тех, которые получили из рук буржуазии"¹²⁵. Чтобы сделать свои аргументы весомее, Троцкий добавил: "Ленин употреблял термин "пролетарская культура" только для того, чтобы бороться против его идеалистического, лабораторного, схематического, богдановского* истолкования". По сути, Троцкий раньше других выступил против огульного нигилизма "Пролеткульта", обожествления невежества, апологетики классовости в литературе и искусстве. Вместе с тем он считал, и был убежден в своей правоте, что деятели культуры, литературы и искусства должны быть "бойцами партии". В своем письме Л.Б.Каменеву и А.К.Воронскому он писал о том, что целесообразно "идейное объединение писателей-коммунистов"¹²⁶.

Идеи "Пролеткульта" проникли и в военную среду. Победивший пролетариат должен создать и чисто пролетарскую военную науку, отмечающую буржуазное военное наследие, — такие мысли высказывались на страницах газет и журналов, в дискуссиях. Идее пролетарской военной науки была посвящена статья М.В.Фрунзе "О единой военной доктрине". В широкой дискуссии, состоявшейся в 1922 году, "скрестились" взгляды Фрунзе и Троцкого, считавшего, что никакой особой пролетарской военной науки быть не может и пролетариату не обойтись без военного опыта прошлого. Позднее Фрунзе признал свою неправоту. Он вспоминал о беседе с Лениным, который подверг критике попытки привести вредные идеи "Пролеткульта" в военное дело.

Хотя Троцкий пока еще ведал делами военного ведомства, он, будучи членом Политбюро, занимался и вопросами культуры. Во второй половине июля 1924 года он направил группе литераторов письмо, в котором писал:

"По инициативе Николая Ивановича Бухарина, предлагаю собрать предварительное совещание товарищей, интересующихся художественной литературой, литературной критикой, с целью установления более точного отношения партии к литературе. Те или другие выводы и предложения совещания (если бы

* Богданов А.А. (1873—1928) — один из идеологов "Пролеткульта" (пролетарская культура), отрицал культурное наследие прошлого. — *Ред.*

после обмена мнений удалось к таким прийти) могли бы быть предложены Политбюро ЦК. Совещание намечено на 26 июля с.г. в среду в 11 часов утра в помещении Реввоенсовета (Знаменка, 23). Состав совещания по соглашению с тов. Бухаринным намечен следующий: Л.Б.Каменев, Бухарин, Троцкий, Осинский, Мещеряков, Шмидт, Воронский, Вяч. Полонский, Яковлев, Пятаков, Преображенский, Попов-Дубровский, Стеклов, Лебедев-Полянский...

*Л.Троцкий*¹²⁷.

Попытки собрать деятелей культуры под партийное крыло увенчались успехом после введения литературной цензуры. В июне 1922 года создается Главное управление по делам литературы и искусства, которое очень скоро установит прочные коммунистические "сети", сквозь которые идеи свободомыслия просочиться не смогут.

Когда Евгений Трифонов через год после образования этого управления попытался ответить на разносную критику Троцкого в журнале "Книгоноша", ее не пропустили... Возмущенный Трифонов написал Троцкому: "Вы в "Правде" подвергли жестокому, уничтожающему разному меня как личность, как автора не понравившейся Вам статьи. Я пожелал ответить Вам в той же газете... Однако редакция "Правды" отказалась напечатать мой ответ... Человеку Вашего масштаба нет надобности прибегать к приему, как бить противника, которого кто-либо услужливо схватил за руки и горло..."¹²⁸ Трифонов сказал кратко и метко: с этих дней постепенно всю литературу и искусство возьмут прочно "за руки и горло". Писать, сочинять, творить можно будет только то, что одобрено и разрешено.

Еще от тех времен идут социальные "заказы" литературе. В сентябре 1921 года Троцкий пишет пролетарскому поэту Демьяну Бедному: "Нуланс — не только представитель Франции в Международной комиссии, но — как сообщают последние радио — он председатель международной комиссии помощи России... По-моему, необходимо бить Нуланса беспощадно и каждый день. Ваши куплеты о Жиро кажутся мне удачным началом кампании, но только началом..."¹²⁹ Так началась кампания против бывшего последнего французского посланника при царском дворе, как "злейшего врага Советской власти", возглавлявшего международную комиссию по оказанию помощи голодающим в России. Сегодня и без голода страна принимает дары с благодарностью. Тогда же, когда тысячи падали на дороге от голода, партийные руководители отвергали всяческую помощь от буржуазии. Помощь от врагов? Никогда! Вирши Д.Бедного, которые он прислал в Москву из Киева, весьма красноречивы:

*Волжан он любит чрезвычайно:
— Там — голод! — сердце в нем щемит.
Он — разве в спешке, так, случайно,
С собой прихватит... динамит.
А мы в ответ... помилуй, боже,
Коль с ним стряется что-нибудь...
Само собой... случайно тоже:
— Бандит... Ногой ему на грудь!*¹³⁰

В архиве сохранилось несколько писем Л.Троцкого и Д.Бедного друг другу. Вот одно из них:

”Многоуважаемый Лев Давидович!

Политотдел Южфронта по сей день ищет фотографа, который снимал Вас в четверг на прошлой неделе. Это очаровательно! Когда найдут фотографа, тогда продолжают печатание плаката с новым клише, а пока я приказал печатать с тем, что есть...

В заключение — в чаянии близкого разгрома Врангеля и временного ослабления фронтовой остроты положения — я готов отдать честь Вам и обратиться к очередной работе.

Если Вы сие не считаете преждевременным, сообщите ЦК, что в моих барабанах надобности не ощущается.

Желаю Вам здоровья.

*Демьян Бедный*¹³¹.

Как и другие партийные вожди, Троцкий считал нужным найти время и способ выразить свое отношение к книге, полотну, пьесе в виде обязательного пожелания. У Троцкого в его бумагах подобных записок немало. Вот одна из них:

”Тов. Мейерхольду.

Уважаемый Всеволод Эмильевич!

Спасибо за внимание. Не был на постановке ”Ночи” только по болезни. Постараюсь по выздоровлении посетить один из Ваших спектаклей. Сын мой жаловался на то, что Мариэтта слишком молода и что это портит впечатление. Равным образом слаба, по его мнению, сцена в деревне, а в общем он доволен.

4.III.23 г.

*Ваш Троцкий*¹³².

До сведения Мейерхольда доводится, что сыну Троцкого не все понравилось, хотя ”в общем он доволен”.

Известно немало случаев, когда Троцкий, при всей своей революционности, считал возможным заступаться за литераторов, оказывать им осторожную поддержку, отводить угрозу нависшей кары. Его интеллигентность в данном случае брала верх над радикальностью. Когда летом 1922 года изъяли книжку Б.Пильняка ”Смертельное манит” и над писателем стали

сгущаться тучи, Троцкий пишет Калинин, Рыкову, Каменеву, Молотову и Сталину письмо, в котором говорится: “Снова ставлю вопрос о книжке Пильняка. Конфискация произведена из-за повести “Иван-Москва”. Действительно, Пильняк дает не очень привлекательную картину быта... В дальнейших произведениях: “Метель” и “Третья столица” для “Красной нови” Пильняк по-своему высказывает свое положительное отношение к революции, хотя путаницы и двусмысленности у него еще сколько угодно и предсказать, чем он кончит, нельзя. Но в этих условиях конфисковывать его книжку значит совершать явную и очевидную ошибку...”

Прошу всех членов Политбюро внимательнейшим образом отнестись к этому вопросу, прочесть, по возможности, повесть и отменить неправильное решение ГПУ.

11.VIII.22 г.

*Л.Т.*¹³³

Уже тогда стало практиковаться, что книгу, в которой, по мнению ГПУ, много “вшей”, “мешочников”, “матерщины”, явно “оскорбляющих революцию”, можно было изъять, запретить, а автора упрятать подальше. Практика эта получит многолетнее и трагическое продолжение. Троцкий пытался делать исключения, которые спустя несколько лет будут оценены сталинской инквизицией как “пособничество” классовым врагам.

В конце сентября 1920 года к Троцкому обратился с письмом известный русский писатель Федор Сологуб. Содержание письма, помимо всего прочего, наглядно свидетельствует, что революция кроме поправки свободы художников принесла русской интеллигенции и унижительную нищету. Правда, письмо написано во время гражданской войны, когда бедствовал весь народ.

“Многоуважаемый Лев Давидович!

Я на несколько дней приехал в Москву; очень прошу Вас оказать мне помощь в получении разрешения на поездку, хоть на один месяц в Ревель. Мне совершенно необходимо устроить мои литературные дела, продать мой новый роман и приобрести вещи и одежду, в которых я и Ан. Ник. крайне нуждаемся, — мы обносились и оборвались до крайней степени, а выпрашивать здесь каждый кусок хлеба, каждое полено дров, пару калош или чулок, согласитесь, слишком унижительно и не соответствует ни моему возрасту, ни моему литературному положению. Сохраняя к Вам все мое прежнее отношение, прошу Вас проявить к нам справедливость и поверить искренности наших намерений, исключаяющих всякую политику...

С приветом — Федор Сологуб.

P.S. Очень прошу дать мне ответ до пятницы”¹³⁴.

Через два дня Троцкий несколько высокомерно, но в целом благожелательно откликнулся на просьбу русского писателя, не преминув, правда, копию ответа направить Ленину, Луначарскому, Менжинскому и Чичерину (может быть, Председатель Реввоенсовета хотел продемонстрировать свою холодность к бегущей с корабля интеллигенции прежде всего своим коллегам?!).

”Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я не вхожу в обсуждение Ваших замечаний об ”унизительности” хлопотать о галошах и чулках в истощенной и разоренной стране и о том, будто эта ”унизительность” усугубляется ”литературным положением”.

Что касается Вашей деловой поездки в Ревель, то, по навешенным мною справкам, мне было заявлено, что препятствий к ней не встречается. Я сообщил, со слов Вашего письма, что Вы не преследуете при этом целей политического характера. Мне незачем прибавлять, что то или другое Ваше содействие по ходу (так в тексте. — Д.В.) мировых эксплуататоров против трудовой республики чрезвычайно затруднило бы возможность выезда для многих других граждан.

С приветом — *Троцкий.*

Москва, 30 сентября 1920 года¹³⁵.

Последняя фраза письма явно угрожающая. Так действовал Троцкий, убежденный, что в соотношении ”революция и культура” безусловным фаворитом является первый элемент. Но спустя десятилетие Троцкий мог, по крайней мере, должен был почувствовать: он во многом ошибся. В своей книге ”Что такое СССР и куда он идет?” изгнанник провидчески написал: ”Диктатура отражает прошлое варварство, а не будущую культуру. Она налагает по необходимости суровые ограничения на все виды деятельности, в том числе и на духовное творчество. Программа революции с самого начала видела в этих ограничениях временное зло и обязывалась, по мере упрочения нового режима, устранять одно за другим все стеснения свободы”. Но он говорил, подразумевая не диктатуру пролетариата, а диктатуру сталинскую.

Далее Троцкий продолжал: ”При довольно ”консервативных” личных художественных вкусах Ленин политически оставался в высшей степени осторожен в вопросах искусства, охотно ссылаясь на свою некомпетентность. Покровительство Луначарского, народного комиссара просвещения и искусств, всяким видам модернизма нередко смущало Ленина, но он ограничивался ироническими замечаниями в частных беседах и оставался крайне далек от мысли превратить свои личные вкусы в закон. В 1924 году, уже на пороге нового периода, автор этой книги, — писал Троцкий, — так формулировал отношение

государства к различным художественным группировкам и течениям: "ставя над всеми ими категорический критерий: за революцию или *против* революции, — предоставлять им в области художественного самоопределения полную свободу"¹³⁶. Увы, никакого самоопределения в области свободы творчества не наступило. Свою долю вины несет и автор приведенной выше формулы.

Троцкий писал также, что "рабочий класс России под руководством большевиков сделал попытку перестроить жизнь так, чтобы исключить возможность периодических буйных помешательств человечества и заложить основы более высокой культуры. В этом смысл Октябрьской революции"¹³⁷. Те мастера культуры, которые служили революции самозабвенно, преданно, могли рассчитывать на поддержку Троцкого. В этом смысле характерно его отношение к Александру Безыменскому. Троцкий высоко отозвался о его поэзии в письме к Луначарскому. В отзыве на творчество поэта Троцкий писал: "Первая небольшая книжка Безыменского есть подарок и обещание. Безыменский — поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра. Ему не нужно "принимать" революцию, ибо она сама приняла его в день его духовного рождения... Ему не нужны космические размеры, чтобы чувствовать революцию. Перелицовка аристократической блоковщины, с ее мистической (или космической) музыкой восстания, чужда ему..."¹³⁸ Такая поддержка тогда много значила, особенно учитывая политический вес Троцкого в то время. Поэт, отдавший себя революции, для Троцкого — это человек, который совершил больше чем подвиг.

Вместе с тем Троцкий, будучи умным человеком, не мог не сознавать, что революция, вроде бы открыв шлюзы культуры, в то же время страшно обеднила ее, изгнав, уничтожив множество ее создателей и творцов.

История вынесла свой безжалостный вердикт той тоталитарной системе, которую так самоотверженно создавал Троцкий, один из последних фанатиков революции. Культура для нее, революции, была лишь средством.

Личность и революция

По прошествии десятилетий, которые минули с тех пор, как Троцкий по воле Сталина был отправлен в мир иной, становится все более ясным едва ли не главное заблуждение людей XX века о том, что кровавыми революциями можно

изменить жизнь к лучшему. Еще до войны Н.А. Бердяев написал в Париже книгу с характерным названием "Истоки и смысл русского коммунизма", в которой с глубокой убежденностью писал, что "революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории"¹³⁹.

В русской революции были, возможно, последние великие фанатики, считавшие, что с ее кровавой помощью можно будет изменить все: экономические отношения, природу людей, шкалу их духовных ценностей, национальное самосознание. Роковое, страшное заблуждение этих людей теперь очевидно. Время "классических", как Великая французская, революций прошло. Человек может достойно менять мир, лишь создавая, творя добро, осуществляя мудрые реформы. Но революционерам первой четверти XX века даже сама мысль о пагубности насилия в общественном развитии была недоступна. Для Ленина, писал Бердяев, "марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата". Ленин, продолжал он, "антигуманист, как и антидемократ". А сам "ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью"¹⁴⁰. Этот суровый, но во многом справедливый вывод объясняет многое и в понимании соотношения "личность и революция".

Признание в качестве главной идеи марксизма концепции диктатуры пролетариата с неизбежностью двигало революцию к насилию, что вело, в свою очередь, к появлению мощной авторитарной тенденции в большевизме вообще. Ведь как Ленин понимал диктатуру? "...Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть"¹⁴¹. Но это, так сказать, теоретический тезис, который — теперь мы это знаем — вождь революции, не колеблясь, материализовал в социальной практике:

"В Нижегородский совдеп.

В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов... навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проститутки, спаивающих солдат, бывших офицеров... Ни минуты промедления... Надо действовать всюду: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия, массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...

9.VIII.18.

Ваш Ленин".

Страшные слова. Куда делись дореволюционные заверения о приверженности демократии, гуманизму, справедливости?.. В подобных телеграммах — а их много — оправдание тоталитаризма, рожденного диктатурой. Таким образом, возникла зловещая цепочка: диктатура пролетариата — насилие — тоталитаризм, которая дает ясный ответ на вопрос о роли и месте личности в революции. Признание за рабочим классом исключительного права определять судьбы всех людей с неизбежностью вело к утверждению тоталитаризма с его жестким делением на "вождей" и "массы". Естественно, среди "вождей", которые и могли быть только "личностями", существовала иерархия. Верховный "вождь" в окружении других "выдающихся вождей" опирался на целую пирамиду лидеров низших рангов. Именно такая система, в силу отказа от подлинного демократического народовластия, стала рождаться в России после революции.

Но тоталитаризм вносит иерархическое деление и в массы. Прежде всего, массы могут быть "сознательными" и "несознательными". После революции в России к последним были отнесены мелкая буржуазия, интеллигенция, чиновничество, почти все крестьянство. С помощью всепроникающей бюрократии народ был дифференцирован и расчленен. В нем появились не только "прослойки", но и группы, социальная "чистота" которых определялась классовым происхождением. Но поскольку русская революция как бы вышла из войны и стала возможной благодаря прежде всего ей, то большевики, естественно, унаследовали и многие методы, рожденные войной. Применительно к XX столетию почти все именно так и обстоит. Добавлю к этому, что русский коммунизм "вышел" не только из мировой войны, но и из гражданского насилия. Неограниченного. Таково, например, как предлагал 22 августа 1918 года Ленин, телеграфируя в Саратов Пайкесу: "...расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты"¹⁴². Вдумайтесь: расстреливать не только "заговорщиков", но и "колеблющихся", и при этом не обременяя себя даже видимостью законности. Побыстрее, не мешкая... Таков был стиль большевиков, предложенный партии ее вождями. Готовность к насилию, признание его естественности и необходимости постепенно становились элементами общественного сознания всего народа.

Троцкий, как ортодоксальный марксист, быстро увидел и оценил авторитаризм большевизма, но не протестовал, потому что в складывающейся системе ему была уготована особая роль, роль "вождя". Я уже писал раньше, каким был Троцкий в дни Февраля и Октября 1917 года. Сочетание всех его интеллек-

туальных, нравственных качеств и воли позволило ему стать одним из самых видных выразителей радикализма и максимализма большевиков. Без тени сомнений уже по прошествии многих лет он прямо скажет, что революция в Октябре стала возможной лишь благодаря руководству восставшими массами со стороны Ленина и его, Троцкого.

В конце марта 1935 года, за три месяца до выезда из Франции в Норвегию, он запишет в своем дневнике: "Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции... То же можно сказать в общем и целом о гражданской войне (хотя в первый ее период, особенно в момент утраты Симбирска и Казани, Ленин дрогнул, усомнился, но это было, несомненно, переходящее настроение, в котором он едва ли даже кому-то признался, кроме меня)"¹⁴. Закончив эту фразу, Троцкий сделал в дневнике примечание: "Надо будет об этом подробнее рассказать".

Троцкий едва ли сильно переоценивал свою роль, но его откровения, часто на грани тщеславия, высвечивают одну из характерных черт его личности.

Авторитаризм русских революционеров-руководителей постепенно, но достаточно быстро привел к замене в партии социал-демократических традиций новыми — большевистскими, коммунистическими. Отныне "вождю" любого ранга достаточно заявить, что этот конкретный шаг или мера "в интересах пролетариата", что "рабочий класс требует", а "массы настаивают", и правовое обеспечение волюнтаристской акции будет считаться достаточным. Монополия на власть и мысль привела к тому, что выражать эти самые интересы масс могли только "вожди".

Но здесь таилась другая коварная опасность: создание на основе "старой партийной гвардии" нового слоя советских руководителей, стоящих вне реального контроля народа, что вело к их ускоренной бюрократизации. Партийность становилась неизменным и едва ли не основным условием успешной карьеры. Стал быстро формироваться новый тип руководителя, интеллигента, работника вообще. Главными критериями значимости личности считались теперь абсолютная приверженность не только коммунистической идеологии, но и ее реализации на практике, преданность новым вождям, непримиримость ко всему буржуазному. Отныне на собраниях, конференциях, съездах, совещаниях (особенно с конца 20-х гг.) все стали соревноваться в степени поддержки "генеральной линии партии", восхвалении "мудрости вождя" (уже единственного), "гениальности" выдвиг-

нутых планов. Однودумство, однопартийность, единство во что бы то ни стало породили ту зловещую атмосферу, в которой произросли ядовитые побеги единовластия, бюрократии и догматизма, последствия которых не изжиты в обществе до сих пор. Цементирование партийного единства сопровождалось утратой интеллектуальной и нравственной свободы, без которой не может полноценно развиваться личность. Превращение партии в некую государственную организацию способствовало появлению и нового вида карьеризма.

Для иллюстрация этих положений небезынтересно привести несколько выдержек из письма Троцкому его убежденного сторонника Иоффе. Письмо датировано 1 мая 1920 года. В нем он, по существу, просит протекции Троцкого на пост народного комиссара РКИ или на одну из крупных должностей в Наркомате иностранных дел. Хотел того Иоффе или нет, но в своем письме он весьма убедительно обозначил начавшийся процесс бюрократизации партии и государства и, в частности, показал форму нового советского карьеризма. Эти процессы накладывали свой отпечаток на развитие личности руководителя, рожденного революцией.

Иоффе пишет Троцкому, что складывающееся положение в стране ведет к тому, что "принадлежность к партии вместо кандалов на ноги или веревки на шею влечет за собою приобщение к пользованию вполне реальными материальными благами, что чрезвычайно меняет и партийную психологию, и партийную мораль". Далее автор письма констатирует, что существует "неписанный закон нашей конституции", благодаря "которому партийная организация стоит над советской властью, что позволяет выбросить на верхушку демагога, корыстного и политически аморального, обладающего только одним достоинством — хорошо подвешенным языком". Иоффе, не вскрывая подлинных истоков этого явления, в своем пространном, на несколько страниц письме идет дальше: "...при недостатке материальных благ в Советской России — партийная и советская бюрократия пользуются ими в ущерб не только буржуазии, как это следовало бы, но в ущерб пролетариату, чего не следовало бы. Почему комиссарам и комиссарчикам можно свободно передвигаться, а нам нельзя? Почему для них находят места в вагонах, а для нас нет? Почему для них находят места в санаториях, а для нас нет? и т.д. Это было лейтмотивом на всех беспартийных конференциях, где мне приходилось выступать". Иоффе не без горечи пишет, что складывается новая психологическая установка: "вождям все можно".

Рисуя картину закрепления вождизма и неравенства, обусловленных монополией партии и ролью должности, старый

друг Троцкого продолжает: "...в Москве неравенство действительно чрезвычайно велико и фактически в зависимости от поста находится и материальная обеспеченность, и Вы согласитесь, что дело становится чрезвычайно опасным. Мне, например, передавали, что перед последней чистой ВЦИК старые члены его были страшно взволнованы и перепуганы главным образом потому, что боялись лишиться права жить в "Национале" и, следовательно, потерять все связанные с этим привилегии... Сверху донизу и снизу доверху — одно и то же. На самом низу дело сводится к паре сапог и гимнастерке; выше — к автомобилю, вагону, совнаркомовской столовой, квартире в Кремле или "Национале"; а на самом верху, где имеется уже и то, и другое, и третье, — к престижу, громкому положению и известному имени. Откуда тут взяться прежней партийной преданности и самоотверженности, революционному подвижничеству и самозабвению!.. Молодежь воспитывается уже в новых, мною только что изображенных традициях. Как тут не ужаснуться за нашу партию и революцию?"¹⁴⁴

Последняя фраза особенно знаменательна. Иоффе смог разглядеть, подступающую страшную опасность для строя, для партии, для революции, но он видел лишь факты, а не глубокие пружины, их вызывающие. После X съезда партии в 1921 году, запретившего любые фракции, бюрократическое закостенение пошло еще быстрее. В конце концов, разгромив все "платформы", "уклоны", "оппозиции", партия стала идеологическим орденом. Отныне свою чистоту и ортодоксальность нужно было постоянно демонстрировать и доказывать, особенно выискивая тех, кто хоть чем-то отличается от массы. Личности революционеров нивелировались, выстраивались по ранжиру, по партийной значимости. Уничтожив буржуазию, оставшись в диктаторском одиночестве, партия могла теперь пожирать лишь тех своих членов, которые чем-то отличались от сформировавшихся стандартов. Родился новый тип руководителя: исполнительный по отношению к Центру, подозрительный ко всем, безынициативный, некомпетентный, бескультурный, не сомневающийся, жесткий проводник "линии". Безликий коллектив во главе с безликим руководителем стал плодом извращенной революции. Чистота типа поддерживалась чистками: партийными, моральными, политическими, а затем и физическими. Под ногами у руководителя нового типа оказался русский погост.

Возможно, некоторые мои рассуждения покажутся слишком категоричными. Но давайте посмотрим, что говорил, характеризуя родившуюся новую интеллигенцию, Николай Бердяев. В этом "новом коммунистическом типе мотивы силы и

власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной. Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры...¹⁴⁵

На обновленной политической сцене России выделялись несколько вождей. Одним из них был Троцкий. Понимал ли он, что складывающаяся система монопольного, одномерного влияния на формирование личности ведет к ее обеднению и даже оскудению? Вероятно, понимал. Но во имя высшей цели — мировой революции — полагал, что пока необходимы и диктатура пролетариата, и жесткий классовый отбор, и ортодоксальная, безоговорочная однопартийность. В одной из статей, написанной в 1922 году, когда уже стало ясно, что революция устояла, он задал себе вопрос: может быть, теперь можно позволить меньшевикам включиться в общую работу? Но тут же резко ответил: этого никогда не будет¹⁴⁶. Он по-прежнему видел за горизонтом миражи грядущей мировой революции, а с меньшевиками, эсерами и другими попутчиками, по его мнению, ее не свершить. Но это значило: будет продолжаться процесс не просто усиления автократической системы, но и ее цементирования. Возвращение к демократическим истокам начнется лишь через десятилетия и станет чрезвычайно трудным и болезненным процессом.

Троцкий, как один из вождей революции, немало сделал для светской канонизации образа Ленина. Я думаю, что в этом он видел не только форму должного воздаяния самому великому русскому революционеру, но и способ поднять свой престиж в обществе и Коминтерне еще выше. Воспевая Ленина, Троцкий воспевал тем самым и себя. По-моему, прагматического в этой позиции было все же меньше, чем искреннего признания ведущей роли Ленина в революции.

Когда работник ЦК В.Сорин подготовил в соответствии с решением Политбюро записку о задачах создаваемого Института Ленина, Троцкий, получив документ, высказал много пожеланий относительно развертывания этой работы. Было решено собрать все рукописное наследие Ленина и издать его в виде собрания сочинений, подготовить полную биографию вождя, наладить систематическую, широкую пропаганду его учения.

Троцкому принадлежит немало статей (написанных и при жизни Ленина, и после его смерти), в которых он способствовал канонизации лидера русской революции. Позже Троцкий увидит, что это превращение личности Ленина в человека-бога поможет Сталину закрепиться на вершине кремлевского холма власти, но будет уже поздно.

Статьи Троцкого о Ленине как бы призывали поклоняться главному вождю. Вот, например, как Троцкий закончил статью "Ленин на трибуне", которую его помощник Познанский 15 апреля 1924 года разослал сразу в три газеты: "Правду", "Гудок" и "Красную звезду": "...подхватив кое-как свои бумажки, быстро покидает кафедру Ленин, чтобы избежать неизбежного... Рокот рукоплесканий растет, кидая волну на волну. Да здра... Ленин .. Вождь... Ильич... Вот мелькает в свете электрических ламп неповторимое человеческое темя, со всех сторон захлестываемое необузданными волнами. И когда, казалось, вихрь восторга достиг уже высшего неистовства — вдруг через рев и гул и плеск чей-то молодой напряженный счастливый и страстный голос, как сирена, прорезывающий бурю: "Да здравствует Ильич!". И откуда-то из самых глубоких и трепетных глубин солидарности, любви, энтузиазма поднимается в ответ уже грозным циклоном общий безраздельный, потрясающий своды вопль-крик: "Да здравствует Ленин!"¹⁴⁷.

В блестящем публицистическом стиле Троцкий еще и еще раз будет внушать массам мысль о божественности вождя. После смерти Ленин окажется более нужным окружению, чем при жизни. Троцкий будет всячески подчеркивать свою близость к умершему вождю, его доверие и расположение к себе. Где-то в глубине души Троцкий желал официального признания партий и обществом, что в революции и гражданской войне он был вторым человеком после Ленина. Но, как напишет позже в Норвегии потерпевший личное поражение "выдающийся вождь", "каждая революция до сих пор вызвала после себя реакцию или даже контрреволюцию... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции; наоборот, на первое место выдвигались люди второго плана в союзе с вчерашними врагами революции"¹⁴⁸.

Сталин же примется неустанно "защищать" Ленина и ленинизм и фантастически преуспеев в этом. Именно в монополии первого генсека на интерпретацию, развитие и защиту ленинизма и заключается самая большая "тайна" неуязвимости Сталина. Когда он станет единственным вождем, новым "социалистическим" Цезарем, то все его правление высветит (правда, с

большим историческим опозданием!) уродливость сложившегося в Советской России соотношения: “вождь и масса”, “личность и революция”. Перерождение и вырождение революции станет, по выражению Троцкого, ее горьким “похмельем”.

Революция, провозгласив необходимость достижения для масс равенства, братства, свободы, мира, земли, в конечном счете, к сожалению, забыла об отдельном человеке. В цене остались только “вожди”.

А “буржуев” просто “изводили”. Приведу отрывок из воспоминаний баронессы М.Д.Врангель, матери генерала П.Н.Врангеля. “Все наши ценности конфисковали. Утром я бежала в чайную за кипятком и кусочком крохотного ужасного хлеба. Затем бежала на работу в музей (работаю смотрителем в Аничковом дворце) в рваных башмаках, без чулок, обвязав ноги тряпками. Ведь все экспроприировали большевики... Ели бурду один раз в общей столовой за липкими от грязи столами из оловянных чашек. С улицы прибегали дети в лохмотьях, синие от холода... Они... глядя помертвевшими, белыми глазами жадно нам в рот, шептали: “Тетенька, тетенька, оставьте ложечку”. И только отодвигали мы тарелку, они набрасывались на нее, вырывая друг у друга и вылизывая ее дочиستا. Пайки в музеях буржуев не полагалось. Без конца были всякие повинности: сторожевая, дровяная, дворницкая — их исполняли буржуи. Умирили везде. Я потеряла два пуда весу, но Бог меня хранил. Была желта как воск. Свело пальцы, ослабили глаза. Без конца обыски. Отбирали все. Многие мои родственники умерли. А.П.Арапова, дочь Натальи Николаевны Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась в вешалку, обтянутую кожей. Умерла в нищете княгиня Е.А.Голицына, бывшая начальница Кшесинского института, умирали, умирали другие. Расстреляли двоих моих племянников М. и Г. Врангель. А сколько сидело по тюрьмам... Нас просто изводили...”¹⁴⁹

Но “изводили” не только “буржуев”. Изводили человека. Массам предназначалась лишь необходимость “самоотверженной борьбы”, следование “курсу большевистской партии”, безусловное “искоренение многочисленных врагов и эксплуататоров”. Революция растворила личность. Она была принесена в жертву далеким эфемерным идеалам. Прав был Бердяев, когда писал, что “личности нет, если она лишь средство сверхличностных ценностей”. Отныне революцию могли представлять лишь личности “вождей”, количество которых после смерти Ленина стало быстро сокращаться. Послереволюционный монстр стал пожирать их одного за другим...

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА жизни и деятельности Л.Д.Троцкого

1879 год, 7 ноября*	Рождение Л.Д.Троцкого (Бронштейна).
1886 год	Начало школьной учебы Льва Троцкого.
1888 год	Начало учебы в реальном училище имени Святого Павла (Одесса).
1896 год	Завершение учебы в училище г. Николаева.
1896—1897 годы	Приобщение к революционной деятельности в рабочей социал-демократической организации г. Николаева.
1898 год	Арест Троцкого и последующая через два года ссылка в Сибирь за подпольную революционную деятельность.
1899 год	Женитьба Троцкого в тюрьме на А.Л.Сokolовской.
1900 год	Рождение старшей дочери Зинаиды.
1902 год	Рождение младшей дочери Нины.
1902 год	Побег из ссылки, нелегальный переход границы. Первая встреча с Лениным в Лондоне.
1903 год	На II съезде РСДРП Троцкий разошелся с Лениным на много лет по организационным и идейным вопросам.
1903 год	Женитьба на Н.И.Седовой.

* Все хронологические даты жизни и деятельности Л.Д.Троцкого даны по новому стилю. — *Ред.*

1905 год	Возвращение Троцкого в Россию и активное участие в первой русской революции. В декабре революционер избирается Председателем Петербургского Совета.
1906 год	Суд над Троцким и другими членами Петербургского Совета.
1906 год	Рождение старшего сына Льва.
1907 год	Ссылка Троцкого в Западную Сибирь, побег за границу.
1907 год	Первая встреча Троцкого со Сталиным на V съезде РСДРП в Лондоне.
1907 год	Знакомство Троцкого с Карлом Каутским.
1907—1914 годы	”Венская глава” жизни и деятельности Троцкого в эмиграции.
1908 год	Рождение младшего сына Сергея.
1910 год	Смерть матери Троцкого Анны Бронштейн.
1912—1913 годы	Работа Троцкого военным корреспондентом ”Киевской мысли” на Балканах.
1914 год	Отъезд Троцкого из Вены в Цюрих, а затем в Париж.
1915—1916 годы	Сотрудничество в парижской газете ”Наше слово”.
1916 год	Высылка Троцкого из Франции в Испанию. Арест испанскими властями.
1917 год	Прибытие в Нью-Йорк.
1917 год, март—май	Выезд на родину. Арест в Канаде. Прибытие в Петроград.
1917 год, май—июль	”Пропагандистское” вхождение Троцкого в революционный процесс в Петрограде.
1917 год, август	На VI съезде РСДРП(б) Троцкий в составе группы ”межрайонцев” был принят в ряды партии и введен в состав ЦК.
1917 год, август—сентябрь	Арест Троцкого и других большевиков по обвинению в работе на пользу Германии.
1917 год, сентябрь	Троцкий становится Председателем Петроградского Совета.
1917 год, октябрь	Создание Военно-революционного комитета под фактическим председательством Троцкого. Он — один из главных руководителей Октябрьского переворота.
1917 год, ноябрь	Троцкий назначается наркомом иностран-

	ных дел в первом Советском правительстве.
1918 год, март	Назначение Троцкого народным комиссаром Республики по военным и морским делам.
1918 год, сентябрь	Троцкий — Председатель Реввоенсовета Республики.
1918—1920 годы	Троцкий — один из основных руководителей вооруженными силами Республики на фронтах гражданской войны.
1922 год	Смерть от тифа отца Троцкого Давида Бронштейна

БИБЛИОГРАФИЯ

Вместо введения. СУДЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

1. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 279—280.
2. Там же. Л. 282.
3. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 482, л. 614—615.
4. Зив Г.А. Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народоправство, 1921.
5. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 55, л. 8.
6. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 7.
7. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. СПб, 1906. С. 85.
8. Бюллетень оппозиции. 1941. Август. № 87. С. 5.
9. См.: Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. II. С. 336.
10. Бюллетень оппозиции. 1941. Август. № 87. С. 8.
11. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 118, л. 385.
12. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 1.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 24.
14. ЦГАСА, ф. 3, д. 60, л. 106.
15. Троцкий Л. Соч. Т. XX. С. 316, 318.
16. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы/Обелиск. Берлин, 1924. С. 59.
17. Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 91—94.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22 947, л. 5.
19. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XV. М.: Типография Т-ва И.Д.Сытина, 1914. С. 23.

Глава 1. У ПОДНОЖИЯ ВЕКА

1. Василевский И.М. Николай II. Пг.-М.: Петроград, 1923. С. 2.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 229, л. 20.
3. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 60, л. 21.
4. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 2, д. 14, л. 1.
5. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. I. С. 17.
6. Там же. С. 36.
7. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 14, л. 1.
8. Там же.
9. Зив Г.А. Троцкий. С. 12.
10. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 99—100.
11. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 8, л. 1.

* Ныне — Центральный партийный архив. — *Ред.*

12. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 36.
13. Троцкий Л. Дневники и письма. Тенафлай, Нью-Джерси: Эрмитаж, 1986. С. 154.
14. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 17, л. 1—2.
15. Об этом случае уже после революции поведал И.М.Василевский в упоминавшейся уже книге "Николай II". С. 45—46.
16. Зив. Г.А. Троцкий. С. 18.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 14, л. 4—8.
18. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 43.
19. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 1.
20. Там же. Л. 2—3.
21. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 148.
22. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 90.
23. Там же. С. 98.
24. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 148—149.
25. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 178, л. 9.
26. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 18, л. 19—20.
27. Соч. Глеба Успенского. СПб: Типография "Общественная польза", 1889. Т. II. С. 139—140.
28. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 1.
29. Там же. Л. 3.
30. Там же. Л. 8.
31. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 14, л. 3.
32. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 14—15.
33. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 15.
34. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1949. С. 275.
35. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 277.
36. Троцкий Н. Наши политические задачи. Женева, 1904. С. 25. (Приведенный инициал "Н" не ошибка. В то время Троцкий так подписывался.)
37. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 66—68.
38. Дейчер И. Троцкий: вооруженный пророк. С. 98.
39. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 56.
40. Там же. С. 65—66.
41. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 5, л. 1.
42. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 19.
43. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS Russ 13.1. (8680—8683).
44. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS Russ 13.1. (10 634—10 641).
45. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 21, л. 35—41.
46. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS Russ 13. Т. 868, 3 S.
47. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS Russ 13.1. (8680—8683).
48. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 172.
49. Там же.
50. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. I. С. 71.
51. Там же. С. 66.
52. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 189.
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 298.
54. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 188, 190.
55. Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 25—35.
56. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 67.
57. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 197.
58. Дейчер И. Троцкий: вооруженный пророк. Т. I. С. 130.
59. Сталин И.В. Соч. Т. X. С. 205.
60. Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 55.
61. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS Russ 13.1. (10 872—10 873).

62. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.
63. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 6, л. 1.
64. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 103.
65. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363.
66. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 338.
67. Дейчер И. Троцкий: вооруженный пророк. Т. I. С. 153.
68. Искра. 1905. № 92. 10 марта.
69. Троцкий Л. Соч. Т. II. Ч. I. С. 246.
70. Там же. С. 248—249.
71. Там же. С. 251—254.
72. Полный сборник Платформ всех Русских политических партий. СПб.: Типография А.М.Лесмана, 1906. С. 1—2.
73. Там же. С. 3.
74. Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 31.
75. Trotsky L. Die Russische Resolution 1905. München, 1907. S. 93—96.
76. Троцкий Л. Соч. Т. II. Ч. I. С. 128.
77. Там же. С. 307, 309, 311.
78. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 201, л. 15.
79. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 211, л. 1.
80. Луч. 1913. № 67. 21 марта.
81. Зиновьев Г. История Российской Коммунистической партии (большевиков). М., 1924. С. 198.
82. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 195, л. 12.
83. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1103, л. 146—149.
84. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 178, л. 287.
85. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 165.
86. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 3, л. 1—2.
87. Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930. С. 167.
88. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 190, л. 55.
89. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 213, л. 1.
90. Уголовное Уложение Российской Империи. Петербург, 1903.
91. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 212, л. 12.
92. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 219.
93. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 24, л. 2, 3.
94. Троцкий Л. Соч. Т. II. Ч. I. С. 478.
95. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 24, л. 7—8.
96. Там же. Л. 1.
97. Там же.
98. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 528, л. 101.
99. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 24, л. 4—5.
100. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 227.
101. Там же. С. 230.
102. Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 68, 69, 73, 75, 78.
103. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. I. С. 218.
104. Бюллетень оппозиции. Август. 1930. № 14. С. 7.
105. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 137.
106. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 244—245.
107. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 47—48.
108. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 30, л. 8.
109. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения. М., 1918. С. 111—112.
110. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 71.
111. Там же. С. 71—72.

112. Большевицкая фракция IV Государственной думы. М., 1938. С. 28—29.
113. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения. С. 194—195.
114. Троцкий Л. Соч. Т. VI. С. 415—420.
115. См.: Гешов И. Балканский союз. Воспоминания и документы. Петроград, 1915.
116. Троцкий Л. Соч. Т. VI. С. 10.
117. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 229, л. 42—43.
118. Троцкий Л. Соч. Т. IX. С. 240.
119. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 243, л. 9.
120. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 229, л. 1.
121. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 234, л. 1.
122. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 229, л. 11.
123. См.: Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 269.
124. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 86, л. 6.
125. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 265.
126. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS Russ 13.1. (8675—8679).
127. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 388, л. 1.
128. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 409, л. 691.
129. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 274.
130. Троцкий Л. Соч. Т. IX. С. 3.
131. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 270.
132. Троцкий Л. Соч. Т. IX. С. 6.
133. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 178, л. 286.
134. Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Берлин, 1923. Т. XI. С. 200.
135. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. I, л. 262.
136. См.: Троцкий Л. Соч. Т. IX.
137. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 341—344.
138. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 10, л. 5.
139. Троцкий Л. Соч. Т. IX. С. 321.

Глава 2. БЕСОВСТВО РЕВОЛЮЦИИ

1. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 305.
2. Соч. Глеба Успенского. В 2 т. СПб. 1889. Т. 2. С. 1208.
3. Милюков П.Н. История второй русской революции. Париж, 1924. С. 87.
4. Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1989.
5. Бурцев В.Л. Проклятие вам, большевики! Стокгольм, 1918.
6. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. I. С. 45—46.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.
8. См.: Плеханов Г.В. Год на Родине. Полн. собр. статей и речей 1917—1918 гг. Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. Т. I.
9. Ленинский сборник. М., 1925. Т. IV. С. 303.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 442.
11. Троцкий Л. Февральская революция. Берлин: Гранит, 1931. С. 321.
12. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 61.
13. Там же. С. 11—12.
14. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 360, л. 1—5.
15. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 79, л. 90.

16. Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen. 1914—1918. Berlin, 1919. S. 47.
17. Архив ИНО ОГПУ, д. 501, т. III, л. 469—470.
18. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. I. С. 165—166.
19. Суханов Н.Н. Записки о революции. Сочинения. В 7 т. Берлин—Петербург—Москва, 1922. Т. 4. С. 511.
20. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 36—37.
21. Керенский А. Издалека. Париж, 1922. С. 11.
22. Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Париж, 1953. С. 12.
23. Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. II. С. 89.
24. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 5. С. 306—307.
25. Там же. Т. 6. С. 188.
26. Владимирова В. Революция 1917 года (Хроника событий). Август—сентябрь. Л.: Госиздат, 1924. Т. IV. С. 269.
27. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 5—7.
28. The Blackwell Encyclopedia of Russian Revolution. Harold Schukman. London, 1988.
29. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 18.
30. Мельгунов С. Как большевики захватили власть. С. 15.
31. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 10.
32. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 7. С. 91.
33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34, С. 435, 436.
34. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 76, л. 24.
35. Троцкий Л. История русской революции. В 2 т. Берлин: Гранит, 1933. Т. II. Ч. 2. С. 121—122.
36. Ленин Н. (В.Ульянов). Собр. соч. М.-Пг., 1923. Т. XIV. С. 482.
37. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 328—329.
38. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 13.
39. Пролетарская революция. 1923. № 10(22). С. 150—152.
40. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 18, 19, 20.
41. Там же. С. 25.
42. Там же.
43. Там же. С. 26.
44. Там же. С. 27.
45. Там же. С. 33, 34.
46. Там же. С. 37—38.
47. Бердяев Н. Новое средневековье. С. 61.
48. Там же. С. 62.
49. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 14—15.
50. Цит. по: Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 84—85.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 5.
52. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 15.
53. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. II, л. 159.
54. Рабочий и солдат. 1917. № 3. 19 октября.
55. См.: Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 380.
56. Рабочий путь. 1917. № 39. 18 октября.
57. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 52—53.
58. См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 7. С. 91.
59. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 14.
60. Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955. С. 391.
61. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 7. С. 33.

62. Цит. по: Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 177.
63. Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 89.
64. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1950. С. 198.
65. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XV. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. С. 21.
66. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 55—56, 57.
67. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 282, л. 2—3.
68. Рябинский К. Революция 1917 года. Хроника событий. М.-Л., 1926. Т. V. Октябрь. С. 168.
69. Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. X. С. 20.
70. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 61, 391.
71. Там же. С. 56, 391.
72. Там же. С. 62, 63.
73. Архив русской революции. Т. X. С. 25.
74. Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII. С. 205.
75. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 19.
76. Там же. Л. 1.
77. Там же. Л. 16.
78. Там же. Л. 11.
79. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 20.
80. Там же.
81. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 116.
82. Там же. С. 119.
83. Там же. С. 97.
84. История ВКП(б). Краткий курс. С. 190.
85. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 47, л. 21.
86. Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. С. 19—20.
87. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 344—345.
88. Цит. по: Мельгунов С. Как большевики захватили власть. С. 268.
89. См.: Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии. 1917. № 16—22. Ноябрь.
90. Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 463.
91. Там же. С. 457.
92. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 153—154.
93. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 49.
94. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 9.
95. Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 385—386.
96. Там же. С. 386.
97. ЦПА ИМЛ, ф. 325, д. 365, л. 78—79.
98. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 2, д. 11, л. 21.
99. Правда. 1919. № 250. 7 ноября.
100. Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 52—64.
101. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 94.
102. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 204, 205.
103. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 317, вып. I, ч. 1, л. 81.
104. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 293.
105. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 123.
106. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 157.
107. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 62.
108. Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 1. С. 17—18.
109. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 21—30.
110. Там же. Л. 18.
111. Czernin O. Im Weltkriege. Berlin, 1919. S. 232.
112. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 5.
113. Czernin O. Im Weltkriege. S. 319, 335.

114. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.
115. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. С. 176.
116. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 18.
117. Там же. С. 31.
118. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 36—42.
119. VII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.-Пг., 1923. С. 128—129.
120. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 65.
121. Дейчер И. Троцкий: вооруженный пророк. Т. I. С. 550.
122. Правда. 1924. 30 ноября.
123. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 103—105.
124. Там же. С. 106.
125. Там же. С. 115.
126. Там же. С. 116.
127. Там же. С. 111.
128. Там же. С. 659.
129. Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 80.
130. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 134—144.
131. Там же. С. 141—142.
132. История ВКП(б). Краткий курс. С. 207.
133. VII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. С. 86.
134. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 22—23.
135. Плеханов Г.В. Год на Родине. Полн. собр. статей и речей 1917—1918 гг. Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. Т. II. С. 75.
136. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.
137. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 2, д. 11, л. 25.
138. ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 212.
139. ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 123, л. 100—101.
140. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 213.
141. Там же. С. 157.
142. Там же. С. 160.
143. Там же. С. 201.
144. Там же. С. 205.
145. Там же. С. 214.
146. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 270, л. 1—4.
147. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 164—165.
148. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 5—6.
149. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 183—184.
150. Там же. С. 207.
151. Февральская революция. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 121.
152. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 187—188.

Глава 3. "ДЕВЯТЫЙ ВАЛ" ВАНДЕИ

1. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. М., 1983. Т. 6. С. 208—209.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.
3. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. I, л. 106—107.
4. Гражданская война 1918—1921. М.: Военный вестник, 1928. Т. I. С. 15.
5. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 7, л. 79.

6. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 228—229.
7. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 72—73.
8. Известия ВЦИК. 1918. 23 и 24 апреля.
9. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 256.
10. Там же. С. 233.
11. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 75—76.
12. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 686—687.
13. Там же. С. 267—268.
14. Там же. С. 362.
15. Там же. С. 363.
16. Там же. С. 369—370.
17. Там же. С. 329.
18. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 329, л. 106.
19. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. II, л. 202—218.
20. Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 89—93.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79.
22. Там же. С. 95.
23. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 361, л. 170.
24. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 85, л. 29.
25. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 146, л. 125.
26. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 9.
27. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 2.
28. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 29.
29. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 7.
30. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 29.
31. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 19.
32. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 125—126.
33. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 507—508.
34. Там же. С. 509—510.
35. Там же. С. 511.
36. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. II, л. 212.
37. См.: Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 451—476.
38. Там же. С. 476.
39. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 125.
40. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 21.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 133.
42. ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 16, л. 239.
43. ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 171, л. 2.
44. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1978. Т. 4. С. 38.
45. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 132.
46. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 84а.
47. Там же. Л. 86.
48. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 138.
49. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 519.
50. Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 273.
51. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 135—136.
52. Там же. С. 137.
53. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 29.
54. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 1. С. 525.
55. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 138.
56. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 573, л. 111—114.
57. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 301.
58. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1972. Т. 2. С. 790.
59. Там же. С. 410.
60. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 29.
61. Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 106.

62. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 289, л. 19—20.
63. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 206—207.
64. Там же. С. 208.
65. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 533.
66. Русский современник. Пг., 1923. С. 243.
67. Русская мысль. 1922. Кн. VIII. С. 243
68. Головин Н.Н. Российская контрреволюция 1917—1918 гг. Париж, 1937. Т. V. С. 129, 131.
69. Архив русской революции. Т. X. С. 183.
70. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. В 5 т. Берлин: Медный всадник, 1926. Т. V. С. 136.
71. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. II, л. 208.
72. Савинков Б.В. Накануне новой революции. С. 24.
73. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 349.
74. Там же. С. 196—197.
75. Там же. С. 189.
76. Воспоминания генерала А.С.Лукомского. Берлин: Книгоиздательство "Отто Кирхнер и Ко", 1922. С. 165—167.
77. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. I. С. 1.
78. Там же. Т. V. С. 357—358.
79. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 475, л. 350—354.
80. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 682, л. 57—59.
81. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 864, л. 408—410.
82. Бердяев Н. Самопознание. Париж, 1949. С. 269.
83. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 182.
84. Там же. С. 184.
85. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 12, л. 1—10.
86. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 475, л. 178.
87. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 195, л. 73.
88. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 5.
89. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 34, л. 163—165.
90. ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 192, л. 277.
91. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 2, л. 11—12.
92. ЦГАОР, ф. 1235, оп. 82, д. 15, ч. 2, л. 17, 400—401.
93. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 407.
94. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 3, л. 108.
95. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 61, л. 525.
96. Там же. Л. 524.
97. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 306, л. 85—87.
98. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 146, л. 111, 125.
99. Там же. Л. 72.
100. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 89, л. 375.
101. Там же. Л. 373.
102. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 3, л. 52.
103. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 266, л. 556.
104. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 149.
105. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 3, л. 66.
106. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 229, л. 213.
107. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 212.
108. Там же. С. 256, 260.
109. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 1, д. 146, л. 254.
110. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 265—267.
111. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 790—793.
112. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 143.
113. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 25, л. 16—44.
114. ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 125, л. 5.
115. ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 34, л. 60.
116. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 314.

117. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 150.
118. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 45, л. 3.
119. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 47, л. 66.
120. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 218.
121. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 42, л. 460.
122. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 45, л. 17.
123. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 13, л. 13.
124. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 146.
125. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 86, л. 92.
126. Там же. Л. 105.
127. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 260, л. 17.
128. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 262, л. 115.
129. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 229, л. 31.
130. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 359, л. 83.
131. ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 310, л. 24.
132. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 260, л. 124.
133. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 149.
134. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 229, л. 84; ф. 1, оп. 1, д. 123, л. 265.
135. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 60, 63, 64.
136. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 142, л. 98.
137. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 223.
138. Там же. Л. 225.
139. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 126, л. 28.
140. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 64, 140, 163, 414.
141. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 266, л. 218.
142. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 229, л. 216.
143. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 183.
144. Там же. Л. 170.
145. Там же. Л. 183.
146. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 151.
147. Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922. С. 18—33.
148. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С. 150.
149. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.
150. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 126—135.
151. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 218—219.
152. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 146.
153. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 141.
154. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 216, л. 174.
155. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 7, л. 14.
156. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 5.
157. Там же. Л. 86.
158. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 174.
159. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 87а.
160. Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 27—28.
161. Там же. С. 124, 125, 126.
162. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 27.
163. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. III. С. 145.
164. Там же. Т. IV. С. 91.
165. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 41, л. 62.
166. Там же. Л. 63.
167. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 86, л. 96.
168. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 35.
169. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 3, л. 76.
170. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 392, л. 108.
171. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 5.
172. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 420, л. 350.

173. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 87, л. 459.
174. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 37.
175. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 146, л. 72.
176. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 308.
177. Там же. Л. 418.
178. Архив русской революции. Т. VII. С. 246.
179. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 179.
180. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 195, л. 132.
181. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 253.
182. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 717, л. 202—207.
183. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 346—353.
184. Там же.
185. Там же. Л. 166.
186. Там же. Л. 307.
187. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. 350.
188. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 535.
189. Горький М. Несвоевременные мысли. М., СП "Интерконтакт", 1990. С. 84.
190. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 74—74об.
191. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 3, л. 54.
192. ЦГАСА, ф. 33 348, оп. 1, д. 2, л. 131.
193. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 317.
194. Анишев Ан. Очерки истории гражданской войны. Л., 1925. С. 229.
195. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 11, л. 1—2.
196. Там же. Л. 1об.
197. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 88, л. 96.
198. Известия ВЦИК. 1919. 25 февраля.
199. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 181.
200. VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 147.
201. Партархив Института истории партии Ленинграда (филиал ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, д. 336, л. 1—31.
202. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 86, л. 155.
203. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 96, л. 10.
204. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 29.
205. ЦПА ИМЛ, ф. 41, оп. 2, д. 1, л. 15.
206. ЦПА ИМЛ, ф. 41, оп. 2, д. 3, л. 29.
207. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 163.
208. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 448, л. 27.
209. Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 138, 139.
210. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 174.
211. Тухачевский М.Н. Избр. произв. М., 1964. Т. 2. С. 226.
212. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 205.
213. Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 37.
214. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32, л. 18.
215. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 435.
216. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 787.
217. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 483.
218. Гражданская война 1918—1921. М.-Л., 1930. Т. 3. С. 10.

Глава 4. "ГИПНОЗ РЕВОЛЮЦИИ"

1. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 162.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 122, л. 3.
3. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 21.

4. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 368, л. 17.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 261.
6. Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. М., 1919. С. 4—5.
7. Leman L. A. Diplomatic History of the First World War. London, 1971, p. 70.
8. Ronald W. Clark. Lenin. The Man Behind the Mask. London—Boston, 1988, pp. 223—224.
9. Litvinov M. Notes for a Journal. London, 1955, p. 87—88.
10. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. С. 89.
11. Спиридович А.И. История большевизма в России. Париж, 1922. С. 355—356.
12. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 219.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 222.
14. Троцкий Л. 1905. М., 1922. С. 4—5.
15. Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 5.
16. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 23.
17. Троцкий Л. 1905. С. 285.
18. Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930. С. 12.
19. Там же. С. 12—13.
20. Там же. С. 167.
21. Там же.
22. Там же. С. 169.
23. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 139, л. 1.
24. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 51, л. 147.
25. Струев Ив. Теория перманентной революции тов. Троцкого. Ростов-Дон: Буревестник. 1925.
26. Там же. С. 2.
27. Там же. С. 24, 27, 31, 37.
28. Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 471.
29. Троцкий Л. Соч. Т. XIII. С. 72.
30. Там же. С. 77.
31. Там же. С. 92.
32. Там же. С. 83—87.
33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36.
34. Троцкий Л. История русской революции. Т. I. С. 20.
35. Там же. С. 22.
36. Там же. С. 506.
37. Там же. С. 32.
38. Троцкий Л. Перманентная революция. С. 125.
39. Там же. С. 125.
40. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 145, л. 245.
41. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 787—788.
42. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 2.
43. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 13, л. 61.
44. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 292, л. 1—5.
45. Троцкий Л. Новый курс. М., 1924. С. 40—46.
46. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 147, л. 90—91.
47. Там же. Л. 51—52.
48. Там же. Л. 52.
49. Там же. Л. 188.
50. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 89, л. 22.
51. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 13, л. 23—39.
52. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 101, л. 517—526.
53. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 342.
54. Там же. С. 369—370.
55. Там же. С. 371.

56. Там же. С. 371—372.
57. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 266, л. 71.
58. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 409, л. 724.
59. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 3, д. 40, л. 10.
60. Там же. Л. 47.
61. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 395.
62. Там же. С. 402.
63. Kautsky K. *Terrorismus und Kommunismus*. Berlin, 1919.
64. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 177.
65. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 97, л. 5.
66. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 12—17.
67. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 25—26.
68. ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 20.
69. Савинков Б.В. Накануне новой революции. С. 48.
70. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 80, л. 78.
71. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, л. 141, л. 287.
72. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 38—39.
73. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. С. 50.
74. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 47.
75. Там же. С. 50, 55, 59—60.
76. Там же. С. 105.
77. Там же. С. 110.
78. Архив ИНО ОГПУ, д. 343, т. III, л. 135.
79. Там же. Л. 14—24.
80. ЦГАСА, ф. оп. 14, д. 7, л. 59.
81. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 128, 129.
82. Там же. С. 131.
83. Там же.
84. Там же. С. 136.
85. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 229, л. 647.
86. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 97, л. 1.
87. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. Париж., 1934. С. 11.
88. Троцкий Л. Соч. Т. XII. С. 142—143.
89. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. С. 45.
90. Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 3—4.
91. The Houghton Librery. Trotsky Archive. bMS Russ 13. Т. 773.
92. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1936. С. 142—143, 145.
93. Троцкий Л. Соч. Т. XX. С. 327.
94. Там же. С. 330, 332.
95. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 428, л. 91.
96. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 530, л. 3.
97. Там же. Л. 19—25.
98. Троцкий Л. Соч. Т. XXI. С. 4.
99. Там же. С. 4—5.
100. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS Russ. Т 801. 1S.
101. Правда. 1923. 12 июля.
102. Троцкий Л. Соч. Т. XXI. С. 55.
103. Там же. С. 57.
104. Там же. С. 27.
105. Правда. 1923. 14 июля.
106. Там же.
107. Бердяев Н. Самопознание. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1949. С. 258.
108. Там же. С. 263.
109. Там же. С. 251.
110. Известия ВЦИК. 1922. 30 августа.
111. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 99, л. 36.

112. Новая жизнь. 1918. 26 апреля.
113. Архив ИНО ОГПУ, д. 501, т. IV, л. 381—382.
114. Там же. Л. 62—63.
115. Троцкий Л. Соч. Т. XXI. С. 153.
116. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22 947, л. 1—6.
117. Там же. Л. 1.
118. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 283, л. 6—7.
119. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 293, л. 12.
120. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22 947, л. 6.
121. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 27 072.
122. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS Russ 13. Т. 440. 1S.
123. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 10.
124. Троцкий Л. Соч. Т. XXI. С. 162.
125. Там же. С. 159.
126. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 639.
127. Там же. Л. 560.
128. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 13, л. 225.
129. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 450, л. 188.
130. Там же. Л. 196.
131. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 60, л. 66—66а.
132. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 13, л. 18.
133. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 622.
134. ЦГАОР, ф. 9430, оп. 1, д. 19, л. 1.
135. Там же. Л. 2.
136. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? С. 146.
137. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 333—335.
138. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 13, л. 254.
139. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 108.
140. Там же. С. 102—103.
141. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.
142. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 165.
143. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 84—85.
144. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 142—143.
145. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 101.
146. См.: Правда. 1922. 10 мая.
147. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 32, л. 278.
148. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? С. 74.
149. Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. IV. С. 198—203.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович (Рейн) Р.А.** 97, 170, 197, 348, 349
Аверченко А.Т. 364
Авилов Н.П. (Глебов Н.) 20, 164, 165, 180
Авксентьев Н.Д. 77, 88
Адамович М. 97
Адлер В. 14, 49, 73, 95
Адлер М. 95
Азатьянц Г. 97
Аксельрод П.Б. 14, 50, 52, 53, 65, 66, 69, 71, 96, 97, 180
Алданов М.А. (Ландау) 364
Александр I (Романов) 28
Александр II (Романов) 27
Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская) 38
Александров А.К. 279
Александрович В.А. 226
Алексеев М.В. 198, 241—242, 249
Алексинский Г.А. 97
Аллен Ж. 254
Альба А. де Толедо Ф. 356
Альтфатер В.М. 188, 192, 234
Авдреев А.А. 185
Андреев Л.Н. 105
Анишев Ав. 302
Антонов-Овсеенко В.А. 113, 124, 130, 139, 213, 234
Аралов С.И. 234, 266, 290—291, 292, 304, 307
Арапова А.П. 383
Арбатов В.Ю. 220
Аржанов М.М. 268
Арманд И. (Е.Ф.) 71
Артем (Сергеев Ф.А.) 305
Артузов (Фраучи) А.Х. 336
Аругтюняц М.К. см.:
Тер-Аругтюняц М.К.
Астров И. (Повес И.С.) 151
Асякин Я.Г. 277
Ауслендер С. 335
- Бабешко** 40
Базаров В.А. 162—163
Базилевич Г.Д. 368
Бакунин М.А. 52, 112—113
Балахович С.Н. см.:
Булак-Балахович С.Н.
Балашов А.П. 17
Бальмонт К.Д. 364
Батманов В. 91
Батурлов 280
Бауэр О. 68, 95
Бебель А. 95
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 371, 372
Безыменский А.И. 375
Белецкий С.П. 231
Белов В. 358
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 358
Бене 369
Бердыев Н.А. 5, 9, 21, 22, 27, 51, 119, 146, 162, 209, 250, 282, 298, 317, 351, 363, 364, 380, 383
Березовский 278
Берзин О.М. 234
Берия Л.П. 82, 83
Бернанд 32
Бернацкий М.В. 160
Бернштейн Э. 71, 95
Бишпток Г.О. 125
Бисмарк О. фон Ш. 356
Биденко (Жамеристая) А.А. 180, 189
Блохин В.Н. 230
Блюмкин Я.Г. 228, 268
Бобинский С.Я. 233
Боборыкин П.Д. 45, 364
Богаевский А.П. 240, 241
Богданов (Малиновский) А.А. 370
Боголепов В.И. 277
Боголепов Д.П. 180
Богословский 224

- Бокий Г.И. 165
 Бонч-Бруевич В.Д. 20, 164, 179, 180
 Бонч-Бруевич М.Д. 212, 350
 Бордига А. 328
 Боровский А.А. 241
 Бородуллин М.М. 147
 Бош Е.Б. 12
 Брандлер Г. 340, 341
 Браудо Е. 358
 Брежнев Л.И. 27
 Бригин А. 358
 Бризбен А. 254
 Бройдо Г.И. 134, 151
 Бронштейн А. 29
 Бронштейн А.Д. 35
 Бронштейн В.Б. 17
 Бронштейн Г.Л. 29
 Бронштейн Д.Л. 29, 59, 99, 100
 Бронштейн Е.Д. 35
 Бронштейн Л.А. 28, 29
 Бронштейн (Каменева) О.Д. 35, 125
 Бронштейн П. 97
 Бронштейн С. 97
 Брусняков А.А. 132
 Бубнов А.С. 134, 139, 144, 155, 204, 211, 301, 312
 Буденный С.М. 238, 257, 275
 Булгаков 251
 Булак-Балахович С.Н. 266
 Бунаков И. (Фундаминский И.И.) 353
 Бунин И.А. 364, 365
 Буркал М. 272
 Бурцев В.Л. 82, 121, 128—129, 365
 Бутов А.Г. 14, 61, 110, 149, 277, 280, 345, 353, 357
 Бухарин Н.И. 14, 15, 61, 112, 120, 180, 279, 302, 324, 328, 334, 370, 371

В
 Вайнштейн 134
 Вайнштейн-Звездин С. 88
 Вакулин К.Т. 257
 Валентинов Н. см.: Вольский Н.В.
 Валявка 220
 Вандервельде Э. 329

 Вардин И. (Мгеладзе И.В.) 326
 Васецкий Н.А. 18
 Василевский И.М. 27
 Васильев-Южин М.И. 271
 Васильев М.Н. 166
 Вацетис И.И. 227, 229, 230, 234, 239, 302, 310, 311
 Вердеревский Д.Н. 160
 Вересаев (Смидович) В.В. 31
 Верещагин В.В. 105
 Веселаго 224
 Ветрова М.Ф. 39
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) 158
 Вильсон Т.В. 95
 Виновер М.М. 167
 Витте О.Ю. 78
 Вишняк М.В. 167, 168
 Владимирский М.Ф. 204, 303
 Войнаховский 248
 Войтинский В.С. 84
 Волкова (Бронштейн) З.Л. 43, 86, 150
 Волобуев П.В. 18
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 124, 132, 282
 Володичева М.А. 366
 Вольский Н.В. (Валентинов Н.) 20, 72
 Вольфсон М.Б. 358
 Воронский А.К. 370, 371
 Воронков 134
 Воронцов-Дашков И.И. 39
 Ворошилов К.Е. 82, 175, 185, 236, 238, 275, 296, 301, 305, 306, 307, 309, 311
 Восторгов 231
 Врангель Г. 383
 Врангель М. 383
 Врангель М.Д. 383
 Врангель П.Н. 237, 240, 248, 292, 311, 372, 383
 Врачев И.И. 17
 Вудд В. 358
 Вырубов 137

Г
 Габрилович 110
 Габсбурги 192
 Гаврилов 252

- Гайшинец 90
 Галкин 368
 Галлахер У. 328
 Гальперин 128
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. 129, 320
 Гамсун К. 358
 Гапенн 179
 Гапон Г. 74
 Гарви 84
 Гвозд 282
 Гвоздев К.А. 158, 160
 Гегель Г.В.Ф. 141
 Гед Ж. 95
 Гейер 106, 107
 Гельфанд Х.-Я. см.: Парвус А.Л.
 Гельфер А. 358
 Гендельман М.Я. см.: Якобий М.
 Гернинг 37
 Герцен А.И. 45, 52, 112—113
 Гессен В.М. 167
 Гильбих 248
 Гильфердинг Р. 68, 95
 Гиляровский В.А. 202
 Гиппиус З.Н. 364, 365
 Глазман М.С. 149, 230, 270, 276, 280
 Глебов Н. см.: Авялов Н.П.
 Глинка Г.В. 243
 Гнедич П.П. 48
 Головин Н.Н. 240, 242
 Голощекин Ф.И. 301, 306, 307, 309
 Гольнский И. 88
 Гольдман М. см.: Либер М.И.
 Гольдони К. 358
 Гольц Р., фон дер 302
 Гогенберг, фон 110
 Гогенцоллерны 128, 192, 195, 319
 Гоголь Н.В. 45
 Годнев И.В. 120
 Голицына Е.А. 383
 Гомер 48
 Горевой 284
 Горин Ф. 272
 Горький М. (Пешков А.М.) 20, 94, 125, 154, 162, 172, 198, 239, 299, 364
 Гофман М. 181, 188, 189
 Гоц А.Р. 282
 Грановский А.А. 368
 Гребнер О.Э. 17, 35, 36, 106, 147
 Греков 249
 Греков Н.И. 108
 Григорьев Н.Д. 108
 Гудович В. 271
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 234, 269, 272, 310, 311
 Гучков А.И. 120, 123
 Дан (Гурвич) Ф.И. 14, 52, 96, 109, 128, 158, 170, 173, 197, 214, 348
 Данилов Н.А. 240
 Данишевский К.Х. 234
 Дантов Ж. 152
 Дейчер И. 17, 18, 37, 50, 55, 73, 84, 187
 Дейчер Т. 17
 Деникин А.И. 29, 133, 198, 200, 213, 223, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 255, 256, 257, 264, 265, 266, 277, 283, 290, 292, 302, 311
 Державин Г.Р. 85
 Дзержинский Ф.Э. 139, 144, 180, 194, 227, 291, 302, 332, 336, 344
 Дзюбинский С.Ш. 271, 277
 Диккенс Ч. 31
 Дионео 358
 Доброклонский 357
 Доббор-Мусницкий Ю. 221
 Долгис Я. 271
 Донат 114
 Драбкин Я.Д. см.: Гусев С.И.
 Драгомиров А.М. 247
 Дроздовский М.Г. 241
 Дубровинский Н.Г. 17
 Дуз-Хотимирский 108
 Дутов А.И. 198, 221
 Духонин Н.Н. 137
 Дыбенко П.Е. 130, 168, 198, 199
 Евдокимов Е.Н. 134
 Евреиннов Н.Н. 358
 Евсеев 90
 Егоров А.И. 237, 306
 Ежов Н.И. 82, 83, 149

- Елизаров М.Т. 20, 180
 Енукндзе А.С. 274, 334
 Ефремов И.Н. 120
- Ж**
 Жданов А.А. 185
 Железняков А.Г. 168
 Жиро А. 371
 Жорес Ж. 58, 209
 Жуков 251
- З**
 Залкинд И.А. 178
 Залуцкий П.А. 134
 Зарницын Н.В. 12
 Засулич В.И. 52, 53, 55, 63, 65, 71, 114
 Затонский В.П. 266
 Зейман 134
 Зейц Г.И. 277, 280
 Зеленков 282
 Землячка (Самойлова) Р.С. 306, 368
 Зив Г.А. 12, 32, 39
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 81, 112, 129, 130, 155, 156, 165, 166, 186, 188, 193, 235, 238, 260, 261, 297, 298, 304, 324, 325, 327, 328, 332, 334, 340, 341, 353, 358, 369
 Златопольский Д.С. 17
 Злобин В. 365
 Злыднев П. 84, 88
 Зубарев Н.М. 108
- И**
 Иванов 293
 Изгоев (Ланде) А.С. 159
 Ильин 214
 Ильин-Женевский А.Ф. 108
 Иоффе А.А. 100, 124, 132, 134, 166, 180, 185, 189, 192, 194, 379—380
 Иоффе Н.А. 17
 Ипалов Н. 90
 Истмен М. 45, 210
- Ка**
 Каганович Л.М. 185
 Казанович Б.И. 241
 Каледин А.М. 198, 221, 241, 277
 Калинин М.И. 256, 311, 366, 367, 373
- Ка**
 Каменев А.Л. 127
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 15, 35, 125, 126, 127, 129, 130, 132, 134, 143, 144, 155, 156, 165, 166, 180, 182, 220, 235, 276, 296, 302, 311, 324, 325, 331, 334, 339, 353, 363, 367, 369, 370, 371, 373
 Каменев С.С. 239, 310, 311, 339
 Каменщиков В.В. 228
 Камков (Кац) Б.Д. 158, 226
 Капабланка Х.Р. 109
 Каплан (Ройтблат) Ф.Е. 134
 Капель В.О. 229
 Караулов М.А. 120
 Карахан (Карахания) Л.М. 134, 182, 192, 303
 Кареев Н.И. 37
 Карелин В.А. 189, 200, 226
 Кармайкл Дж. 18
 Карташев А.В. 160
 Касатикова А.А. 17
 Каутский К. 14, 68, 71, 94—95, 97, 329, 344—346, 347, 351, 352, 358
 Кельснев В.И. 112
 Керенский А.Ф. 82, 100, 110, 120, 122, 127, 128, 131, 132, 137, 158, 165, 168, 170, 173, 198, 199, 202, 214, 248, 358
 Керенский Г.А. 127
 Керженцев (Лебедев) П.М. 358
 Кизильштейн И.С. 234
 Кирби С. 17
 Киселевич М. 88
 Кишкин Н.М. 160
 Кларк Р. 320
 Клемансо Ж. 114
 Клепаиский Ф. 271
 Клинг 60
 Ключевский В.О. 200
 Ключкин 134
 Кляцкин М.Г. 109
 Клячко А.К. 108
 Клячко С.Л. 100, 107
 Кнуньянц-Радин Б. 88
 Кобозев П.А. 234
 Кобыков С. 231, 295
 Козлов И.В. 277
 Козловский М.Ю. 168, 320

- Козьмин** 180
Кокоткин Ф.Ф. 161
Коллонтай А.М. 101, 120, 129, 132, 134
Колчак А.В. 9, 201, 220, 242, 244, 245, 250, 263, 266, 277, 279, 280, 283, 302, 310, 311
Кольбер Ж.Б. 356
Комар Э. 88
Комаровский С. 271
Комраков 256
Коновалов А.И. 160
Кораблев Ю.И. 18
Корж Е. 358
Корнилов Л.Г. 132, 198, 241
Коротков 40
Коденельбаум З.С. 358
Красяков П.А. 134, 164, 368
Красин Л.Б. 69, 74, 75
Краснов П.Н. 172, 198, 212, 217, 223, 249
Краснощекоев А.М. 368
Крахмаль В.Н. 167
Крестинский Н.Н. 194, 204, 292, 302, 311, 332
Кржижановский Г.М. 48, 49, 312
Кривошеин А.В. 217, 243
Крицман 312
Кромберг В.А. 277
Кропоткин П.А. 13, 14, 52
Круглов И.И. 277
Крупская Н.К. 50, 171
Крутов П. 271
Крыленко Е.В. 210
Крыленко Н.В. 199, 200, 213, 363
Крымов В.А. 364
Кузнецова Е.А. 277
Куликов С.К. 91
Кузрин А.И. 364, 365
Кушцов А.И. 147
Курский Д.И. 363
Кутепов А.П. 241, 247
Кюльман Р. 180, 181, 182, 184, 187, 190
- Лавров П.Л.** 52
Лазимир П.Е. 139, 151, 153
Ларин Ю. (Лурье М.З.) 125, 167
- Ласкер** 109
Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.) 20
Лашевич М.М. 139, 266, 303, 310
Лебедев 233
Лебедев Д.А. 249
Лебедев П.П. 220, 276, 339, 368
Лебедев-Полянский П.И. 371
Левя (Гартштейн) П. 328
Левин И. 18
Легран Б.В. 234
Лежава А.М. 369
Ленин (Ульянов) В.И. 5, 11, 14, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 28, 32, 50, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 91, 92, 93, 94, 99, 100, 101, 108, 112, 114, 120, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 141, 142, 143, 145, 153, 155, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172—175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 191, 192, 193, 194, 195, 198, 199, 200, 204, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 243, 244, 255—256, 266, 273, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 292, 294, 296, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 311, 313, 318, 320, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 334, 336, 339, 340, 341, 343, 344, 350, 351, 352, 354, 361, 362, 363, 366—369, 370, 374, 376, 377, 378, 381, 382
Лешехин 90
Лещинский (Ленский) Ю. 179
Либер (Гольдман) М.И. 97, 134
Либкнехт К. 95, 97, 98
Ливеровский А.В. 160
Линдов (Лейтейзен) Г.Д. 251, 252
Липперт 37
Липский В.И. 188, 192
Литвинов (Валлах М.) М.М. 303, 320
Литкенс А.А. 75

- Ллойд Джордж Д. 108, 114
 Лозовский Л.И. 113
 Лоухин В.Б. 178—179
 Лордкипанидзе Г.И. 167
 Лорно 114
 Лосский Н.О. 364
 Лукомский А.С. 132, 240, 245
 Луначарский А.В. 82, 83, 100, 113, 114, 124, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 144, 145, 165, 364, 374
 Лурье С. 358
 Львов Г.Е. 120
 Людвиг 48
 Людендорф Э. 129, 320
 Люксембург Р. 95, 97, 98, 361
- М**
 Мазалин А. 271
 Макдональд Д. 95
 Маклаков В.А. 167
 Маклаков Н.А. 150
 Малингович П.Н. 160
 Мамонтов (Мамантов) К.К. 238, 244, 264
 Маниковский А.А. 160, 179
 Мансыров С.П. 133
 Мануильский Д.З. 113, 124, 132
 Маренишкова Н.А. 17, 273, 274
 Маркин Н.Г. 127, 178, 232
 Марков С.Л. 241
 Маркс К. 13, 37, 44, 46, 71, 72, 323, 328
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 14, 28, 52, 53—54, 56, 62, 64, 65, 66, 68, 69, 73, 91, 97, 109, 113, 114, 125, 126, 131, 159, 170, 197, 214, 348
 Марушевский 179
 Мархлевский Ю. 328, 332
 Маслов С.Л. 160, 161
 Махин 224
 Махино Н.И. 262
 Медведев 189
 Медем В. 97
 Межлаук 291
 Мейерхольд В.Э. 372
 Мельгунов С.П. 121, 136
 Межвинский В.Р. 164, 180, 210, 336, 374
 Меншиков А.Д. 89
- Мерещковский Д.С. 23, 156, 196, 317, 322, 364—365
 Меринг Ф. 71, 95, 97, 98
 Меттерних К. 356
 Мехоношин К.А. 139, 213, 234
 Мещеряков Н.Л. 371
 Мизерницкий 248
 Микша 46
 Миллер Е.К. 242
 Милль Д.С. 37
 Милкоков П.Н. 103, 104, 120, 133, 150, 154, 202, 249
 Мильковский 248
 Минин 236, 238
 Мирбах В. 226
 Миронов А.К. 17
 Миронов Ф.К. 256—259
 Михаил Александрович (Романов) 120
 Михайловский Н.К. 37
 Молотов (Скрябин) В.М. 185, 334, 366, 367, 368, 369, 373
 Муралов А.И. 227, 286
 Мухин И.А. 40
- Н**
 Нябоков В.Д. 167
 Надежный Д.Н. 301
 Надсон С.Я. 45
 Назаров 241
 Назаров Ф.М. 17
 Невельсон (Бронштейн) Н.Л. 43, 86, 150
 Невский В.И. 37, 40, 222, 234
 Некрасов Н.А. 31
 Некрасов Н.В. 120
 Немцов Н. 88
 Непароков В.И. 108
 Нечаев 276
 Нечаев С.Г. 198
 Нигаи 60, 61
 Никитин А.М. 160
 Никифоров В.И. 277
 Николаевский Б. 17
 Николай I (Романов) 28
 Николай II (Романов) 77, 78, 120
 Ницше Ф. 45
 Новгородцев П.И. 358
 Новик Ф. 271

- Новицкий Ф.Ф. 312
Ногин В.П. 165
Нольде Б.Э. 167
Нулавс Ж. 371
Нэлсон X. 18
- О**
Овидий 57
Огурцовский 151
Окулов А.И. 234, 260, 304, 305, 306, 307, 308, 309
Оликов С. 288
Орехов А.М. 234
Ориат 222
Орузлл Д. 140
Осицкий Н. (Оболенский В.В.) 204, 371
- П**
Павлов И.П. 96
Павлов Н.М. 109
Пайкес 377
Пальчинский П.И. 160
Парвус (Гельфанд) А.Л. 14, 73, 81, 94, 96, 97, 113, 318—320, 321, 323, 328
Парижанин М. 113
Пац К.Б. 18
Пегельман Х.Г. 328
Первушин С.А. 358
Перекрестов 137
Петерсон А. 97
Петр I Великий 89
Петр II 89
Петров 249
Петровский 272
Петровский Г.И. 164, 180, 192
Пилышенко 249
Пилсудский Ю. 213, 283, 311, 332
Пильняк (Boгау) Б.А. 372, 373
Писарев 241
Питовранов Е.П. 17
Платтен Ф. 95
Плеханов (Бельтов) Г.В. 14, 28, 52, 54—56, 65, 66, 73, 96, 113, 114, 123, 124, 126, 197
Плутарх 14
Подбельский В.Н. 227
Подвойский Н.И. 139, 175, 199, 213, 227, 234
Позери Б.П. 200, 234, 286
- Познанский 148, 149, 150, 301, 353, 382
Покровский В.Л. 241
Покровский М.Н. 182, 189, 331
Поливанов Е.Д. 178
Половский (Гусив) В.П. 371
Поляк 40
Поляков В.М. 17
Поляков Ю.А. 18
Попов-Дубровский 371
Потресов А.Н. 52, 65—66, 114, 343, 352
Преображенский Е.А. 371
Принцип Г. 111
Прокопович С.Н. 161
Протопопов А.Д. 231
Пухов А. 281
Пушкин А.С. 31, 370
Пушкина (Ланская) Н.Н. 383
Пятаков Г.Л. 238, 301, 340, 341, 371
Пятницкий Е.М. 301
Пятницкий (Гаршиц) И.А. 336
- Р**
Радек К.Б. 100, 112, 181, 279, 332, 333, 334, 340, 341
Раковский Х.Г. 95, 129, 312
Ракоши М. 328
Раскольников Ф.Ф. 130, 131, 142, 232
Рахья Э.А. 328
Рейн Р.-И. см.: Абрамович Р.А.
Реннер К. 68, 95
Рид Д. 18
Рид Дж. 328
Римм Р.А. 301
Робеспьер М. 70, 71
Робинс 128
Родзянко М.В. 120, 133, 150, 266
Рождественский З.П. 76
Рожков Н.А. 331
Розенберг А. 336
Розенгольц А.П. 234, 310, 332
Романовский И.П. 247
Романовы 352
Росмер А. 116, 328
Рудер-Григе М. 90
Рутенберг П.М. 160

- Рухимович М.Л. 305
 Рыков А.И. 204, 312, 373
 Рыкунов М.В. 369
 Рябушинский П.П. 150
 Рязанов (Готльдендах) Д.Б. 100, 113, 114
 Савин 251—253, 254
 Савянков Б.В. 166, 243, 344, 364
 Садовский 139
 Салазкин С.С. 160, 161
 Самойло А.А. 188
 Самуйлов В.И. 277
 Сапронов Т.В. 368—369
 Сафаров Г.И. 301, 307
 Сахарков 153
 Свердлов Я.М. 20, 139, 143, 144, 166, 180, 185, 199, 204, 213, 225, 230, 231, 235, 255, 274, 286, 294, 395
 Сверчков (Введенский) Д.Ф. 77, 83, 84, 88, 108, 109, 110
 Светоний Гай 15
 Северянин Игорь (Лотарев И.В.) 364
 Седов Л.Л. 35, 100, 127, 149
 Седов С.Л. 17, 35, 43, 100, 127, 149
 Седова (Троцкая) Н.И. 16, 43, 62—63, 74, 75, 91, 94, 120, 127, 281
 Семашко А.Я. 261, 301
 Семенов Г. 266, 282
 Серебряков Л.П. 238, 311
 Сермухс Н.М. 11, 90, 110, 149, 214, 274, 276, 277, 280, 301, 333, 353
 Симановский А. 88
 Сиссон 128
 Склявский Э.М. 221, 222, 234, 256, 255, 257—258, 273, 274, 275, 276, 289, 292, 293, 296, 301, 307, 308, 312, 334, 349
 Скобелев М.И. 100, 123, 125, 143, 150, 173
 Скоропадский П.П. 223
 Слащев Я.А. 248
 Словям 249
 Слуцкий А.И. 165
 Смилович П.Г. 269
 Смилга И.Т. 256, 311, 312
 Смирнов А.В. 97
 Смирнов В.М. 204, 301, 305, 307, 308, 309
 Смирнов И.Н. 233—234
 Смирнов М.И. 133
 Смирнов С.А. 160
 Соколовская А.Л. 37, 38, 40, 41, 42, 43, 47, 48, 50, 59, 85, 151
 Соколовский 284
 Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 113, 134, 155, 192, 199, 204, 234, 303, 304, 305, 307, 310
 Солженицын А.И. 318
 Соловьев В.И. 308
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 373—374
 Солуян 209
 Сольц А.А. 357—358
 Сорин В.Г. 184—185, 381
 Сорокин В. 295
 Сорокин П.А. 364
 Спиридович А.И. 320
 Спиридонов Т.Ф. 277, 281
 Спиридонова М.А. 226—227
 Сталин (Джугашвили) И.В. 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 27, 28, 43, 51, 57, 61, 70, 82, 92, 93, 99, 101, 104, 113, 134, 135, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 149, 151, 155, 156, 158, 164, 167, 171, 175, 180, 183, 184, 185, 186, 195, 198, 200, 203, 204, 205, 222, 228, 234—237, 238, 239, 261, 262, 274, 281, 292, 293, 296, 302, 304—307, 308, 311, 312, 313, 324, 325, 327, 328, 331, 332, 336, 341, 342, 349, 353, 354, 367, 368, 373, 375, 382
 Старцев В.И. 18
 Стасова Е.Д. 184—185, 303, 311
 Стеглов (Нахамкис) Ю.М. 129, 166, 168, 279, 371
 Степун Ф. 353, 364
 Стигта О.А. 301
 Стогов Н.Н. 88
 Строгович М. 295
 Струве П.Б. 63, 75, 86, 205, 365
 Стучка П.И. 164, 180, 328
 Струк 284

- Субатович К. 271
 Суварин (Суворин) Б.А. 332
 Судариков А.Г. 277
 Судоплатов П.А. 17
 Суменсон 320
 Суханов Н. (Гиммер Н.Н.) 125, 131, 133, 147, 154, 155, 173
 Сытин П.П. 222, 236
 Сычевский С.И. 33
- Т**
 Такер Р. 18
 Тапулевич Э. 271
 Тарасов-Родвонов А. 296
 Татищев 178
 Таубе Н.Н., фон 178
 Теодорович И.А. 20, 234
 Тер-Арутюнянц М.К. 369
 Терещенко М.И. 120, 150, 160
 Ткачев П.Н. 52
 Тихонов А.Г. 277
 Того Х. 76
 Тодоров П. 103
 Толмачев Н.Г. 301
 Толстой А.Н. 358, 364
 Толстой Л.Н. 31, 370
 Тольгеймер 70—71
 Тома А. 329
 Томский (Ефремов) М.П. 204, 343
 Тренов Д.Ф. 63, 78, 79, 81
 Третьяков С.Н. 160
 Трифонов Е.А. 371
 Трубецкой Е.Н. 161
 Турати Ф. 95
 Тухачевский М.Н. 220, 275, 293, 310
 Тэффи (Лохвицкая) Н.А. 364
 Тюрго 356
- У**
 Улагай С.Г. 241
 Ульянов Д.И. 64
 Ушляхт (Юровский) И.С. 260, 332, 363, 368
 Урицкий (Борецкий) М.С. 97, 122, 124, 132, 139, 144, 180, 249
 Усов 282
 Успенский Г.И. 31, 45, 46, 119, 204
 Уткин 39
 Ухенберг В. 271
- Ф**
 Фанигштейн-Далецкий 165
 Федоров 134
 Федотов Г. 353
 Фейг А. 88, 89
 Фельштинский Ю.Г. 18, 321
 Филимонов А.П. 241
 Философов Д.В. 364
 Фирсов С.И. 277
 Франц Фердинанд 110
 Фрейд З. 96
 Фрунзе М.В. 14, 274, 336, 370
- Х**
 Халас Д. 18
 Ханжин М.В. 249
 Хвесиш Т.С. 251, 252
 Хвостов А.Н. 231
 Хлебников Я.В. 277
 Ходоровский И.И. 234
 Хрусталев-Носарь Г.С. 76, 77, 81, 82, 83, 88
 Хрущев Н.С. 27
- Ц**
 Цветаева М.И. 240
 Цветков П.А. 277
 Цедербаум Ю.О. см.: Мартов Л.
 Цезарь Гай Юлий 15
 Целиков Н.П. 109
 Церетели И.Г. 123, 143, 170
 Цеткин К. 95
 Цеховский К. 179
 Цукерман Н.И. 109
 Цхакая М.Г. 328
- Ч**
 Чайковский Н.В. 56, 365
 Чапаев В.И. 252—253
 Черепанов 226
 Черкезов 56
 Чернин О. 181, 182, 188
 Чернов В.М. 79, 123, 134, 167—168
 Черноятов В. 271
 Черный Саша (Гликсберг А.М.) 364
 Чикколина С.В. 269
 Чичерин Г.В. 113, 128, 178, 192, 303, 374
 Чудновский Г.И. 120
 Чхеидзе Н.С. 71, 122

- Шарапов Н.** 271
Шарсков 252
Шатов В.С. 261
Шварц И.И. 312
Швяговский Ф.Ф. 36, 37, 38, 39, 40
Шейдеман Ф. 329
Шекспир У. 31
Шелешин А.Н. 17
Шелешина Е.П. 277
Шепилов Д.Т. 17, 147
Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 364
Шклин 134
Шнягарев А.И. 161
Ширинский 249
Шкрятов М.Ф. 296
Шкуро (Шкура) А.Г. 249
Шлихтер А.Г. 20, 180
Шляников А.Г. 134, 180, 235
Шмидт 109
Шмидт В.В. 303, 371
Шостакович Д.Д. 127
Шпенглер О. 337, 358
Шпенцер М.Ф. 31, 33
Шрейдер Г.И. 358
Шрендель 40
Штейнберг И. 191
Штейнгардт К. 328
Штернберг П.К. 234
Шукман Г. 18, 136
Шульгин В.В. 120, 133, 205
- Щаденко Е.А.** 238, 275, 306
Щастный А.М. 218—219
Щегловитов И.Г. 231
- Эберт Ф.** 329
Энгельс Ф. 37, 71
Эрдели И.Г. 241
Эссен Э.Э. 180
- Юденич Н.Н.** 242, 265—267, 277, 311
Юренив (Кротовский) К.К. 124, 134, 222, 234, 310
Юсуповы 345, 363
- Явич** 40
Ягода Г.Г. 35, 59, 336
Якыр И.Э. 234
Якобий М. (Гендельман М.Я.) 148
Якобсон М. 18
Яковлев 371
Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 144—145, 301, 306, 307.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения. СУДЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРА	7
Глава 1. У ПОДНОЖИЯ ВЕКА	25
Семья Бронштейнов	28
Революционная тропа	36
Европейский "бивуак"	50
Парадокс Троцкого	63
"Прапорщик Арбузов"	73
"Венская глава"	92
По следам Агасфера	106
Глава 2. БЕСОВСТВО РЕВОЛЮЦИИ	117
Революционный паводок	122
Власть мифов	135
Оракул революции	145
Рядом с Лениным	162
Брест-литовская формула	176
У кровавой межи	196
Глава 3. "ДЕВЯТЫЙ ВАЛ" ВАНДЕИ	207
"Законы" революции	211
Во главе Реввоенсовета	225

Белое движение	240
В петле фронтов	250
Поезд Троцкого	268
Диктатура и террор	282
Анатомия войны	300
Глава 4. "ГИПНОЗ РЕВОЛЮЦИИ"	315
Перманентная революция	318
"Мировая советская федерация"	328
"Терроризм и коммунизм"	342
Культура и революция	352
Личность и революция	375
Биографическая хроника	384
Библиография	387
Указатель имен	403

Лев Троцкий погиб более полувека назад от руки сталинского агента. Но что же такого было в этом «герое революции», оракуле и пророке «мирового пожара», что делало его, давно бежавшего из СССР, по-прежнему опасным для Сталина? Почему соперничество двух вождей большевизма приняло столь трагический оттенок и имело столь страшные последствия для всей страны? Что привело Троцкого в ряды революционеров? Какова судьба его семьи? Что стояло за странной историей Брестского мира? В чем вообще заключается «парадокс Троцкого»? Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает эта книга, основанная на подлинных документах, значительная часть которых до недавнего времени хранилась в засекреченных архивах НКВД—КГБ...